

ISSN 1857-2685

Русь

№ 1-2 (11-12), 2008

Общественная ассоциация
«Русь»

**По благословению его Высокопреосвященства
Лавра, первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2008, № 1-2 (11-12)

Кишинев

**Общественная ассоциация
«Русь»**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

*доктор истории С. Суляк (Молдавия),
главный редактор*

*доктор истории П. Шорников (Молдавия),
заместитель главного редактора*

*кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина),
заместитель главного редактора*

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

М. Шарга (Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ «МОЛДАВИЯ - РОССИЯ - СЛАВЯНСКИЙ МИР: ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ»

В. ЦАРАНОВ О роли российских ученых в становлении исторической школы в Молдавии .	6-13
Н. РУССЕВ Молдавский митрополит Феоктист Старый: оценки Дмитрия Кантемира и исторические факты	14-25
В. СТАТИ Николай Милеску-Спафарий - автор первого молдавского словаря	26-33
П. ШОРНИКОВ Участие Дмитрия Кантемира в тайной войне против Османской империи ...	34-48
Б. МАРИАН Русский Гомер молдавских кровей	49-51
Л. МОСИОНЖНИК Антиох Дмитриевич Кантемир	52-58
Н. АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА «Неизвестный» Семен Воронцов	59-66
В. АНИКИН Организаторы гимназического образования в Бессарабии	67-74
С. СУЛЯК Алексей Матеевич: поэт, публицист, ученый	75-84
М. АЛМАШИЙ Н.В. Гоголь и писатели Закарпатья	85-89
В. АНДОН Страницы кинематографического братства	90-96
К. ШИШКАН Борис Несведов (1903-1963)	97-102
О. ГАРУСОВА «Проникновение в глубины человеческого духа...» Гастроли Е.А. Полевицкой в Кишиневе в 1932 г.	103-110
И. ИЖБОЛДИНА Бессарабский мечтатель Леон Донич-Добронравов.	111-116
Е. РУМЯНЦЕВ Александр Егунов и его команда	117-129
И. ШОРНИКОВ «Христианский социализм» П.А. Крушевана	130-140

М. ВОЛОШИНА	
Благотворительность без рекламы	141-144
С. ПОЖАР	
Многоликий пастырь. К 140-летию композитора, регента, певца и художника Михаила Березовского	145-151
С. СУЛЯК	
Бессарабия - край родной (к 110-летию со дня рождения П.К. Лещенко)	152-159
Н. ЧЕРВЕНКОВ	
Русин П.С. Боканчо - агроном Чадыр-Лунгской волости Бессарабии ...	160-163
П. ШОРНИКОВ	
Павел Ткаченко во главе Бессарбского подполья	164-184
В. ФЕДОРЕНКО	
Русская история в контексте художественного мировоззрения Иона Друцэ («Возвращение на круги своя», «Белая церковь», «Последняя любовь Петра Великого»)	185-191
К. ХИТЧИНС	
История и идентичность в романах Иона Друцэ	192-198
Т. ЦАРАН	
Судьбы священников и церковных активистов в Молдавской АССР	199-205
Е. ТИТОВА	
«... а уличи и тиверцы седяху по Днестру...». Этнический состав населения Карпато-Днестровских земель в VI-XIII вв.	206-212
Л. КИШКА	
Связи Галицкой Руси и Земли Молдавской в XIV-XV вв.	212-218
Ю. БОРОДИНА, Т. КУРОПАТКИНА	
Добровец, Кашин, Кнежа... Миграции населения Южной и Западной Руси в XI-XIII вв. (по данным топонимики)	218-224
Д. КАМБУР	
Представительство русского населения Молдавии в боярском совете при Петре Рареше (1527-1538, 1541-1546 гг.)	224-227
Н. ДРАГАН	
Запорожцы и молдаване: боевое содружество XVI-XVII вв.	227-232
Н. ПШЕНИШНЮК	
Казачи на Дунае и Днестре в XVIII-XIX вв. (По материалам книги И.А. Анцулова «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (Кишинеу, 1999))	233-238
Е. ШЕХАНИН	
Деятельность В.М. Пуришкевича накануне революции и в годы гражданской войны	239-245

А. ЖАКОТА	
Загадки генерала А.В. Туркула	246-251
С. ТОКАРЕВ	
Министр Сибири. Политический портрет А.А. Червен-Водали	251-257

Публицистика

П. ТОЛОЧКО	
Отзыв на рукопись А. Каревина «Украинский язык. История становления и развития»	258-262
А. ГЕРОВСКИЙ	
Всем членам Лиги Наций	263-265
Сведения об авторах и членах редколлегии	266-271

**Международная научно-практическая конференция
«МОЛДАВИЯ - РОССИЯ - СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ»**

20 мая в Круглом зале Бюро межэтнических отношений Республики Молдова прошла международная научно-практическая конференция «Молдавия - Россия - славянский мир: выдающиеся деятели». Организатором данного мероприятия выступила Общественная ассоциация «Русь». В ходе конференции прозвучало свыше 30 выступлений, посвященных вкладу Дмитрия и Антиоха Кантемиров, Николая Милеску-Спафария, Михаила Хераскова, Алексея Матеевича и других наших земляков в российскую государственность, русскую культуру и науку, а также российских деятелей в становление науки и образования в Молдавии.

В числе выступавших были член-корреспондент Академии наук Молдовы В. Царанов, доктора хабилитат истории В. Стати, Н. Руссев, доктор хабилитат политических наук В. Аникин, доктора истории С. Суляк, П. Шорников, В. Поливцев, Л. Мосионжник, В. Таки, Н. Абакумова и другие. В работе конференции приняли участие преподаватели и студенты Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко.

Данное мероприятие, прошедшее в рамках Дней славянской письменности и культуры, помогло не только прояснить «белые пятна» в биографиях наших выдающихся соотечественников, но и поднять темы, изучение которых по идеологическим соображениям ранее не приветствовалось.

Конференция показала заинтересованность научной общественности Кишинева и Тирасполя в активизации совместной разработки истории нашего региона.

В журнале публикуются доклады и сообщения, прозвучавшие на конференции.

Владимир ЦАРАНОВ

О РОЛИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В МОЛДАВИИ

Каждая цивилизованная страна, ее народ имеют свою историю и, как правило, свою научную историческую школу, которая концептуально осмысливает и выражает сложившиеся на протяжении минувших столетий исторический опыт развития народа, его национальные ценности, характерные формационные и цивилизационные закономерности и особенности их проявления. Творцами и хранителями таких школ являются наиболее яркие и талантливые ученые, мыслители, которые не только аккумулируют и систематизируют уже известные, но и добавляют к ним добытые ими самими новые знания, составляя картину прошлого человеческого бытия.

В Молдавии историческая наука имеет давние традиции, их зарождение восходит ко времени средневековья. Первые попытки анализа исторических фактов и событий с позиции бытовавших тогда представлений о развитии человеческого общества содержатся в произведениях молдавских летописцев XVII в. Г. Уреке, М. Костина, Н. Милеску Спэтару, И. Некулче и др. Подлинным же зачинателем исторической науки в Молдавии явился, как известно, Дмитрий Кантемир (1673-1723) – выдающийся ученый-энциклопедист и политический деятель Молдавского княжества, видный деятель культуры Молдавии и России. Вышеперечисленные историки и мыслители положили начало своеобразной исторической школы в средневековой Молдавии, отличившейся высоким для своего времени уровнем анализа и надлежащими выводами. Позднее, в XIX - начале XX в., в молдавской историографии появились также имена историков и писателей Г. Асаки, Б.П. Хашдеу, А. Зашука, М. Когэлничану, А. Накко, И. Суручану, А. Кассо, Шт. Чобану и других, внесших свой вклад в изучение истории края.

После вхождения Бессарабии в состав России традиция средневековой исторической школы на этой территории сохранилась. Однако в условиях становления новых, капиталистических отношений ученые этой школы стали анализировать развитие исторического процесса уже с учетом новых знаний о человеческом обществе, социальных и других реалий, сложившихся в Бессарабии и левобережном Приднестровье, где позднее сформировалась молдавская буржуазная нация. Между

тем, организационные, кадровые, материальные и другие возможности, а главное - методологические подходы и приемы анализа исторического материала были ограничены для более углубленного и всестороннего исследования местной истории.

По-настоящему систематически и более глубоко, на базе массовых исторических источников, с диалектико-материалистических позиций эта отрасль знаний стала развиваться лишь после Великой Октябрьской революции. Становление исторической науки на территории нынешней левобережной части республики в этот период, тесно связанное с масштабными преобразованиями всей жизни бывшей большой страны на социалистической основе, началось с создания в 1926 г. при Народном комиссариате просвещения Молдавской АССР Молдавского научного комитета, в составе которого была историческая секция. В ней развернулась работа по накоплению, систематизации и осмыслению документов и материалов по новейшему периоду истории края – борьбе за установление власти Советов, началу строительства нового общества и др. Это были первые шаги, проба сил развернутого изучения истории молдавского народа в рамках МАССР.

Важное значение для развития исторической науки имела подготовка кадров историков для республики. Большую роль в этом деле сыграли высшие учебные заведения крупных научных центров страны – Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов, а также Тираспольский педагогический институт, где в 1937 г. состоялся первый выпуск специалистов-историков. С целью дальнейшего расширения научных исследований Молдавский научный комитет в 1935 г. был преобразован в Научно-исследовательский институт молдавской культуры, а в 1939 г. – в Молдавский научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы при правительстве Молдавской АССР, ставший центром по изучению истории республики. Среди наиболее важных его публикаций того времени следует назвать сборник статей «Советская Молдавия (1924-1939)» (Тирасполь, 1939); «Молдавия в великой семье республик Советского Союза» (Кишинев, 1941). Эти сборники содержали материалы как по современной истории, так и по более ранним ее периодам. В них, главным образом, в научно-популярной форме освещалось прошлое и настоящее края.

После воссоединения молдавского народа и образования союзной Молдавской ССР (1940) возможности для развития исторических исследований в республике значительно возросли. Однако война против фашистских захватчиков и временная оккупация ими Молдавии разрушили планы и нанесли большой урон Молдавской ССР, в т. ч. и в области культуры, науки и др. Особенно быстро упомянутые возможности стали реализовываться в послевоенные годы. Опираясь на всестороннюю помощь государства, а также на учение исторического

материализма и законы диалектического развития человеческого общества, на накопленный практический опыт, прежде всего, советской исторической наукой, молдавские исследователи приступили к изучению большого круга проблем истории Молдавии с древнейших времен до современности.

Неоценимую помощь им в это трудное время оказало Советское государство. Оно эвакуировало в Кишинев педагогический институт, открыло в 1946 г. Кишиневский государственный университет (с историческим факультетом), направило в республику квалифицированных вузовских преподавателей и исследователей по истории, которые незамедлительно включились в работу. Среди них кандидаты исторических наук, в т.ч. занимавшиеся древней и средневековой историей, – Н.А. Мохов, Н.Б. Бреговская, Р.Ю. Энгельгардт, Б.Л. Модель, новой историей – А.М. Мальков, Н.В. Королев, новейшей историей – С.К. Брысякин, А.В. Симонов и др. Они вели преподавательскую работу в Кишиневском госуниверситете и Кишиневском пединституте, а также занимались научными исследованиями. Многие из них затем защитили докторские диссертации, приобщая к исследовательской работе своих молодых коллег и студентов.

Уже в первое послевоенное десятилетие заметно возросло число подготовленных кадров по истории, в т.ч. исследователей. Они проходили обучение в Кишиневском госуниверситете и Кишиневском пединституте, а также в вузах за пределами республики. Большое значение в развитии научных исследований по истории имели созданные в Молдавии академические научные учреждения – Молдавская база АН СССР (1946 г.), с 1949 г. - Молдавский филиал АН СССР.

В этот ответственный и важный период становления и развития исторической науки в Молдавской ССР большую роль сыграла помощь ведущих научных центров страны, многих известных корифеев советской исторической науки: академиков В.П. Волгина, Б.Д. Грекова, В.И. Пичеты, позже – академиков М.П. Кима, И.И. Минца, А.В. Черепнина и многих других. Они внесли ценный вклад в формирование научных направлений исторических исследований, подготовку высококвалифицированных кадров историков для республики, в рецензирование и редактирование их трудов и проч.

Эффективной формой подготовки кадров историков высшей квалификации для научных учреждений Молдавии, как, впрочем, и для других республик, была аспирантура или соискательство в головных академических научных учреждениях АН СССР. Систематическое начало этому было положено в первые послевоенные годы и протекало оно по нарастающей. Так, археологи проходили подготовку в Институте археологии АН СССР у академика Б.А. Рыбакова, докторов исторических наук Г.Б.Федорова, А.И. Мелюковой, Т.С. Пассек и других.

Там же защитили свои кандидатские диссертации представители из Молдавии П.П. Бырня (позже доктор наук), В. А. Дергачев (позже доктор наук), В.С. Бейлекчи, И.А. Борзьяк, И.Г. Хынку, И.А. Рафалович, Г.Ф. Чеботаренко, Н.А. Кетрару, В.И. Маркевич и др.

Многие представители Молдавии в разные годы прошли высокую профессиональную школу в Институте истории АН СССР. По проблемам средневековой истории это происходило у акад. А.В. Черепнина, чл.-корр. В.Т. Пашуто, а также у д.и.н. В.Д. Королюка и др. У них пополняли свои знания Е.М. Руссев (позже чл.-корр. и директор Института истории АН МССР), д.и.н. Ф.А. Грекул, чл.-корр. АН МССР П.В. Советов, чл.-корр. АН МССР Д.М. Драгнев и др. Благотворное влияние на формирование молдавских ученых по проблемам новой истории оказали акад. Н.М. Дружинин, акад. А.М. Панкратова, акад. М.В. Нечкина, акад. И.Д. Ковальченко, проф. К.В. Сивков и др. Они были научными руководителями, кураторами, наставниками молдавских ученых: Я.С. Гросула (впоследствии чл.-корр. АН СССР, акад. АН МССР, первого президента АН Молдавии), докторов исторических наук В.Я. Гросула, И.Ф. Иоввы и др. Академики И.И. Минц, П.В. Волобуев и другие постоянно оказывали ценную поддержку нашей республике в подготовке высококвалифицированных специалистов (доктора исторических наук А.С. Есауленко, А.Ю. Скворцова и др.) по вопросам истории борьбы трудящихся нашего края за установление Советской власти, участвовали в редактировании ряда трудов по этой проблематике и др.

Огромное влияние на подготовку ученых-историков высокой квалификации для республики по проблемам истории советского общества, а также на формирование актуальных научных направлений оказали акад. М.П. Ким и его научная школа, акад. Ю.А. Поляков, д.и.н. В.П. Данилов и многие другие. Они не только работали с аспирантами и соискателями, но и постоянно участвовали в редактировании многих научных публикаций молдавских коллег. Среди их учеников и последователей можно назвать чл.-корр. АН МССР В.И. Царанова, д.и.н. Л.Е. Репиду, кандидатов исторических наук Л.Е. Бульмагу, Б.Г. Бомешко, чл.-корр. АНМ В.И. Пасата и многих других.

В Институте этнографии АН СССР у академика Ю.В. Бромлея, к.и.н. М.Я. Салманович и других прошли в свое время научную подготовку известные в Молдавии специалисты-этнографы чл.-корр. АНМ В.С. Зеленчук, д.и.н. Н.А. Демченко, к.и.н. С.Л.Нестерова и др.

Целый отряд высокого уровня историков-исследователей по проблемам истории некоторых балканских стран был подготовлен академиками Н.С. Державиным и Ю.А.Писаревым, докторами исторических наук В.Н. Виноградовым, С.К. Никитиным, И.С. Достян, В.Н. Конобеевым и другими в Институте славяноведения и балканистики АН

СССР. Среди их учеников и последователей молдавские исследователи доктора исторических наук Е.Е. Черган, Н.Н. Червенков, кандидаты наук И.И. Мещерюк, К.А. Поглубко, Л.И. Степанова, И.Д. Забунов, К.Л. Жигня и др.

Формирование корпуса исследовательских кадров историков высшей квалификации в вышеупомянутых научных учреждениях корифеями советской исторической науки происходило разными путями, в разное время и в разнообразных формах. Это, прежде всего, как указывалось выше, традиционно осуществлялось через аспирантуру, когда молодые соискатели ученой степени сдавали конкурсные вступительные экзамены, утверждали темы своих диссертационных работ, слушали углубленные лекции наиболее опытных коллег и участвовали в научных семинарах по истории, философии, приобретали знания, как минимум, по двум иностранным языкам, готовили научные рефераты, сдавали кандидатские экзамены, участвовали в обсуждении научной продукции членов подразделений, к которым они были прикреплены, и т.п. Необходимые научные познания и навыки соискатели получали также на заседаниях при обсуждении рукописей завершенных исследований, научной продукции на различных институтских уровнях, в т.ч. на ученых советах.

В головных научных институтах ежегодно проходило, как правило, по несколько научных конференций. Для многих сотрудников и аспирантов это были настоящие праздники знаний. На них выступали прежде всего наиболее яркие и известные историки большой страны. Знакомство с их докладами, выступлениями в дискуссиях, узнавание наиболее видных из них в лицо не проходило бесследно, положительно влияло на профессиональную подготовку молодых.

Немаловажную роль в становлении молодых ученых нашей республики сыграло личное общение их с ведущими учеными головных институтов страны. Общение, консультации с ними, обсуждение своих первых результатов на научном поприще, поддержка или дружеская оценка ими лучших начинаний молодого исследователя оставляли глубокий след в его сознании. Весь этот процесс обучения и общения со старшими и более опытными коллегами сообщал соискателю новые знания по научным проблемам, учил их новым подходам к изучению и всестороннему анализу конкретного исторического фактажа, умению делать надлежащие объективные выводы, свободно, предметно и убедительно вести научные дискуссии, излагать свои научные мысли и анализируемый материал в научных публикациях. В результате аспирантского обучения соискатель научной степени был всесторонне подготовлен и, как правило, успешно осуществлял написание своей научной диссертации. Затем нередко он готовил докторскую диссертацию, а также свою научную смену.

С течением времени, причем в сравнительно короткий исторический срок, с помощью Советского государства в республике сформировалось достаточное количество хорошо подготовленных специалистов по основным научным направлениям истории. Это позволило им плодотворно заниматься научными исследованиями, в том числе генерировать новые научные идеи. Своими глубокими разработками с привлечением научной молодежи они восстановили, а точнее, сформировали заново, на другом, более высоком научно-методологическом уровне молдавскую историческую школу, научные достижения которой охватили все основные периоды истории Молдавии, а также историю некоторых балканских стран. Это было большим завоеванием молдавской исторической науки. Весомый вклад идеями, подготовкой кадров в процессе становления молдавской исторической школы внесли советские, в т.ч. российские, а позднее и молдавские ученые. У ее истоков стояли академики АН СССР Л.В. Черепнин, М.П. Ким, И.И. Минц, академики АН МССР Я.С. Гросул, А.М. Лазарев, чл.-корр. АН МССР Н.А. Мохов, Е.М. Руссев и др.

За послевоенный период вплоть до конца 80-х гг. историки Молдавии сумели глубоко и масштабно осмыслить в своих трудах весь сложный и тернистый путь истории народа нашего края. Их многочисленные исследования посвящены периодам наиболее ранней истории¹, средневековью², новому³ и новейшему⁴ времени и составляют солидную историографию. Огромная работа в послевоенные годы проведена также по изданию многотомного корпуса документов по всем периодам истории Молдавии.

Успешный научно-исследовательский процесс неизбежно сопровождался нарастающим количеством публикаций исторической литературы. К примеру, в 1950 г. Молдавский академический институт, объединявший историков, издал лишь один тематический сборник статей «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV-XVIII веков». В то время это было большим событием в научной жизни коллектива. В 1976-1980 гг. Институтом истории АН Молдавии были опубликованы и сданы в издательства уже 94 работы общим объемом более 1,5 тыс. авторских листов, в т.ч. 54 монографии, 18 сборников статей и документов, 22 брошюры. Все это позволило ученым подготовить и издать на высоком научном уровне ряд обобщающих трудов, таких как «История Молдавии (с древнейших времен до наших дней)» в двух и одном томе, выдержавших несколько изданий, первый том шеститомной истории республики, четырехтомная «История народного хозяйства (с древнейших времен до 1975 г.)», «История Кишинева» и других городов Молдавии, многочисленные школьные учебники, серии научно-популярной литературы и т. д.

Исследования молдавских историков были известны не только в своей республике, но и во всем Советском Союзе, а также далеко за его пределами. Об этом убедительно свидетельствуют, в частности, положительные рецензии на их труды, цитируемость их работ зарубежными специалистами, отклики на их выступления на различных авторитетных зарубежных научных форумах, запросы зарубежных библиотек и авторов на публикации молдавских историков и др. Результаты научных изысканий историков Молдавии нашли отражение в многотомной «Истории СССР», других обобщающих и специальных работах по отечественной истории, а также некоторых стран Юго-Восточной Европы.

Итак, основы научных исследований по истории Молдавии планомерно и в достаточно широких масштабах в соответствии с возникшими реальными возможностями стали закладываться лишь после Великой Октябрьской революции, сначала в рамках автономной, затем союзной Молдавской республики. Главная работа в этом направлении была проделана в трудные послевоенные годы, когда советский народ залечивал раны от недавно прошедшей тяжелой и кровопролитной войны, развязанной фашистской Германией против СССР, преодолевал последствия временной, но разрушительной оккупации агрессорами территории нашего края.

Именно благодаря огромной помощи Советского государства материально-финансовым и средствами, преподавательскими кадрами высокой квалификации, необходимой учебной и научно-методической литературой в Молдавии уже в первые послевоенные годы была организована подготовка специалистов-историков. Благодаря этой помощи республика смогла в короткий срок своими силами, а также силами ведущих высших учебных заведений большой страны подготовить необходимое количество нужных ей преподавательских и научно-исследовательских кадров высшей квалификации, которые обеспечили осуществление широким фронтом научных изысканий, создание молдавской научной исторической школы, труды которой получили широкое признание в стране и за ее пределами.

В последние годы историческая наука подверглась суровым и небывалым испытаниям, понесла огромный урон – утеряны большинство профессионально зрелых кадров среди исследователей, многие научные направления, и, что самое прискорбное, разрушена творческая научная среда, создававшаяся годами, практически разгромлена молдавская историческая школа. Под влиянием внешних и некоторых внутренних политических сил многие исследователи стали заниматься изучением не реальной картины исторического прошлого нашего края, а мифотворчеством, «разоблачительством» истории прошлого. К сожа-

лению, этим заняты многие молодые исследователи, воспитываясь, тем самым, на ложных принципах разрушения, а не созидания. К еще большему сожалению, мифотворчество проникло в школьные учебники, студенческие аудитории, принося труднооценимый ущерб и вред учебному процессу и воспитанию молодежи и общества в целом.

В связи с этим впереди предстоит большая работа истинных ученых, государственных структур и всего общества по преодолению пагубных последствий так называемых реформ в исторической науке, возвращению былой известности трудам молдавских историков, восстановлению доброго имени молдавской исторической школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бырия П.П.* Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1984.; *Дергачев В.А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986; *Полевой Л.Л.* Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985; и др.

2. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964; Он же. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1980; *Советов П.В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972; Он же. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980; *Руссев Е.М.* Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982; и др.

3. *Гросул Я.С.* Крестьяне Бессарабии (1812-1861 гг.). Кишинев, 1956; *Гросул Я.С., Будак И.Г.* Крестьянская реформа 60-70-х годов XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1956; *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1956; *Мунтян М.П.* Экономическое развитие дореформенной Бессарабии. Кишинев, 1972; *Анциупов И.А.* Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981; *Жуков В.И.* Города Бессарабии (1861-1900). Кишинев, 1975.

4. Победа Советской власти в Молдавии. Коллектив авторов. М., 1978; *Грекул А.В.* Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955; *Лазарев А.М.* Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство. Кишинев, 1965; Он же. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; *Стратиевский К.В.* Социалистическая реконструкция и развитие промышленности и сельского хозяйства МАССР. Кишинев, 1974; *Царанов В.И.* По пути индустриализации. Кишинев, 1975; Он же. Очерки советской цивилизации. Кишинев, 2007; *Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Кишинев, 1970; *Антонюк Д.И.* Наука и культура Советской Молдавии. Кишинев, 1974; Братский союз – основа расцвета советских республик. Сборник статей. Кишинев, 1982; *Гросул Я.С., Мохов Н.А.* Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970; и др.

Николай РУССЕВ

МОЛДАВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ФЕОКТИСТ СТАРЫЙ: ОЦЕНКИ ДИМИТРИЯ КАНТЕМИРА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

В истории, в том числе и молдавской, есть много имен, несправедливо обделенных вниманием исследователей. Причины тому разные. Одни личности скрыты в тени более знаменитых современников. О других не пишут в силу конъюнктурных соображений. Третьи прозябают на задворках научных интересов из-за поспешно навешанных на них нелицеприятных ярлыков. Сложнее всего, когда перечисленные факторы действуют в совокупности. Их суммарный вектор способствует закреплению в историографии ошибочных мнений, которые затем долго являются источником искаженных оценок и эмоционального отторжения героев прошлого.

Таков, на мой взгляд, случай незаслуженно забытого митрополита Феоктиста, четверть века (до конца 1478 г.) возглавлявшего молдавскую церковь. От взглядов ученых его заслоняла фигура Стефана Великого (1457-1504). На протяжении десятилетий митрополита не жаловали историки-атеисты Молдавской ССР и социалистической Румынии. Наконец, определенно отрицательное значение имели и высказывания в адрес Феоктиста Димитрия Кантемира, довольно часто воспринимавшиеся буквально. Между тем, только нарушив «хрестоматийный глянец» образа выдающегося господаря и ученого Молдавии начала XVIII в., можно за общепризнанным величием хотя бы в полглаза увидеть живого человека. Наконец настало время воздать должное другому нашему соотечественнику, рассеивая заблуждения ушедших столетий.

В «Описании Молдавии» Димитрий Кантемир только один раз называет имя Феоктиста: *«До Флорентийского собора молдаване пользовались латинскими буквами по примеру других народов, которые, имея в основе римскую речь, исказили ее. Но после того как на этом соборе молдавский митрополит перешел на сторону латинян, о чем мы говорили выше, его преемник по имени Феоктист, дьякон Марка Эфесского, родом болгарин, посоветовал Александру Доброму изгнать из своего княжества не только людей инакомыслящих в вопросах веры, но и латинский алфа-*

вит заменить славянским, дабы окончательно искоренить в молдавской церкви латинскую закваску и отнять у молодого поколения случай к чтению латинских софизмов. Из-за этого излишнего и неуместного рвения он стал первым, кто увековечил необразованность, в которой Молдавия пребывает и по сей день» (Димитрий Кантемир 1973: 189-190).

В этом отрывке имеются серьезные фактические неточности. Во-первых, Флорентийский собор, объединивший под верховенством папы православную и католическую церкви, имел место не во время правления Александра Доброго (1400-1432), а в 1438-1445 гг. Уния была подписана в июле 1439 г. Во-вторых, Феоктист стал митрополитом Молдавии не при Александре Добром, а при его внуке Александре II (Александреле), спустя более чем два десятилетия. В-третьих, латинский алфавит не мог быть заменен кириллическим после Флорентийского собора, поскольку славянская письменность, а равно язык стали основными и официальными задолго до этого, одновременно с оформлением государственности средневековой Молдавии. Сказанное делает абсолютно беспочвенными нападки Димитрия Кантемира на митрополита эпохи Стефана Великого как на виновника многовекового невежества страны.

Однако в произведении имеется и другой пассаж о Флорентийском соборе, вызвавшем существенные перемены в положении молдавской церкви. Здесь о Феоктисте и его предшественнике Дамиане говорится без упоминания имен: *«На этом соборе митрополит, человек простой и малосведущий в священном писании, принял обещанную ему честь седьмого митрополичьего престола и другие почести, предложенные папой, и, хотя бывшие с ним послы Александра Доброго, молдавского господаря, противились лицемерным и лукавым решениям собора, подписал их, но после окончания собора не осмелился вернуться в Молдавию. Тогда архиепископ Эфесский Марк поставил митрополитом Молдавии своего архидьякона, родом болгарина, человека известного своим благочестием и крепостью в вере, и так как Константинопольский патриарх перешел во враждебный лагерь, то повелел ему получать подтверждение своей власти у Охридского патриарха»* (Димитрий Кантемир 1973: 179).

Хотя характеристики Феоктиста кратки и неоднозначны, совершенно ясно, что речь идет о незаурядной личности. Митрополит болгарского происхождения был прямо связан с высшим духовенством православного мира. Кроме того, он имел огромное влияние на господаря Молдавии не только как официально признанное второе лицо в государстве, но и в силу своего высокого неформального авторитета. Соб-

ственно говоря, живший на 250 лет позднее Димитрий Кантемир подтверждает истинность такого рода суждений. Современным историкам предстоит лишь ответить на главный вопрос: **какую роль на самом деле сыграл иерарх в истории Молдавии?**

Причина ошибочных утверждений Димитрия Кантемира состоит не только в умозрительных попытках решить нелогичные с точки зрения кабинетного интеллектуала зигзаги молдавской истории, но главным образом во вторичности используемых им источников. Один из них – «Летопись Земли Молдавской» Григоре Уреке. Написанное на молдавском языке в первой половине XVII в. сочинение дошло до нас в переработанном варианте, принадлежащем более поздним копиистам (см. Руссев 1982: 89-95). В нем содержится информация, которой и воспользовался автор «Описания Молдавии». В частности, о том, что в годы правления господаря Александра Доброго и сербского князя Георгия-деспота Охридский патриарх назначил молдавским митрополитом Феоктиста, а также о Флорентийском соборе и выступившем против его решений митрополите эфесском Марке († 1457 г.). Вместе с тем, в тексте летописи имеются данные, вероятно, не вызвавшие большого интереса у Димитрия Кантемира. Например, о церемонии помазания Стефана Великого, перед которой Феоктист спросил собравшихся, все ли согласны поддержать нового господаря. Кроме того, летописец сообщает об освящении молдавским митрополитом монастыря Путна, ктитором которого являлся Стефан, а также о смерти владыки (Григоре Уреке 1971: 70, 74, 75, 81, 86, 90, 99).

Наиболее конкретны и пространны данные о митрополите, вошедшие в состав самых близких к годам его жизни славяно-молдавских летописей XV – начала XVI в. Они показывают, что Феоктист стал во главе молдавской церкви при господаре Александреле, но его 25-летняя митрополичья деятельность в основном пришлась на первую половину правления Стефана Великого. Летописцы, иногда называющие Феоктиста «Старым», освещают целый ряд событий, к которым был прямо причастен иерарх.

Последовательная хронология этих свидетельств, приводимых в текстах по летосчислению от сотворения мира, выстраивается следующим образом.

Самое раннее известие относится к **1453 г.**, когда *«в дни Александрела, сына Илиаша воеводы»* произошло рукоположение иерарха: *«Освятился кир Феоктист на митрополитство патриархом Никодимом Сербским»*. Уточняется, что тогда в Сербской земле правил *«благочестивый деспот Георгий»*, которого молдавско-польская летопись называет *«король Юрий деспот»* (СМЛ 1976: 61, 63, 68, 117). Дата хиротонии митрополита восстановлена по сообщениям о

продолжительности пребывания Феоктиста в сане и времени его смерти.

Другие летописные данные приходятся уже на время правления Стефана.

В 6965 г. (1457) в Молдавию *«от Мунтень»* пришел сын убитого господаря Богдана и заявил о своих правах на престол, дважды разгромив отряды Петра Арона. Показательно, что активная часть молдавского общества практически сразу же вышла из повиновения братоубийце и перешла на сторону молодого воеводы. Согласно двум Путнянским летописям, *«потом собралась со светлейшим митрополитом кир Феоктистом вся Земля и помазал его на господство...»* (СМЛ 1976: 63, 69).

В 6973 г. (1465), как сообщает т.н. Бистрицкая летопись, Стефан Великий со второй попытки завоевал стратегически важную дунайскую крепость Килию, уступленную его предшественниками Венгрии. Затем, вернувшись с победой в свою столицу Сучаву, господарь устроил по этому случаю торжества. В частности, он *«повелел митрополитам и епископам своим и всем цереям благодарить бога о бывшем ему даровании от вышнего бога Саваофа»* (СМЛ 1976: 26). Таким образом, в практику входили чествования военных свершений господаря, в организации и проведении которых особая роль отводилась митрополиту.

Это подтверждает еще одно событие. Согласно летописям 3 сентября 6978 г. (1470), сразу после победы молдавских войск над татарами у Днестрабыл освящен *«с помощью божьей рукою преосвященного митрополита кир Феоктиста и епископа Тарасия»* храм пресвятой Богородицы в созданной Стефаном монастырской обители Путна. В заранее продуманной пышной церемонии принимали участие 64 представителя высшего духовенства (СМЛ 1976: 64, 70, 118).

День 23 ноября 6981 г. (1473) ознаменовался взятием молдаванами валашской столицы Дымбовица (на месте современного Бухареста). Когда господарь во главе доблестного воинства возвратился домой, *«тогда митрополит со всем клириком церковным чудное и дивное сретенье сотворили»*. В свою очередь благодарный Стефан *«гостьбу великую сотворил митрополиту и витязям своим»* (СМЛ 1976: 27-28).

Едва ли не самую замечательную победу молдавское войско под предводительством Стефана Великого одержало 10 января 6983 г. (1475) при Васлуе, наголову разгромив многократно численно превосходящие силы османов и их союзников. На этот раз господаря встречали в Сучаве как настоящего триумфатора. Летописец, не скрывая восторга, довольно пространно рассказывает о торжествах, состояв-

шихся в молдавской столице. *«Вышли ему навстречу митрополит и иереи, несущие святое евангелие в руках и служащие и хвалящие бога о бывшем даровании от вышнего, и благословляющие царя: «Да живет царь!» И было тогда веселье в народе и всем окольным правителям и православным всем христианам, что победил господь поганые племена рукою раба своего Иоанна Стефана воеводы. А сам Стефан воевода тогда гостьбу великую сотворил митрополитам и витязям своим и всем боярам своим от велика и до мала. И дары многие тогда даровал всему войску своему и восхвалял бога о бывшем»* (СМЛ 1976: 28-29).

Последнее летописное известие о владыке фиксирует дату его кончины – 8 ноября 6985 г. (1478): *«Преставился преосвященный митрополит кир Феоктист старый»* (СМЛ 1976: 61, 65, 71).

В молдавских внутренних грамотах имя Феоктиста появилось при Петре Ароне. В текстах 13 из 16 документов, сохранившихся за период с июня 1455 г. по июнь 1456 г., митрополит назван сразу после господаря. Содержание актового материала, касающегося в основном земельных пожалований, показывает, что митрополит занимал важное место не только в духовной, но и в светской жизни страны. По всей вероятности, его мнение в значительной мере определило решение, принятое знатью на собрании 5 июня 1456 г. Тогда под давлением султанской администрации собравшаяся в Васлуе верхушка молдавского общества согласилась выплачивать ежегодную дань туркам в размере 2000 венгерских золотых (DRHA 1976: 66-91. Nr. 46-61).

С приходом к власти Стефана Великого Феоктист продолжал фигурировать в текстах господарских актов, однако с заметно меньшим постоянством. Из дошедших до наших дней 134 грамот, охватывающих первую треть правления господаря – до 14 октября 1473 г., иерарх упоминается только в 41. При этом за 1458-1462 гг. его имя встречается в 20 случаях из 62, а за вдвое более продолжительный последующий период (1463-1473 гг.) в 21 – из 82. Митрополит все реже принимал участие в повседневной жизни страны, нашедшей отражение в грамотах, а затем имя Феоктиста и вовсе исчезло из документов молдавской придворной канцелярии (DRHA 1976: 93-294. Nr. 62-195).

Аналогичное явление наблюдается и при рассмотрении актового материала, связанного с внешней политикой Молдавии.

Уже весной 1458 г. Стефан выдал грамоту о торговых привилегиях *«всем брашовянам и всем купцам всей Земли Бырсы, чтобы у них был от нас тот закон и то право, которые у них были от нашего деда, от Александра воеводы»*. Гарантами соблюдения установленных норм выступили митрополит Феоктист и 15 бояр. В 1460 г. господарь дал подобные права и купцам из Львова на основа-

нии принесенного ими старого документа его дяди, Стефана II. Новые привилегии утвердили *«наш митрополит»* и *«града молдавская»* – всего более 20 самых влиятельных в стране лиц (Bogdan 1913: 261-262; 271-277. Nr. CXXXV, CXXXVIII).

Роль митрополита как настоящего лидера Молдавии проявилась в ходе налаживания отношений с Польшей. В начале марта 1462 г. духовная и светская верхушка молдавского общества во главе с Феоктистом присягнула Казимиру: *«Будем держать нашего милого господаря Стефана воеводу так, чтобы был верен и покорен к господарю нашему королю, его милости и к святой короне Польской»*. Уповая на бога, они заверили короля, что не посмеют *«иногo господаря себе не искать или выдвигать»*. Сказанное в грамоте было скреплено 11 печатями, среди которых центральное место занимает митрополичья, отличающаяся изяществом исполнения. В 1468 г. Стефан и *«со всей нашей верной радой молдавской и со всеми нашими подданными и со всем посольством Волоской Земли»* вновь принял вассальные обязательства перед польским королем Казимиром и обещал *«их милости верны и подданы быть на веки»* подобно своему деду, Александру Доброму. И в этом случае рядом с господарем был митрополит (Bogdan 1913: 288-290, 300-301. Nr. CXXX, CXXXV).

Феоктист выступал одним из главных гарантов безопасности в истории с логофетом Михаилом (Михулом) – видным молдавским боярином, сбежавшим за рубеж в 1457 г. вместе с Петром Ароном. Стефан Великий в течение многих лет пытался вернуть этого человека из Польши на родину, обещая *«без лести и всякой хитрости»* восстановить справедливость – взять на службу и вернуть конфискованные у него владения. Господарь заверил: *«Ни одну пакость не будем вспоминать, не мы сами и также не бояре наши»*. Об этом говорится в грамотах 1460, 1468 и 1470 гг. Причем в каждом из документов в свидетели искренности намерений правителя прежде других призывался митрополит, высокий авторитет которого, очевидно, был непрекаемым (Bogdan 1913: 269-270, 305-307, 309-310. Nr. CXXXVII, CXXXVI, CXXXVIII).

Вместе с тем, господарские грамоты совершенно четко показывают начавшее происходить примерно за восемь лет до смерти Феоктиста отдаление его от официальной повседневности Молдавского государства. На мой взгляд, этот факт невозможно объяснить простой причиной. Если даже митрополита на склоне лет и одолевали болезни, то это едва ли мешало ему хотя бы изредка участвовать в заседаниях боярской рады. Однако присутствие Феоктиста на таких собраниях 1471-1473 гг. отмечено лишь трижды (DRHA 1976: 258-259, 272-273, 294. Nr. 175, 184, 195). В дальнейшем господарские грамоты переста-

ли упоминать его имя. Вместе с тем, летописи отметили, что митрополит являлся главным организатором торжеств в честь военных побед Стефана в 1473 и 1475 гг. (СМЛ 1976: 27-29). Это дает право сомневаться в его совершенной немощи.

Не думаю, чтобы причиной молчания источников могло быть и охлаждение личных отношений митрополита с господарем. Напротив, есть основания утверждать, что Стефан всю жизнь относился к Феоктисту с большим почтением. Об этом свидетельствует великолепное надгробие, сооруженное над могилой владыки в монастыре Путна. Помпезная эпитафия гласит: «+ *Благочестивый господарь Земли Молдавской, Ио Стефан воевода, сын Богдана воеводы, украсил гроб этот отцу нашему, митрополиту Сучавскому, преосвященному кир Феоктисту, который преставился в лето 6986 (1478), месяца ноября 18*» (РМОА 1958: 248. № 52). В этой лапидарной надписи бросается в глаза необязательное словосочетание «отцу нашему», которым, как представляется, в официальную форму облечена почти родственная привязанность воеводы к священнослужителю.

Конечно, в христианской культуре слово «отец» метафорично расширено – от понятия «Бог-отец» до обращения к духовному лицу – «отче» (см. Воденичаров 2003: 18). При этом нельзя не отметить, что в двух документах 1464 и 1465 гг. молодой Стефан именовал главу молдавской церкви еще более выразительно – не иначе как «родитель наш» (DRHA 1976: 176-177, 183. № 123, 128). Насколько мне известно, из всех церковных иерархов той эпохи такой чести удостоивался только знаменитый митрополит конца XIV – начала XV вв. «*Иосиф молдовлахийский*», происходивший из правящей династии Мушатинов. Причем посмертно. Господарь Ильяш грамотой 23 февраля 1438 г. засвидетельствовал, что сделал пожалование монастырю Нямец за упокой своих родителей, а также «*за душу святопочившего родителя нашего, еже по святому Духу, Иосифа митрополита...*» (DRHA 1975: 254. № 180, а также см. 29. № 21).

Кроме двух высших и, надо думать, наиболее авторитетных духовных руководителей страны, молдавские господа XV в. так именовали героя антиосманской борьбы, венгерского правителя Яноша Хуньяди (1446-1453). В направленных к нему грамотах Богдан II и Александрел очень часто используют обращения «*отец*» или «*родитель*». Например, в феврале 1450 г. Богдан II давал вассальные обязательства «*милому родителю, Янышу от Хунидия (...) да быхмо были ему в сыны (...) да есть нам родитель*» (DRHD 1977: 410-412. № 300).

Стало быть, по сведениям основного фонда молдавских источников, упоминающих о Феоктисте, митрополит предстает фигурой весь-

ма значительной. С тех пор как в 1457 г. «с помощью божьей» помазал занявшего престол молодого Стефана, он в течение более двух десятилетий всячески оказывал поддержку воеводе. На мой взгляд, как раз поэтому отношение господаря, еще в юности лишившегося отеческого внимания, к владыке документы неоднократно выразили определениями «отец» и «родитель», то есть в терминологии иерархии условного родства.

Кроме того, признаки этого тесного и долгого сотрудничества отразило проникновение в официальное летописание нового титула господаря. Стефан – единственный из господарей Молдавии, которого летопись дважды прямо называет «царем» – 1471 и 1475 гг. (СМЛ 1976: 24, 27, 28-29). Так же именуется он и в надписи на Хоморском четвероевангелии 1473 г. (РМОА 1958: 388). О «царе Стефане» говорит и приписка 1484 г., сделанная неким «грешным человеком» к находящемуся теперь в Киеве октоиху XV в. (ИД 2004: 372-373). Представляется, что первую партию в обосновании притязаний молдавского господаря на царский титул играл никто иной, как митрополит Феоктист.

Однако на пути к осуществлению этих амбициозных намерений возникли два труднопреодолимых препятствия. С одной стороны, кандидат на корону высшего достоинства должен быть связан узами родства с императорским семейством. С другой, церемонию венчания на царство мог совершить только патриарх, а учреждение новой патриархии требовало согласия православных иерархов Александрии, Антиохии, Иерусалима... По объективным причинам выполнение этих обязательных условий было нереальным.

Тем не менее, показания современников, касающиеся данного вопроса, однозначны – в 60-70-е гг. XV в. делались серьезные и временами небезуспешные усилия, чтобы изменить фатальные для Молдавии обстоятельства.

В какой-то мере право господаря на царский титул утвердил династический союз, заключение которого для уже неоднократно состоявшего в браке господаря без активного участия митрополита было невозможно. Как сообщает летопись, 14 сентября 1472 г. «взял себе Стефан воевода жену, Марию из Мангона, царство там было с перекопским царем христианское» (СМЛ 1976: 118). Мария, умершая в декабре 1477 г., действительно происходила из рода Палеологов. На это указывают двуглавые орлы, монограммы и надписи, вышитые на ее погребальном покрывале (РМОА 1958: 288-290).

Молдавский воевода всего на два месяца опередил с женитьбой своего будущего свата, великого московского князя Ивана Васильевича (1462-1505), обвенчавшегося с византийской принцессой Софией

Палеолог 12 ноября 1472 г. В качестве «приданного» невесты Запад в лице папы римского и его венецианских партнеров предложил русскому правителю *«Восточную империю»* (Скржинская 2000: 188-213, 267-272).

Возможностей для решения второй проблемы было еще меньше. Византийский тип правления, нередко называемый «цезарепапизмом», подразумевал совмещение императором функций светского правителя и верховного понтифика. Достаточно сказать, что рукоположение вселенского патриарха могло произойти только после выдвижения его кандидатуры базилиевом. Фетишизация власти правителя во взаимодействии государства и церкви в значительной мере обусловила сходство христианских сообществ Востока эпохи средневековья. Православие в отличие от католичества не задерживало процесс создания локальных политических образований, а программировало превращение «филиалов» общей церковной организации в неотъемлемые институты новых государств (Дагрон 2006: 345).

Хорошо известно, что имперскую идеологию Византии – «ромейский ойкуменизм» – в наиболее полном виде восприняли Болгария и Сербия. Именно в этих славянских государствах Балкан особенно ярко прослеживается стремление к харизматизации власти светских правителей (Лазаров, Павлов 1992: 230-232). И в обоих случаях им приходилось ломать ожесточенное сопротивление Цареграда. В частности, Стефан Душан (1331-1371) после ряда военных побед совершил ради основания нового царства политический переворот. Ставка была сделана на духовенство завоеванных византийских владений и святогорские монастыри. В 1346 г. в Скопье он принял венец «царя ромеев и сербов» от патриарха, избранного накануне на созванном там же соборе. Любопытно, что, так и не завоевав Константинополь, вскоре после коронации базилиев-серб отправился на Афон и около четырех месяцев там богомольствовал (Васильев 1998).

Во времена Стефана Великого общее положение православного мира в корне переменялась. 29 мая 1453 г. рассыпалась давно расшатанная общественно-государственная структура империи, державшаяся на двух идеях – «второго Рима» и христианской ойкумены (см. Поляковская 2003: 191). Конец Константинополя обозначил «гибель ойкумены, идеального этического здания восточного христианства» (Алексеев 1994: 19). Поэтому спустя два десятилетия многим предводителям «осиротевшего» православного христианства Стефан, ополчившийся против османских завоевателей, казался земным воплощением святого воина и единственным светским правителем, достойным царского титула.

Быстрое восприятие Молдавией политической символики Византии и славянских царств объяснимо влиянием балканских единоверцев,

очень часто находивших спасение от исламского господства и ползучего униатства на левобережье Дуная. Таковым, по всей видимости, был и Феоктист. Вскоре после Флорентийского собора он, вероятно, не без помощи митрополита эфесского Марка, подвизался в Молдавии в качестве игумена монастыря Нямец, прочные болгарские традиции в котором прослеживаются со времени основания (Бойчева 1992: 85-87; Павлов 2004: 30).

Позднее Феоктист и православные интеллектуалы из его ближайшего окружения создали культ небесного защитника престола – Св. Георгия. Благодаря этому все более отличавшийся своей христолобивостью и победами над неверными господарь Стефан постепенно стал восприниматься не только как равный византийским императорам, царям Болгарии и Сербии, но и как их законный преемник (Атанасов 2001: 225-240).

Вовсе не случайно в монастыре Путна, находившемся под непосредственным патронатом господаря и митрополита, в разгар противостояния с турками – 1474 г. – Стефан лично *«повеле исписати»* копию «Похвального слова о Константине и Елене», принадлежащего перу замечательного болгарского книжника патриарха Евфимия (1375-1393). В новой исторической обстановке произведение переосмысливало образ основателя Восточной Римской империи Константина Великого (306-337). *«Храбрый душой»* христианский правитель изображался защитником веры от варваров, а ключевое слово сочинения *«царь»* оказалось синонимичным метафоре *«солнце»*. «Слово» адресовалось, прежде всего, близким ко двору образованным светским людям и призвано было консолидировать молдавское общество вокруг господаря перед лицом смертельно опасного натиска иноверцев (Русев 1983: 81-83, 107-110; Бойчева 1992: 88).

Все эти превращения не могли бы произойти без участия «малой вселенной православия» – Афона. Именно святогорские монастыри, равно как и восточные патриархи, без колебаний выступили против нечестивой унии с католической церковью. Сюда в конце жизни стремился Марк Эфесский – единственный из представителей высшего православного Востока, который на соборе во Флоренции наотрез отказался подписаться под соглашением о воссоединении церквей (Амвросий 1994: 321-328; Тютюнджиев 2007: 126-129). С афонскими старцами был, очевидно, тесно связан и служивший некогда архидьяконом Марка Феоктист (Божилов 1995: 354; Павлов 2004: 29).

Сказанное помогает понять причины щедрой поддержки Стефаном Великим обителей Святой Горы. Более всего господарь опекал Зографскую обитель с храмом Св. Георгия. Первая грамота, сообщающая об этом, датирована 1466 г. Причем уже в ней употреблен оборот

«монастырь наш Зограф». На время пребывания Феокиста в сане митрополита Молдавии (1471 г.) приходится еще один документ такого рода (DRHA 1976: 191-192, 261). Обращает на себя внимание то, что именно зографские монахи хранили культ покровителя царей – Георгия Победоносца (Атанасов 2000: 292-293), а молдавский анонимный летописец примерно в те же годы начал величать Стефана «царем», а также «победоносцем» (СМЛ 1976: 28, 30).

В данном контексте чрезвычайно интересна и печать Феокиста, оттиск которой сохранился при грамоте от 2 марта 1462 г. В ее верхней части изображен Иисус Христос, по обе стороны от которого помещена надпись IC – XC. Иконография нижней половины композиции куда более красноречива – св. Георгий в нимбе и разделенная легенда GE – OP (Bogdan 1913: 288-290). Трудно не увидеть в ней указание на зографские ориентиры молдавского митрополита.

* * *

Моя точка зрения состоит в том, что митрополит Феокист заодно со Стефаном Великим взял на себя огромную ответственность – вывести Молдавию на опустевший после падения Византийской империи пьедестал единственного православного царства. При этом ставка делалась на громкие военные успехи господаря и поддержку православных братств, прежде всего, Афона. Однако провозглашение господаря «царем» явочным порядком никак не способствовало мобилизации христианского мира на победную схватку с османами. Феокист, по всей видимости, желавший стать патриархом и по праву возвести в царское достоинство Стефана, не мог добиться необходимой для этого автокефалии церкви. «Византийство» обезоруженных единоверцев одолеть было столь же трудно, как и остановить наступательный порыв вооруженных неверных. Оставалось уповать только на бога...

Возникший в Молдавии «имперский проект» провалился. В этом была не вина, а беда господаря и митрополита. В критический момент определяющими для будущего страны оказались не личные качества ее руководителей, а внешние факторы. Обо всем этом, кажется, даже не задумывался Димитрий Кантемир, излагая свои соображения о роли Феокиста Старого в молдавской истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1994. Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 1 (№2). С. 12-25.

Амвросий 1994. – Архимандрит Амвросий (Погодин). Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М. // http://www.krotov.info/history/15/1/pogodin_00.htm

Атанасов Г. 2000. Иконография образа «святой Георгий на троне» в средние века // *Stratum plus*. № 6. С. 290-296.

Атанасов Г. 2001. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през Средновековието. Варна.

Божилев И. 1995. Българите във Византийската империя. София.

Бойчева П. 1992. Към въпроса за участието на среднобългарската литература в църковно-политическия живот на Молдова през XVI-XVI в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. I. Велико Търново. С. 82-91.

Васильев А.А. 1998. История Византийской империи. Т. 2: От крестовых походов до падения Константинополя. СПб. // <http://www.kulichki.com/~gumilev/VAA/vaa233.htm>

Воденичаров П. 2003. Социолингвистика. Критика на езиковите идеологии и идентичности. София.

Григоре Уреке 1971. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу.

Дагрон Ж. 2006. Императорът и свещеникът. Етюд върху византийския «цезаропапизъм». София.

Димитрий Кантемир 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

ИД 2004. – История на Добруджа. Т. 2: Средновековие. Велико Търново.

Лазаров И., Павлов П. 1992. Власть и авторитет в средновековой Болгарии XII – XIV вв. (в контексте влияния Византии) // *Byzantinoslavica*. Т. LIII. № 2. P. 228-232.

Павлов П. 2004. Византийско-българският културен модел в средновековна Молдова (XIV–XV в.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VIII. Велико Търново. С. 167-178.

Поляковская М.А. 2003. Византия, византийци, византинисты. Екатеринбург.

Русев П. 1983. Естетика и майсторството на писатели от Евтимиевата книжовна школа. София.

Русев Е.М. 1982. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев.

Русев Н.Д., Кроитор Ж.Б., Лазо Ю.В. 2003/4. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы) // *Stratum plus*. № 6. С. 19-62.

Скржинская Е. Ч. 2000. Русь, Италия и Византия в средновековье. СПб.

СМЛ 1976. – Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.

Тютюнджиев И. 2007. Търновската митрополия през XV–XIX в. Велико Търново.

Bogdan I. 1913. Documentele lui Șefan cel Mare. Vol. II. București.

RMOA 1958. – Repertoriul monumentelor și obiectelor de artă din timpul lui Șefan cel Mare. București.

DRHA 1975, 1976. – Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I, II. București.

DRHD 1977. – Documenta Romaniae Historica. D. Relații între tarile române. Vol. I. București.

Василий СТАТИ

НИКОЛАЙ МИЛЕСКУ-СПАФАРИЙ – АВТОР ПЕРВОГО МОЛДАВСКОГО СЛОВАРЯ

Возрастающая мощь великой восточноевропейской державы, России, в конце XVII – начале XVIII в. питала надежды балканских христианских народов на их избавление от социального и духовного гнета Османской империи. В то же время светлые умы этих народов нередко видели в православной России возможность проявить себя, создать новые работы, которые прославили бы родную страну и новоприобретенную родину. И если, например, историк и этнолог Мирон Костин, обучавшийся на Западе и написавший несколько научных работ на польском языке, рассчитывал на помощь и поддержку католической Польши в освобождении от османов своего народа, то другие молдавские книжники полагали, что смогут лучше всего проявить свои способности в православной России.

Николай Гаврилович Милеску-Спафарий (Nicolae Milescu Spătarul, 1636-1708) к концу 1670 г. был опытным дипломатом, выполнившим несколько сложных и деликатных миссий молдавских господарей в Германии, Швеции, Франции, имел в своем активе несколько богословских работ, одну из них, «Звезда Востока», опубликовал в Париже в 1669 г.

Уже в начале своей дипломатической и научной деятельности Николай Милеску-Спэтару, более известный европейской науке и российской общественности как Николай Гаврилович Спафарий, удивлял своей разносторонней и глубокой эрудицией. Свидетельство тому - не только его научные труды, но и высказывания ученых и политических деятелей той поры. Русский исследователь Ю. Арсеньев приводит фрагмент письма французского резидента в Швеции, отправленного им в Пор-Руаяль (1667): «Я удивлен был, встретив в уроженце страны, столь близкой к границам Татарию, человека, столь богатого общим образованием и знающего столько языков»¹. Высоко оценили вклад молдавского ученого в европейскую науку, прежде всего, более поздние его работы по Китаю, шведский исследователь XVII в. Спарвенфельд, французский представитель в Москве де ла Невиль, известный немецкий естествоиспытатель и философ Лейбниц². Хорошо знавший географию, волею судьбы побывавший почти во всех странах Европы,

получивший высокое по тем временам образование в Константинопольской православной академии и в Падуе (Италия), владевший несколькими языками Николай Милеску-Спафарий весной 1671 г. вновь оказался в Константинополе, где был принят патриархом Досифеем, который поддерживал тесные связи с Московским царством. Московский царь Алексей Романович попросил иерарха порекомендовать ему высокообразованного человека, владеющего разными языками, в качестве переводчика Польского приказа и для перевода книг с греческого и латинского. Патриарх полагал, что лучше всех соответствует требованиям царя Н. Милеску-Спафарий. В послании к царю Досифей характеризовал молдавского полиглотта «как человека премудрого в латинском и словенском, а наипаче в елинском языкех и русский может скоро выучить и готов его переводить; дивен есть добрым писанием..., есть яко гронограф, в котором содержатся всякие дела вселенные...», а потому может быть полезным России³.

В начале июня 1671 г. Н. Милеску-Спафарий прибывает в Москву; 14 декабря 1671 г. он назначен в Посольском приказе переводчиком с эллинского (греческого) и волошского (молдавского) языков. Именно в России, в которой жил и творил 27 лет, до конца дней своих, раскрылись деловые, организаторские и особенно научно-исследовательские возможности Н. Милеску-Спафария.

Как водится в Молдавии, наиболее значительные научные труды одаренных представителей молдавского народа более известны за пределами их родины. Пример тому - научное творчество Д. Кантемира. Это в еще большей мере относится и к научному наследию Н. Милеску-Спафария. Большинство самых примечательных его творений написаны и опубликованы в России, там же они переиздавались, анализировались, становясь, таким образом, достоянием широкой научной общественности. Из 30 известных научных работ Н. Милеску-Спафария **на молдавском языке** изданы лишь фрагменты из трех его трудов (1956, 1957, 1970 гг.), а также опубликованы три статьи (1956, 1976, 1978) и статьи в «*Literatura și Artă*» (enciclopedie, 1985), «*Istoria literaturii moldovenești*» (I, 1986). Некоторые работы Н. Милеску-Спафария, как свидетельствуют изыскания последних лет, по всей вероятности, остаются неизвестными.

Работая по программе завершения свода молдавско-славянских и молдавских грамот в эпоху феодализма, молдавский палеограф, знаток молдавской дипломатии А. Никитич в 1986 г. обнаружил рукопись летописи, «переведенной с греческого языка на молдавский», содержащую «неизвестные до настоящего времени исторической науке, новые сведения из жизни господаря Молдавии Стефана III Великого за 1451–1460 гг.». Предварительный анализ неопубликованного

(до 2003 г.) переведенного фрагмента **молдавской неизвестной летописи** позволил А. Никитичу предположить, что составителем этого хронографа был Николай Милеску-Спафарий. «Известный деятель молдавской культуры, современник молдавских книжников Дософтея, М. Костина, Д. Кантемира, Н. Костина по своему культурному кругозору, незаурядной философской и теологической подготовке, он значительно отличается от всех своих современников. Возможно, что эта хроника была составлена Н. Милеску-Спафарием в 1662- 1664 гг., когда он в Константинополе переводил Ветхий Завет»⁴.

Обнаруженный фрагмент отличается от всех средневековых письменных историй Молдавии, во-первых, тем, что здесь впервые описываются события, независимо от степени их достоверности, предшествующие восшествию Стефана III Великого на престол Земли Молдавской. Все средневековые истории Молдавии – **молдавско-славянские летописи** – начинают сказ о прославленном молдавском воеводе сообщениями о его битве за изгнание узурпатора Петра Арона и о его восхождении на престол страны. «В лето 69 65 (1457) месяца апреля 12 во вторник великий прииде Стефан воевода, сын Богдана, на Арона воеводы на место нарицаемое Хряска у Должещи и возможе Стефан воевода Божией милостию и прят скиптр молдавский.»⁵. Это сведение из первой молдавской истории, написанной в последней четверти XV в., – «**Летописец оттоли произволением Божиим Молдавская Земля**» - встречается во всех молдавско-славянских хрониках, до «**Летописи Макария**» (1504–1552). И лишь найденный фрагмент «**Хронографа от сотворения мира**» раскрывает некоторые детали жизни будущего господаря с 1451 г.

Неизвестный автор, предположительно Н. Милеску-Спафарий, на листе 196 главы о «**Царстве императора Траяна**» дополняет текст фразой, напоминающей о монографии М. Костина «**О племени молдаван из какой страны вышли их предки**»: «Здесь мы должны упомянуть и о нашем государстве, о Молдове, и о стране Мунтянской, и о нашем народе, из какого племени происходит, из каких мест пришли в эти стороны света». В главе «**О взятии Царьграда**» составитель вводит в текст «**Хронографа...**» фрагмент из известной «**Молдавской летописи**», отражающий «новые события для истории Молдавии, связанные со славным нашим господарем Стефаном III Великим за 1451–1460 гг.» Как утверждает А. Никитич, первый исследователь этой бесценной находки, «составитель этой работы (неизвестной до селе летописи) был молдавский ученый обширной подготовки и богатой эрудиции, прекрасно владел греческим языком и, по-видимому, имел под рукой и одну из более полных копий молдавской неизвестной летописи, откуда внес в текст перевода греческой летописи и события из истории Молдавии»⁶.

В Молдавии действительно существовала до сих не найденная «**Молдавская летопись**» («**Летописецул молдовенеск**») Евстратия Логофета, которую широко использовал Г. Уреке и на которую ссылается М. Костин в своей «**История польскими ритмами о Стране Молдавской и Мунтянской**» (1684)⁷. Из знаменитой плеяды молдавских культурных деятелей второй половины XVII – начала XVIII в. Г. Уреке, Варлаам, Дософтей, М. Костин, Н. Милеску-Спафарий, Д. Кантемир - только последние двое владели греческим языком. Но Д. Кантемир обращается непосредственно к истории молдаван и Молдавии лишь во втором десятилетии XVIII в.: «**Descrierea Moldovei**» («Описание Молдавии», 1716 г.), «**Hronicul vechimei romano-moldovlahilor**» («Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1717 г.). Но, как полагает А. Никитич, «интерпретация и выполнение найденной хроники (фрагмент) могли быть осуществлены в 1662–1664 гг.»⁸, во всяком случае до конца XVII в., после творений М. Костина. Сопоставление этих информации предоставляет дополнительный аргумент в пользу того, что **молдавский фрагмент** найденного «**Хронографа от сотворения мира**» написан Н. Милеску-Спафарием: только он владел в совершенстве греческим, и именно он до 1671 г. находился в Константинополе.

Во-вторых, это единственный известный до сих пор текст, который позволяет определить возраст Стефана III Великого. Вопрос о том, когда он начал править в Молдавии, до сих пор будоражит умы и воображение исследователей, особенно если учесть необычайно длительное и исключительно плодотворное его правление, мудрые и мужественные решения им сложнейших вопросов внутренней и внешней политики Молдавского государства. Опубликовано бесчисленное количество утверждений, мнений, суждений относительно возраста вступления Стефана III на престол Молдавии. Однако все они не выходят за рамки порою смелых, но чаще наивных предположений. Но именно в обнаруженной А. Никитичем хронике, в молдавской вставке, читаем: «В то время, когда султан Махмет воевал с Царьградом, поднялся и Стефан воевода Добрый, сын Богдана и внук Александра воеводы Доброго, и причина была следующей: когда увидел Стефан воевода, что Петр Арон воевода убил его отца, Богдана воеводу и, опасаясь, чтобы не убили и его самого, **так как был молодой только 22-х лет.**»⁹.

Первая молдавская история на молдавском языке – «**Летопись**» Григория Уреке сообщает: «Пишет «**Молдавская летопись**» (Евстратия Логофета, утерянная – В. С.), что пришел неожиданно Петр воевода, по прозвищу Арон, и нашел Богдана воеводу в селе Рэусень, ниже города Сучавы и напал на него в пятницу на рассвете, 16 октяб-

ря, и там отрубил голову Богдану воеводу». Это кровавое преступление произошло в 1451 г.¹⁰

Сопоставляя эти события, их датировку, А. Никитич определил **на их основе** год рождения Стефана III. Если Стефану III в 1451 г. было 22 года, то следует, что он родился в 1429 г. Эта дата представляется вполне приемлемой и правдоподобной. Из этого следует, что Стефан III вступил на престол Молдавии в возрасте 23 лет. Эти сведения подтверждают в той или иной мере мнение Н. Йорги, который полагал, что в битве у Красны (1450) молодой Стефан был рядом с отцом Богданом II. «Спустя 6 лет этот сын воеводы был в состоянии начать самостоятельно войну, победить и возродить страну»¹¹.

После продолжительного и плодотворного правления – 47 лет – Стефан III Великий уходит в мир иной в возрасте 75 лет. Вполне понятно, почему устное народное творчество, молдавские исторические легенды с благоговением упоминают Стефана Доброго, Стефана Старого. «Немного времени после возвращения из Покутии в стольном граде, в Сучаве, будучи больным и ослабевшим с годами... представился воевода Стефан Добрый во вторник, 2 июля 1504 г.»¹²

Вполне убедительные и уместные предположения А. Никитича относительно авторства Н. Милеску-Спафария «переведенного с греческого языка на молдавский язык» **«Хронографа от сотворения мира»** и определения возраста Стефана III вызывали яростные возражения определенной категории историков всегда, во все времена «нужной ориентации».

Молдавский палеограф высказал лишь **свое мнение** относительно авторства Н. Милеску-Спафария, на наш взгляд, вполне допустимое. Единственный достойный способ опровергнуть эту гипотезу – привести новые данные, убедительные аргументы. Еще более великий шум поднялся вокруг возраста Стефана III Великого.

Признанному исследователю молдавской дипломатии А. Никитичу выпала великая удача: он обнаружил неизвестный, переведенный с греческого на молдавский язык **«Хронограф»**, в который внесены сведения из истории Молдавии. В эту неизвестную доселе летопись включен и фрагмент, в котором указывается возраст молдавского воеводы на 1451 г.: 22 года. В общих чертах этот возраст вполне согласуется с его правлением и его делами. На этой стадии документации это единственные более или менее правдоподобные сведения. Пока обнаружатся новые данные, другие более или менее убедительные интерпретации, будем исходить из того, что открыл А. Никитич. Недопустимо опровергать обсуждаемое мнение лишь потому, что до сих пор не обнаружено нотариально заверенное свидетельство о рождении Стефана, сына Богдана II, господаря Молдовы. К тому же охлократический ор науке категорически противопоказан.

Среди достоверно принадлежащих Н. Милеску-Спафарию научных работ есть и многоязычный словарь, обнаруженный совсем недавно. Уже в начале XIX в. один из первых исследователей научного наследия знаменитого молдавского деятеля культуры Д. Бантыш-Каменский, русский молдавских корней, писал, что в 1672 г. Н. Милеску-Спафарий работал над «**Славяно-греко-латинским словарем**», утерянным впоследствии. О существовании этого словаря упоминали французы Э. Пико (E. Picot, 1883 г.), Е. Легран (E. Legrand, 1896 г.), русский И. Михайловский (1895 г.), наш земляк П. Сырку (1885 г.)¹³.

Русский историк Ю. Арсеньев, наиболее плодотворный исследователь жизни и творчества Н. Милеску-Спафария, в 1900 г. опубликовал работу «**Новые данные о службе Н. Спафария в России**», в которой на 79-й странице сообщает, что молдавский ученый работал над «**Славяно-греко-латинским словарем**». В 1925 г. румынский историк и филолог П. Панаитеску издал в Париже исследование «**Nicolas Spathar Milescu (1636-1708)**», в котором, ссылаясь на Ю. Арсеньева, пишет: «Помимо известных трудов, Н. Милеску-Спафарий в 1672 г. работал над «**Славяно-греко-латинским словарем**», который не был найден»¹⁴. В монографии «**Николай Гаврилович Милеску-Спафарий**» (Москва, 1980 г.) Д. Урсул с нескрываемым сомнением пишет: «Есть также сведения о том, что он готовил "**Греко-латино-славянский лексикон**"». Этим исчерпываются сведения о молдавских языковедческих опытах Н. Милеску-Спафария, точнее, о его лексикографической деятельности. Эти сведения молдавским языковедам представляются настолько иллюзорными, что они даже не упоминают об этом. С самого начала отметим, что все упомянутые авторы ошибочно передают заглавие этой исключительно ценной для истории молдавского языка работы. На самом деле, это «**Греко-славяно-молдавско-латинский словарь**», который с самого начала так и был задуман самим составителем. Это доказал А. Никитич, обнаруживший эту ценнейшую работу в 1986 г. в рукописном фонде Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР¹⁵.

Напомним, что Н. Милеску-Спафарий в 1671 г. был назначен «елинского (граческого) и латинского и волоского (молдавского) языков Посольского приказа переводчиком» (Департамента внешних сношений). В департаменте в ту пору пользовались «**Греко-славяно-латинским лексиконом**» Е. Славинецкого. Со второй половины XVII в. участились приезды в Москву разных посольств из Молдавии. Таким образом, необходимость в чуть ли не повседневном инструменте передачи слов со славянского на молдавский язык и наоборот стала очевидной. Взяв за образец, по всей вероятности, лексикон Е. Славинецкого, Н. Милеску-Спафарий дополнил его регистром молдавских слов. А помогал ему подъячий молдаванин Петр Долгов: «Сла-

гал те книги и собирал из различных мест Посольского приказа переводчик Николай Спафарий да подьячий Петр Долгов»¹⁶. Видимо, им был составлен регистр молдавских слов, написанных другим почерком и составляющих третью колонку словаря. Как отметил первый и единственный пока исследователь этой бесценной находки А. Никитич, данный многоязычный словарь не был завершен: колонки славянских слов заполнены лишь наполовину, а латинских гораздо меньше. Предварительный подсчет, проведенный исследователем, показывает, что словарь содержит примерно 47500 слов и словосочетаний, в том числе более **22000 молдавских**, около 17500 греческих, примерно 8000 славянских. Латинских словарных единиц лишь несколько десятков¹⁷.

Хотя **«Греко-славяно-молдавско-латинский словарь»** Н. Милеску-Спафария известен в той или иной степени с конца XVIII в., **«Аннотированный указатель словарей»** (конец XVII - начало XVIII в., М., 1986) его не упоминает. Примечательно, однако, что молдавский язык имеет, среди первых в Европе, свои словари. В ряду с **«Vocabulario degli Academici della Crusca»**, изданным в Венеции в 1612 г., **«Le Dictionnaire de l'Academie Française»** (Париж, 1694), **«Diccionario de la Lengua Castellana»** (Мадрид, 1726-1739) мы с достоинством можем поставить **«Словарь греко-славяно-молдавско-латинский»** Н. Милеску-Спафария 1672 г.

Первые филологические исследования молдавского языка: **«Пентру лимба ноастрэ молдовеняскэ»** Г. Уреке (1635 г.), **«Пентру лимба молдовеняскэ сау румыняскэ»** М. Костина (1684 г.), **«Греко-славяно-молдавско-латинский словарь»** Н. Милеску-Спафария (1672 г.), наряду с главами **«О языке молдаван»** («De lingua moldavorum»), **«О буквах молдаван»** («De litteris moldavorum») Д. Кантемира (1716 г.), с **«Vocabulario italiano-muldavo»** Дж. Пичилио (1719 г.) являются неоспоримыми аргументами многовекового существования глотонима **лимба молдовеняскэ** – названия национального языка молдавского народа, бесповоротными, окончательными свидетельствами о том, что уже с XVII в. молдавский язык/лимба молдовеняскэ утвердился в европейском научно-культурном обороте. И заслуга в распространении и подтверждении этой истины Н. Милеску-Спафария очевидна.

Примечательно, что в Валахии никто не писал о валашском языке, нет ни одного словаря валашского языка, тем более румынского, до XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньев Ю.* Николай Спафарий и его время // Русский архив. 1985. №7/3; *Урсул Д.* Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. М. 1980. С. 104.
2. Там же.
3. *Урсул Д.* Указ.соч. С. 39.
4. *Никитич А.* Неопубликованный фрагмент из неизвестной молдавской летописи. Господарь Стефан Великий в 1451–1460 гг. // *Stratum plus*. 2003–2004. № 6. С. 74.
5. *Primele istorii ale Moldovei. Cronografia moldo-slavonă* (Ed. V. Stati). Chişinău, 2007. P. 68.
6. *Никитич А.* Указ.соч.
7. *Костин М.* Опереле. Кишинэу, 1958. P. 220.
8. *Никитич А.* Указ. соч.
9. Там же. С. 71.
10. *Ureche G.* Letopiseţul Moldovei. Chişinău, 1955. P. 82.
11. *Istoria României în date*. Bucureşti, 1992. P. 90; *Iorga N.* Istoria lui Ştefan cel Mare. 1990. P. 30.
12. *Ureche G.* Op. cit. P. 111.
13. *Никитич А.* Уникальная находка: Греко-славяно-молдавско-латинский словарь Николая Милеску-Спафария // 2003–2004. № 6. С. 227.
14. *Panaïtescu P.* Nicolas Spathar Milesco (1636-1708). Paris, 1925. P.79.
15. *Никитич А.* Указ. соч.
16. Там же. С. 228, 233–243; *Stati V.* Pentru limba noastră moldovenească. Chişinău, 2008. P. 13, 113 - 114.
17. *Никитич А.* Указ. соч. С. 228.

**Сайт подкарпатского общества имени
Кирилла и Мефодия
<http://karpatorusyns.org>**

Петр ШОРНИКОВ

УЧАСТИЕ ДМИТРИЯ КАНТЕМИРА В ТАЙНОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

О Дмитрие Кантемире в Молдавии знают все. Как ученый–энциклопедист, правитель княжества, союзник, а затем сотрудник Петра Великого, сановник Российской империи он стал национальным героем и гордостью молдаван. Менее известна еще одна сторона его деятельности. Сын Константина Кантемира, господаря Молдавии и верного слуги султана, младший брат другого господаря, Антиоха Кантемира, его официальный представитель в Царьграде, Дмитрий на протяжении многих лет участвовал в тайной войне против Османской империи.

Вопрос этот затрагивал историк российской разведки В.С. Гражуль¹. Им упомянуто о разведывательной работе русского посла в Константинополе П.А. Толстого, с которым сотрудничал Дмитрий Кантемир, и об участии молдавского господаря в информационной подготовке Прутского похода Петра I. Однако автор не располагал трудами соратников молдавского господаря, государственных деятелей Молдавии того времени летописцев Иоанна Некулче² и Николая Костина³. Их книги, озаглавленные «Летопись страны Молдавии», содержат достоверные свидетельства не только о гласной, но и о конспиративной деятельности господаря. Использование этих материалов, на русский язык до настоящего времени не переведенных, позволяет дать более полный очерк участия Дмитрия Кантемира в тайной войне против османов.

Дмитрий Кантемир, второй сын господаря Молдавии Константина Кантемира, родился 26 октября 1673 г. Отец, умевший только расписываться, позаботился об образовании сыновей. Дмитрия и Антиоха Кантемиров обучали истории, теологии, греческому, латинскому, славянскому и молдавскому языкам. В господарском дворце братья об-

щались с просвещенными боярами Мироном и Величко Костиными, Иордаке Руссетом, Константином Гаврилицей, Хурмузаки и др. Проживая на протяжении 23 лет в Константинополе как «бейзаде», почетный заложник, Дмитрий посещал Патриаршую школу, где изучал историю, философию, литературу, древние языки, искусства, теологию. Он усвоил восемь языков. В православном университете царили антиосманские настроения, которые так соответствовали традиционным этнополитическим воззрениям молдаван. Младший из Кантемиров воспринял эту идеологию. Целью его жизни стало освобождение Молдавии от ига османов.

Мунтянские козни

Жизнь в Царьграде, блестящее образование, раннее включение в политическую борьбу помогли Дмитрию выработать политическую программу. Кроме того, он сам пострадал от тайных происков. В итоге в 1693 г., когда скончался отец и 20-летний молодой человек получил власть, он сумел воспользоваться ею благоразумно. Три сына летописца Мирона Костина, казненного по приказу Константина Кантемира, опасаясь расправы, пытались бежать из Молдавии, но были схвачены и доставлены в Яссы. Дмитрий, имевший репутацию гневливого и капризного барчука, на похоронах господаря помиловал их. Этот акт политического здравомыслия обеспечил ему лояльность ближних бояр. Гетман (командующий конницей) Богдан и вистерник (казначей) Иордаке Руссет, другие вельможи организовали избрание Дмитрия на господарский престол.

Но его правление продолжалось всего три недели. Господарь соседней Валахии (Мунтении), несметно богатый Константин Брынковяну, раздав взятки сановникам султана, купил престол Молдавии для своего будущего зятя Константина Дуки. Предвидя репрессии, приближенные Константина Кантемира боярин Иордаке Руссет и гетман (командующий конницей) молдавского войска Богдан бежали в Польшу, а Дмитрий, Антиох и несколько видных сторонников были брошены валахами в тюрьму. «Простых» сторонников Кантемиров слуги нового правителя хватили и избивали, вымогая взятки, дома беглых бояр разграбили, а их жен выпороли. Но многие бояре хлопотали за сыновей умершего господаря. Спасению братьев, видимо, содействовал и патриарх Иерусалимский, которому Константин Кантемир пожертвовал в свое время пятьдесят кошелей золота. Братья были освобождены.

Сумев, по сведениям Иоанна Некулче, сохранить из отцовского наследства по 10–15 кошелей золота, они уехали в Царьград. Но безопасности не обрели и там. Люди валашского господаря распускали фантастические слухи о ценностях, унаследованных ими от отца. Зная

турецкие нравы, одно время Антиох и Дмитрий опасались заключения в тюрьму и пыток. Те же слухи о сокровищах, а также покровительство патриарха Досифея обеспечили им поддержку влиятельных при дворе греков. Но преданность Порте требовалось доказывать делом. В 1697 г. Дмитрий в составе османских войск принял участие в битве с австрийцами при Зенте. Турки были разгромлены. Дмитрий, по его словам, «спасся как мог»⁴. Однако мнимая верность Кантемиров султану получила весомое подтверждение. Когда Константин Дука перестал, по мнению османов, справляться с господарскими обязанностями, на молдавский престол был возведен старший из братьев – Антиох. Дмитрий стал его представителем при турецком правительстве – Порте.

На этом посту Дмитрий проявил себя как умелый политик и конспиратор. Поскольку Константин Брынковяну, надеясь вернуть зятю молдавский престол, продолжал при султанском дворе интриги против Антиоха, Дмитрий начал чинить валахам ответные неурядицы, причем так преуспел в этом, что правитель Валахии, дабы удержаться у власти, был вынужден тратить на подкуп должностных лиц Порты сотни кошелей золота. Успешно решили братья и матримониальный вопрос. Еще при жизни отца Дмитрий был помолвлен с Касандрой, дочерью бывшего господаря Валахии Шербана Кантакузино. Она проживала в изгнании в Трансильвании. Опасаясь претензий Кантемира на валашский трон, Брынковяну пытался сорвать намеченный брак. Он оказал давление на родственников невесты, возник даже риск захвата девушки его людьми. По приказу Антиоха в 1700 г. ее через Валахию тайно доставил в Молдавию вел-ворник Василий Пуриче. Когда невеста прибыла в Яссы, Антиох вызвал брата из Царьграда и устроил ему пышную свадьбу. А после медового месяца Дмитрий с молодой женой вновь отбыл в столицу османов – как посол своего брата.

Положение Дмитрия при султанском дворе опять стало опасным. Рискуя жизнью брата и своей, Антиох Кантемир установил тайные связи с Москвой. В зашифрованном письме, направленном Петру I, он просил царя взять Молдавию под свою защиту и ручался: если русские войска вступят в ее пределы, княжество перейдет на сторону России. В сентябре 1700 г. турки, заподозрив «измену», сместили его. Но Антиох оказался достаточно осторожен, доказательств его вины не нашлось.

В команде патриарха

В начале XVIII в. столица Османской империи оставалась центром православия, средоточием все еще блистательной византийской культуры, одним из главных нервных узлов мировой политики, многоязыч-

ным морским портом. Кантемир оказался вхож в высшие сферы общества. Он поддерживал добрые отношения с другом детства – крымским ханом Девлет-Гиреем II, с французским посольством. Но определяющим в его политическом развитии стало общение с греческой интеллектуальной элитой. В кругу православных мыслителей окончательно оформились антиосманские взгляды и пророссийская политическая ориентация Дмитрия.

Тайную борьбу против власти османов Кантемир начал в 1705 г. написанием романа «Иероглифическая история». Роман представлял собой прозрачную аллегоррию, в которой нашли отражение конфликты между «Львиным царством» – Молдавией и царством «Орлиным» – Валахией, угнетаемыми «Рыбьим царством», в котором угадывалась Порта⁵. Это был рискованный шаг. Но призыв к антиосманскому единству, к счастью для автора, не был понят султанской властью, у турок он остался вне подозрений. Зато политические воззрения знатного молдаванина стали известны духовному главе православных Османской империи патриарху Досифею.

Патриарх, активный политик, был связан с Петром I и вел в интересах России разведывательную работу. Правители православных государств, подвластных османам, в том числе валахский господарь Константин Брынковяну, информировали его. Связь с Москвой Досифей поддерживал через курьеров-монахов. Совместно с русским послом в Константинополе Петром Андреевичем Толстым, одним из лучших разведчиков своего времени, патриарх провел ряд замечательных секретных операций. В списке их общих успехов – предотвращение набега крымских татар на русские земли и русско-турецкой войны в 1703-1709 гг., вербовка муфтия – духовного главы мусульман Османской империи, матери султана, множества вельмож, смещение сторонника войны с Россией крымского хана Казы-Гирея, компрометация антироссийски настроенного турецкого посла в Петербурге Мустафы-паши, спасение от провала представителя Валахии в Москве Чауш-Давыда Корбу, установившего связи с российской разведкой⁶.

Важной задачей патриарха являлся поиск людей, способных послужить России. Вероятно, при посредстве лиц из окружения Досифея в 1706 г. Кантемир познакомился с П.А. Толстым и стал выполнять также его секретные поручения. В 1710 г. Дмитрий был официально зачислен на службу России. Мотивы этого его поступка были достойны его личности. «В службу Величества Вашего, – пояснил сам Кантемир в письме Петру I в сентябре 1721 г., – ради общения христианства пользы, с доброхотным и добропроизвольным пришел сердцем».

Столкновение России с Османской империей назревало. В октябре 1710 г. Петр I потребовал изгнания из турецких пределов шведского

короля Карла XII, разгромленного под Полтавой 27 июня 1709 г. и нашедшего убежище в турецких владениях, точнее, в Бендерской рае. Молдаване ожидали вступления русских войск в Молдавию и присоединения их княжества к России. Фанариот Николай Маврокордат, правивший в то время Молдавией, не знал ни молдавского, ни славянского языка и молдавских бояр явно не контролировал. А Петру на молдавском престоле был нужен всецело преданный ему человек. Получение Кантемиром в начале русско-турецкой войны фирмана на княжение, возможно, было результатом специальной операции, проведенной молдавскими патриотами при участии русской разведки.

Свое второе правление Дмитрий начал с освобождения из заключения Иордаке Руссета и других деятелей «русской партии». Николай Маврокордат, возвратившись в Константинополь, донес великому визирю, что в Молдавии он «нашел более половины бояр предавшимися москалям, схватил их и засадил в тюрьму», а Думитрашко-воевода всех их выпустил. Конечно, это решение могло насторожить турок, но Кантемиру эти люди были нужны на свободе. И.Руссета Кантемир назначил ворником, по существу – главой Дивана, правительства Молдавии. Высокие государственные должности получили также Николай Костин и Иоанн Некулче. Первый стал вел-логофетом, второй – вел-спатарем. Затем господарь снизил налоги, и страна вздохнула с облегчением. Поверив Думитрашко-воеводе, в Молдавию возвратились почти все беглые бояре и служиторы. В качестве заложника в Царьград выехал Антиох Кантемир.

Спаситель приходит вовремя

Турки были готовы к войне. 9 ноября они объявили войну России. П.А. Толстого османы заключили в Семибашенный замок. Царского посла содержали в подвале в антисанитарных условиях, морили голодом. Кроме того, сообщил Петру сам Толстой, тюремщики «всяк день угрожали мучениями и пытками, спрашивая, кому министрам их и сколько давал денег на содержание».

Кантемиру требовались конкретные указания и финансовая помощь. По свидетельству Николая Костина, зимой господарь тайно отправил капитана Прокопия «через Ляшскую землю к московскому царю... дав слово, что, ежели спустится царь московский с войсками своими против турок, будет и он с ним заодно». В Яссы также тайно прибыл царский советник по балканским делам Савва Рагузинский, при посредстве которого «справлены были дела Димитрашки-воеводы с московским царем»⁷. По указанию Кантемира молдавский представитель в Константинополе грек Яно, Янио Критянин, вероятно, также входивший в разведывательную сеть патриарха Досифея, посетил в

тюрьме П.А. Толстого, снабдил деньгами на текущие расходы, добился перевода в лучшее помещение и, главное, наладил его тайную переписку с русским правительством. Записки русского посла Яно пересылал Дмитрию, а тот – русскому царю. «Больше никто не мог выполнить эту службу, – отмечал Иоанн Некулче, – потому что был посол под большой стражей»⁸.

25 февраля 1711 г., после вторжения крымских татар и казаков Орлика, атамана-изменника, в Малороссию, в Успенском соборе Московского Кремля был обнародован царский манифест о вынужденном начале войны с османами. Для Петра I особенно важны были сведения о военных приготовлениях Порты, о ее отношениях с европейскими державами. Связи с русскими Кантемир поддерживал под предлогом ведения разведки в интересах Порты. Данные о русских войсках действительно поступали в Царьград, и в деталях, несомненно, точные, поскольку одна из задач, поставленных перед Кантемиром Петром I, заключалась не в сокрытии маловажных подробностей, а в стратегической дезинформации турок о замыслах России. Оценив достижения нового господаря в деле шпионажа, надзиравший за ним бендерский сераскир (комендант крепости) Мехмет-паша взял за правило запрашивать в Яссах данные для собственных донесений в Константинополь. Дмитрий не отказывал ему. Вместе с тем, не желая принижать собственные «заслуги» перед султаном, свои донесения он отсылал неделей ранее. Таким образом, сераскир стал гарантом достоверности информации, направляемой Кантемиром Порте.

Дмитрию пришлось бороться также с интригами Николая Маврокордата. Тот занялся при султанском дворе разоблачением деятельности Кантемира, обвиняя его в намерении совершить измену. Турки не верили бывшему правителю, поскольку сознавали его заинтересованность в компрометации преемника, а также потому, что двоих предшественников Дмитрия Кантемира на господарском престоле – его брата Антиоха и Михаила Раковицу – противники также обвиняли в связях с Москвой. Но фанариот многое знал, о многом догадывался и, в сущности, говорил правду; его следовало обезвредить. Дмитрий отрядил в Константинополь группу обиженных Маврокордатом бояр, которые сумели довести до сведения султана Ахмета III информацию о его преступлениях. Демарш удался, султан приказал отрубить Маврокордату голову. Спасая жизнь, разоблачитель скрылся.

Ангел–хранитель господаря Валахии

В ходе тайной войны против османов Кантемиру довелось ограждать власть и жизнь Константина Брынковяну, своего личного врага. Зная о вражде Дмитрия к правителю Валахии, в октябре 1710 г. визирь

Мехмет Балтаджи доверил молдавскому господарю совершенно секретное задание: схватить Брынковяну, подозреваемого турками в тайных связях с Петром I, и отправить его в Константинополь. «Нельзя в такое время оставлять его господарем, – резонно заметил визирь, – потому что может изменить и повредить султанскому войску. Поэтому его надобно схватить, потому что по доброй воле сам он к Порте не придет». Как и рассчитывал глава османского правительства, Кантемир охотно взялся за это дело.

Дмитрий вряд ли знал, что Константин Брынковяну еще в 1709 г. стал союзником Петра, а в предстоящей освободительной войне православных стран и народов обязался выставить против османов 20-тысячное войско и уже получил от царя на закупку провианта 300 кошелей золота. Но об интересах России и Молдавии он рассудил верно. В их общих интересах было сохранить Брынковяну на престоле Валахии до начала кампании 1711 г. Дабы усыпить подозрения правителя Валахии, ответил Кантемир визирю, что Порте следует попросить у него займы 500 кошелей золота на снаряжение армии для войны против России. Предложение, рассчитанное на алчность османов, было ими принято.

Валашский господарь, явно осведомленный о замысле османов, повел себя именно так, как ему следовало поступать, чтобы сохранить власть и свободу. Он согласился предоставить Порте требуемую сумму, но, сославшись на нищету в стране, – это была правда – пообещал выплачивать деньги по частям, по 100 кошелей в месяц. В течение пяти месяцев, полагал, по мнению Иоанна Некулче, правитель Мунтении, должны были подойти русские войска, и тогда турки ничем ему повредить не смогут. Предложенный Константином Брынковяну порядок выплат не только гарантировал ему пребывание у власти, но и давал русской разведке еще один пункт слежения за подготовкой турок к войне.

Тайное взаимодействие якобы враждующих господарей оказалось вполне успешным. Кантемир убедительно изображал подготовку устранения Константина Брынковяну: собирал сведения о его охране, сформировал для его захвата конный отряд, а зимой и весной 1711 г. вел с крымским ханом и Портой переписку по вопросу о времени проведения операции. Хан, которому не давала покоя мысль о сокровищах валашского господаря, прислал одобрительное письмо и даже выделил Дмитрию для набега на Бухарест свой вспомогательный отряд. Если бы у Брынковяну не оказалось общего с Дмитрием секретного дела, его участь была бы решена.

Но Кантемир, выигрывая время, обратился за дополнительной санкцией в Царьград. Если схватить Брынковяну немедленно, разъяснил

он, обещанные деньги выплачены не будут. Финансовый аргумент вновь оказался неотразимым. Визирь, заинтересованный в получении всей суммы, велел повременить с операцией. Что и требовалось Петру I. Приказ о захвате правителя Валахии визирь отдал Кантемиру только в конце мая 1711 г. Но было уже поздно: в Молдавию вступили русские войска. Иоанн Некулче, не знавший о тайных связях Кантемира и Брынковяну с Россией, спасение валашского господаря объяснял божьим промыслом. Операцию по сохранению союзника у власти Кантемир провел блестяще.

Издержки конспирации

С лихвой преуспел Кантемир и в маскировке своей тайной деятельности. Первыми начали его чернить валашские бояре. В письмах Петру I они дружно представляли молдавского господаря верным ставленником османов. С возрастающим недоумением следили за его якобы протурецкой деятельностью и деятели «русской партии» молдавских бояр. Кантемир ощутил вдруг возникшую враждебность молдавской знати. В апреле он созвал Диван и, умолчав о своей договоренности с Петром I, запросил совета, как быть, если русские вступят в Молдавию. Бояре, полагая, что господарь на стороне турок, предложили отправить семью на юг княжества. Так и решили. А когда разошлись, не без иронии отметил И. Некулче, большинство бояр приготовились к бегству в противоположном направлении – к русским.

Но имелись и сторонники активных действий. Среди бояр сложились два заговора. Одну группу заговорщиков возглавили митрополит Геден и боярин Антиох Жора, в ноябре 1710 г. назначенный гетманом молдавского войска. Они тайно направили Петру ряд писем, в которых призывали царя не верить Кантемиру и утверждали, что он – истинный турок и стоит за них. От себя бояре сообщали, что располагают 10 тысячами войска и запасами провианта, и призывали царя выслать 15 тысяч войска, уничтожить мост через Дунай и разгромить буджакских татар. Поскольку татары только что совершили набег на Подолию, разграбив ее до города Немирова, предложения о немедленном возмездии должны были найти у русских отклик. Располагая вооруженной силой, гетман Жора мог в удобный для себя момент нанести Кантемиру удар в спину.

Град боярских обвинений, доносов и жалоб мог поколебать доверие русских к Кантемиру. Однако Петр, осведомленный о сути дела, положение воеводы Дмитрия понимал и обвинениям в протурецких симпатиях Кантемира не верил. «Такого рода верой и службой, – с удовлетворением заключил И. Некулче, – вошел Думитрашко-воевода в большую честь и любовь к Петру Алексеевичу, императору Москвы».

Второй заговор против Кантемира составили великий логофет Николай Костин, ворник Иоанн Стурза и вел-вистерник Илие Катаржиу. 20 мая 1711 г., узнав о договоре господаря с русскими, они и другие бояре на радостях проговорились: «Хорошо ты поступил, твое величество, потому что мы боялись, что подашься к туркам, и была у нас мысль покинуть тебя и пойти и поклониться москалям». Зная нравы того времени, трудно предположить, что, отправляясь к русским, великие бояре не прихватили бы в подарок Петру I самого господаря или, на худой конец, его голову.

Предупреждая такой исход, Кантемир сместил Антиоха Жору, заменив его своим советником И. Некулче. Однако в составе Дивана имелся и боярин Костаке Лупул, поддерживавший тайные связи с османами. Он мог предупредить султана об истинной деятельности Кантемира. Живущий в Варнице шведский король Карл XII, выяснил Дмитрий, также внушал турецкому султану, что господарь Молдавии на стороне русских. Бендерский сераскир, с которым общался король, мог в любой момент выслать стражников с приказом схватить господаря. Поняв, по свидетельству Николая Костина, «что не может скрыть от турок и, особенно, от великих бояр свои дела и сношения с москалями», и, стремясь предотвратить свое смещение и захват турками, Кантемир окружил себя стражей из сотни надежных служителей под командой вел-капитана Банаря, а затем перебрался из Ясс в военный лагерь молдавского войска у Бахлуя. Едва ли не скрываясь в своей стране, он ночевал также в укрепленном монастыре Арона-воеводы. Интриги шведского короля ему удалось парировать. О его аргументации можно судить по насмешке, включенной Дмитрием через несколько лет в одну из своих книг. Хваленый Карл XII, отметил он, под Полтавой спасся бегством и три года «в султанской тени прохлаждался»⁹.

Дмитрий сознавал, что его переход на сторону России повлечет гибель его брата, живущего в Царьграде. Вероятно, по договоренности с Дмитрием или даже по его сигналу в середине мая 1711 г. Антиох сообщил высокому султанскому сановнику, каймакаму, что Дмитрий – «изменник», но фактов измены не привел. Каймакам доносу не поверил. Возможно, Антиох, опытный политик, таким образом и донес, чтобы турки ему не поверили. А если бы и поверили, смещать Дмитрия было уже поздно: авангарды русских войск вышли к Днестру. О том, что измены Антиох не совершал, знал и Иоанн Некулче. Даже 30 лет спустя о старшем из Кантемиров летописец пишет с уважением, почему-то не считая донос на брата действием, компрометирующим бывшего господаря.

Тайная дипломатия: Луцкий договор

В начале апреля 1711 г. Дмитрий Кантемир направил к Петру I вистерника Штефана Луку. Скрыть от турецких шпионов отъезд члена Дивана было невозможно, и Порте господарь представил его миссию как разведывательную. Учитывая требования конспирации, Лука вряд ли вез с собой проект молдавско-российского договора. Но, по свидетельству царя, к этому времени «...господарь волоской учинил нам предложение некоторых пунктов, на которых хочет быть у нас в подданстве...», вероятно, ранее, путем тайной переписки. 13 апреля прибывшему в Луцк боярину был вручен подписанный Петром I документ, озаглавленный «Диплом и пункты».

Луцкий договор предусматривал освобождение Молдавии от власти османов и ее переход под протекторат России. Россия обязывалась возвратить княжеству Буджак и крепости Хотин, Бендеры, Измаил, Аккерман и прилегающие к ним местности – турецкие райи. Петр гарантировал Молдавии самостоятельность во внутренних делах, уважение прав бояр, закрепление господарского престола за родом Кантемиров. Молдавию и лично молдавского господаря, присягнувшего ему на верность, Петр брал под защиту России. Молдавия присоединялась к России на конфедеративных условиях.

Луцкий договор представлял собой также договор о сотрудничестве разведок. Господарь «обязался показать царскому величеству всевозможную верную службу в корреспонденции и в прочем, как может тайно...». Иными словами, отметил В.С. Гражуль, Кантемир обязался наладить агентурную работу против турок и помочь русской разведке¹⁰, что он, впрочем, уже делал. 20 мая Кантемир сообщил царю о перемещении войск противника: «главное все войско турецкое уже из Адрианополя вышло тому ныне 10 дней, а от Адрианополя до Дуная всего 25 конак (или стоянок)»¹¹. Турок он ожидал на Дунае через две недели, в начале июня. Ознакомив с текстом Луцкого договора членов Дивана, Кантемир подписал манифест об объявлении Порте войны.

В один день турецкий ставленник Думитрашко-воевода превратился в национального лидера и смог опереться на могущественную «русскую партию» молдавских бояр. Хотя в счастливый для русских исход войны против османов верили не все бояре – часть знати покинула столицу, а многоопытный ворник Иордаке Руссет, сват Константина Брынковяну, рекомендовал подождать развития военных действий и присоединиться к победителю, – бояре искренне поддержали решение господаря. Против турок дружно выступил простой народ. По словам И. Некулче, когда авангард русских войск под командой фельд-маршала Б.П. Шереметева прибыл в Оргеев, «поднялись все оргееане,

сорочане и лапушняне, и пошли с ним, пока не перешел Прут. [...] а служиторы (*дворяне – П.Ш.*) остались все у Думитрашко–воеводы в войске». На призыв Кантемира к оружию откликнулись и бояре, и мазылы (свободные крестьяне), а служиторы возвращались даже из-за границы, «очень немногие не пришли». Записывались в войско сапожники, портные, корчмари; слуги боярские, покидая бояр, спешили под стяги. В 15 дней собралось 10-тысячное войско, правда, больше было безоружных, чем вооруженных.

Впрочем, плоды тайной дипломатии устроили не всех. В присутствии русского министра Г.И. Головкина и царского советника Саввы Рагузинского тот же И. Руссет потребовал назначения господарей царем по совету с боярами. Царский посланец князь Яков Долгорукий доносил Петру: «... между господарем с бояры его – великое несогласие, а больше то, что ваше величество учинил господаря наследником, чего у них не бывало». По существу, бояре потребовали более тесной, чем было предусмотрено Луцким договором, интеграции Молдавии и России – на условиях федерации. Но шла война, разногласия следовало пресекать в зародыше. Петр велел взять И. Руссета под стражу, но сохранил боярину жизнь¹².

Прутский поход

Вину за неудачу в войне Петр I вначале возложил на разведку. 10 июля 1711 г., когда русско-молдавское войско вело под Станилештами бой с турками и татарами, он отправил в Петербург письмо: «Господа Сенат. Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по полученным ложным известиям в семь крат сильнейшею турецкою силой так окружен, что все пути к получению провианта пресечены...»¹³. Был ли царь прав?

Скорее, причиной неудачи стали ошибки в политическом планировании. Формально все необходимое для успеха кампании было Петром сделано правильно. В 1703 г. армия османов насчитывала 129 тыс. солдат¹⁴. Предварительный расчет сил антиосманской коалиции сулил ей примерный паритет с турками. Константин Брынковяну обещал царю выставить 20 тыс. бойцов, восставшие сербы – 20 тыс., польские союзники России по Северной войне – 30 тыс., молдаване – 10 тыс., трансильванские венгры – 4 тыс., а сам Петр намеревался ввести в Молдавию 30–40 тыс. солдат и офицеров. Условием успеха в войне являлся захват валахами к 20 мая 1711 г. переправ через Дунай, с тем, чтобы сорвать вторжение турецких войск на северный берег реки.

Однако война была объявлена еще в ноябре 1710 г. Независимо от характера информации, поступавшей от Кантемира, бендерского сараскира и из других источников, Порта готовилась к летней кампании

1711 г., и все подготовительные мероприятия были ею осуществлены. Крушение стратегического плана Петра началось с недооценки им сил и мобильности османов. Фельдмаршал Б.П. Шереметев запоздал с выдвиганием русских войск в Молдавию. Русские прибыли в Яссы только 30 мая, когда турки уже перешли Дунай. В отсутствие русских войск Константин Брынковяну, уstraшенный массой турок, переправляющихся через реку, не решился дать бой. Не пропустил он через Валахию и 18 тыс. сербских добровольцев, идущих на помощь русским и молдаванам. Не успело достигнуть Молдавии 12-тысячное польское войско, а запорожцы не воспрепятствовали походу из Крыма в Молдавию 50 тыс. татар. В итоге 9 июля 1711 г. под Станилештами 38 тыс. русских и 4 тыс. молдаван были окружены 190 тысячами турок и татар¹⁵.

Перевес сил мусульман, казалось, не оставлял надежд на спасение. Но русская армия показала высокую выучку и стойкость, русская артиллерия сметала ряды атакующих. Потеряв 7 тыс. убитыми, отказывалась идти в бой гвардия султана – янычары. Кантемир сознавал свою вину за просчет Петра при оценке мобилизационных возможностей турок и татар, за его доверие к К. Брынковяну. Автор многих книг, он не написал ни строчки о главном событии своего правления – об участии своем и других молдаван в освободительной войне на стороне России. Под Станилештами воевода Дмитрий во главе молдавского войска вместе с русскими отбивал атаки 60-тысячной татарской конницы. А царь не забыл ни былых заслуг Кантемира, ни собственных просчетов. Кроме того, за отсутствие у него сведений о численности и передвижениях турок была ответственна скорее войсковая разведка. Хотя момент был отчаянный, а турки, соглашаясь на мир, требовали выдать им Кантемира, Петр союзника не предал. Молдаване оценили его благородство. Прутский поход был истолкован ими оптимистически – как залог грядущего освобождения. В июне 1711 г. воевода Дмитрий выехал с семьей в Россию.

Секретные связи

Уже при первых известиях о переходе Молдавии на сторону России молдавский представитель в Царьграде Янио Критянин был схвачен и казнен. Других потерь разведывательная сеть Дмитрия, кажется, не понесла. Антиох Кантемир, также брошенный в Семибашенный замок, призвал в свидетели каймакама и сумел оправдаться. Патриарх Досифей, с которым Антиох более десяти лет поддерживал секретные политические связи, остался у турок вне подозрений. Операция, призванная обеспечить безопасность заложника, таким образом, завершилась успешно.

Зато противников Петра I и Кантемира, казалось, преследовал рок. Визирию Балтаджи Мехмет-паше султан не простил победы, упущенной при Станилештах. В ноябре 1711 г. он был смещен. Константин Брынковяну поступил честно, возвратив Петру 300 кошелей золота, предоставленных ему на подготовку войска. Но это было сделано, разумеется, тайно, и молдаване возложили на правителя Валахии главную вину за неудачу Прусского похода. Петр Великий, утверждал И. Некулче, проклял валашского господаря и называл его Иудой. Видимо, исходя из этого мнения, в 1716 г. молдавский господарь Михаил Раковица способствовал смещению правителя Валахии. Константин Брынковяну был вместе с семьей вывезен в Константинополь и брошен в Ени-кале. От него требовали отдать накопленное за годы правления золото. А затем палачи отрубили головы четверым его сыновьям, нескольким ближним боярам, слугам и, наконец, самому бывшему господарю. Карл XII в 1712 г. угодил под стражу в Бендерскую крепость¹⁶. В начале 1718 г. возвратившийся в Швецию король был застрелен кем-то из подданных.

Кантемир, возведенный Петром I в княжеское достоинство и назначенный сенатором Российской империи, продолжил борьбу за освобождение Молдавии иными средствами. Свои обширные знания об Османской империи и своей родине он использовал в целях популяризации идеи освобождения христианских народов от ига мусульман. В своем труде «Описание Молдавии» (1716 г.) Кантемир дал очерк истории, культуры и нравов молдаван, специальные главы посвятив верованиям молдавского народа, молдавскому языку и молдавской кириллической письменности, молдавскому законодательству и судопроизводству. Синтез известных ему сведений о Молдавии, Валахии и Османской империи Кантемир дал в трудах «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», «Система, или состояние мухаммеданской веры», «История образования и падения Оттоманской империи»¹⁷. Императора князь Дмитрий призывал не оставлять молдавский народ на произвол турок и татар, не дать Молдавии погибнуть.

Нарушать мир с Портой Петр I не хотел, но сведения из турецких владений были по-прежнему нужны российскому правительству, и Кантемир продолжил разведывательную работу. Он установил связи с представителями молдавских бояр и духовенства, составлявшими «русскую партию» при господстве фанариотов. В посланиях Петру, направляемых с 1717 г., Кантемир, ссылаясь на сообщения своего специального лазутчика, описывает бедственное положение Молдавии и Валахии и тревоги, испытываемые турками из-за конфликта с Австрией.

Кантемир оставался владыкой для проживающих в России молдаван и сохранял многочисленные связи с родиной. Когда в Молдавии волна репрессий против сторонников России прошла, многие эмигран-

ты начали возвращаться. В их числе оказался и сподвижник воеводы Дмитрия бывший гетман Иоанн Некулче. С ним Кантемир договорился и впредь поддерживать связи. К своему обращению к канцлеру Г.И. Головкину от 4 марта 1719 г. Дмитрий приложил письмо о положении молдавских беженцев, направленное ему Иоанном Некулче из Польши, где бывший гетман дожидался разрешения фанариотских властей возвратиться на родину. Судя по уважительному отношению летописца к бывшему господарю в его труде, написанном в 40-е гг., их политическое сотрудничество имело продолжение. Кантемир успел убедиться, что события 1711 г. лишь укрепили восточную ориентацию молдавского народа. «Русская партия» сохранилась и крепла. В 1721 и 1723 гг. к князю Дмитрию приезжал из Молдавии ее видный деятель боярин Анастасий Лупу.

23 августа 1723 г. заболевший во время похода в Персию Дмитрий Кантемир скончался. Но «русская партия» молдавских бояр и духовенства служила не только бывшему господарю: прежде всего она служила Молдавии. Налаженные Дмитрием-воеводой негласные связи с родиной сохранились и после его смерти. Анастасий Лупу фактически стал резидентом российской разведки в Молдавии. Занимая видные посты в администрации княжества, он информировал российское правительство о положении дел в Молдавии. Во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг. А.Лупу снабжал русские войска военными и политическими сведениями, за что был обвинен турками в измене. По сообщению И.Некулче, Лупу спасся, дав туркам крупную взятку. Однако имело место и высокое заступничество. Будучи окружен единомышленниками, А.Лупу действовал менее конспиративно, чем в свое время Дмитрий Кантемир. Даже в переписке он себя называл «русским приятелем». Хотя о связях политического крестника Кантемира с Россией знали и помогали ему в разведывательной работе господарь Михаил Раковица и некоторые бояре, его секретная деятельность продолжалась 30 лет, до 1751 г.¹⁸

Участие Дмитрия Кантемира в тайной войне против Османской империи было закономерным следствием его политической программы, достойной страницей его политической биографии. Его секретная деятельность была подчинена решению патриотической задачи – делу освобождения Молдавии от ига османов. Она носила стратегический характер и была вполне успешной.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Гражуль В.С.* Тайны галантного века: шпионаж при Петре I и Екатерине II. М., ТОО «Гея», 1997.

2. А се ведя: *Некулче И.* Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1974.
3. *Costin Nicolae.* Scrieri. In doua volume. Vol. I-II. Chişinău, 1990–1991.
4. *Потлог В.* Дмитрий Кантемир о войне и мире // Наследие Дмитрия Кантемира и современность / Сост. Х.Корбу, Л.Чобану. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1976. С. 96.
5. Подробно см.: *Ермуратский В.* Дмитрий Кантемир-мыслитель, государственный деятель. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1973. С. 34-36; *Коробан В.* Димитрие Кантемир – скриитор-уманист. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ, 1973. П. 81-131; *Вартичан И.* Выдающийся ученый и общественно-политический деятель // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. С. 67.
6. *Гражуль В.С.* Указ. соч. С. 23–27.
7. Цит. по: Наследие Дмитрия Кантемира и современность. С. 39.
8. *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969. П. 237, 238.
9. Цит. по: *Потлог В.* Указ. соч. С. 103.
10. *Гражуль В.С.* Указ. соч. С.32.
11. *Руссев Е.* Дмитрий Кантемир – поборник свободы и независимости Отчизны // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. С. 43.
12. Подробнее см.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 125, 126.
13. *Гражуль В.С.* Указ. соч. С.33.
14. *Ангели Ф.А.* Страницы истории Османской империи. Кишинев, 2002. С. 229.
15. *Гражуль В.С.* Указ. соч. С. 33.
16. *Ангели Ф.А.* Указ. соч. С. 249.
17. См.: *Каллимаки С.* Дмитрий Кантемир. Бухарест, Меридиане, 1966; *Ермуратский В.* Указ. соч. С. 36-41.
18. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1964. С. 366, 367.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Борис МАРИАН

РУССКИЙ ГОМЕР МОЛДАВСКИХ КРОВЕЙ

И у малых народов есть великие сыны, которые приумножают славу земли, их породившей. Но еще большего восхищения достойны те наши соотечественники, которые оставили след в истории иных держав и народов.

Давным-давно жил на свете отпрыск боярского рода, которому из-за напастей, выпавших на долю Земли Молдавской вследствие русско-турецкой войны 1711 г., суждено было появиться на свет далеко от земли предков, да не где-нибудь, а в

Московии во времена Елизаветы Петровны, императрицы Российской, дочери Петра Великого.

Наш соплеменник, в чьих жилах текла кровь высокого сановника и подвижника господаря Думитрашку-Водэ Кантемира, прослыл непревзойденным поэтом и драматургом, проводником русской культуры и искусства. Имя его до сих пор чтят в России.

Кто же этот прославленный представитель русского классицизма, которого его же современники Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский, Антиох Кантемир, а позднее и сам Белинский единодушно прозвали «русским Гомером»? То был сын стольника Матвея Херэску, нареченный при крещении Михаилом (1733–1807).

В «Истории русской литературы XVIII века» (изд. 2-е, Москва, 1951 г.) известный литературовед Дмитрий Благой посвятил огромную главу творчеству, литературной и художественно-культурной деятельности Михаила Хераскова, отметив, что он является «потомком важного валашского боярина, перебравшегося в Россию вместе с Дмитрием Кантемиром». Вполне естественно, что в своих изысканиях мы обратились к источникам молдавской истории. Нить Ариадны привела нас прямо к летописцу Иону Некулче, от которого мы узнаем, что этим «важным валашским боярином» был не кто иной, как Матей-стольник, брат митрополита Дософтя Херэску (1750–1789) и шурина мунтенского военначальника Тома Кантакузино (1665–1720). Матей-стольник, командовавший молдавской кавалерией, воевал на стороне Петра, но в результате поражения русско-молдавского войска

был вынужден искать прибежища в России. Тогда Молдову вместе с господарем Дмитрием Кантемиром покинуло около 11 000 молдаван, в основном крупных бояр, высоких сановников и военных, которым пожалованы были надельные земли на Украине и России («История Молдавской ССР», т. 1, Кишинев, 1954). Среди них были митрополит Молдавский Антоний, ставший впоследствии митрополитом Черниговским, а также Банул Спадэ, предок выдающегося ученого-микробиолога, лауреата Нобелевской премии Ильи Мечникова, прадед которого переделал свою фамилию на русский манер, поскольку слово «спадэ» по-молдавски означает меч.

Петр I наделил стольника Хереску большими поместьями в Полтавской губернии. Именно там в 1733 г. родился его сын Михаил, записанный по русскому обычаю Херасковым Михаилом Матвеевичем.

Детство и юность Михаил провел в доме князя Трубецкого (порочившегося брачным союзом с кантемировской семьей). Далее последовало кадетское училище в Москве, по окончании которого он становится офицером русской армии. Однако военная карьера не привлекала молодого Хераскова. Он был увлечен литературой и посвятил себя целиком художественному творчеству, став по прошествии некоторого времени создателем выдающихся поэтических и драматических творений. Михаил Херасков работал во всех не освоенных до него в русской литературе жанрах. Он считается одним из виднейших драматургов своего времени, эпическим поэтом, писателем-сатириком и баснописцем.

Венцом его творчества стали три эпопеи в стихах: «Россиада», «Владимир» и «Бакариана». Михаилом Херасковым созданы несколько трагедий («Борислав», «Разрушенная Москва», «Венецианская монашка»), а также комедия «Добрые наши воины». В своих «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский ставит Хераскова в ряд с величайшими творцами XVII века. По его свидетельству, эпопеи «Владимир» и «Россиада» достойны творений Гомера и Вергилия. В свою очередь историк Сергей Соловьев (1820–1879) характеризует нашего соплеменника так: *«Итальянцы подарили миру Торквато Тассо, португальцы – Камюэнса, англичане – Мильтона, немцы – Клопштока, французы – Вольтера, а русские – Хераскова, написавшего гениальную «Россиаду».*

«Россиада» (1771) – это первая на Руси поэма широкого исторического плана (12 песен, 11 000 стихов), в которой описывается многовековая борьба русского народа против татарского ига. Как отмечает Д. Благой, Михаил Херасков стал для Москвы «центральной фигурой интеллектуального и литературного движения»: в Петербурге им был организован «первый литературный салон, чьи двери были широко от-

крыты для молодежи, стремящейся к культуре»; он руководил несколькими литературными изданиями («Свободные часы», «Полезные увеселения» и др.), был ректором Московского университета, первым директором Драматического театра в русской столице, основателем первой Академии наук, директором университетской типографии. Напомним также, что нашим соотечественником была проделана нелегкая работа по введению русского языка в университетское образование (до этого преподавание велось на французском).

На этом мы заканчиваем данное жизнеописание, но прежде отметим с особой гордостью, что имя великого молдаванина Михаила Хераскова (Херэску) соседствует рядом с именами других знаменитых представителей нашего народа – Петра Мовилэ, Николая Милеску-Спэтару (Спафария), Дмитрия и Антиоха Кантемиров, каждый из которых удостоился высокого почитания в истории русской и всемирной литературы. Творчество Михаила Хераскова, наряду с творчеством некоторых его современников, подготовило появление плеяды писателей-классиков XIX века: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова...

Василий ЖУКОВСКИЙ

**Его Превосходительству,
господину тайному советнику, императорского
Московского университета куратору и кавалеру
Михаилу Матвеевичу Хераскову
на случай получения им ордена св. Анны 1-й степени,
от воспитанников университетского благородного пансиона**

Еще, Херасков, друг Минервы,
Еще венец ты получил!
Сердца в восторге пламенеют
Приверженных к тебе детей,
Которых нежною рукою
Ведешь ты в храм святой наук, -
В тот храм, где муза озарила
Тебя бессмертия лучом.
Дела благие - вечно живы;
Плоды их зреют в небесах;
И здесь и там их ждет награда:
Здесь царь венчает их, там - бог!

1799 г.

Источник: В. А. Жуковский. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. М., Гослитиздат, 1959.

Леонид МОСИОНЖНИК

АНТИОХ ДМИТРИЕВИЧ КАНТЕМИР

*Его поэзия - поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца.**В.Г. Белинский*

Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708-1744 гг.) еще в XIX в. считали основоположником современной русской литературы. Так расценивал его и В.Г. Белинский (1948 (1845): 732-733) в специально посвященной ему статье. Несколько раз на протяжении двухсот лет затевались издания то сборников русской классики, то сборников биографий писателей. Первый (и чаще всего единственный) том неизменно был посвящен Антиоху Кантемиру.

Литературное наследие А.Д. Кантемира не слишком велико: сохранились послания, баллады, эпиграммы, басни, переводы - особенно римских сатириков, с которыми Кантемир чувствовал свое духовное родство. Осталась неоконченная поэма о Петре I («*Петрида*»). Линию этой поэмы - воспевание «ироев российских» в стиле Гомера - позже продолжит М.М. Херасков (Хереску, 1733-1807 гг.) поэмой о взятии Казани Иваном Грозным - «*Россиадой*». К слову сказать, М.М. Хераскову принадлежат не только классические басни, но и едва ли не первые в России литературные утопии: «*Нума, или Прозцветающий Рим*» (1768 г.), «*Царь, или Спасенный Новгород*» (1800). Сам Кантемир не раз замечал, что хвалебный слог - не его стихия: оды ему давались с трудом, и, даже работая над «*Петридой*», автор, при всем уважении к памяти Петра, ограничился первой книгой.

Главное в литературном творчестве А.Д. Кантемира - девять сатир (последняя из них осталась неоконченной). Читать их в наши дни сложно. Кантемир успел сделать лишь первый шаг от старого литературного языка (во многом еще церковного) к живой речи. Размер стиха еще старый, допетровский: 13 слогов в строке, последний слог - ударный, остальные - как получится. Если бы не рифма, их можно было бы принять за прозу. Кантемир не принял реформу русского стиха, провозглашенную в 1735 г.

В.К. Третьяковским, хотя незадолго до смерти сам высказал сходные мысли - в *«Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских»* (1744)¹. Вот, к примеру, начало его самой знаменитой сатиры - *«К уму своему»*:

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки.
Не писав, летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти...

(Сатира I, 1-4).

Однако тяжелый слог не отпугивал Грибоедова и Пушкина, у которых есть более или менее явные цитаты из Кантемира («сужденья черпают из забытых газет...») - ср. Сатира VII, 14-18; «собаке дворника, чтоб ласкова была» - ср. Сатира VII, 14-18; «щей горшок, да сам большой» - Сатира V, 719). Не отпугнул он и Белинского, писавшего, что от «громозвучных од» Ломоносова и даже Державина «можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться» (Белинский 1948 (1845): 753). По его словам, «Кантемир начал собою историю светской русской литературы» (там же: 732-733). Несколько скромнее оценивал заслуги А.Д. Кантемира князь П.А. Кропоткин, уделивший ему в своем очерке истории русской литературы всего два предложения, но и он признавал: «Ему принадлежит ряд сатир, в которых он выражал свои мнения со свободой, вызывающей удивление, если мы примем во внимание нравы той эпохи» (Кропоткин 2004 (1905): 277).

При жизни Кантемир так и не увидел свои сатиры напечатанными. Они распространялись в списках. Первое русское академическое издание вышло лишь при Петре III. Приказание об издании сатир подписали М.В. Ломоносов и Я. Штелин (Прийма 1956: 34, 48-49). Второе издание стало возможным лишь в 1836 г., но в 1851 г. Николай I лично указал: «По моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать» (там же: 34).

Антиох Дмитриевич - сторонник просвещения, он не просто высмеивает пороки, общие всегда и для всех, но и высказывается по вопросам, занимающим российское общество того времени. Первым из «хулящих учение» у него оказывается «Критон с четками в руках» и с жалобами на просвещенную молодежь:

Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали.

Одной из главных претензий Кантемира к Третьяковскому было то, что тот в своем поэтическом творчестве сам оказался не на высоте собственных теоретических требований.

Вопрос о вотчинах церкви - это и память о спорах времен Никона, и влияние Германии, где князья-лютеране укрепили свое благосостояние и власть за счет секуляризации церковных земель. В петровской России церковь превратилась в государственное ведомство, а главой ее стал сам император, царь при надобности мог переливать колокола на пушки, не опасаясь протеста митрополитов. Однако взгляд Кантемира - это взгляд отчасти со стороны, из Молдавии, где ситуация была иной. Проводя церковную политику с дальним прицелом - встать во главе православного мира вместо поверженной Византии (см.: Атанасов 2000 и др.), господа щедро наделяли церковь землями. Церковь в Молдавии имела вотчины в десятки сел - хоть они, наравне с боярскими, и были разбросаны по всей стране, никогда не составляя единого массива. Только церковные феодалы пользовались в Молдавии правом иммунитета (см. подробно: Советов 2001-2002). Существовала и практика «приклонения» монастырей - превращения их в филиалы духовных центров Афона и Синая. В XVIII в. молдавская церковь была гораздо более независимой от светской власти, чем в России после падения Никона. Потому-то, видимо, сын господаря уделяет этому вопросу особое внимание, вынося его в самое начало первой сатиры.

Вся Сатира II (*«На зависть и гордость дворян»*) - насмешка над родовым чванством. Конечно, это было в духе политики Петра, выдвигавшего незнатных, но талантливых людей. Но опять же видна тут специфика мировоззрения автора: в Молдавии родовитость не значила так много, как в России. Вскоре, в 1746 г., господарь Константин Маврокордат подведет итог сложившемуся положению, постановив: «Боярин - это тот, кто служит».

Знаменитый финал Сатиры V отмечен всеми советскими историками литературы. Это рассказ о крестьянине, жалующемся на свою судьбу и завидуящем (напрасно, как он вскоре убеждается) участи солдата. Этот образ «открывает крестьянскую тему в русской литературе. Кантемир первым из русских писателей дал правдивое и сочувственное изображение крепостного крестьянина, жалующегося на свою тяжелую судьбу, — и в этом незабываемая заслуга писателя перед русской литературой» (Прийма 1956: 18-19). В Молдавии грань между крестьянством и низшими служилыми не была столь резкой, как в России, и крестьянские проблемы здесь были заметнее. Здесь не резало бы слух утверждение: «плоть в слуге твоей однолична» (II, 292). А ведь во времена, когда жил сатирик, крестьяне и к народу-то не причислялись - таковым считалось только дворянство. Еще его просвещенный отец в *«Описании Молдавии»* изложил легенду о происхождении молдавского народа от «римской молодежи», пришедшей с

Драгошем и заселившей «молдавскую землю, опустошенную татарскими нашествиями, новыми колонистами *из крестьян, пригнанных из Польши*» (Кантемир 1973: 139-140; курсив мой - Л.М.).

Наконец, особо стоит остановиться на Сатире IX - «*На состояние сего света (К Солнцу)*». Главная мишень тут - церковь. Тема уже в те дни не новая, но среди общих для эпохи Просвещения мест (упреки в невежестве, косности, корыстолюбии) у Кантемира пробивается еще один мотив - национализм. Вот жалуется священник официальной церкви:

Как такие исцелят души своей раны,
Что не трепещут смело знаться с бусурманы?
Каки б они ни были, да только не русски;
Надобно б их отбегать: уж в них путь не узкий,
Но широкие врата к пагубе доводят
Они ж, несмотря на то, смело туда входят!

(Сатира IX, 105-110).

Комментарий автора к этому стиху: «Весьма бы то здоровое учение было, если б он учил веры бусурманской отбегать; но то беда, что он вообще учит их не любить, каковы б они ни были, а должность пас-тырская первая - то, что, умножая по закону божию братолюбие...».

А вот что говорит соперник этого священника - старовер:

«Как, - говорит, - библию не грешно читать,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно...».

(Там же, 31-34)

Слухом о сожжении (!) в середине июля 1738 г. в Петербурге некоего капитана за переход в иудейство Кантемир был потрясен: сатира, датированная концом того же месяца, написана явно под свежим впечатлением от дикой новости: «О, как безумные и дерзкие невежды! Причина ли библия святая дьявольского того орудия погибели?».

Просвещение в России было начато деятельностью выходцев из Украины и Белоруссии, уже затронутых общеевропейским процессом. Роль их была настолько велика, что позволила Н.С. Трубецкому выдвинуть смелый тезис: в XVII-XVIII вв. произошла украинизация русской культуры, причем этот процесс - в отличие от вестернизации — он приветствовал (Трубецкой 2007 (1927)). При этом князь Трубецкой (2007 (1927): 499, сн.1) оговаривается, что в XVII в. «различия между малороссами и белорусами не делалось», поэтому, говоря об украинских деятелях, он включает в их число и белорусских. С этим можно спорить, но факт налицо: достаточно назвать яркие фигуры Симеона

Полоцкого или Феофана Прокоповича. Но в этом просветительском движении заметна и молдавская струя. Еще Иван Пересветов вкладывал мудрые речи в уста Петра Рареша. Феофан Прокопович был выпускником Киево-Могилянской академии, основанной Петром Могилей и сохранившей заложенные им традиции. Николай Спафарьев (Милеску Спэтару) был видным дипломатом, первым русским послом в Китае и зачинателем русского китаеведения. Наконец, сами Кантемиры - отец и сын!

Антиох Кантемир действовал в русле движения, враждебного узкому традиционализму «стародумов». В ходе политической борьбы 1730 г. «Кондиции», ограничивавшие самодержавие, Анне навязали «верховники» - аристократы из старейших московских родов. Их победа привела бы к превращению России в республику олигархических родов, вроде Речи Посполитой. А петицию в защиту просвещенного самодержавия составили три человека: *малорус* Феофан Прокопович, *великоросс* Василий Татищев и *молдаванин* Антиох Кантемир. Это была программа самоутверждения мировой державы, не делящей своих подданных по племенному признаку. И русское дворянство пошло за этой программой, а не за магнатами.

В Россию Антиох Дмитриевич был привезен трехлетним ребенком, и все же временами испытывал комплекс эмигранта - чужого повсюду. «Кто я таков — не скажу, а вот мне примета: Не русак, дик именем, млады мои лета»; «Аще и росски пишу, не росска есмь рода» - пишет он о себе в эпиграммах (*Автор о себе, II, III*). Но в то же время к французской знакомой обращается: «Мы, русские...» (Прийма 1956: 23). На современный язык это переводилось бы: «мы, россияне». Культурная близость молдаван и русских позволяла ему чувствовать себя в России своим - в отличие, например, от немцев из свиты Бирона, — поэтому племенной национализм был ему заметнее. Тем более что Молдавия отличалась национальной и религиозной терпимостью. В этой стране, лежащей на перекрестке народов и культур, никогда не было ни национальных распрей, ни преследований за веру, зато господа охотно принимали в стране и гуситов (при Александре Добром), и русских старообрядцев.

А.Д. Кантемир не мог не понимать, что ни Анна, ни Елизавета не годятся на роль идеального просвещенного монарха. В последние годы он явно надеялся на нового наследника - Петра Федоровича, будущего Петра III, память о котором в русскую историю вошла в версии его убийц во главе с «безутешной» вдовой. Легенде о «голштинском выродке» нельзя верить ни в одном слове. Петр не был талантливым монархом, но намерения у него были честные и неглупые, да и сделать он успел немало. Как только он был объявлен наследником, Кантемир из Парижа поздравил его. Судя по теплому ответу 14-летнего

Петра («Сударь, я наилучшим образом отблагодарю, когда это будет возможно, ту преданность и уважение ко мне, которую Вы так живо выразили в письме...»), а также по тому, что именно в этом письме к вельможе и поэту, находящемуся в почетной ссылке, наследник сделал едва ли не первое программное заявление («Так как я всегда буду следовать пути Петра Великого...»), речь шла о большем, чем протокольный обмен любезностями (Мыльников 1987: 159-160). Осовременивая термины, можно сказать, что Кантемир был в то время чем-то вроде привилегированного диссидента, и наследник демонстративно сделал первый шаг именно в его сторону. Во всяком случае, именно в царствование Петра III впервые стало возможным легальное издание сатир Кантемира на родине. Приказание об издании сатир подписали в феврале 1762 г. М.В. Ломоносов и Я. Штелин (Прийма 1956: 34, 48-49). Следующее издание стало возможным лишь в 1836 г., и только в 1851 г. Николай I лично указал: «По моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать» (там же: 34).

Первый поэт новой России скончался в Париже, не дожив до 36 лет. Тело его было перевезено в Москву и похоронено в Никольском греческом монастыре, рядом с отцом. Там оно и покоилось почти 200 лет. Затем могилы едва не стали жертвой тогдашнего «советского» вандализма - борьбы с «наследием царского режима». Монастырь был обречен на разрушение. Однако вмешалось румынское правительство, по настоянию которого прах семьи Кантемиров в 1936 г. был перевезен в Яссы и заново погребен в церкви Трех Святителей, рядом с прахом других молдавских господарей. Там и покоится ныне Антиох Дмитриевич Кантемир — молдаванин, стоявший у самого истока великой русской литературы.

* * *

Конечно, сатира Кантемира - это не «карающая лира» Некрасова («питая ненавистью грудь...»). Он надеется лишь на просвещенного монарха, ему видны пороки всех сословий. По словам того же Белинского, Кантемир не столько бичует противников, сколько сечет их лозой: они скорее смешны, чем страшны, и тратить на них гнев светлейшего князя — слишком много чести. И, тем не менее, он впервые в России назвал свою сатиру «смехом сквозь слезы» — слова эти стали крылатыми с легкой руки Кантемира: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу» (Сатира IV, 36). Однако многие темы, ставшие для русской литературы вечными, звучат у Кантемира впервые.

Это тема гражданского долга, долга не перед царем, а перед собой и согражданами-россиянами («Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может»). Он первым ввел в русский язык гордое слово «гражданин» — то есть человек, осознающий свой долг не перед властью, но

перед Отечеством. То самое слово, которое более полувека спустя император Павел попытался изгнать из русского языка, заменив на «обыватель» (житель).

Это - голос в защиту «народа», как мы бы сказали еще недавно - крестьян и солдат-рекрутов. Хотя, конечно, князь Антиох Дмитриевич - еще не «бунтовщик» Радищев.

Это - принципы гуманного воспитания (Сатира VII), позже развитые в систему И.И. Бецким. Да и многое другое.

Много позже Г.Р. Державин сделал к портрету А.Д. Кантемира надпись:

Старинный слог его достоинств не умалит.

Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит.

ЛИТЕРАТУРА

Атанасов Г. 2000. Иконография образа «Святой Георгий на троне» в средние века // *Stratum plus*, 2000, № 6 (Печать презренного металла). С. 290-296.

Белинский В.Г. 1948 (1845). Кантемир // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. М., ОГИЗ, 1948. С. 732-753.

Кантемир А.Д. 1956. Собрание стихотворений. Л., Советский писатель. (Библиотека поэта; Большая серия).

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Пер. с лат. Л. Панкратова. Общ. ред., вст. ст., примеч. и коммент. проф. В.Н. Ермуратского. Кишинев, Картя молдовеняскэ. — 222+XXVIII с.

Кропоткин П.А. 2004 (1905). Идеалы и действительность в русской литературе // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., Эксмо, 2004. (Антология мысли). С. 253-592.

Лурье Я.С. 1981. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Тексты и пер. с древнерус.] / Текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; [Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье]. М., Наука, 1981. — 431 с. (Лит. памятники). С. 214-249.

Мыльников А.С. 1987. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., Наука. — 174 с. («Из истории мировой культуры»).

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Тексты и пер. с древнерус.] / Текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; [Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье]. М., Наука, 1981. — 431 с. (Лит. памятники).

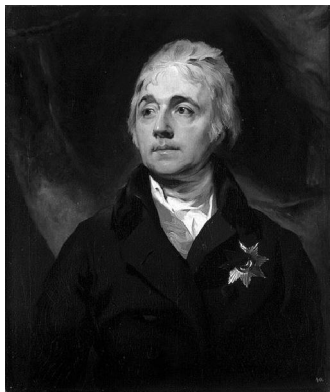
Прийма Ф.Я. 1956. Антиох Дмитриевич Кантемир // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., Советский писатель. С. 5-52.

Советов П.В. 2001-2002. Преступление и наказание (Очерки истории обычного права и законодательства средневековой Молдавии) // *Stratum plus*, 2001-2002, № 6 (Знамения цивилизаций). С. 26-151.

Трубецкой Н.С. 2007 {1927}. К украинской проблеме; Ответ Д.И. Дорошенко // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., Эксмо. С. 498-522, 546-563.

Наталья АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» СЕМЕН ВОРОНЦОВ

На юге Молдавии, недалеко от городов Кагул и Вулканешты, сохранилась группа памятников, воздвигнутых в честь исторических военных побед, одержанных Россией в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. Возведенные на местах сражений русской армии против войск османской Турции, они одновременно являются символом уходящих в далекие времена тесных связей русских, молдаван, украинцев и белорусов.

Напомним, что причиной этой войны было стремление Турции помешать России решить черноморскую проблему. По-

водом же к началу военных действий послужила Польша. В 1763 г. православный епископ Белорусский Георгий Конисский подал императрице Екатерине Великой жалобу на жестокие притеснения православных в Белоруссии, Литве, Подолии, Галиции и Волыни со стороны католиков. Екатерина II потребовала от польского правительства одинаковых прав населявших эти земли православных с католиками. Польское правительство, хотя и неохотно, но уступило требованиям России. (Пруссия также добилась тех же прав для протестантского населения.) Тогда вооруженная политическая оппозиция (конфедераты), пытавшаяся отменить решения правительства, объявила, что Россия притесняет в Польше «веру и свободу», и сумела уговорить Турцию объявить России войну.

Летом 1770 г. русская армия под командованием выдающегося полководца Петра Александровича Румянцева одержала крупные победы в сражениях при р. Ларге (7 июля), а через две недели (21 июля) – у р. Кагул, в ходе которых были разгромлены объединенные турецко-татарские силы. Успехам русских войск способствовали и помощь местного населения, и широкое участие вставших на сторону России против общего врага отрядов молдавских волонтеров.

В честь победы при Ларге в 25 км от г. Кагула в 1914 г. был установлен девятиметровый гранитный обелиск. Еще раньше, в середине XIX в. (1844-1849 гг.), на месте Кагульской битвы попечением тогдашнего генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской

области Михаила Семеновича Воронцова был воздвигнут один из наиболее величественных в России монументов, задуманный и создаваемый как памятник победам П.А. Румянцева. Находится он на окраине Вулканешт, на месте, где в центре турецких укреплений стоял роскошный шатер визиря Халил-паши.

В полукилометре от монументальной Кагульской колонны одновременно с нею был открыт еще один обелиск, относительно скромных размеров (высота иглы равна 6,5 м), но выразительный, воспроизводящий знаменитый обелиск египетской царицы Клеопатры. Этот памятник был сооружен М.С. Воронцовым в честь своего отца – Семена Романовича Воронцова (1744-1832), героически отличившегося в Кагульской битве.

В ряду громких в истории России XVII-XIX вв. династий, отмеченных родовыми чертами дарований и заслуг перед Отечеством, стоит и семейная группа Воронцовых. Однако не всем из ее членов досталось равное место на поприще общественной и государственной деятельности и одинаковая степень исторической популярности. Заслуженная деятельность одних оказалась заслоненной деятельностью более выдающихся ее представителей. Так случилось и с Семеном Романовичем Воронцовым. Он был отцом знаменитого сына – Михаила Семеновича Воронцова (1782-1856), который еще смолodu приобрел вполне заслуженную известность одного из способнейших и образованнейших генералов и правителей, а впоследствии достиг высшей степени в служебном положении – светлейший князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургской Академии наук, генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский (1823-1844), наместник на Кавказе (1844-1854).

По сравнению с яркой известностью сына имя Семена Романовича Воронцова в истории осталось полузабытым.

Воронцовы принадлежали к русскому дворянскому роду польского происхождения, предки которых в первой половине XVII в. приняли русское подданство. Дед С.Р. Воронцова, современник Петровского времени Илларион Гаврилович Воронцов (1671-1750), статский советник и ростовский воевода, имел трех сыновей: Романа, Михаила и Ивана. Михаил Илларионович - известный государственный деятель эпохи императрицы Елизаветы Петровны. Свою службу начинал еще при цесаревне Елизавете, в пору, когда во времена императрицы Анны Леопольдовны она находилось в опале: был ее камер-юнкером и личным секретарем, участвовал в государственном перевороте при свержении Анны Леопольдовны (стоял позади саней, на которых в ночь на 25 декабря 1741 г. цесаревна Елизавета Петровна ехала в казармы Преображенского полка). После ее воцарения на престоле и провозг-

лашения императрицею Всероссийскою сделался камергером двора ее Величества, владельцем богатых поместий. В 1744 г. 30 лет отроду получил пост вице-канцлера, а в 1758 г. стал государственным канцлером.

Старший брат Роман Илларионович, отвозивший в заточение свергнутую императрицу Анну Леопольдовну, благодаря влиянию брата также занимал довольно видное положение при дворе Елизаветы Петровны: был сенатором и имел чин генерал-аншефа, Андреевский кавалер при Петре III, при Екатерине Великой – сначала в опале, а затем наместник Владимирской и Костромской губерний. От брака с Марией Ивановной Сурминой (1718-1745) имел пятерых детей. Это: Мария Романовна, вышедшая замуж за сенатора, графа П.А. Бутурлина; Елизавета Романовна, камер-фрейлина и кавалерственная дама двора Петра III, известная как его фаворитка; граф Александр Романович, президент (министр) Коммерц-коллегии при Екатерине Великой, а впоследствии – при Александре I – государственный канцлер; Екатерина Романовна, знаменитая княгиня Дашкова (в замужестве), с 1783 по 1796 гг. президент Российской Академии наук; и, наконец, граф Семен Романович Воронцов, знаменитый русский посол в Лондоне. Родился в Москве 2 июня 1744 г. Лишившись на втором году матери, вместе с другими братьями и сестрами фактически находился на обеспечении своего дяди – канцлера М.И. Воронцова, старавшегося дать им приличное воспитание и образование, и в доме которого будущая княгиня Дашкова получила возможность развить свои незаурядные способности, поставившие ее на уровень просвещеннейшей женщины России своего времени. Во время ее десятилетнего пребывания за границей (с 1769 по 1796 гг.) она встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. Именно в доме М. И. Воронцова произошла первая встреча еще 15-летней Екатерины Романовны с великой княгиней, будущей Екатериной Великой, которой, как пишет Е. Дашкова в своих «Записках», тогда «навсегда отдала свое сердце».

Сам граф С.Р. Воронцов первоначально получил «легкое французское обучение», но от своего дяди-канцлера и, в особенности, от своего старшего брата Александра, одного из образованнейших людей, «заразился страстью к чтению, которую сохранял в себе до глубокой старости».

9-летним мальчиком граф С. Р. Воронцов был принят в число пажей при дворе императрицы Елизаветы Петровны, а через 7 лет уже состоял в придворном чине кавалер-пажа. За неделю до предстоящего по уставу выпуска из камер-пажей в офицеры гвардии скончалась Елизавета Петровна, и новый император Петр III в знак своего благоволения к молодому кандидату на офицерский чин пожаловал новое при-

дворное звание камер-юнкера. Однако Семен Романович, с детства мечтавший о военной службе, добился замены придворного звания офицерским чином поручика и назначения в гренадерскую роту Преображенского полка. Кроме того, он упросил императора направить его к графу П.А. Румянцеву, командовавшему в то время русской армией в Померании, готовившейся к объявленному военному походу против Дании. Но отъезд в армию не состоялся из-за государственного переворота 28 июня 1761 г. В день, когда С.Р. Воронцов уже садился в экипаж, собираясь предварительно посетить Ораниенбаум – резиденцию Петра III, чтобы получить из рук императора предписания для графа Румянцева, разнеслась весть о том, что Измайловский полк уже присягнул на верность великой княгине Екатерине. «Мне было тогда всего 18 лет, я был нетерпелив, как француз и вспыльчив, как сицилиец, - писал С.Р. Воронцов в своей «Автобиографии». – Я пришел в невыразимую ярость от этой вести». Он спешит в свой полк в надежде вместе с другими офицерами подать другим полкам пример верности законному императору – внуку Петра Великого (Петр III был сыном старшей дочери Петра I). Однако провидение решило иначе. Гвардейцы Преображенского полка вслед за другими присягнули новой императрице Екатерине II. Петр III был свергнут, а сам С. Р. Воронцов был арестован.

Перемена царствования отразилась на положении семейства Воронцовых, особенно со стороны имущественных прав. За исключением княгини Е. Дашковой, находившейся в дни переворота возле своей венценосной подруги и старшего брата Александра, в то время возглавлявшего дипломатическую миссию в Англии, все остальные Воронцовы отказались присягнуть новой императрице. Некогда активный участник Елизаветинского переворота, канцлер граф М.И. Воронцов был подвергнут домашнему аресту; отец и сестра Елизавета были также арестованы и высланы из Петербурга.

Воронцовы лишились силы и влияния. Очевидно, что Екатерина II никогда не забывала всех обстоятельств своего воцарения и не видела для себя повода верить в сочувственное к себе расположение графов Воронцовых. В то же время со свойственным ей «государственным умом» она не стала полностью отстранять от дел не угодную ей лично, но «способную в служении Отечеству и уважаемую в обществе» семью Воронцовых. Она только держала их на расстоянии.

Старый канцлер М.И. Воронцов после смерти Петра III (скончавшегося вскоре после переворота при невыясненных обстоятельствах) продолжал еще некоторое время занимать свою должность, но играл уже роль более представительскую, чем деятельную, а затем и вовсе вышел в отставку.

Старший брат Александр во времена Екатерины II был видным сановником, оставаясь на дипломатической службе сначала в Англии, а затем возглавлял дипломатическую миссию в Вене. Однако императрица его не жаловала, хотя и не отказывала в своем внимании.

Отношение же ее к самому графу С.Р. Воронцову, как пишет его биограф, «носило постоянно тот же характер холодного уважения к личным достоинствам и довольно равнодушного признания его заслуг. Заслуги награждались, но без особой щедрости».

После проведенных со дня переворота 11 дней под арестом С.Р. Воронцову по велению Екатерины II была возвращена шпага и разрешено продолжить военную службу. Однако молодой впечатлительный граф не смог сразу примириться с новым порядком вещей. Он добился перевода из гвардии (которой не простил предательства) в армейский полк, а в 1766 г. в чине майора вышел в отставку. Правда, ненадолго, когда в 1768 г. Турция объявила войну России, С.Р. Воронцов высказал желание вновь вернуться на службу и тотчас отправился в действующую армию к П.А. Румянцеву. Известно, что сам Румянцев, питавший благоговейную преданность памяти Петра Великого и примкнувший к императрице Екатерине лишь после смерти свергнутого Петра III, проникся к молодому графу Воронцову взаимным уважением. Румянцев отдал под его командование один из гренадерских батальонов, который постоянно находился в авангарде действующей армии, участвуя не только в самих сражениях, но и в нескольких других операциях, где действовал один авангард. Так, за несколько дней до битвы при Ларге С.Р. Воронцов во главе отряда из 200 егерей успешно выбил с позиции до 3 тысяч турок, засевших в кустарнике вдоль всей линии фронта и обстреливавших русских солдат, «как уток», что крайне беспокоило лагерь. За участие же в самой битве при Ларге С.Р. Воронцов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Особенно отличился Семен Романович в Кагульском сражении, когда во главе своего батальона первым ворвался в одно из сильнейших турецких укреплений, взял его с боем, овладев 40 пушками и отбив два знамени Московского полка, за четверть часа перед тем разбитого турками. Эти отличия были отмечены Румянцевым в краткой, в 12 строк, реляции императрице на самом поле сражения. Как известно, за одержанную в Кагульской битве победу Румянцеву был пожалован чин фельдмаршала и титул Задунайского. Граф С.Р. Воронцов за боевые заслуги был отмечен Георгиевским Крестом 3-й степени и чином полковника.

Участвуя спустя 2 года в штурме турецкой крепости Силистрия, С.Р. Воронцов со своим полком, состоявшим из не более 600 чел., был окружен и атакован 10-тысячным отрядом турецкой конницы и отби-

вался, удерживая свои позиции, пока не подошло подкрепление. Однако доблестное поведение графа Воронцова не было отмечено никакой наградой. Только после заключения Кучук-Кайнарджийского мира (1774 г.), где Воронцову пришлось участвовать в редактировании статей трактата на итальянском языке (употреблявшемся тогда Портою в дипломатических актах), граф был произведен в бригадиры (в XVIII в. армейский чин выше полковничьего). Поистине, заслуги награждались, но без особой щедрости!

Очевидные несправедливости, связанные с задержками в повышении и наградах, создавали серьезные препятствия его карьерному росту на военном поприще, хлопотать же за себя не позволяли природная гордость и скромность. Эти качества личности графа С.Р. Воронцова отмечали многие близко знавшие его современники. Вот характеристика, которую дал Воронцову английский дипломат Дюшилью, в 1780-х гг. возглавлявший английскую миссию в Турции: «Я поистине не встречал человека, который бы соединял в себе столько блистательных свойств ума и любезных качеств, увенчанных скромностью и совершенным отсутствием тщеславия. Благородная наружность, учтивое ласковое обращение соединялось с горячим сердцем, возвышенным умом и редким благодушием». В подтверждение же своих слов Дюшилью приводит следующий рассказ: «Как-то на обеде у герцога Нертумберланда зашла речь о главной для России войне с Турцией, в особенности о сражении при Кагуле... Я спросил у графа Воронцова, был ли он в этом деле. Он очень просто и кратко ответил: "Да, был". Когда мы расходились, генерал Клинтон, который находился при русской армии в качестве волонтера, сказал нам: "Знаете ли вы, как он там был при Кагуле? Вся русская сила состояла в 18 тысячах, а у турков было 150 тысяч. Граф Воронцов повел атаку против сильных неприятельских укреплений, взял штурмом редут, и турецкая армия ретировалась в беспорядке. Победа была блистательная. Вот как Воронцов был при Кагуле!"».

Служебные перипетии, сильно подорванное четырехлетней военной походной жизнью здоровье, а также стесненное материальное положение – не очень большие средства (все поместья, изъятые у Воронцовых после переворота 1761 г., были возвращены лишь при Александре I), большей частью уходившие на содержание полка и поддержку бедных офицеров, окончательно укрепили его в решении оставить военную службу. В 1776 г. С.Р. Воронцов вышел в отставку в чине генерал-майора.

Последующие шесть лет, прежде чем судьба круто изменила его жизнь, определив на совершенно иной путь государственной деятельности, граф Воронцов жил поначалу достаточно уединенно, а в 1781 г.

женился на Екатерине Алексеевне, дочери адмирала Алексея Наумовича Синявина, кавалера орденов Андреевского и Владимирского 1-й степени. Вскоре в семье родился первенец – сын Михаил, а еще через год – дочь Екатерина. В 1783 г. указом императрицы Екатерины Великой граф С.Р. Воронцов был призван на дипломатическую службу – возглавить новое дипломатическое представительство в Венецианской республике, а в 1785 г. по его просьбе его переводят в том же ранге полномочного министра в Лондон, на место, которое некогда занимал его брат Александр. К этому времени овдовев (в 1784 г. жена умерла от чахотки), с двумя маленькими детьми С. Р. Воронцов переезжает в Англию, где в течение 20 лет успешно для России возглавляет дипломатическую миссию. Например, когда в 1789 г. возобновилась война с Турцией, Воронцов добился от английского правительства разоружения флота, уже снаряженного для помощи Порте, а позже возобновил торговый трактат России с Великобританией (1793 г.).

С воцарением императора Павла I С.Р. Воронцов был возведен в ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1799 г. ему была предложена вакансия государственного канцлера. Но подготовка к переезду в Россию совпала с болезнью дочери, в связи с чем Воронцов попросил отсрочить свой отъезд из Англии, а вскоре он получил разрешение остаться на прежнем посольском месте. Эту должность он сохранил и после вступления на престол императора Александра I до 1806 г., когда получил Высочайшее удовлетворение на свою просьбу об отставке и разрешение остаться в Англии. Дело в том, что к тому времени Семен Романович укрепил и личную связь со страной, где провел большую часть своей жизни, выдав свою дочь Екатерину Семеновну Воронцову замуж за одного из именитейших представителей английской аристократии – графа Лемброка-Монтгомери, лорда Герберта, генерал-лейтенанта Королевско-Британской армии и кавалера высшей британской награды – ордена Подвязки.

Живя постоянно за границей, мало общаясь со своими соотечественниками, граф С.Р. Воронцов остался русским человеком, верным православной вере и обычаям Родины. Он устраивал у себя званые обеды или банкеты, а сам соблюдал посты. После своей отставки он специально поселился в старинном, но бедном квартале Лондона, где находилась русская церковь, чтобы чаще в ней бывать; при выходе из церкви он всегда раздавал милостыню. Он первый внес 500 фунтов стерлингов, а за ним пошла подписка всей знати на устройство богадельни для престарелых лондонских бедняков. Позже в ее прихожей был установлен бюст С.Р. Воронцова с надписью, что он является основателем богадельни, а улица, ведущая к ней, называлась Woronzow road.

До глубокой старости граф Воронцов сохранял душевную бодрость и не прекращал умственных занятий. В самые последние дни жизни почти 90-летний старец, не желая ночью будить слугу, отправился в библиотеку, которая находилась ярусом выше. Оступившись, он упал с лестницы.

Умер С.Р. Воронцов 9 (21) июня 1832 г. в Лондоне. По его желанию был погребен недалеко от русской церкви. Прах его, по-видимому, до сих пор покоится в земле, хотя и близкой ему, но все-таки чужой для русского сердца и духа. Действительное признание этого человека заключается в его высшей и многогранной деятельности. Заслуги, оказанные графом С.Р. Воронцовым своему Отечеству, дают ему право на историческое имя.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко Станислав. Брат против брата. Киевские ведомости. № 176 (3562), 23 августа 2005.

Захарова Оксана. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, Бизнес-Информ, 2004.

Сто великих аристократов. М., Вече, 2003.

Владимир АНИКИН

ОРГАНИЗАТОРЫ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕССАРАБИИ (XIX – начало XX в.)

Единственное светское среднее учебное заведение в Бессарабии – Кишиневская областная, впоследствии губернская, первая мужская гимназия приняла первых учащихся 12 сентября 1833 г. Оглядывая более чем столетний период существования этого учебного заведения, можно без преувеличения сказать, что оно сыграло выдающуюся роль в духовной жизни Бессарабии. Многие десятилетия все лучшее в культурном отношении в крае группировалось вокруг нее. Питомцы гимназии положили начало многим просветительным и благотворительным учреждениям, были главными проводниками благородных начал в жизни местного общества, а иные заявили о себе с наилучшей стороны далеко за пределами Бессарабии¹.

Первым, кто непосредственно ходатайствовал (не без настоятельной просьбы родителей будущих учащихся) перед начальством об открытии в областном центре гимназии, был управляющий Дирекции народных училищ Бессарабской области, магистр словесных наук, профессор Ришельевского лицея (в г. Одессе) Илья Гриневич. Тем более, что именно при нем (в 1828 г.) предписанием из Министерства народного просвещения правление Харьковского университета (как попечитель учебных заведений нашего края) открылись уездные гражданские училища в городах Кишиневе, Бельцах, Хотине, Аккермане, Бендерах, Измаиле, Рени и Килии. Более того, по инициативе Гриневича при Кишиневском уездном училище были организованы два специальных класса, в которых обучались наиболее способные учащиеся, готовившиеся к поступлению в гимназию. Да и в других уездных училищах было достаточно перспективных учеников. Дело Гриневича продолжил также профессор Ришельевского лицея П.В. Архангельский, который добился выделения из казны необходимых денежных средств (37 тыс. руб.) на содержание будущей гимназии, позаботился о выписке учебников, учебных пособий и инструментов, о создании библиотеки, приспособил, насколько это было можно, учебную программу к местным обстоятельствам. Наконец, решил вопрос о наеме дома, более-менее удобного для размещения четырех-пяти классов гимназии, библиотеки, книжного магазина, квартиры для проживания директора,

кабинетов для канцелярии и инспектора, оборудовании гимназических помещений «приличной мебелью».

Профессор П.В. Архангельский лично подобрал штат преподавателей (большинство из них закончили Московский и Харьковский университеты и Ришельевский лицей), «привел их к присяге», «отобрал» обязательную для того времени подписку о непринадлежности к ма-сонским ложам и противоправительственным обществам, лично дал первый толчок школьной жизни гимназии². Открыты были первые три класса, учеников поступило сорок два. И, как часто это бывает, мавр, сделав свое дело, должен был уйти. Ожидали нового директора.

После ухода профессора П.В. Архангельского и последовавшей за этим череды сменявших друг друга директоров учебно-воспитательная жизнь гимназии стала налаживаться благодаря твердой руке нового директора И.А. Нелидова, ставшего у руля гимназии в 1838 г. и оставшегося на «капитанском мостике» без малого целых пятнадцать лет. Иван Александрович Нелидов происходил из дворян Смоленской губернии. Обучался в кадетском корпусе, служил в артиллерии, затем в лейб-гвардии. Уволился со службы в чине штабс-капитана (1827 г.). Состоял попечителем, был предводителем дворянства одного из уездов на Смоленщине. В 1838 г. назначен директором училищ Херсонской губернии, а с августа того же года утвержден в той же должности по Бессарабской области, одновременно возглавив Кишиневскую первую гимназию.

Для наведения порядка в гимназии требовалась твердая рука. Как бывший военный, имевший к тому же немалый жизненный опыт, И.А. Нелидов подходил для этой роли как никто другой. Он обратил внимание на внешнюю выправку и опрятность учащихся, обязательное ношение официально утвержденной гимназической формы (на первых порах нестриженных учащихся и без формы не допускали к занятиям и даже подвергали взысканиям). Особое внимание директор уделял стабилизации преподавательского состава, благодаря чему со временем удалось добиться значительного снижения пропуска занятий, особенно по неважным причинам как со стороны учителей, так и учащихся. Особенно решительно И.А. Нелидов использовал предоставленное «высочайшим повелением» по Министерству народного просвещения право увольнять

И.А. Нелидов

по своему усмотрению, без согласования с высоким начальством, «не способных к исправлению возложенных на них должностей... во всякое время года... без объяснения причин»³.

В лице И.А. Нелидова тогдашний попечитель Одесского учебного округа Княжевич нашел верного единомышленника в искоренении «царствовавшего» на уроках многих преподавателей «нелепого зубрежа», случаев часто неконтролируемого/несдержанного грубого обращения преподавателей с нерадивыми учениками, во внедрении обновленных учебных программ, повышении роли педагогического совета в учебно-воспитательной жизни гимназии, привлечении учителей к научным исследованиям, поиске эффективных мер по улучшению преподавания русского языка и словесности. Много сил и старания вложил директор в преобразование учебно-воспитательного процесса в соответствии с новым уставом гимназий 1849 г., потребовавшего разделения гимназического обучения на общее (с I по III классы) и специальное (с IV по VII классы). Кишиневская гимназия стала одной из первых в России, где преподавался курс законоведения (с подачи тогдашнего Бессарабского военного губернатора П.И. Федорова).

При И.А. Нелидове руководимая им гимназия находилась на неплохом счету. По крайней мере, посетивший это учебное заведение в 1847 г. попечитель одесского учебного округа Бугайский «выразил Нелидову благодарность за хороший порядок, найденный им»⁴. Будучи сам трудолюбивым и участливым ко всему происходящему вокруг, он сумел сплотить дружный коллектив преподавателей, достойно и одобрительно отзывался в ежегодных отчетах о их деятельности, аккуратно представлял подчиненных «либо к наградам денежным, либо к награде чином или орденом». Он настойчиво ходатайствовал об увеличении окладов учителей и служащих гимназии «в виду большой дороговизны местной жизни».

В целом деятельность Ивана Александровича Нелидова была весьма плодотворна для гимназии, несмотря на трудности, связанные с переустройством учебно-воспитательного процесса согласно новым уставам, принятым в 1844 и 1849 гг. При нем состоялись первый и последующие четырнадцать выпусков. Многие годы спустя, после трагической смерти И.А. Нелидова от холеры, преподаватели и учащиеся «времени Нелидова» вспоминали добрым словом своего наставника.

Преемником И.А. Нелидова оказался Кирилл Петрович Яновский, уроженец Черниговской губернии, выпускник Черниговской гимназии и Киевского университета, кандидат физико-математического факультета. До перевода в 1852 г. в Кишиневскую гимназию старшим преподавателем математики К.П. Яновский учительствовал в Ровенской и Второй Одесской гимназиях. В Кишиневе он преподавал космогра-

фию, математику и физику в старших классах. Не удовлетворяясь оснащением физического кабинета, он добился от Бессарабского дворянского собрания немалых средств на покупку необходимых современных приборов, за которыми лично поехал в Париж. Физический кабинет Кишиневской гимназии по праву считался лучшим в Одесском учебном округе. Удовлетворяли ре визоров и знания экзаменующихся воспитанников по физике и математике.

Не без особого доверия тогдашнего попечителя Одесского учебного округа Н.И. Пирогова, К.П. Яновский как лучший педагог назначается инспектором Кишиневской гимназии (1857). Про нового назначенца говорили, что он поражал окружающих своими глубокими знаниями, самостоятельностью суждения и слыл, что называется, «педагогом от Бога». Прогрессивным для своего времени было кредо К.П. Яновского в педагогической работе, не утратившее значения и сегодня: нравственные качества человека составляют лучшее его достоинство и могут сделать человека истинно полезным членом общества. Он постоянно общался с учащимися, вникал в их интересы и запросы, знал сильные и слабые стороны характера практически каждого в отдельности гимназиста, личным примером увлекал на добрые дела. Как никто другой, по воспоминаниям выпускников, он умел возбудить работу мысли, «направить ум и сердце» воспитуемых.

Много пришлось потрудиться К.П. Яновскому в сфере повышения дисциплины и качества преподавания самих педагогов. Для учеников устроили библиотеку с еженедельной выдачей книг для внеклассного чтения. Причем учителя русского языка требовали от гимназистов отчета о прочитанном. Практиковались занятия лучших учеников со слабейшими, наставничество и даже соревнование в добрых поступках. Поощрялось ведение ученических дневников о событиях в гимназической жизни, публичная, доселе почти забытая похвала добрых дел и поступков.

К.П. Яновский

почти забытая похвала добрых дел и поступков. Наказание учащихся розгами, как правило, заменялось более щадящими и, как оказалось на практике, более эффективными воспитательными мерами воздействия (замечание, выговор, внесение имени виновного в «штрафной» журнал, лишение отпуска и т.д.). Словом, Кирилл Петрович Яновский представлял, говоря современным языком, педагога новой формации, развивая, в первую очередь, нравственные и умственные способности воспитанников, используя для этого различ-

ные педагогические приемы. К примеру, большим успехом у учащихся пользовались так называемые «вечера у Яновского», проводившиеся у него на квартире (при гимназии), а также кружок самообразования, где сгруппировались молодые учителя, которые со временем удачно заменили вышедших в отставку ветеранов или убывших по службе преподавателей.

Не случайно в 1863 г. на должность директора ставшей ему родной гимназии получил назначение инспектор К.П. Яновский. Ему не пришлось все начинать заново. Укреплению взаимной профессиональной связи между учителями и развитию самообразования способствовало проведение по инициативе нового директора «педагогических вечеров», на которых заинтересованно обсуждались различные насущные вопросы гимназической жизни, а также проходило знакомство с новинками педагогической (отечественной и зарубежной) литературы. Для улучшения воспитания и обучения по инициативе К.П. Яновского по примеру германских гимназий был учрежден институт классных наставников. Показательно, что это исключительно ценное новшество получило прописку в России именно в Кишиневе за семь лет до ввода в действие нового, считавшегося наиболее радикальным устава гимназий образца 1871 г. Классное наставничество сыграло серьезную роль в повышении эффективности всего учебно-воспитательного процесса и «особенно успешности учеников гимназии»⁵.

Одновременно удалось повысить авторитет и результативность деятельности педагогического совета гимназии, сделать его решения доступными для всего коллектива учебного заведения. Не счесть многих других ценных мер по улучшению перспективности обучения, в частности, по усилению подготовки учеников для поступления в университеты и другие высшие учебные заведения. Держа руку на пульсе времени, директор старался все лучшее, что накапливалось в отечественных и зарубежных гимназиях, использовать на месте.

Особо следует сказать о вкладе К.П. Яновского в физическое и особенно эстетическое развитие учащихся. Для занятий гимнастикой активно использовались «гимнастические снаряды». В гимназии были организованы духовой и струнный оркестры, руководимые преподавателями-специалистами. Такие оркестры были в то время большой редкостью. Регулярно проводились литературно-музыкальные вечера, благотворительные спектакли. С директорством К.П. Яновского связано упорядочение религиозного воспитания учащихся, обустройство бывшей госпитальной церкви.

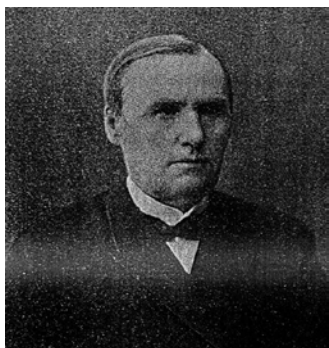
Когда под руководством нового министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, решительного сторонника классического образования, заканчивалась подготовительная работа по самой серьезной

реформе гимназий и потребовались преданные педагогическому делу творцы-исполнители, выбор пал на Кирилла Петровича Яновского. В 1871 г. «высочайшим приказом» он был назначен помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Сослуживцы его по Кишиневской гимназии и учащиеся искренне сожалели о его уходе и в то же самое время гордились высоким назначением своего директора на столь ответственный пост в российской столице. В гимназии была учреждена именная К.П. Яновского стипендия, а возбужденное руководством ходатайство об установке портрета К.П. Яновского в актовом зале гимназии было удовлетворено «высочайшим повелением»⁶.

О масштабе личности К.П. Яновского красноречиво свидетельствуют такие факты. Двадцать лет он являлся попечителем Кавказского учебного округа, после чего назначается членом Государственного Совета и одновременно председателем одной из важных комиссий по вопросу реформирования школы. Служебную карьеру обладателя многих высоких наград достойно венчал чин действительного тайного советника. Настоящими кладями педагогической мудрости являются его книга «Мысли о воспитании и обучении», а также серия статей под общим названием «Воспоминания и мысли»⁷.

Как показало время, педагогическому и ученическому коллективам Кишиневской первой мужской гимназии, несомненно, повезло с назначением нового директора (1881 г.). Им оказался выпускник «главного педагогического института» страны, уже более четверти века учительствовавшего в различных гимназиях и свыше пяти лет возглавлявшего Екатеринбургскую женскую гимназию. Именно с Василием Львовичем Соловьевым, возглавлявшим гимназию почти двадцать три года, связано превращение ее в одно из лучших учебных заведений Одесского учебного округа.

В.Л. Соловьев

С первых дней управления гимназией В.Л. Соловьев приступил к устранению недостатков, отмеченных в отчете ревизовавшего ее окружного инспектора, с лихвой накопленных преемниками К.П. Яновского. Конечно, не обошлось без существенного обновления преподавательского состава и помощников классных наставников. Почти полностью изменился состав служащих, особенно в хозяйственно-финансовой службе. В течение первых трех лет управления гимназией В.Л. Соловьеву удалось невозможное доселе – снизить переполненность классов

сверх нормы (закрытие двух параллельных классов, усиление требовательности к экзаменуемым при переводе из класса в класс и при поступлении в гимназию).

Повышению уровня воспитательного дела способствовал ряд мер, реализованных по замыслу Министерства народного просвещения: запрещение учащимся перехода из одного учебного заведения в другое, запрет гимназистам посещать театры, концерты и цирковые представления накануне церковных праздников, прекращение преподавателями необоснованного репетиторства, усиление внимания классных наставников к внешкольной жизни учащихся, улучшение условий содержания гимназистов на частных квартирах, правильное распределение занятий и т. д. Расположенность В.Л. Соловьева к строгому порядку позволила снизить пропуски занятий по неважным причинам, повисить внутриклассную дисциплину, что положительно отразилось на успеваемости по основным предметам обучения. Следует подчеркнуть, что многие посетители гимназии из числа высокопоставленных чинов и ревизующих, как правило, выражали свое одобрение общим состоянием дел в гимназии.

Наконец, как преподавателям, так и воспитанникам гимназии импортировали такие «сближающие» качества характера директора, как душевная доброта, заботливость, бескорыстие и справедливость. Он много читал, следил за новейшей педагогической литературой, однако не разделял модных увлечений в области педагогики. Как истинный педагог он считал неправильным, по его выражению, «играть в любовь к детям», кричать и шуметь об этом. Но все знали, что своих учеников он любит искренне и горячо и не даст их в обиду.

Имеются все основания считать В.Л. Соловьева настоящим строителем Кишиневской первой мужской гимназии. В свое время здание, в котором располагалось это учебное заведение, строилось для военного ведомства и служило для размещения лазарета. Это казарменного типа строение В.Л. Соловьев решил перестроить по новому проекту, соответствовавшему современным требованиям, предъявляемым к школьным помещениям. Перестройка главного здания гимназии (в настоящее время - здание Национального исторического музея), его флигелей и служб производилась в течение почти двадцати лет за счет – трудно в это поверить – сделанных им же сбережений из специальных средств гимназии, на что потребовалась огромная по тем временам сумма – около двухсот тысяч рублей. По непосредственной инициативе директора была фактически полностью перестроена из госпитальной и превращена в гимназическую освященная во имя святого апостола Андрея Первозванного церковь.

Долгие годы Кишиневская первая мужская гимназия по праву оставалась главной кузницей кадров для Бессарабии. Только за первые семьдесят пять лет своего существования свидетельства («аттестаты зрелости») об окончании этого учебного заведения получили 1430 выпускников, а всего за это время в ее стенах обучалось более четырех с половиной тысяч юношей. Состав учащихся Кишиневской первой гимназии, впрочем, как и преподавательский состав, представлял практически все проживающие в крае этносы. Кишиневская мужская гимназия может гордиться своими выпускниками, среди которых немало выдающихся личностей (например, бывший председатель Совета министров России С.Ю. Витте, послы из рода Крупенских в Японии и Норвегии, посол России во Франции А.И. Нелидов, архитектор А.В. Щусев и др.). В высшие учебные заведения России, не считая зарубежных, поступили более девятисот пятидесяти выпускников гимназии, плодотворно трудившихся затем в различных сферах жизни государства и общества. Среди них крупные военачальники (П.А. Гейсман и Э.А. Матиас), профессора университетов (Гордон, К. Дониц, Дурдуфи, Коцовский, Лагорио, Лункевич), кандидаты и магистры наук, судебные деятели, доктора медицины, общественные деятели, преподаватели вузов, высокие государственные чиновники, директора и учителя средних учебных заведений. Многие из последних внесли весомый вклад в развитие народного просвещения, в том числе и гимназического образования в Бессарабской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кишиневская областная, впоследствии губернская первая гимназия: Историко-статистический очерк (1833-1908 гг.). Кишинев, 1908.
2. Там же. С. 13.
3. Там же. С. 27, 28.
4. Там же. С. 35.
5. Там же. С. 69.
6. Журнал Министерства народного просвещения. 1875, № 4. С. 52-53; Там же. 1868, № 11. С. 30, 31.
7. См.: Русская школа, 1898, апрель и др.; Русский вестник, 1902, №№ 6-11; 1903, №№ 3, 4, 5, 10.

Сергей СУЛЯК

**АЛЕКСЕЙ МАТЕЕВИЧ:
ПОЭТ, ПУБЛИЦИСТ, УЧЕНЫЙ
(к 120-летию со дня рождения)**

Мы вообще поразительно мало интересуемся своим прошлым, чем затрудняем себе уяснение многого в настоящем.

А. Матвеевич

Имя Алексея Матвеевича (Матеевича) ассоциируется в массовом сознании как имя автора гимна молдавскому языку «Limba noastră» («Наш язык»), ставшего государственным гимном Республики Молдова. К сожалению, его литературная и научная деятельность, в том числе работы по этнографии, до сих пор не столь широко известна.

Алексей Михайлович Матвеевич (литературный псевдоним - Матеевич) родился 16 (27) марта 1888 г. в селе Кайнары в семье сельского священника. Затем отец Алексея был переведен служить в село Заим. В 1897-1902 гг. Алексей учился в Кишиневском духовном училище. После его окончания он поступил в Кишиневскую духовную семинарию.

Впервые выступил в печати в 1906 г. В газете на молдавском языке «Басарабия» («Бессарабия») под псевдонимом «А. Михаилеску» вышел его материал «Проблема священников». В нем рассказывается о нечистоплотной возне вокруг прихода в селе Заим, за обладание которым после смерти отца Матвеевича стали бороться священники соседних сел.

В том же году Матеевич опубликовал в газете «Басарабия» очерк из бессарабской жизни «Осень», статьи «Что нам нужно?» и «Борьба молдаван за свои права». Выступая за национальные и социальные права молдаван, он видел их развитие не иначе как в рамках многонационального Российского государства. На страницах этой газеты увидели свет первые работы Матеевича по этнографии («Свадебные обряды у бессарабских молдаван», «Рождественские коляды», «Святой Василий – Новый год в обычаях бессарабских молдаван»), перевод трех рассказов А.П. Чехова. В 1907 г. состоялся дебют Матеевича в качестве поэта. В «Басарабии» вышло первое его стихотворение «Дорул» («Желание») за подписью «Ал.М.».

В 1910 г. Матеевич закончил Кишиневскую духовную семинарию: из 30 оценок у него было только шесть «четверок». По остальным предметам стояли отличные оценки. Он стал настоящим полиглотом: кроме молдавского, русского и церковнославянского, он владел греческим, латинским, французским и немецким языками, в Киевской духовной академии изучил английский и древнееврейский.

Поступив в этом же году в Киевскую духовную академию, он продолжает писать и заниматься переводами. Он публикует на молдавском стихотворения и статьи религиозно-нравственного содержания в церковном журнале «Луминэторул» («Просветитель»). Важное место в творчестве Матеевича занимает популяризация русской культуры. Он переводит на молдавский язык произведения русских классиков Г.А. Державина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева.

В 1910 г. за подписью «Ал. Матвеевич» он публикует в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» статью «Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка». В этом журнале часто выходят материалы сельских священников и учителей о материальной и духовной культуре молдаван, руси-

нов, болгар, гагаузов, цыган Бессарабии. В дальнейшем все работы, изданные на русском языке, он подписывал своей настоящей фамилией Матвеевич.

В этой работе А. Матеевич пишет о влиянии церковнославянского языка на развитие молдавского языка. Он подчеркивает, что «... нынешние румыны теряли язык своих предков и своей церкви от всяких сторонних воздействий и внутренней разъединенности, тогда как бессарабские молдаване, сплотившись под покровом церкви, ревностно оберегали ее язык, как свою национальную святыню. Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения» (Матеевич 1993b: 29).

Бессарабские молдаване «сохранили язык своих предков, который издавна был и их церковным языком. На этом языке, славянскими буквами, написаны древние молдавские хроники, грамоты и указы молдавских господарей» (Матеевич 1993b: 12).

Говоря о многовековых молдавско-славянских связях, Матеевич упоминает, что набег кочевников заставили славян и восточнороманское население отступить в Карпаты, «заставив эти два племени некоторое время жить вместе». «Когда опасность миновала, оба народа сошли с Карпат и стали селиться вместе в пределах нынешней Румынии, Трансильвании и Бессарабии. Этим объясняются, между прочим, славянские названия многих местностей в Молдавии и Бессарабии наравне с молдавскими» (Матеевич 1993b: 18, 20).

В послесловии к данной статье, написанном в ответ на рецензию, вышедшую в 1911 г. в газете «Бессарабская жизнь» (№ 172), и опубликованном тоже в «Кишиневских епархиальных ведомостях», А. Матеевич оговаривает, что не указывает в своей статье на наличие галицко-русских элементов в канцелярском стиле молдавских грамот, так как написал статью о церковном влиянии на молдавский язык (Матеевич 1993e: 35).

В 1911 г. в этом журнале выходят его работы «Молдавские похоронные причитания», «Религиозные мотивы в поверьях и обрядах бессарабских молдаван». В последующие годы здесь же публикуются «Мысли Л.Н. Толстого о религии и их оценка», «Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций» (1912), «Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы» (1913), «Христианство в Бессарабии» (1913-1915), «Молдавское церковно-богослужбное книгопечатание в основных моментах его истории», «Новый год у молдаван» (1915).

На молдавском языке он пишет статьи «Когда и как стали христианами молдаване?» (1912), «Наше церковное книгопечатание», «Митрополит Гавриил (Банулеско-Бодони), основатель и устроитель Киши-

невской и Хотинской епархий» (1913), опубликованные в журнале «Луминэторул».

Этнографические статьи А. Матеевича в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» являются продолжением его исследовательской работы, которую он начал ранее, опубликовав ряд материалов на молдавском языке в 1906 г. в газете «Басарабия» и в 1912-1913 гг. в журнале «Луминэторул». Работы А. Матеевича ценны тем, что исследователь не только подробно описал ряд обычаев, обрядов, верований молдаван, но и сравнивал с традициями, обычаями, суевериями других народов и пытался объяснить их происхождение.

В работе «Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы», описывая «Пасху блаженных» («Paștili blăjiniilor», русская радуница, «проводы»), отмечаемую в понедельник на Фоминой неделе, он пытается дать разъяснение этого древнего обычая, расшифровать понятие «блаженный» или «рахман».

Упомянув, что в этнографической литературе вопрос о «рахманах» недостаточно изучен и что бессарбские молдаване никогда не называют «рахманов» «рахманами», А. Матеевич пишет, что данное поверье существует и у других народов, «прежде всего у русинов Бессарабии и Буковины, а также у буковинских гуцулов (*этнографическая группа русинов - С.С.*), которые, как и русины, так и называют молдавских "блаженных" "рахманами"». Также данное поверье под несколько другим названием («рагмань», «рохмань», «рогмань») встречается у буковинских молдаван, румын Марамуреша и Насаудского округа в Трансильвании. Такое же поверье существует селах Галиции (Матеевич 1993а: 168-170).

Слово «рахман» упоминается в «Словаре древнего славянского языка» А.В. Старчевского (Старчевский 1899: 731). Правда, там значение этого слова связывают с «браминами». Эта версия происхождения слова «рахман», как и другие (от арабского слова «рахман» - милостивый; «рогмань» - «gotani», римляне), были проанализированы А. Матеевичем. Исследователь заключает, что попытки объяснить происхождение данного слова «дальше догадок не пошли, и "рахманы" так и остались окутанными дымкой таинственности, загадочности и мистицизма» (Матеевич 1993а: 170-171).

В работе «Новый год у молдаван» А. Матеевич, приводя тексты наиболее распространенных коляд, упоминает, что в некоторых случаях «бадя Васыли» (в переводе Матеевича – «старший братец Василий»), который, по мнению исследователя, ассоциируется со Святым Василием, заменяется «бадикой Трояном» («старшим братом Трояном»). Указав, что это языческие отзвуки, и что у молдаван даже Млечный путь называется «дорога Трояна» (calea lui Troian), Матее-

вич высказывает мнение, что Троян попал в новогоднюю колядку как «личность, воплощающая в себе сверхъестественную, нечеловеческую силу земледельца». Но он почему-то видит здесь «римские отзвуки обожествления императоров», связывая это с римским императором Траяном (Матеевич 1993с: 359), несмотря на то, что Троян присутствует в славянском фольклоре (в частности, в русинских колядках).

Молдавский исследователь Я.П. Мироненко полагает, что молдавская празднично-обрядовая культура берет свое начало из древнерусской культуры. Центром формирования молдавских новогодних песен были Буковина и север Молдавии. Носителями этой культуры в данном регионе были племена хорватов, тиверцев и уличей, предки современных русинов (Мироненко 1988: 77).

Слово «Троян» четыре раза употреблено в «Слове о полку Игореве»: первый раз там, где говорится о поэтическом вдохновении Бояна («крища въ тропу Трояню» наряду с «скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба пола сего времени»); второй раз (в разбираемом нами случае) - для обозначения целого периода русской истории, предшествовавшего годам Ярослава («были вЪчи Трояни»); третий раз - для обозначения всей Русской земли в целом: «въстала обида въ силахъ Дажьдобожа внука, вступила дЪвою на землю Трояню», четвертый раз - опять-таки для обозначения какого-то периода времени, когда действовал князь-кудесник Всеслав («на седьмомъ вЪцѣ Трояни»). Д.С. Лихачев считал, что «под Трояном следует разуместь какое-то русское языческое божество. Троян как древнерусский бог в памятниках письменности XII в. зарегистрирован в «Хождении Богородицы по мукам» в списке XII в., изд. И.И. Срезневского: "Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша" или: "И да быша разумели многии человеци, и в прельсть велику не внидутъ, мняще богы многы: Перуна, и Хорса, Дья и Трояна"» (Лихачев 1985: 102-103).

В ряде работ (в частности, в статьях «Религиозные мотивы в поверьях и обрядах бессарабских молдаван», «Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций», «Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы») А. Матеевич описывает один из языческих пережитков «Русалии». Все четверги между Пасхой и Пятидесятницей молдаване называют «русалиевскими». «"Русалии" - мифические существа женского пола, которые в "русалиевский" период носятся по воздуху и угрожают православному христианину всякими несчастьями». В эти дни, по поверью, нельзя работать (Матеевич 1993а: 166-167).

Характерно, что «русалии» празднуют и русины, причем русины Молдавии в таком же варианте, что и молдаване. Эту особенность

русинских «русалий» отметил П. Несторовский. В отличие от русинов Холмской Руси и вольнян, у которых «празднуется культ двух древних языческих "великодных" - "навского" ("нявки", по Несторовскому - "дурная нечистая сила, которая так или иначе причиняет человеку зло") и "русального", у бессарабских русинов они смешались» (Несторовский 1905: 91).

Многие суеверия молдаван, описанные А. Матеевичем, этнографы отмечают и у бессарабских русинов: к примеру, связанные с празднованием дня Св. Георгия (Матеевич 1993а: 177, Несторовский 1905: 100) гадания о видах на урожай, гадания девушек о замужестве и т.д. (Матеевич 1993с: 363-367, Несторовский 1905: 132, 96-99).

В 1914 г., на последнем курсе Киевской духовной академии А. Матеевич защищает кандидатскую диссертацию по теме «Религиозно-философское мирозерцание Фехнера». В этом же году он женится на Феодосии Борисовне Новицкой, дочери священника из с. Джуриницы Киевской губернии. После окончания академии Матеевич работает преподавателем греческого языка в Кишиневской семинарии (1914-1915). В 1915 г. он становится членом Бессарабского церковного историко-археологического общества.

11 сентября 1915 г. А. Матеевич был мобилизован в качестве военного священника и отправлен на Галицийский фронт. В марте 1915 г. он публикует в журнале «Луминэторул» материал под названием «Зверства немцев» (с пометкой «перевод с русского»). Этот материал – сокращенный перевод на молдавский язык газетных материалов сборника «Черная Книга германских зверств» (СПб., 1914). Матеевич использовал два раздела сборника: «Замученная немцами» и «Черные дни Калиша, Ченстохова, Андреева и Вержболова», в которых описывались жестокость, беззаконие, мародерство немецких войск на захваченных российских территориях. Переводчик сделал существенные добавления в текст, сравнивая поведение немцев со зверствами турок во время войны 1877-1878 гг. (Матеевич 1988: 40).

23 декабря 1915 г. в семье Матеевичей родилась дочь Нина, единственный их ребенок.

С открытием в конце 1916 г. Румынского фронта Матеевич был направлен в составе своей части из Галичины в Румынию. Свои обязанности он выполнял образцово, за что в конце 1916 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Февральскую революцию 1917 г. Матеевич встретил с противоречивым чувством. Как пишет он в письме жене 12 марта 1917 г.: «Февральские дни у нас в армии прошли гладко... В армии у нас ничего не изменилось. Все идет по-прежнему. Решимость если отстоять не царя, то родину, в солдатах крепка. Они готовы сражаться, во что бы это не

стало, и о чем бы внутри не спорили. Знаю, что происходящее здесь – тоже победа над немцем – только над немцем внутренним. Отдельные лица обращаются за разъяснением вопроса о присяге, который разрешается в том смысле, что присяга родине и вере остается неизблемой, а присяга царю сама собой перешла к Верховнокомандующему...». И далее: «Я лично не могу не радоваться так легко и бескровно совершившемуся перевороту, но боюсь, во-первых, реакции, без которой не проходила ни одна известная в истории революция, а во-вторых – возобладания во Временном правительстве и будущем Учредительном собрании крайних элементов, которые могут навязать нам республику. Ведь ... щирые украинцы ... уже выступали с требованием Соединенных Штатов Украины и другими благоглупостями». Беспокоила его и скоропалительность «реформы» в армии: «Как бы вместе с наследием старого режима не подорвать и моральных основ армии, которые ведь созданы не вчера и не гг. Гучковыми, отменяющими их одним росчерком пера» (Матеевич 1993d: 682).

В июне 1917 г. Матеевич пишет стихотворение «Наш язык» («Лимба ноастрэ»). Впервые оно было прочитано автором 18 июня в г. Кишиневе на съезде учителей-молдаван Бессарабии. Стихотворение было напечатано в газете «Кувынт молдовенеск» (и бесплатном приложении к газете с одноименным названием) 21 июня 1917 г., а 29 августа – в запрутской газете «Neamul Românesc». Это стихотворение – гимн родному молдавскому языку. По традиции им открывается каждое новое издание произведений поэта. В 30-е гг. XX в. композитор А. Кристя переложил стихотворение на музыку.

Продолжая традиции молдавских писателей XIX в., Матеевич в своих произведениях выступает против реформаторов молдавского языка, против его латинизации, за сохранение веками укоренившихся славянских слов. Во время работы съезда учителей-молдаван, когда один из ораторов выступил за введение в Бессарабии латинского алфавита и заявил, что можно при этом рассчитывать на помощь Румынии, Матеевич парировал: «Бессарабия имеет свою интеллигенцию и не нуждается в помощи Румынии» (Матеевич 1988: 41).

В стихотворении «Иным словесникам» («Унора»), написанном им 13-14 июля 1917 г. на фронте, в карпатском селе Мэрэшешты, поэт дает отповедь т.н. «латинизаторам», которые под видом «обогащения» и «обновления» молдавского языка насильственно включали в него слова латинского происхождения, изгоняя славянизмы. В своем стихотворении он отмечает, что:

*«Молдавский вольный говор, язык, что дан навеки,
Становится латынью в цирюльничьих устах,
Но пахнут ваши розы лекарством из аптеки,
Ведь розы ваши сделаны из розовых бумаг».*

На фронте Матеевич заразился сыпным тифом и был госпитализирован в 1-ю кишиневскую больницу, где и скончался 13 августа 1917 г.

В перестроечное время имя Матеевича пытались эксплуатировать некоторые прорумынски настроенные представители интеллигенции. В 1988 г. при Союзе писателей Молдавской ССР создается «Кружок Алексея Матеевича». Это объединение было использовано румынизаторами для организации движения за «возвращение молдавского языка к латинской графике». Члены кружка организовывали митинги, демонстрации, сбор подписей. Тем самым они выступали, по сути дела, против идей самого Матеевича. Вероятно, поняв двусмысленность ситуации, от использования его имени вскоре отказались. В мае 1989 г. был создан Народный Фронт Молдовы (НФМ), который продолжил борьбу за эти цели.

Песня «Limba noastră» («Наш язык») на стихи Матеевича, музыку Александру Кристи в аранжировке Валентина Дынги является гимном Республики Молдова с 1995 г. (Закон о Государственном гимне Республики Молдова № 571-ХІІІ от 22 июля 1995 г., см.: ОМРМ 1995: 555).

Именем Матеевича названы улицы в г. Кишиневе и ряде других городов Молдавии, на центральном кладбище г. Кишинева на могиле Матеевича стоит бюст работы Александра Плэмэдялэ. В 1990 г. в Аллее Классиков в Кишиневе был установлен бюст Матеевича работы скульптора Дмитрия Русу-Скворцова. В то же время творческое наследие Матеевича, в т.ч. исторические и этнографические труды, до сих пор изучено недостаточно (подробнее см. Суляк 2006: 116-119).

А. Матеевич всю жизнь следовал словам, сказанным им выпускникам Кишиневской духовной семинарии в 1915 г.:

«Посвятите свои силы родной стране, вскормившей вас и воспитавшей, посвятите их родному народу – на каком можете поприще! И как он вам будет благодарен и какую обильную соберете вы жатву! Необъятен мир божий, широка Русь-матушка, но не может в своей деятельности человек разбросить свои силы на всю ширь мира Божия или своего государства. Каждому уделен свой клочок поля для деятельности, и чем лучше обработает он свой клочок, тем лучший он работник Божий. Почему же не обрабатывать нам тот именно клочок, который ближе, роднее нашему сердцу, на котором мы родились, выросли и воспитались, где родовые очаги наших семей. Вот почему и я за особенное счастье всегда считал служить и работать родной и вам, и мне Бессарабии, вот почему я стремился в дорогие стены родной семинарии, хотя назначение мне было дано иное. Любите, дорогие, Бессарабию, ее чуткий к голосу правды и истины народ, ее богатую памятниками, в особенности церковными, старину, ее хорошие праде-

довские религиозно-бытовые традиции - и вы не окажетесь обманутыми. Любите, изучайте и научайте ее - вот завет мой вам» (Матеевич 1993f: 650-651).

ЛИТЕРАТУРА

Лихачев Д.С. 1985. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Издание второе, дополненное. Л., Художественная литература. Ленинградское отделение.

Матеевич А. 1988. Избранное. Кишинев, Литература артистикэ.

Матеевич А. 1993a. Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Матеевич А. 1993b. Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Матеевич А. 1993c. Новый год у молдаван // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Матеевич А. 1993d. Письма. 12 марта 1917 г. с. Подолье округа Текуч (Румыния) // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Матеевич А. 1993e. Послесловие к статье «Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка». По поводу рецензии «Нечто от филологии», опубликованной в № 172 газ. «Бессарабская жизнь» за 1911 г. // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Матеевич А. 1993f. Речь преподавателя Кишиневской духовной семинарии, священника Алексея Матеевича. «Кишиневские епархиальные ведомости». № 19 и 20, 1915 г., 10 и 17 мая. Отдел неофициальный // *Mateevici A. Opere. Vol. 2. Chişinău, Ştiinţa.*

Мироненко Я.П. 1988. Молдавско-украинские связи в музыкальном фольклоре. Кишинев, Штиинца.

Несторовский П.А. 1905. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, Сатурн.

ОМРМ 1995. - Официальный монитор Республики Молдова. № 45-46 (официальная страница Министерства юстиции Республики Молдова <http://www.justice.gov.md>).

Старчевский А.В. 1899. Словарь древнего славянского языка составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. СПб., Типография А.С. Суворина.

Суляк С.Г. 2006. Ими гордится Молдавия. Биографии некоторых известных общественно-политических, религиозных, военных и культурных деятелей Молдавии // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 3 (5).

ИНЫМ СЛОВЕСНИКАМ

Нам не понять друг друга. Зачем язык наш нужно
Осовременить, руша его устоев дух!
Словечко из латыни, - оно хоть и недужно, -
Вам кажется ноктюрном, ласкающим ваш слух.

Одежды нравов наших в прадедовском покрое,
В узорах златотканых и вышивках цветов,
Ковры, что были вытканы умелою рукою -
Все видите убогим, как свитки пастухов.

Земля, где родниками из глубины струится
Священное бессмертье, где красоте цвести,
Вам кажется пустыней, - ни деревца, ни птицы.
Вы в ней свои розарии хотели б развести.

Молдавский вольный говор, язык, что дан навеки,
Становится латынью в цирюльничьих устах,
Но пахнут ваши розы лекарством из аптеки,
Ведь розы ваши сделаны из розовых бумаг.

Язык наш полнокровный богат на удивление,
Ему вредны бумажность и донорская кровь.
В цветке таится завязь для самообновления,
Не надо только рушить прадедовских основ.

В себе самом с избытком язык находит силы,
Здоровьем материнским он с древности храним,
А вы всё краски ищите - то синьку, то белила,
Что небо светоносное размалевать над ним.

Нам не понять друг друга, хоть спор наш не впустую,
Уже извлечь уроки нам, кажется, пора, -
Ведь кое-кто возводит хулу на речь родную.
Как можно в грязь вываливать зеленый шум дубрав!

Смотрите, даже те, с их языком недужным,
Снимают с уважением, лишь молвим слово мы,
А наши песнопевцы, чьи перья так искусны,
От наносной латыни бегут, как от чумы.

Нам не понять друг друга. Но если бы вы знали,
Как наш язык страдает от слов чужой земли!
Тогда б основы древней вы в нем не разрушали.
Тогда бы мы, возможно, согласие нашли.

Михаил АЛМАШИЙ**Н.В. ГОГОЛЬ И ПИСАТЕЛИ
ЗАКАРПАТЬЯ**

Тема моей статьи - Н.В.Гоголь и писатели Закарпатья. Но подобных тем в более широком аспекте мы можем назвать несколько: Д. Фонвизин и А. Духнович, Г. Державин и А. Духнович, А. Пушкин и Ю. Ставровский-Попрадов, М. Салтыков-Щедрин и И. Сильвай, А. Радищев и А. Митрак («Путешествие из Петербурга в Москву», «Путевые впечатления на Верховин»), Н. Карамзин и А. Митрак («Записки русского путешественника», «Путевые впечатления на

Верховине»), А. Пушкин и Е. Фенцик, Н. Некрасов и А. Павлович .

Есть и более глубокие корни закарпато-российских живых связей. IX век. Многим известна история братьев Угриных - Георгия, Ефрема и Моисея, каждый из которых оставил свой след в истории Киевской Руси и Новгородской земли.

Вспомним конец XVII - начало XVIII в., пребывание в Петербурге Ивана Зейкана, его службу при царском дворе, служение Петру I.

Конец XVIII - начало XIX века связаны с именами В. Кукольника, М. Балудянского, И. Орлая, П. Лодия, Ю. Гуцу-Венелина, А. Дудровича и многих других, внесших большой вклад в русскую науку, образование, экономику, юриспруденцию, медицину.

С другой стороны, кому незнакомы Ф. Аристов, А. Попов, А. Петров, М. Раевский, А.Флоровский, А. Фатеев, Р. Плетнев и многие другие, посвятившие свою научную деятельность Закарпатьяю.

Имя Н.В. Гоголя известно в нашем крае уже с середины XIX в. Замечательно живое соприкосновение Н. Гоголя с лучшим представителем карпаторусинской (тогда: карпаторусской) интеллигенции И.С. Орлаем, под педагогическим и вольнолюбивым крылом которого юный Гоголь находился с 1821 по 1827 гг. Дух демократии, свободо-

---

Впервые данная тема прозвучала в выступлениях автора на открытии Года Н. Гоголя в Закарпатском филиале Киевского славистического университета 19 февраля 2008 г.

мыслия и творчества витал в стенах Нежинской гимназии, директором которой был И.С. Орлай. В этой благоприятной обстановке формировалось мировоззрение молодого Гоголя, складывались его общественно-политические и литературные интересы, были написаны первые его ученические произведения.

«К моменту окончания нежинской Гимназии высших наук у девятнадцатилетнего Гоголя не только сформировались основные черты его прогрессивного мировоззрения, но и наметились некоторые особенности его будущего сатирического обличительного стиля, критического отношения к действительности, особенности его реализма и романтизма», - писал профессор Иофанов о формировании личности Гоголя под влиянием И.С. Орлая в Нежинской гимназии, где царил прогрессивно-демократический дух. Неслучайно на Орлая было заведено так называемое «Дело о вольнодумстве».

В литературу Закарпатья Гоголь вошел как писатель-реалист. Он научил русинских писателей критически смотреть на окружающую действительность, на мрачный мир насилия, угнетения, унижения человеческого достоинства.

Актуальность разработки данной проблемы заключается еще и в том, что в в марте 2008 г. отмечалось 170-летие рождения закарпатского русскоязычного писателя-реалиста, сатирика И.А. Сильвая, который, несомненно, находился под сильным влиянием Николая Васильевича Гоголя.

Закарпатские писатели, подобно Гоголю, выбирали типы и образы из реальной жизни. Иван Сильвай был знаком с произведениями Гоголя (о чем читаем в его «Автобиографии») и Салтыкова-Щедрина и под их влиянием создал несколько реалистических произведений. Однако, если Гоголь открыто говорил о событиях, происходящих в России, то Сильваю приходилось говорить о жизни угорских русинов инскоказательно. Это относится к таким произведениям, как «Крайцарова комедия», «Однодневное царство», «Люди в железных шляпах», «Шестак» и др. Социальные мотивы приобретают в них особую остроту, в которой нельзя не заметить духа гоголевской сатиры и обличения.

В характеристике действующих лиц, например, «Крайцаровой комедии», можно распознать гоголевские типы из «Ревизора». Гоголь был мастером изображения человеческого характера средствами языка. Вспомним, с каким удивлением читал Чичиков записки помещиков о своих крестьянах: «Когда взглянул он на эти листки, на мужиков, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство ов-

ладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и через то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер». Подражая Гоголю, Сильвай придумывает особые имена, выражающие основные черты характера своих героев: Плутон, Сатанелла, Прозерпина и др.

В повести «Шестак» Сильвай резко выступает против помещиков, венгерских феодалов и разных блюстителей «порядка». Эта повесть написана под непосредственным впечатлением от чтения «Мертвых душ» Гоголя, с которой Сильвай мог познакомиться в «Кратком сборнике избранных произведений в прозе и стихах для упражнений в русском языке» К. Сабова (Ужгород, 1868). Подобно Гоголю И. Сильвай в «Шестаке» особенно заостряет социальные и антикрепостнические мотивы.

«Панщина, панщина... в каком грустном воспоминании живет это слово у угрорусского простонародья, ужасно и упомянуть». Автор рассказывает о том, какими варварскими методами помещики управляют крестьянами, точнее - издеваются над крестьянами. «Крепак был раб, скот, ниже скота», - говорит Сильвай. Даже последний писарь-чиновник и тот имел право отчислить бедному крепаку 25 ударов, а то и больше.

«Панщина, панщина! О ней нечего и говорить. Голод, кровавый пот, удары, вопли, воздыхания, насилия, мука, проклятие... Появившись на работу скоро: беда. Опоздать четверть часа из какой-нибудь пятой-шестой деревни: беда. У тебя умерла жена или родители, и опоздал: беда. Работаешь целый день, как вол, а писарь не хочет записать только осьмую долю дня. Работаешь вечно без отдыха, без надежды, без конца».

Паны обращались с крестьянами, как со скотом. Мужики обрабатывали огромные пространства земель, строили дороги, мосты, и что только не вздумалось божествам (господам).

«На работе приставники и гайдуки наблюдали за прилежанием работников с палкою в руках. Эти надзиратели назначали время обеда и после обеда гнали к какому-там ручью на попойку, от попойки опять к работе».

А вот как божества развлекались от нечего делать: «Иной делал такую шуточку, что колодезь, где пригоняли скот на попойку, велел налить тайком вина, а потом в обществе товарищей забавлялся на бешенстве опьяненного скота».

Сильвай резко выступает против коррупции, продажности и взяточничества. «Между тем божества изволили принимать разные подарки. Из подарков, разумеется, на первом месте стояли деньги, но лас-

ково приняты и теленок, баран, поросенок, гусь, утка, курица, орехи, сушеные фрукты, даже и грибы».

Сильвай резко выступает против такого типа дворян, каким в повести выступает Самуил Наддужанский. В сравнении с другими он был «гуманным» человеком. Он разрешал мужикам напиться воды в любое время, разрешал молодежи петь. Иногда ему хотелось «пошутить». Его шутка заключалась в том, что он давал крестьянам цыганское «причастие», т.е. клал им под язык недокуренный мокрый табак вместе с золой и добродушно хохотал.

«Или закричит: "Нюхать табак!" Сбегаются, а он собственноручно раздаст каждому по щепотке нюхательного табаку, от которого заводится такая всеобщая чихота, что глаза у его благородия заливаются слезами от смеха». Наддужанский специально готовил для этой цели какую-то смесь табака. Бедному мужику и это праздник, а внутри, несомненно, сердце плачет.

Сильвай сочувствует бедным, которые в руках господ, подобных Наддужанскому, являются игрушкой, средством развлечения, объектом насмешек.

Жизнь простых людей, в особенности крестьянства, противопоставление ее господской праздной жизни - вот лейтмотив реалистических произведений Сильвая.

Чрезвычайно показательна разоблачительная сила сатиры Сильвая и в других произведениях. На пути к наметившемуся прогрессу в развитии русинской культуры, литературы, общественной мысли встает ренегат епископ Степан Панкович. Его действия превращаются в комедию, очень дешевую, унижительную для самого «почтенного», главного пастыря честных христиан. Епископ Панкович, поддержанный шовинистическими кругами Будапешта, сам того не замечая, разыгрывает роль комедианта - налево-направо раздает награды, титулы каноников, аббатов несуществующих аббатств, красные пояса, фиолетовые коллары (ошейники), а священнику, управляющему церковным хором, пожаловал шляпу... с капральским шнурком.

Этим самым Вичпур (епископ) спровоцировал чиноманию, страшное соперничество, что в свою очередь повлекло за собой доносы, интриги, коррупцию, пышные торжественные выходы епископа, званые обеды, шествия с факелами, праздничные фейерверки... Яркое выразилось пренебрежение к народной массе и поход против народолюбцев. Чтобы замаскировать цель и место действия повести, Сильвай применяет иносказание. Действие происходит в Индии. Действующие лица: Вичпур (это комбинация окончания фамилии -вич (Панкович) + п (пан) + ур (венгерское: пан). Каким на самом деле предстает перед нами Панкович в изображении Сильвая? Действующий епископ нена-

видит паству, постов не соблюдает, в богослужении ленив, покровительствует родственникам, пьет шампанское и мадеру, устраивает ноголизания. Против таких акций Восточно-Индийско-Английское общество (надо понимать: общество св.Василия Великого) протестует. В ответ на протест епископ издает манифест, целый свод законов - запретов и «благих» рекомендаций, среди которых назовем только одну, самую характерную, но жестокую: «Посылать на улицу ораторов, приглашающих проповедовать спасение для тех, кто дает отрезать себе язык».

Знакомство с творчеством Н. Гоголя стало переломным моментом в жизни и творчестве И. Сильвая, в чем он сам признается в своей «Автобиографии» (Ужгород, 1938). Говоря о том, как он искал для себя подходящую литературу, как отбирал нужное, самое для него близкое по духу и настроениям, он замечает: «Меж тем попались мне в руки творения русских поэтов и сочинения Гоголя. Разумеется, это было для меня неоцененным приобретением, я читал и перечитывал их с душевным наслаждением, и с тем началась во мне пламенная кристаллизация» (с.118). Все помыслы Сильвая о судьбе русинского народа, выраженные в его художественных произведениях, отображены в довольно пессимистических тонах: «Народ, не имеющий ни земли, ни скота, судьба которого находится в руках ростовщиков, от произвола и усмотрения которых он всецело зависит, народ, систематически спаиваемый, которому никто не в состоянии помочь - ни священник, ни староста, - народ, который эксплуатируется и обижается любым чиновником, народ, которому никто в мире не желает помочь - такой народ должен постоянно падать все ниже и ниже и материально и духовно, пока не погибнет окончательно». И это не удивительно. Другое дело у Гоголя. Он оптимистически смотрит в будущее России и русского народа. Вспомним замечательное лирическое отступление в «Мертвых душах» о Руси-тройке: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу:...Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»

К счастью, пессимистический прогноз Сильвая не осуществился. Несмотря ни на какую скрытую и открытую ассимиляторскую политику всех господствовавших в крае государств, русины выжили, возрождаются, и надо верить, что и на их улице будет праздник.

Виктор АНДОН

СТРАНИЦЫ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО БРАТСТВА

История русско-молдавских кинематографических связей насчитывает не одно десятилетие. Еще в начале минувшего века на экранах кишиневских кинотеатров блистали любимцы публики - первые звезды российского кино Иван Мозжухин, Вера Холодная, Владимир Максимов, а картины, созданные русским режиссером Яковым Протазановым, «Отец Сергей» по одноименной повести Л.Н. Толстого и «Пиковая дама» по А.С. Пушкину неделями не сходили с экранов кинотеатров Бессарабии.

Даже в период румынской оккупации в Бессарабии на экраны Кишинева, Белгород-Днестровского, Бендер, Сорок и Бельц прорывались картины уже советского русского кинематографа, такие как «Веселые ребята», «Новые путешествия Гулливера» и даже знаменитый «Чапаев».

Иван Мозжухин, уже будучи в эмиграции, задумал создать новую версию «Отца Сергия», соединив судьбу толстовского персонажа князя Касатского с судьбой пушкинского Алеко. В личном архиве Ивана Мозжухина в Центральном архиве литературы и искусства (ныне РГАЛИ) мною был обнаружен сценарий этого будущего фильма. Однако в те трудные времена не нашлось спонсора, чтобы финансировать эту картину.

Попытки наладить производство документальных и игровых картин на территории Молдавии (в районах левобережья) стали предприниматься с помощью русских деятелей кино уже начиная с 1924 г., когда была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика, входившая в ту пору в состав братской Украины. Этому способствовала близость к Молдавии Одесской киностудии, а также то обстоятельство, что в Одессе в 1924 г. открылся Государственный техникум кинематографии, где получали свое первое кинематографическое образование студенты из Бессарабии и левобережных районов МАССР. Подробно об этом можно прочитать в моей книге «Рождение молдавского кино» (Кишинев, Штиинца, 1986).

Среди первых молдавских студентов - будущих операторов и режиссеров были Владимир Горицын из Кишинева, Георгий Химченко из Измаила, Евгений Викал, Анна Жумати и Таисия Бучушкану из левобережных районов МАССР. Кроме того, в кино пришли и некоторые русские театральные деятели, бежавшие после оккупации

королевской Румынией Бессарабии, - актер и режиссер Карл Томский, актриса К. Домбровская и актер Г. Асланов, сценарист из Каушан Владимир Березинский.

Вместе с окончившим операторский курс кинотехникума Владимиром Горицыным они организовали на Одесской киностудии творческую группу и создали там в 1930 г. художественный фильм «От Прута до Днестра - все "спокойно"» о бесчинствах румынских оккупантов на территории Бессарабии. Это была первая игровая лента о нашем крае, созданная практически профессиональными кинематографистами - выходцами из Бессарабии

В 1932 г. уже на Киевской киностудии был создан еще один фильм о Бессарабии, незаконно оккупированной королевской Румынией. В нем также была показана борьба бессарабских крестьян против оккупантов. Картина эта называлась "Праздник Унири". Сама "униря" - воссоединение румынских земель в единое государство Румыния Маре превратилась в фарс, поскольку ни Советская Россия, ни образованный в 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик никогда не признавали законность захвата Румынией Бессарабии.

Еще до создания на территории Молдавии собственной киностудии в России уже готовились кадры для будущей молдавской кинематографии. На операторском факультете Ленинградского института киноинженеров учились два молдавских студента - Ефим Учитель из Тирасполя и Филипп Печул из села Ташлык Григориопольского района. Впоследствии Е. Учитель создал немало шедевров как кинодокументалист и стал Народным артистом СССР. Сейчас его дело продолжает сын Алексей, ставший видным режиссером российского кино, получивший мировую известность.

Коллега Е. Учителя по операторскому факультету ЛИКИ Филипп Печул после окончания института работал на ленинградской студии кинохроники. В качестве фронтového оператора он участвовал в съемках фильма «Линия Маннергейма» о советско-финском военном конфликте 1939 г. Вместе с другими создателями этого фильма он в марте 1941 г. стал лауреатом Сталинской (Государственной) премии СССР.

В годы Великой Отечественной войны Ф.И. Печул вновь стал фронтовым кинооператором и погиб, снимая боевые действия на Карельском перешейке в ноябре 1941 г. Его коллега тираспольчанин Ефим Учитель всю блокаду провел в Ленинграде, снимал все события той поры. Его съемки, как и съемки Филиппа Печула, стали бесценным вкладом в кинолетопись Великой Отечественной и впоследствии широко пользовались в различных лентах о войне, в том числе и в киноэпопее из 20 серий «Великая Отечественная», шедшей на Западе под названием «Неизвестная война».

Другой уроженец Молдавии - Петр Петрович Вершигора, окончивший режиссерский факультет ВГИКа в 1938 г., снял на Киевской киностудии большой документально-художественный фильм «Советская Молдавия», где с большой полнотой и достоверностью осветил жизнь МАССР. В этом фильме П.Вершигора снял своих воспитанников - студентов Одесского театрального училища Домнику Дариенко, Кирилла Штирбу, Екатерину Казимирову, Константина Константинова и других, чем способствовал формированию актерской школы в будущем молдавском кино.

На новый этап сотрудничества в киноискусстве Молдавия вышла в 1940 г., после освобождения Бессарабии и образования Молдавской ССР.

В июне, июле, августе на территории Бессарабии и Северной Буковины работали несколько киногорупп, снимавших хронику о нашем крае. Среди них, как свидетельствует пресса тех времен, были такие видные московские кинематографисты, как режиссер Есфирь Шуб, сценарист Всеволод Вишневский, оператор Эдуард Тиссе, начавшие работу над монументальным документальным фильмом «Земля Бессарабская». Другая съемочная группа, состоявшая из русских и украинских кинодокументалистов, работала над другим полнометражным документальным фильмом «На Дунае». Картина эта вышла на экраны СССР в августе 1940 г. и охватывала все этапы освобождения Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г., а также рассказывала о первых днях мирной жизни на этой земле. Руководили съемками режиссер Центральной студии документальных фильмов в Москве Илья Копалин и киевский режиссер Иосиф Посельский, а коллектив операторов из Москвы и Киева насчитывал около 20 человек. Со многими из них мне в свое время довелось беседовать, записывать их воспоминания. Часть этих материалов опубликована мною в книге «Рождение молдавского кино», вышедшей в свет в академическом издательстве «Штиинца» в 1986 г.

В 1940 г. в Кишиневе был открыт кинокорреспондентский пункт Центральной студии документальных фильмов, который наладил выпуск киножурнала «Советская Молдавия», а также дубляж на молдавский язык лучших фильмов советского кино: «Великий гражданин», «Трилогия о Максиме», «Чапаев», «Волга-Волга» и ряда других. Но большинство советских картин шли в кинотеатрах в оригинале - на русском языке, поскольку абсолютное большинство кишиневцев и жителей других городов Бессарабии хорошо знали русский язык. А первые две недели после освобождения Бессарабии картины в кинотеатрах показывали бесплатно для всех жителей.

В начале 1941 г. в Кишинев приехала съемочная группа в составе режиссера А. Файнциммера, оператора М. Гиндина, директора группы М. Биязи для подготовки к съемкам фильма «Котовский». Через газету «Советская Молдавия» группа обратилась к населению республики с просьбой помочь ей в сборе материалов о легендарном комбриге - герое гражданской войны. Съемки должны были состояться в Кишиневе и на родине Котовского в Хынчештах, однако начавшаяся вскоре война помешала реализации этого замысла на территории Молдавии. «Мосфильм» был эвакуирован в Алма-Ату, и картина о Котовском снималась уже там. Подробно ход работы над этим фильмом освещен в дневниках актера Николая Мордвинова, снимавшегося в роли Котовского в этом фильме.

Вклад российских кинематографистов, особенно в первый период создания молдавской национальной кинематографии, поистине бесценен. Те немногие творческие кадры, подготовленные в Одесском кинотехникуме, в Ленинграде, Москве и Киеве, в годы войны растерялись по другим киностудиям страны и не могли стать основой для начала строительства собственной кинематографии на высоком профессиональном уровне. Поэтому практически приходилось все начинать с нуля: готовить новые творческие кадры, соответствующие современным требованиям. А пока приходилось опираться на профессионалов, приглашенных в Молдавию с других киностудий страны. Поэтому пионерами молдавского кино по праву считаются режиссер Ольга Улицкая из Одессы, операторы Леонид Проскуров, Иван Грязнов, Иван Шерстюков, заложившие фундамент будущего молдавского кино.

Поначалу в Одессе уже существовала надежная съемочная база в виде филиала кинохроники Одесской Черноморской кинофабрики, работавшая только на Молдавию и выпускавшая киножурналы «Молдова советикэ», киноочерки и осуществлявшая дубляж кинофильмов на молдавский язык, а 1 июля 1952 г. весь филиал кинохроники из Одессы перебрался в Кишинев, и здесь на его базе была основана Кишиневская студия кинохроники, которая продолжила съемки киножурналов, спецвыпусков и документальных лент.

Здесь с помощью опытных, уже зарекомендовавших себя кинематографистов из России и Украины, поначалу методом ученичества стали готовить и местные творческие кадры для молдавской кинематографии. У О. Улицкой, И. Грязнова, Л. Проскурова, И. Шерстюкова появились ассистенты, которые перенимали опыт старших товарищей и становились профессионалами. Многие из них потом прошли через ВГИК, где получили высшее кинематографическое образование. Так, школу операторского факультета ВГИКа в мастерской Эдуарда Тис-

се прошел ассистент операторов П. Тодоровского и Р. Василевского Ион Болбочану, впоследствии ставший одним из ведущих операторов молдавского кино. Ассистент оператора И. Шерстюкова Влад Чурия также прошел школу ВГИКа и вернулся в Молдавию профессиональным кинооператором, одним из лучших мастеров молдавского экрана. Сейчас он как педагог готовит операторскую смену в Академии музыки, театра и изобразительных искусств.

Благодаря высокому профессионализму русской операторской школы в Молдавии выросла и воспиталась целая плеяда высокопрофессиональных операторов. Школу таких видных мастеров, как Петр Тодоровский и Радомир Василевский, снявших в Молдавии свой первый полнометражный фильм «Молдавские напевы», школу Вадима Дербенева, снявшего такие известные картины, как «Человек идет за солнцем», «Кольбельная», «Атаман кодр», а в качестве режиссера и картину «Последний месяц осени» - одну из лучших работ молдавских кинематографистов, трудно переоценить.

Мастерство приглашенных из Москвы режиссеров Михаила Калика, Бориса Рыцарева, Вадима Лысенко оказало огромное влияние на рост профессионализма в молдавском кино. Свой большой вклад в молдавское киноискусство внесли и такие режиссеры и операторы, как Ольга Улицкая, Михаил Израилев, Виталий Калашников, Вадим Яковлев, Николай Харин и многие другие.

Первое поколение молдавских кинематографистов, как, впрочем, и последующие, пройдя школу ВГИКа у лучших мастеров российского кино, вернулось на родную киностудию настоящими профессионалами, высококвалифицированными специалистами своего дела.

Режиссер Эмиль Лотяну воспитывался в режиссерской мастерской во ВГИКе у Григория Рошала, что позволило ему освоить высокий профессионализм и отточенное мастерство. В знаменитой актерско-режиссерской мастерской Сергея Герасимова прошли школу мастерства молдавские режиссеры Роллан Виеру и Штефан Буликану. У Михаила Ромма учились Василе Брескану и Ион Скутельник. Хорошую вгиковскую школу в сценарной мастерской А. Юнаковского прошел Валериу Гажиу, ставший впоследствии не только классным сценаристом, но и режиссером ряда значительных картин молдавского кино.

Мне самому посчастливилось учиться у таких видных мастеров киноведения, как Николай Алексеевич Лебедев и Ростислав Николаевич Юренев, слушать лекции Сергея Герасимова, Михаила Ромма и Алексея Каплера.

Молдавская актерская школа также многим обязана русским педагогам. Целым курсом из ленинградского театрального института

им. А.Н. Островского в Молдавский театр пришли наши ведущие театральные актеры, впоследствии много снимавшиеся в молдавских картинах: Валериу Купча, Вера Брееру, Констанца Тырцэу, Петря Баракчи и др.

Другой курс молдавской театральной молодежи из Щукинского училища основал в Кишиневе молодежный театр «Лучафэрул». Актеры этого театра сделали для молдавского кино еще больше. Имена Иона Шкури, Иона Унгуряну, Думитру Карачобану, Екатерины Малкоч, Евгении Тудорашку, Валентины Избещук и др. запечатлены в титрах многих молдавских фильмов.

Многие молдавские актеры стали пользоваться популярностью не только у себя на родине, но и за пределами Молдавии, что свидетельствует об их высоком профессионализме.

Особенно часто снимались наши актеры Григоре Григориу, Ион Унгуряну, Михай Волонтир, Светлана Тома, Мария Сагайдак, братья Войническу-Соцки на «Мосфильме», студии им. М. Горького, студии им. А. Довженко, на центральном телевидении и даже в зарубежных

странах. Сегодня на другие студии стран СНГ приглашают не только молдавских актеров, но и операторов, звукооператоров, гримеров и даже специалистов второго звена - ассистентов по всем кинематографическим специальностям.

За годы существования киностудии «Молдова-фильм», особенно в первые годы ее деятельности, в молдавских фильмах снимались сотни актеров из России, Украины, Прибалтики, создав немало интересных, значительных ролей в картинах нашей киностудии.

Многие из ныне известных русских актеров начинали свою карьеру у нас в Молдавии в картинах молдавских режиссеров. Так, в фильме режиссера Василе Паскару «Мосты» свою первую роль в кино - Гицу - создал М. Боярский.

Для известного ныне актера Александра Ширвиндта роль штабс-капитана Богдеску в фильме «Атаман кодр» была второй ролью на экране.

Елена Проклова (Россия) и Михай Волонтир (Молдавия) в кинофильме «Будь счастлива, Юлия» (1983).

Актера Центрального театра Советской Армии Льва Полякова кинозритель по-настоящему узнал и полюбил по роли гайдука Тодора Тобултока в фильме «Агаман кодр». Впоследствии он снялся еще в одном фильме молдавской киностудии - «Бегство из рая», где сыграл роль румынского офицера.

Настоящую славу молдавскому кино принес русский актер Евгений Лебедев, исполнив роль отца в фильме «Последний месяц осени», за что получил главный приз «За лучшую мужскую роль» на Международном кинофестивале в Мар-дель-Плато (Аргентина). Впоследствии он еще два раза снимался в молдавских картинах «Ночной блокнот» и «Я готов принять вызов».

В молдавских фильмах многократно снимались такие видные актеры русского кино, как Евгений Евстигнеев, Николай Караченцов, Олег Янковский, Вячеслав Шалевич, Зоя Федорова, Сергей Филиппов, Клара Лучко, Тамара Семина, Лариса Лужина, Светлана Светличная, Владимир Ивашов, Николай Тимофеев, Майя Булгакова, Петр Глебов, Юрий Саранцев, Изольда Извицкая, Микаэлла Дроздовская, Светлана Дружинина, Федор Никитин и др.

Работая с русскими коллегами над ролями в период съемок на натуральных площадках и в павильонах студии, молдавские актеры учились у них мастерству и тонкостям работы над той или иной ролью, перенимали все ценное и полезное для своих будущих ролей.

Немало ценного опыта обретали молдавские актеры во время дубляжа советских картин на молдавский язык. Синхронный перевод требует особого мастерства. Во время озвучивания с одного языка на другой кольцо крутится на экране порой 15-20 раз. За это время необходимо точно уложиться и в метраж, и в синхронизацию текста, а это не так просто. Здесь нужна не только точная языковая характеристика - совпадение и артикуляция, но и необходимо сделать все, чтобы не было потерь драматургического и настроенческого характера,

К сожалению, за последние 15 лет бывшие тесные связи русского кино с молдавским значительно ослаблены. Но будем надеяться на лучшее.

Сайт

Андрея Николаевича САВЕЛЬЕВА:

<http://www.savelev.ru>

Константин ШИШКАН**БОРИС НЕСВЕДОВ
(1903-1963)**

Несведов Борис Георгиевич – живописец, график, декоратор-сценограф, мастер фресковой росписи, костюма для театра, кино, танцевальных ансамблей, книжный иллюстратор. Родился 2 февраля 1903 г. в с. Митьки Золотоношского уезда Полтавской губернии в многодетной семье потомственного художника-иконописца и реставратора Георгия Евфимовича и Улианы Ивановны (урожденной Левченко). С малых лет проходил школу художественного мастерства у отца. В 1911 г. семья переехала на жительство в Бессарабию, где Борис окончил Художественную школу (1923) вместе с известными впоследствии художниками Ф. Кирияковым и М. Гамбурдом (студия А. Бальера). Окончив студию, Б. Несведов работает вместе с Ф. Кирияковым в Национальном театре художником-декоратором, куда они были приглашены главными художником А. Бальером. Там Б. Несведов оформил около двухсот спектаклей, среди которых «Овидий» В. Александри, «Аким» В. Евтимиу, «Среди волков» А. Бота, «Разбойники» Ф. Шиллера, «На дне» М. Горького, ряд опер и оперетт.

В этот период художник активно работает также над созданием портретов («Автопортрет» и др., 1933), экспонирует на выставке-продаже (1933) целую серию марин. О них критик Р. в газете «*Viata Basarabiei*» писал: «В наиболее удачных полотнах с большим мастерством воплощена безграничная даль моря, впечатления дали усиливаются и от громады берегов, высящихся к небу. Десять вариаций на ту же тему свидетельствуют о напряженности искания и взыскательности художника к себе» (НАРМ. Фонд Бальера, д. 84).

В этих картинах чувствуется тяга к масштабу и глубине изображения загадочных водных просторов, характерных для И. Айвазовского, не раз выставявшегося в Кишиневе и написавшего две картины, связанные с нашим краем («Днестр» и «Угощение солдат на Кишиневском вокзале в 1887 г.»).

Однако наибольшим успехом пользуются работы Б. Несведова в области декоративного искусства. Об этом свидетельствует выставка того же года, о которой писал критик Л.А. Берн в статье «Художественная жизнь Кишинева» в «Бессарабском слове» (1933, 15 апреля): «Борис Несведов молодой художник. Он обладает большой творческой фантазией, он колоритен, хорошо знает краски и умеет ими пользо-

ваться... Б. Несведов выставил много эскизов декораций. В них привлекают особенное внимание декорация к инсценировке стихотворения Бялика и эскизы к «Руслану и Людмиле».

Бессарабская пресса не раз высоко оценит труд Б. Несведова-декоратора. По поводу выставки его работ в Благородном собрании критик Н. Садко отмечал: «Б. Несведов в длинной серии своих экспонатов показал гибкий подход зрелого мэтра к разного рода театральным задачам. Б. Несведов владеет стилем, а не стиль владеет им. Это большая заслуга» (Садко Н. Выставка в Благородном собрании // Наше время, 1933).

Другой критик, подписавшийся инициалами С.С.Д., оценивая выставку в Жокей-клубе, замечает: «Б. Несведов – молодой декоратор с большим будущим. Он многогранен, ярк, размашист, свободен в приемах, он в своей стихии и ничего не боится» (НАРМ. Фонд А.И. Бальера. Оп. 1, д. 1. С. 2). Работа художника была отмечена наградами (1926), он становится главным художником Национального театра. В 1938 г. его избирают председателем Общества изящных искусств Бессарабии. В эти годы он выполняет ряд фресковых росписей в разных городах Румынии (в основном, в частных домах), его работы экспонируются в Официальном салоне Бухареста.

В 1940 г. Б. Г. Несведова назначают главным художником Кишиневского русского драматического театра. Он оформляет ряд спектаклей, среди которых «Овод», «Ревизор», «Анна Каренина» и др. В 1941 г. художник вместе с семьей эвакуируется на Северный Кавказ,

где создает рукописную сказку для детей («Сказка о Ваньке Безмезинном», 1941). Он пишет ее для племянника Константина и впервые оформляет книжку (см.: Шишкан К. В мастерской чудодея. Борис Несведов – человек и художник. Кишинев, Штиинца, 1995. Приложение. С. 56-62).

**Встреча Петра I
с Дмитрием Кантемиром в Яссах.
Художник Б. Несведов.**

В составе Первого Белорусского

фронта Б.Г. Несведов – художник, певец, фронтовой разведчик - пройдет с боями от Великих Лук до стен рейхстага в Берлине, будет отмечен медалями, среди которых - «За боевые заслуги». На полях сражений он создает ряд набросков, рисунков, этюдов, эскизов (этюды «Варшава», «Дрезден», «Берлин – мост на Шпрее», «Александрплац», «Рейхстаг», эскиз «Взятие рейхстага» и др.), пишет ряд портретов героев-солдат (большая их часть хранится в музее Вооруженных сил России). Работал художник также в области призывного плаката. Один из них - «Освободи Украину» - найден нами в фондах московского музея. Там же обнаружен «Проект оформления Трибуны объединенных наций в г. Берлине» (акварельный эскиз 6х84 см поступил в музей из Главного Политического Управления Красной Армии 13 июля 1945 г.). Б.Г. Несведов в числе двухсот фронтовых художников участвовал в конкурсе на создание проекта Трибуны Победы в Берлине и, выдержав его, был вызван к Сталину, в ставку Верховного командования, на утверждение. Однако умер Рузвельт, и парад не состоялся, он прошел в Москве. Об этой огромной работе художник сообщил в письме к сестрам Марии Георгиевне и Анне Георгиевне (предположительно 9-10 мая 1945 г.): «...Как вам известно, я был в Москве... ездил туда на утверждение проектов на оформление гор. Берлина. Проекты мои были утверждены... Трибуна получилась грандиозной и красивой, арки тоже получились хорошо, хотя сроки были настолько сжаты, что я не верил в исполнение ко времени. Работало несколько тысяч человек. За всем надо было уследить и все проверить. Такого масштаба работы я еще не знал. Расстояние четыре километра между Бранденбургскими воротами и Колонной победы было сплошь оформлено флагами, плакатами и трибуной, которая по величине не уступала Бранденбургским воротам. Работало более двухсот квалифицированных художников. Главные магистрали города, тянущиеся на десятки километров, были также оформлены арками и т. д.».

На Трибуне Победы фотографировались победители, перед ней проходили воинские части.

В 1946 г. Б. Несведов возвращается в Кишинев, работает художником-постановщиком, а затем главным художником Русского драматического театра, активно способствуя налаживанию театральной жизни Кишинева (1946-1949). Среди поставленных им спектаклей выделяются «Софья Ковалевская» братьев Тур, «Мачеха» О. де Бальзака, «Дама-невидимка» Л. Кольдерона, «Глубокие корни» Гоу и Юссо и др. Для эскизов Несведова характерна подчеркнутая декоративность колористических решений. Мысля всей сценой, а не ее эпицентром, динамикой меняющегося пространства, свободно оперируя объемами, он добивается живописно-ритмического строя оформления, в который

искусно вкрапляется цвет костюмов артистов, и создает в целом звучно-колористический образ спектакля. Кроме работ в русском театре он оформляет спектакли в Кишиневском театре кукол («Дюймовочка» Г.Х. Андерсена, 1946; «Снежная королева» Е. Шварца, 1947), создает эскизы костюмов для Молдавской филармонии (1947).

В 1950-1957 гг. Б. Несведов – главный художник павильона МССР на ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставке) в Москве, где достойно представляет нашу республику. Вернувшись, он продолжает трудиться в области театрального искусства (костюмы для оперы Д. Гершфельда «Грозван», 1959; костюмы для кинофильмов «Атаман Кодр», 1957; «Серебряная свадьба», 1957); пишет маслом много эскизов и этюдов; заметное место занимает в его творчестве историческая тема («Штефан Великий прощается с дочерью Еленой»; «Смерть Штефана Великого»; «Встреча Петра I с Дмитрием Кантемиром в Яссах»; «Пушкин навещает в кишиневской тюрьме гайдука Урсула»; «Казнь гайдука Тобултока в Кишиневе» и др.).

Однако вскоре все его внимание сосредоточивается на книжной иллюстрации. Им оформлено «Сказание об Андриеше» Ем. Букова (1947-1962); «Плывет мельница по Сирету» М. Садовяну (1955); «Сказки» И. Славича (1956); «Молдавские народные сказки» (1956); «Сказка о двух женах» М. Опри (1957); «Сказки» И. Крянгэ (1957); «Сказки» М. Эминеску (1952); сборники стихов К. Шишкана «День в лесу» (1958) и «Живая дверь» (1959); рассказы «Что мне сказал котенок» К. Кондри (1959); «Два утенка и петух» В. Рошки и др.

**Штефан Великий
прощается с дочерью Еленой.
Художник Б. Несведов.**

- пишет художник Б. Брынзей, - Несведов находит особый, внутренне закономерный изобразительный прием: от свободной живописности акварельных листов до строгого, плоскостного силуэта или острого контурного рисунка (Несведов Б. Каталог. С. 9).

Широко используя опыт декорационного театрально-

го искусства, Б. Несведов никогда не забывает о приемах, которыми пользовались древние оформители молдавских рукописных книг, об их умении добиться максимального декоративного эффекта. Он пристально всматривается в старинные рукописи. В чем секрет их глубокого эмоционального воздействия? И отмечает про себя, как часто контрастируют тут красные, синие, коричневые и белые тона, как золото фона придает цветовому строю приподнятый характер. И вот уже в его иллюстрациях, откровенно соперничая, играют эти чистые, свежие тона, сообщая листам высокую цветовую интенсивность. Подобно древним книжным мастерам, художник большое внимание уделяет детали, ибо она также работает на декоративный эффект. Тут и богато расшитая одежда, и экзотические кусты, и отдельные элементы архитектуры сказочных городов. Но строго учитывая в своем творчестве традиции лучших мастеров молдавского народного творчества, Б. Несведов не выступает в роли копииста, не списывает с натуры растения и одежды своих героев. Рисуя, он снабжает их выдумкой, богатой фантазией, неповторимым сказочным видением. В его творчестве органично сочетаются условности пластического языка с достоверностью изображаемой бытовой сцены. Если в цветных полосных иллюстрациях Несведов еще весь погружен в театр с его декорационными принципами постановки зрелища, то в графических листах, заставках, шмуц-титулах, виньетках и концовках он уже уверенно проявляет себя как подлинный книжный оформитель, продолжающий лучшие традиции ма-

Иллюстрация
к «Сказанию об Андриеше»
Ем. Букова.
Художник Б. Несведов

стеров древней самобытной молдавской рукописной книги и развивающий опыт русского художника И. Билибина, чье искусство высоко ценил. Художник хорошо знает народное искусство Бессарабии – керамику, костюм, ковроделие, лозоплетение. Плетенки геометрического орнамента у него естественно контактируют со вставками иллюстративного плана, виноградная лоза с гроздьями искусно сочетается с пляшущими фигурками крестьян (узорчато-орнаментальный пояс). О высоком мастерстве в изображении национального костюма можно судить по многим графическим листам. Для иллю-

**Иллюстрация
к сказке М. Эминеску
«Нора ветров».
Художник Б. Несведов.**

страций к «Сказанию об Андриеше» Ем. Букова характерны необычайно богатые на выдумку аксессуары, изобретательная архитектура композиционных построений заставок, снабженных плодами, гирляндами цветов, еловыми ветками с шишками, гроздьями винограда; концовок, представляющих собой четырехугольники с вписанными в них цветами, плодами груш, снежинками, затейливой вязью янтарного шрифта.

Один из основоположников молдавской книжной графики, традиции которого использовали, развивали и обогащали И. Богдеско, И. Кырму, И. Виеру, Б. Брынзей, Б. Несведов стремился, опираясь на глубокие национальные традиции молдавского искусства, создавать такие произведения, которые по артистичности исполнения не уступали бы его лучшим образцам. Только на этом пути виделись ему вершины западноевропейского и российского художественного опыта. К ним он упорно поднимался всю жизнь. И, думается, сумел подняться.

ЛИТЕРАТУРА

- НАРМ. Фонд Б.Г. Несведова. Р-31-29. Оп. 1. Д. 1.
Берн Л.А. Художественная жизнь Кишинева. Бессарабское слово. 1933, 15 апр.
Садко Н. Выставка в Благородном собрании. Наше время, 1933.
Лившиц М., Чезза Л. Изобразительное искусство Молдавии. Кишинев, 1958.
Гришин Е. Разносторонний мастер. Славянская газета. 1993, № 3 .
Stăvilă T. Arta plastică din Basarabia. Chişinău, 1990. P. 130.
 Выставка произведений Б.Г. Несведова (60 лет со дня рождения и 40 лет творческой деятельности). Каталог (сост. К.Д. Роднин). Кишинев, 1963.
Брынзей Б.И. Несведов Б. Каталог. Сост. Г. Кабачный, Г. Потоцкий. Кишинев, 1982.
Шишкан К.Б. В мастерской чудодес. Борис Несведов – человек и художник. Кишинев, Штиинца, 1995.

Ольга ГАРУСОВА

«ПРОНИКНОВЕНИЕ В ГЛУБИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА...» ГАСТРОЛИ Е.А. ПОЛЕВИЦКОЙ В КИШИНЕВЕ В 1932 г.

Гастроли Рижского Театра русской драмы во главе с Еленой Александровной Полевицкой стали одним из самых ярких и значительных событий в культурной жизни Кишинева 1930-х гг. С актрисой подобного личностного масштаба и таланта бессарабский зритель не встречался, пожалуй, со времен В.Ф. Комиссаржевской, побывавшей в Кишиневе в 1909 г. Как и ее великую предшественницу, Полевицкую окружали восторженное поклонение и безграничная любовь зрителей. «Я видела больших прекрасных актрис, но Полевицкая была чудо неповторимое. - писала Ф.Г. Раневская. - Сила ее таланта была такова, что и теперь, через де-

сятки лет, вспоминая ее, испытываю чувство восторга и величайшей нежности и благодарности ей за счастье встречи с ней на сцене»¹. Редкостное дарование актрисы пытались разгадать многие театральные критики и рецензенты. Но, кажется, что вполне выразить в словесной форме секрет ее магической власти над зрителем не удалось никому. Чудо необъяснимо.

Елена Александровна Полевицкая (1881-1973) поздно, в 27 лет, стала актрисой. Играла в провинции. Судьбоносной стала встреча с известным провинциальным режиссером и педагогом Н.Н. Синельниковым. В его харьковской и киевской антрепризах в 1910-1914 и 1916-1918 гг. Полевицкая сыграла роли, принесшие ей всероссийское признание: Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Настасья Филипповна («Идиот»), Катерина («Гроза»), Лариса («Бесприданница»), Негина («Таланты и поклонники»), Маргарита Готье («Дама с камелиями»)... Два сезона (в 1915 и 1916 гг.) прослужила в Московском драматичес-

ком театре (антреприза Суходольских), завоевав благодарную любовь москвичей. После революции гастролировала по южным городам России, а в 1920 г. уехала в Болгарию вместе с мужем, режиссером И.Ф. Шмидтом. Эмиграция длилась 35 лет.

Вернувшись в 1955 г. в Москву, актриса недолгое время работала в Театре им.Е.Б.Вахтангова, преподавала. Снималась в кино (фильмы «Пиковая дама» - роль графини и «Муму» - барыня).

В Театральном музее им. А.А. Бахрушина в Москве хранятся собранные актрисой статьи зарубежной прессы, свидетельствующие о ее «почетной известности» с первых же выступлений за границей. Западные рецензенты, подтвердив мнение дореволюционной критики, превзошли ее в восторженных похвалах. Полевицкую называли «чудом природы», «одной из величайших актрис мира»; «большой трагический стиль» русской актрисы сравнивали со стилем европейских звезд драматической сцены Сары Бернар и Элеоноры Дузэ; ее творчество считалось воплощением «настоящего русского искусства». Американские кинопродюсеры предлагали работу в Голливуде, а знаменитый германский режиссер Макс Рейнхардт - лучшие роли в своем театре. Блестяще владевшая немецким языком, Полевицкая с 1927 г. периодически выступала на немецкой сцене, у Рейнхардта в частности, однако вне родного языка себя в профессии не мыслила. По признанию актрисы, русские спектакли выражали ее непрерывающуюся связь с Родиной.

Творческие биографии оставшихся за рубежом известных русских актрис складывались по-разному. Одни переходили на болгарскую, итальянскую или французскую сцены. Другие поддерживали традиции русского искусства, организовывая или участвуя в антрепризах соотечественников - предприятиях непостоянных, быстро угасающих, финансово необеспеченных. Бывшие примы Мария Германова из Московского Художественного театра и Елена Рощина-Инсарова из Александринского театра с конца 20-х и в 30-е гг. выступали преимущественно перед эмигрантской аудиторией Парижа. Полевицкая же избрала традиционную для русского актера судьбу. Подобно кочевавшим по российской провинции безытным героям А.Н. Островского, она странствовала по русскому зарубежью, почти не прерывала артистическую работу. Гастролерша (по терминологии того времени), она путешествовала с «собственным ансамблем», часто составленным из случайных партнеров; задерживалась на сезон - два - три в том или ином театре - Пражском Камерном или Рижском русском драматическом... Ареал ее выступлений - Германия, Австрия, Балканы, Прибалтика.

Дважды Полевицкая приезжала на родину. Длительные гастроли 1923 г. в Москве и Ленинграде хотя и вызвали бурные дискуссии в прессе о соответствии «актрисы вчерашнего дня» советской действительности, у зрителя имели громадный успех. Поездка 1925 г. явилась тяжелым испытанием для артистки, «говорившей», по утверждению прессы, с новой театральной публикой «на разных языках»². Прервав выступления, Полевицкая вернулась за границу. Ее зритель остался в русском зарубежье.

Вслед за поэтом Владиславом Ходасевичем актриса могла бы повторить: «А я с собой свою Россию в дорожном уношу мешке». Полевицкая «унесла с собой» целую галерею женских образов русской классической драматургии, созданных ею в 1910-е гг. Бесчисленное число раз сыгранные в эмиграции ее героини воплощали для современников идеальный тип русской женщины, восхищая благородством, гармонией и возвышенной красотой духовного облика. Нравственная чистота, внешняя хрупкость и внутренняя стойкость объединяли в исполнении Полевицкой чеховскую Машу, тургеневскую Лизу, Катерину из «Грозы», Веру из «Обрыва», Кручинину... Тема актрисы - жертвенная и драматическая судьба русской женщины - в эмиграции наполнилась новым духовным смыслом.

«Когда смотришь на Е.А. Полевицкую здесь, в Берлине, в душе растет радостная гордость за русское искусство, выше поднимаешь голову и в эти приниженные дни изгнания смело открываешь глаза и смотришь вокруг», - писала русская берлинская газета «Голос России» в 1921 г.³ Для российских беженцев творчество актрисы служило жизненно необходимой моральной поддержкой.

В начале 1930-х гг. известный театральный критик С. Яблоновский (Париж), осмысляя эмигрантский горький опыт, в опубликованном бухарестской газетой «Наша речь» открытом письме Е.А. Полевицкой писал: «Для многих, многих людей не стало родины. Но остались большие русские люди на всех поприщах, и среди них есть Вы, большая прекрасная русская артистка. Показывайте, что такое русская жизнь, как она содержательна, глубока, человечна, как полно отличается от тех, которые соскочили, пошлые, со страничек модных журналов»⁴.

О важной культурной миссии Полевицкой, о высочайшей ответственности перед собственным даром и перед зрителем говорится «между строк» рецензий и откликов на ее гастрольные спектакли в Кишиневе. Бессарабская пресса отразила не только восприятие искусства актрисы определенным слоем публики 1930-х гг. (русскоязычной и эмигрантской), но и его особенности, в эмиграции проявленные.

Гастроли Рижской русской драмы в 1932 г. организовал импресарио Н.Я. Золотарев, заручившийся рекомендациями полномочного пред-

ставителя Румынии в Латвии князя М.Р. Стурдзы, который, по всей видимости, хорошо знал театр. Местная пресса предварила приезд единственного стационарного русского театра в зарубежье радостно-эмоциональными статьями. Очереди у касс «Одеона» и «Экспресса» - кинотеатров, на сцене которых играли рижане, - заставили некоторых журналистов «невольно вспоминать концерты Шаляпина»⁵. Повышенный, превосшедший «всяческие ожидания» интерес к спектаклям рижан прежде всего был вызван участием знаменитой актрисы. В памяти театралов навсегда запечатлен был ее облик, «бесконечно изящный, благородный, возвышенный», и ее роли - «вечные спутники выдавшего их. Вечные утешители, вечные ободрители, вечная радость и вечная гордость!»⁶. Кишиневцам были знакомы многие имена рижской труппы. Л. Мельникова, Ю. Юровский, И. Булатов, Н. Барабанов, Е. Бунчук, А. Астаров, В. Ченгери... Актеров помнили по Харькову или Киеву, по Москве и Одессе, по дореволюционным гастроллям в Кишиневе. Зрители настраивались на встречу с теми, с кем их объединяла одна судьба и одна культура. Ради этой встречи они были «готовы отказать себе во многом». «Это не только эстетическое удовольствие, но и потребность души»⁷. Бывший одесский «любимец публики», ставший самым известным в Бессарабии антрепренером, Василий Вронский в таких словах выразил общее настроение: «Разбросало нас по разным странам. И вот теперь Кишинев имеет счастье видеть и слышать во главе славной Рижской драмы жемчужину русской сцены Елену Александровну Полевицкую».

Спектакли Рижской русской драмы ответили самым трепетным ожиданиям публики. Полевицкая играла в большинстве пьес гастрольного репертуара, состоявшего из шестнадцати названий. Актриса заново пленила старых театралов, покорила новую зрительскую аудиторию.

Судя по откликам кишиневских рецензентов, по-прежнему поражали, увлекали роли классические и игравшиеся Полевицкой на протяжении всей ее жизни. Их художественная ценность со временем все глубже ощущалась. «Как она передает духовную красоту образов - это тайна ее артистической индивидуальности, секрет ее художественного творчества, но, во всяком случае, это не обычные приемы пусть и блестящей, но обычной актерской техники»⁸. Когда играла Полевицкая, зрителю казалось, что она играет только для него, что на сцене живет «самое дорогое ему существо». На ее мелодический, теплый грудной голос отзывались «лучшие струны» сердца, взгляд больших карих глаз проникал в душу.

Рецензенты особо подчеркивали духовную красоту героинь Полевицкой. В роли Юлии Тугиной («Последняя жертва») исполнительница

«насыщает каждый жест, каждое слово той духовностью, тем внутренним благородством, в которых кроется неизъяснимое откровение ее таланта»⁹. Маша («Три сестры») была «красива какой-то особой, строгой и печальной, красотой русской интеллигентной женщины. Была скупа в жестах в движениях, сдержана до предела и именно этим создавала образ красоты и печали неизъяснимой и глубоко волнующий»¹⁰. Образ Кручининой («Без вины виноватые»), «необычайной красоты внешней и внутренней, так и врезывается в память»¹¹. В «Грозе» актриса передала всю сложную, страстную, отдающуюся любви душу Катерины, проведя с особенным совершенством последний акт.

Самой знаменитой и зрителями более всех любимой была роль Лизы Калитиной. Внешне актриса по-прежнему удивительно совпадала с портретом тургеневской героини: хрупкая, с ясным взглядом бездонных глаз, она светилась каким-то неземным «чудным светом». Кишиневский рецензент так описывал поразительное, полное слияние исполнительницы с ролью: «Актриса воистину совершает чудо физической материализации и душевного перевоплощения. Перед зрителем любит, страдает и молится Лиза Калитина, и великое счастье быть свидетелем чудесной творческой тайны этого перевоплощения»¹². Вошедшая в историю русского театра беспрецедентная семиминутная сценическая пауза Полевицкой - безмолвный эпизод прощания героини со своей комнатой перед уходом в монастырь - производила на замершую публику впечатление неизгладимое. В заполненном до отказа театре, по наблюдениям журналистов, было больше людей старшего поколения. «Плакали отцы и матери, с любопытством смотрели на сцену их дети»¹³. Судя по трем дневным показам «Дворянского гнезда», спектакль имел у молодежи большой успех.

Кишиневские и бухарестские рецензенты подметили одну новую важную черту творчества Полевицкой в эмиграции. Неслучайно игра актрисы описывались в религиозных терминах: моление, священнодействие, свечение... Иконописный облик, словно сошедшей с картины Нестерова, Катерины с «на смерть раненным сердцем», которая молилась, по словам критика, «за всех нас»; уход Лизы в монастырь для отмаливания «наших грехов»... Обращалось внимание на медленные и плавные движения актрисы, «полуоборот головы через плечо», мягкие линии силуэта, рук, скупые жесты, «точно она не на сцене, а в храме». Необычным было душевное состояние зрителей после спектакля, зафиксированное репортером. «Когда опускается занавес, хочется молчать, молчать, как в храме, где в священной тишине невидимо веют крылья Великого Духа»¹⁴. Игра Полевицкой отсылала к культурной православной традиции, вводила в круг волновавших эмиграцию философских и нравственных вопросов об исторической судьбе

России, о русской душе, о вине интеллигенции перед родиной, о страдании и раскаянии.

Рижские актеры утверждали, что пьесы Островского, Тургенева и других «старых авторов» не пользовались особым вниманием в Латвии, «сборов не делали» и удивлялись их громкому успеху у бессарабского зрителя¹⁵. Триумф классических спектаклей на кишиневской сцене, которые рождали «какое-то особенное настроение» в зрительном зале, местные критики объясняли потребностью «увидеть прошлое», прикоснуться через сценическое воплощение к «уже отдалившейся эпохе» с ее исчезнувшим стилем и «определенными характерами»¹⁶.

Полевицкую прославили не только роли классического репертуара. Признание широкого зрителя артистка снискала и в популярных мелодрамах 1910-х гг. В коронных, как тогда говорили, ролях - Мари Шарден в «Мечте любви» А. Косорогова, Веры Мирцевой из одноименной пьесы Л. Урванцева, Риты в «Черной пантере» В. Винниченко актриса демонстрировала богатейший творческий диапазон, изощренность сценической техники, утонченный психологизм. Мятущиеся, нервные, страстные героини «эпохи модерн» в ее исполнении вызывали сочувствие и сожаление, «волновали и трогали». Дар перевоплощения, необычайная женственность и обаяние актрисы заставляли забывать о надуманности мелодраматических сюжетов, а роли в заигранных и хорошо известных зрителю пьесах сверкали новыми красками, благодаря «тонкой изысканной технике».

В «Ночной серенаде» Лонгиеля актриса с «великим мастерством, с огромной силой и ярким темпераментом передавала бунт женского сердца, тоску по уходящей молодости, по ускользающей жизни» своей героини¹⁶. Рецензенты восхищались очарованием, блеском, «несравненной душевной прелестью» певицы Кавалини из «Романа» Шелдона. О роли Маргариты Готье критик писала: «Это вообще одно из лучших сценических воплощений героини А. Дюма, которое нам пришлось видеть, а видеть нам пришлось в этой роли, кажется, всех великих и славных русских и европейских актрис». Поражал «образ красоты почти ирреальной», «тонкий чудесный анализ женской души и женского сердца», «благородная попытка измерить силу женской любви, самопожертвования и великодушия»¹⁷. Сотни зрителей переживали смерть Маргариты, как смерть родного человека. «Давно кишиневская театральная публика так много не плакала, как на «Даме с камелиями». Трудно назвать актрису, которая бы так властно подчиняла эмоционально зрителя, как Полевицкая. Реакция зала порой удивляла рецензентов: «Слезы на глазах у публики, слезы из глубочайших, еще чистых источников сердца. Слезы в наше грубое каменное время»¹⁸.

Местная пресса на эпитеты не скупилась. Гастроли называли «праз-

**Е.А. Полевицкая в роли
Лизы («Дворянское гнездо»
по И.С. Тургеневу)**

дником искусства», «проникновением в глубины человеческого духа», «живой водой»... Справедливости ради нужно отметить, что Полевицкая играла в составе профессиональной группы, отличавшейся высокой постановочной культурой. Слаженный ансамбль, талантливые исполнители, грамотная режиссура - все это содействовало общему успеху спектаклей. Хорошо, хотя и с меньшим воодушевлением, публика принимала постановки, в которых Полевицкая не участвовала. Как и до революции, зрители привычно шли в театр «на имя», чтобы увидеть знаменитую актрису. Громадный, «необычайный» для Кишинева интерес к гастролям журналисты объясняли также вниманием к ним новой зрительской прослойки. «Посмотреть рижан и Полевицкую пошла публика, не бывавшая в театре годами. Из разоренных бывших «дворянских гнезд» шла

эта публика смотреть «Дворянское гнездо». ...Если принять во внимание нынешнее «финансовое» положение Кишинева, города чиновников без жалованья, пенсионеров без пенсий, коммерсантов без коммерции, помещиков без поместий, - то битковые сборы, сделанные рижанами, еще больше подчеркнут ценность оказанного приема. Обнищавший город мобилизовал все свои ресурсы»¹⁹.

Вместо первоначально предполагавшихся пяти спектаклей в Кишиневе было сыграно с 17 по 30 мая четырнадцать и после турне по провинции еще семнадцать. Спектакли были повторены по общедоступным ценам, чтобы их смогли увидеть малоимущие учащиеся и интеллигенция.

Спустя год, в мае 1933 г. Е.А. Полевицкая вновь приехала в Кишинев, на этот раз - с «собственным ансамблем», состоявшим из драматических актеров, подвизавшихся на различных европейских сценах. И хотя устройство гастролей было сопряжено с немалыми трудностями, хотя окружение актрисы было профессионально неровным, про-

шли они вновь с огромным «артистическим, моральным и материальным успехом». «По нашим кризисным временам, - констатировала пресса, - это случай исключительный, лишний раз показавший, что на действительно чистое искусство кризис не влияет»²⁰.

Деятельность Е.А. Полевицкой в русском зарубежье еще ждет своих исследователей. В изданной в 1980 г. монографии о творческом пути актрисы эмигрантский период, по известным причинам, оказался на периферии внимания автора²¹. В последнее десятилетие, благодаря возросшему интересу историков и искусствоведов к культурному наследию русских эмигрантов, исчезают лакуны в биографиях и творчестве людей театра. Думается, что бессарабские гастроли дополнят неизвестные страницы жизни выдающейся русской актрисы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раневская Ф. Монолог // Крылов Д. Фаина Раневская. М., 1999. С. 33.
2. Марголин С. Противоречия о Полевицкой // Театр и музыка. М., 1923. № 30; Марков П. Еще о Полевицкой // Театр и музыка. 1923. № 32.
3. Гастроль Е.А. Полевицкой // Голос России. Берлин. 1921. 16 марта.
4. Яблоновский С. Открытое письмо Е.А. Полевицкой // Наша речь. Бухарест. 1933. 29 мая.
5. Гастроли Рижской драмы // Бессарабская почта. Кишинев. 1932. 23 мая.
6. Недзельский В. Почему нужен театр // Бессарабское слово. Кишинев. 1932. 15 мая.
7. Р.Р. Гастроли «Русской драмы» // Бессарабское слово. 1932. 11 мая.
8. Недзельский В. «Роман» // Бессарабское слово. 1932. 2 июня.
9. Недзельский В. «Последняя жертва» // Бессарабское слово. 1932. 19 мая.
10. В.Н. «Три сестры» // Бессарабское слово. 1932. 5 июля.
11. Боскович Е. «Без вины виноватые» // Бессарабское слово. 1932. 28 июня.
12. Вл. Н-й. «Дворянское гнездо» // Бессарабское слово. 1932. 23 мая.
13. Ш. «Дворянское гнездо» // Бессарабское слово. 1932. 22 мая.
14. Бп. «Без вины виноватые» // Бессарабское слово. 1932. 29 июня.
15. Калугин Ю. До свидания // Бессарабское слово. 1932. 30 мая.
16. Недзельский В. «Ночная серенада» // Бессарабское слово. 1932. 20 мая.
17. Боскович Е. «Дама с камелиями» // Бессарабское слово. 1932. 25 июня.
18. Бп. «Без вины виноватые» // Бессарабское слово. 1932. 29 июня.
19. Калугин Ю. Указ. статья.
20. Турне Е.А. Полевицкой по Бессарабии // Наша речь. 1933. 15 июня.
21. Путинцева Т. Елена Полевицкая. М, 1980.

Ирина ИЖБОЛДИНА

БЕССАРАБСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ ЛЕОН ДОНИЧ-ДОБРОНРАВОВ: МЕЖДУ СТЕНОЙ И БЕЗДНОЙ

Высокий, как гора, высеченная из камня, Леон Дониц до поздней весны был одет в черный с пелериной плащ, обитый белым шелком. Строгий монашеский костюм, пенсне. Очень выразительные, запоминающиеся глаза. Круглая шляпка на затылке, из-под которой выбиваются светлые пряди. С горькой доброй улыбкой на лице, поясняя свой странный наряд, говорил, красиво и откровенно, чуть с хрипотцой: «Я - как Леонид Андреев!». (Из описания современников)

26 мая 1926 г. в Париже, в больнице Сен-Луи умер писатель Леон Дониц, прожив неполные 39 лет. Его останки были перевезены в Кишинев и захоронены на Центральном кладбище 7 июля. Проводы были величественными и представительными благодаря усилиям Октавиана Гоги (1881-1938) - на тот момент министра внутренних дел, поэта, остро переживавшего смерть коллеги. Королевская Румыния просталась со своим великим писателем. В публичной церемонии также принимали участие писатель Михаил Садовяну (1880-1961), Елена Алистар, Никифор

Крайник и многие другие - элита румынской интеллигенции. Академик Николае Йорга (1870-1940) посвятил ему статью.

В Советской России, как и в эмигрантских кругах, смерть русского писателя Леонида Добронравова, мягко говоря, особого участия не вызвала. Спустя несколько месяцев Максим Горький в ответ на вопрос С.Н. Сергеева-Ценского (1875-1958), интересующегося судьбой писателя, отвечает, что «автор «Новой бурсы» Леонид Добронравов,

человек бесталанный и неумный, умер осенью в Париже»¹. Это было отречение и приговор, ведь еще примерно лет десять назад Горький констатировал: «Л. Добронравов - писатель, подающий большие надежды, многообещающий».

Леонид Добронравов родился в Кишиневе 5 июня 1887 г. Когда ему было 10 лет, его отец умер, мать вновь вышла замуж за высокопоставленного чиновника кишиневской консистории и семья переехала в Петербург. Там Леонид завершил учебу в духовной семинарии, начатую еще в Кишиневе, а в 1913 г. закончил юридический факультет университета.

Леонид Добронравов дебютировал в 1909 г. в журнале «Светоч» повестью «В поисках вечной истины». Его сразу же заметил и оценил А. Ремизов, издатели проявили к нему интерес. Далее последовала ироничная новелла «Mon Plaisir» (1910), вышедшая в «Историческом курьере» (которую сразу перепечатал берлинский журнал), задевающая церковников за живое. Внук протоирея, сын ктитора, ученик двух семинарий (Кишиневской, затем Петербургской) хорошо знал эту среду, ее нравы и характеры и сумел блестяще обернуть эти знания в литературную оболочку.

Затем выходит роман «Новая бурса»², опубликованный в 1913 г. в журнале «Заветы» (название, созвучное роману Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» (1862-1863), в следующем году он вышел отдельным изданием. «Новая бурса» сделала Добронравова известным писателем. Роман русского писателя бессарабского происхождения стал бестселлером, последовали переводы на французский, немецкий и английский языки, до 1918 г. он переиздавался 7 раз! Это была блистательная сатира, освещающая жизнь будущих священников удивительно точно и проникновенно. Выход романа «Новая бурса» открыл перед автором дорогу в мир прогрессивной русской культуры.

Через год выходит повесть «Больные», которая подтверждает появление в русской литературе большого таланта. Столичные журналы наперебой предлагают сотрудничество молодому автору, он входит в редколлегии вместе с уже знаменитыми писателями И. Бунинным, А. Ремизовым, Л. Андреевым, Д. Мережковским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом и др.

Добронравов работает много и плодотворно. В 1915 г. в журнале «Нива» издает автобиографическую новеллу «Детство», затем «Горький цвет», активно печатается также в прессе эсеров и кадетов. В этот период он тесно сдружился с Е. Замятыным (1884-1937), не только взгляды, но и судьбы их были удивительно похожи. В это же время у писателя и публициста Леонида Добронравова начинаются проблемы с властями. В 1914 г. запрещают роман «Малые воды», тираж

конфискуют². Та же участь постигла сборник «Горький цвет» (1915) и роман «Князь мира» (1916), в котором блистательно вырисован Победоносцев - обер-прокурор Священного Синода.

Летом 1917 г. окончательно разошлись пути Л. Добронравова и Г.В. Плеханова (1856-1918), который еще недавно заявлял: «Из всех новых писателей читаю только Добронравова. Он продолжает лучшие традиции русской литературы». Георгий Валентинович категорически потребовал от писателя прекратить сатирические публикации в своем журнале, но Добронравов предпочел выйти из партии. Последний номер журнала - антибольшевистского издания, посвященный поражениям на фронте, был конфискован, а типография сожжена. Политические сатиры «Сажа», «Без лишних слов» (1917), из которой позже вырастет его «Русская революция», были запрещены. «Вечерняя почта» запрещалась 9 раз. Роман «Азбука» остался незаконченным, журналы, которые он основал, закрыты. Октябрь 1917 г. круто изменил жизненный и творческий путь Леонида Добронравова: пришедшие к власти большевики очень скоро убедили его в ненужности для новых хозяев России талантливых, но непокорных людей.

Летом 1917 г. Добронравов был поставлен перед выбором: остаться в Петрограде и быть расстрелянным или бежать. Во время красного террора, когда составлялись списки лиц, подлежащих расстрелу в случае покушений на жизнь членов народного правительства, оставаться в Петрограде для Добронравова было невозможным. Пришлось вернуться в родную Бессарабию. Этот длинный и долгий путь осложнялся еще тем, что Леонид Добронравов покидал Россию нелегально и не один, а с матерью, младшим братом и тремя сестрами. И только через год с лишним семья Доничей-Добронравовых-Ростовских оказалась в днестровских краях. Он попал на родину осенью 1918 г., Кишинев тогда уже находился в составе королевской Румынии³. В. Розанов писал об этом времени: «Русь слиняла в два дня, самое большее - в три. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных»⁵.

В Кишиневе писателю все пришлось начинать с нуля, т.к. в Бессарабии он был практически неизвестен. Его мать Домника принадлежала к знаменитому бессарабскому роду **Доничей**, из которого вышли молдавский законодатель и любитель астрономии Андронакий Донич, писатель, переводчик и баснописец, выпускник Петербургской военной школы Александр Донич (1800-1866), астроном Николай Николаевич Донич (1874-1956), антрополог, профессор Базельского университета, современник Добронравова Андрей Николаевич Донич, генерал царской армии, участник русско-японской войны Матей Донич.

Леонид Добронравов, недавняя знаменитость в петербургских кругах, работает до изнеможения над освоением румынского литературного языка с целью реабилитировать себя как писателя (язык предков он знал плохо и в 30-летнем возрасте начал осваивать его фактически заново), берет псевдонимом фамилию прадеда - Леон Дониц - и начинает сотрудничество с румынскими изданиями.

Он приносит в редакции свои произведения, которые с готовностью редактируются его новыми друзьями, с восторгом принимающими этот незаурядный талант. Его фельетоны сатиричны, злободневны и пользуются большим успехом. Создавая свои маленькие шедевры, Леон Дониц проявлял большую наблюдательность и проникновенность, регистрируя и сатиризируя все вокруг себя. Иногда это зарисовки, написанные наспех, но все же искрящиеся особым юмором. Кроме газетно-журнальных публикаций он публикует отдельные сборники: «Marele Arhimedes» («Великий Архимед»), «Recviem» («Реквием»), «Antihrist» («Антихрист»), «În drum spre Emaus» («По дороге в Эмаус»). Леон Дониц состоял редактором газеты «Бессарабия», сотрудничал в газетах «Наша страна», «Флакэра», «Мысль», «Вяца ромыняскэ», «Правда», «Гиена», «Лимба ромынэ», «Кувынтул», «Универсул», «Социетатя де мыне» (Клуж) и др. Критики отмечают элегантность и тонкую ироничность стиля, замечая, что даже в пессимистическом настроении Дониц остается художником, идеализирующим чистоту человеческой души. Он был глубоким психологом, который выслеживал самые чистые качества души⁶. С той же страстью, но безрезультатно, он пытался открыть в жизни идеальную женщину. Все это он нашел только в литературном творчестве, и потому литература была для него единственным смыслом существования⁷.

Леон Дониц-Добронравов, по свидетельствам современников, был натурой возвышенной и противоречивой, с частой сменой настроения. Был он крайне беден и за свой талант получал очень мало, был сентиментален и добродушен, впадая в тоску, пел грустные церковные песни⁸. Он предпринимает отчаянные попытки реконструировать и в Кишиневе художественную атмосферу богемного Петербурга, где еще недавно так блистал, активно включается в театральную жизнь бессарабской столицы, написав для местного театра пьесы «Товарищ Поляев», «Маркиза», «Последнее заседание». В Пушкинской аудитории - театре, который сгорел в 20-е гг. (сейчас на его месте стоит одно из зданий университета), была сыграна «Маркиза», где одну из ролей исполнял сам автор. Но краткие моменты сменя амплуа не могли оторвать его от литературы⁹. Свою тоску он выражал в творчестве, в мемуарах, которые стали для него единственным спасением.

Кишинев был слишком тесен для него, слишком мало изданий, в которых он мог бы публиковаться, при его громадной работоспособности ему не хватало работы. Слишком мало читателей и мало героев. Так и не сумев привыкнуть к спокойной жизни Кишинева, он покидает родной город, связав свои надежды с Бухарестом - столицей, в которой десятки издательств, а также множество писателей, которые могли бы принять его как братья. Он думал, что в Бухаресте будет зарабатывать больше, будет оценен по достоинству и займет, наконец, место в литературе, которое заслуживает.

Но в этом Дониц-Добронравов жестоко ошибся: некоторые писатели его разве что приняли, многие отнеслись к нему с явной холодностью, а газеты и журналы платили так же плохо, как и в Кишиневе, и он по-прежнему был беден. Его усилия акклиматизироваться в новой общественно-политической, лингвистической и литературной обстановке не увенчались успехом.

Он уехал в Париж в 1924 г. к давнему петербургскому приятелю Алексинскому, желая полной жизни, пытаясь, возможно, подавить в бурлящем парижском потоке мысль о приближающемся конце. Редактировал там газету «Родная земля», писал своей семье в Кишинев, что закончил свое большое произведение «Князь мира». Позже, однако, найдено было только несколько разрозненных частей этого романа.

Писатель умер в расцвете творческих сил от туберкулеза. Яркой звездой на небосклоне румынской литературы осталось самое значительное его произведение, написанное на этом языке, - «Revoluția rusă» («Русская революция», 1923)¹⁰, в журнальном варианте - «Погибшая империя» (1919), в котором Дониц-Добронравов весьма критичен по отношению ко всем персонажам русской истории эпохи Первой мировой войны, приведшей Россию к двум революциям. Николая II он называет «маленьким полковником», запятнавшим себя кровью собственных подданных, пропившим и проевшим царство. Керенский у него истеричный тип, постоянно выставляющий себя из ряда обычных министров Временного правительства. Такой вождь может перепутать реальность с «собственным мнением» об этой самой реальности. Он, по существу, попал в ловушку, которую поставил ему предыдущий вождь - царь Николай II, амбиции большие, но ничем не подкрепленные. Однако хуже всех Ленин и Троцкий. Этих людей он называет не имеющими ничего общего с народом России. Они, писал он, несмотря на красноречивость, «ничего, кроме худа, России не принесут». Самое ужасное обвинение, которое он выдвигает Ленину, Троцкому, Луначарскому и Зиновьеву, состоит в шпионаже в пользу Германии. Он симпатизирует лишь немногим: председателю Госдумы Родзянко и генера-

лам Корнилову и Деникину, которые пытались спасти честь России¹¹. Это был первый и смелый шаг по пути разоблачения известных событий осени 1917 г., которые в оценке Леона Дониича-Добронравова предстают не иначе как преступление против мировой цивилизации. Именно эта книга отправила автора в категорию «запретных» и осудила его на долгие десятилетия замалчивания.

Петр Пильский (1879-1941) - журналист, критик, писатель, ныне почти забытый, но необычайно популярный в начале XX в., посвятил памяти Леонида Добронравова статью, в которой с грустью называет его затаенным мечтателем¹².

Покинув Россию, Леонид Добронравов перестал быть русским писателем, став Леоном Дониичем - гордостью румынской литературы. И только здесь, в Бессарабии, его по праву называют двойным именем - Дониич-Добронравов. Бессарабский мечтатель Леон Дониич-Добронравов - талант, потерявшийся между двумя мирами, двумя режимами, зажатым между стеной и бездной, большой художник с трагической судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеев-Ценский С.Н.* Моя переписка и знакомство с А.М.Горьким // www.classic-book.ru/lib/sb/book/1033/page/9.
2. Бурса (от лат. bursa - сумка, кошелек) - духовное училище и семинария с общежитием, содержавшиеся на казенный счет.
3. Евгений Иванович Замятин в 1914 г. был предан суду за то, что опубликовал антивоенную повесть «На куличках».
4. Кошмарный путь из Петрограда в Кишинев он описал в одноименном очерке «Из Петрограда в Кишинев».
5. *Розанов В.В.* Избранное. Мюнхен, 1970. С. 446.
6. *Bezviconi G.* Profiluri de ieri si de azi. Ed. librariei universitare I. Carabas, 1943. С. 293- 295.
7. Там же, с. 94
8. Там же, с. 95
9. *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Chişinău, 1993. №. 43
10. Произведение, ставшее в последнее время предметом многочисленных исследований молдавских и румынских литературоведов.
11. *Donici Leon.* Revoluția Rusă. Bucureşti, 1923.
12. *Пильский П. М.* Литературные края: [Воспоминания] / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллин, 1999. Т. 4. С. 236-364.

Евгений РУМЯНЦЕВ**АЛЕКСАНДР ЕГУНОВ И ЕГО КОМАНДА**

Личность Александра Николаевича Егунова, известного российско-го экономиста и правоведа, неотделима от истории бессарабского общества, от бессарабской культуры. Он от нее. Без него ее содержание не будет полным.

Он появился на свет 6 октября 1824 г. в семье Николая Андреевича Егунова, небогатого хотинского чиновника, только что сменившего мундир подпоручика Крымского пехотного полка на сюртук заседателя земского суда. Мать его Юлия Антоновна Вирановская происходила из дворянской фамилии. Это она взяла на себя домашнее воспитание сына, не доверив это деликатное дело отцу, отличавшемуся на редкость беспокойным характером. Из-за своего неуживчивого нрава отец был очень неудачлив в статской службе, часто переезжал и закончил свою карьеру в должности яского земского начальника, так и не поднявшись выше чина губернского секретаря.

Отрочество Егунова-младшего прошло в стенах Кишиневской мужской гимназии, которую он окончил с блестящими результатами в 1841 г. А вот молодость он провел уже вдалеке от Бессарабии, в Московском университете на юридическом факультете. Студентом университета ему помогло стать бессарабское дворянство, назначив ему стипендию на все время учебного курса. Летом 1848 г. он уверенно завершает университетский курс и, поблагодарив профессоров за науку и степень кандидата прав, уходит в самостоятельную, взрослую жизнь.

По существовавшему тогда в империи положению Егунов должен был вернуться в Бессарабию отрабатывать в местных присутственных местах дворянскую стипендию. Но судьба распорядилась иначе.

Читаем один документ:

«Кандидат прав дешznego университета г. Егунов обратился ко мне с просьбою об определении его во вверенный моему управлению Московский главный архив Министерства иностранных дел. При всем желании моем принять его в число чиновников архива я не мог этого сделать именно потому, что, как уже известно Вашему Превосходительству из письма г. Егунова, он воспитывался за счет бессарабского дворянства и что вследствие этого обязан прослужить шесть лет в Новороссийском крае, не стесняясь впрочем ни мало выбором службы. Тем не менее, зная занятия г. Егунова по части русской истории, надеясь иметь в нем и полезного чиновника, и, в частности, предста-

вителя языка, родного Вашему Превосходительству, языка, на котором так много в архиве актов, относящихся к истории нашего Юга и, по недостатку людей, остающихся нетронутыми, я осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшей просьбой – исходатайствовать г. Егунову у бессарабского дворянства дозволения отслуживать свои годы вместо Новороссийского края в Москве и прислать это дозволение ко мне, дабы я мог представить его вместе с бумагами Егунова высшему начальству.

Я знаю, Ваше Превосходительство, что бессарабскому дворянству жаль будет расстаться с таким чиновником, как г. Егунов; знаю, потому что просьба несколько смела, но я убежден, что г. Егунов, служа в Москве, принесет своими трудами в деле науки более пользы и тому краю, который воспитал его, что следовательно честь, которую дворянство предоставило ему воспитанием на свой счет, будет и здесь вполне вознаграждена честью его служения. Надеюсь, что и Ваше Превосходительство разделите со мной это убеждение и потому не оставьте моей просьбы без внимания»¹.

Это письмо директора Московского Главного архива Министерства иностранных дел князя К.М.Оболенского предводителю бессарабского дворянства И.М.Стурдзе, помеченное июлем 1848 г. Письмо князя польстило Ивану Михайловичу, и он выхлопотал молодому специалисту разрешение начать службу в Москве.

Есть предположение, что своеобразной рекомендацией, обеспечившей Егунову высокое покровительство директора архива, была подготовленная им небольшая работа «Взгляд на торговлю древнейшей Руси». Автор обращался к истории торгового пути варягов на Константинополь через поселения юго-западных племен угличей и тиверцев. Знакомые Егунову места, бессарабские. Публикация статьи состоялась чуть позже, в 8-м и 9-м номерах некрасовского «Современника».

Статья стала судьбоносной. После ее появления в печати Егунова пригласили в Петербург. Начальник городских отделений Хозяйственного департамента МВД Н.А. Милютин имел с ним длительную беседу и уговорил его заняться аналитическими обзорами поступавших в департамент из провинции статистических сведений. В 1850 г. он выпускает «Обзор действий департамента сельского хозяйства в течение 5 лет, с 1844 по 1849». Примерно в это же время появляется «Всеподданнейший отчет министра внутренних дел за первое 25-летие царствование императора Николая I», в котором Егунов выступал одним из ведущих исполнителей.

В эти годы он много и вдохновенно сотрудничает с Н.А. Некрасовым. Готовит для «Современника» библиографические обзоры, редак-

тирует тексты, держит корректуры. Журнал слыл в обществе оплотом свободомыслия и критических по отношению к престолу настроений.

Петербургский климат причинял южанину-бессарабцу немало огорчений. Зато в остальном судьба явно шла ему навстречу. Провинциальный паренек, обладавший живым характером и завидным трудолюбием, освоился в коридорах власти довольно быстро. Петербург оказался прекрасной питательной средой для его любознательности. Появились собеседники, приятели, полезные знакомства. Появились связи. Общение с министерскими эрудитами, людьми из творческого круга, обилие самой разнообразной информации для размышлений – все это помогло Егунову сформироваться в знатока, уверенно разбиравшегося во многих особенностях жизни Государства Российского. И не только. О том, что творилось в Европе, в Петербурге узнавали первыми. Здесь он избавился от провинциальной робости, которая так мешает людям из глубинки пробиваться к достойному положению в обществе.

В Бессарабии Егунов появился в очень нужный для нее момент и в очень нужном для нее месте: в Бессарабском статистическом комитете. Кончался 1861 год. Страна жила шумной государственной перестройкой, развернутой императором. Бессарабия хоть и была окраиной, но в полной мере ощутила на себе всю напряженность этого времени. Одним из первых в полосу реформирования как раз попал БСК.

Первое заседание комитета состоялось 5 февраля 1862 г. На нем Александру Николаевичу было предложено стать секретарем комитета. Он согласился, выговорив себе, однако, право называться не секретарем, а управляющим комитетскими делами. И здесь он проявил свой самостоятельный характер.

Назвать первое заседание БСК первым можно лишь весьма условно. Комитет был учрежден давно, еще в 1835 г., когда подобные комитеты появлялись по всей империи. Инициатива, как водится, была высочайшей, указ подготовил сенат, курировало проект Министерство внутренних дел. О Бессарабии тоже не забыли, мало того, здесь появился еще один комитет - Измаильский. Сделано это было в рамках высочайше утвержденного положения «Об учреждении статистических комитетов в Николаеве, Севастополе и градоначальствах: Измаильском, Таганрогском, Одесском и Керчь-Еникальском» от 17 сентября 1835 г. Это были портовые города с оживленной коммерческой жизнью, которые «заслуживают особенного исследования в статистическом отношении»². Измаильский комитет так и остался особенным, в БСК его не вспоминали: хватало своей головной боли.

Петербургская администрация затевала решительное наступление на собственную неосведомленность. А.И. Герцен, уже «разбуженный»

декабристами и по этому случаю находившийся в ссылке в Вятке, об этом времени вспоминает так: «Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики: оно велело везде завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд ли возможны были бы где-нибудь в Бельгии или Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тем не собирались) с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями. На комитет и на соби́рание сведений не назначалось ни копейки, все следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию и приводить в порядок в губернаторской канцелярии. Канцелярия, заваленная делами, земская полиция, ненавидящая все мирные и теоретические занятия, смотрела на комитет как на ненужную роскошь, как на министерскую шалость, однако отчеты надобно было представить с таблицами и выводами. Это дело казалось безмерно трудным всей канцелярии; оно было просто невозможно; но на это никто не обратил внимания, хлопотали о том, чтоб не было выговора»³.

Видимо, не стоит во всем соглашаться с революционным демократом. Комитеты все-таки делали свое дело, делали через «безмерно трудно» и через «невозможно». Посылали в Петербург таблицы, наполненные отчетной цифирью, готовили сведения для всеподданнейших докладов начальников губерний. Но на «должную» высоту не поднялись. Поднимать было некому. Состояли они из штатных чиновников губернских присутственных мест, которых от дел по основной службе не освобождали и каким-либо дополнением к жалованью не баловали. В Положении о комитетах предписывалось приглашать членов-корреспондентов, людей со стороны. Но с этим делом не спешили: не очень-то хотела чиновничья корпорация посвящать посторонних в свои секреты, слишком многое в их отчетах не соответствовало действительности.

Статистика, знающая все, не получилась. Просто статистика, пожалуй, тоже. Зато родился и укрепился новый вид канцелярской деятельности: «сочинять статистику». У российской бюрократии нет права обижаться на кого-либо за конфуз в Крымской кампании.

Комитет образца 1861 г. родился как бы заново.

На сей раз в МВД по поводу государственной статистики проявляли большое беспокойство и отступать от задуманного не хотели. А что именно было задумано, оказалось изложенным в «Положении о губернских и областных статистических комитетах», введенном в действие 8 апреля 1861 г. министром внутренних дел С. Ланским.

«Главное назначение сих комитетов, - говорится в этом документе,

- состоит в исправном содержании местной административной статистики, а именно: в установлении по каждой губернии или области правильнейших способов собирания, по требованиям правительства и указаниям ЦСК, точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселения и производительных силах губернии или области, и в проверке и обработке этих сведений, по однообразным формам, устанавливаемым министерством»⁴.

Далее определялось, как должна была выглядеть комитетская продукция:

- статистические таблицы для Центрального СК,
- статистические ведомости для всеподданнейшего отчета губернатора,
- статистические таблицы о земских повинностях.

И всего-то. Но сколько грохотало вокруг этого «всего-то» суждений и споров, сколько было сломано копий и служебных карьер, сколько пролито чиновничьего пота и казенных чернил. Немерено. Страна с натугой познавала самую себя.

«Положение», разумеется, можно было написать и лучше. Но и этот вариант был вполне приемлемым: он точно определил место комитета в общественном пространстве и правила предстоящей игры.

Бессарабский военный губернатор Михаил Львович Фонтон де Веррайон, прослышав, что Егунов в Кишиневе налаживает адвокатскую практику, удовлетворенно потирал руки: он уже понял, кого должен поставить в секретари БСК. «Положение» требовало от него подбирать в секретари «преимущественно из лиц, имеющих ученые степени или, по крайней мере, окончивших полный курс наук в высших учебных заведениях»⁵. Хорошо им в Петербурге указывать. А вот в Кишиневе своей Сорбонны нет.

Егунов показался губернатору даром божьим. «Столичная штучка», со связями и покровителями. Вежлив и несуетлив. Начитан, прямо-таки ходячий энциклопедический лексикон. И в то же время давний-давний должник бессарабского дворянства.

Итак, на первое заседание собрались зимой, 6 февраля 1862 г.

Поначалу выступил губернатор. Потом говорил Егунов. Его речь внесла в сознание присутствующих успокоение: человек дело знает, на него можно держать равнение. Так обозначился флагман.

Теперь о его команде. Весь личный состав БСК состоял из непрерывных и действительных членов. Первые пришли в комитет по распоряжению губернатора. Их присутствие здесь было обязательным. В эту обойму входили вице-губернатор, председатели казенной палаты и палаты государственных имуществ, предводитель губернского дворянства, представители духовенства. Председательствовал в комитете сам начальник губернии.

В отличие от неперменных членов, которые пришли в комитет кучно, одновременно, действительные члены собирались не сразу. Это были волонтеры, их нужно было подбирать, уговаривать, организовывать. Просто скучающий люд не подходил, предполагалось, что действительный член должен был действовать. Подходили лица, «могущие своими познаниями и опытностью принести пользу комитету и изыскующие готовность участвовать в занятиях его личными трудами»⁶.

Был еще корпус почетных членов. В «Положении» его тоже не забыли отметить. Почетных членов предлагали избирать «из лиц, принадлежащих губернии или области по своему рождению или воспитанию или владеющих в них недвижимым имуществом и приобретших известность своими учеными статистическими трудами или сделавших особенно значительные денежные пожертвования для статистических целей по губернии или области»⁷. Егунов разгадывать эту шарду не стал. И мелочиться не стал, предложил ввести в комитет людей с административного олимпа: стат-секретарей А.В. Головнина, К.К. Грота, А.П. Заблоцкого-Десятовского, М.Х. Рейтерна, директора Московского Главного архива МИД М.А. Оболенского, а также самого хозяина МВД графа П.А. Валуева. Вполне разумная инициатива: возможно, кто-то из них пожелает стать «ангелом-хранителем» бессарабских статистиков. Егунов очень рассчитывал на поддержку А.Г. Тройницкого, только что занявшего кресло товарища министра внутренних дел. Свой человек, одессит, статистик от бога, уж он-то в любой ситуации не растеряется. И действительно, Тройницкий охотно потом общался с кишиневцами.

Схема расстановки сил в комитете складывалась прогрессивная: единство противоположностей. С одной стороны – неперменные члены, властные и хорошо информированные. С другой – действительные члены – независимые, агрессивные. Именно с этими можно будет изгонять из губернской статистики сочинителей и сочинительство, выводя таким образом бессарабскую отчетность из критического состояния.

Несколько первых занятий носило инспекционный характер. Знакомились с практикой местной статистики, с общими принципами и с деталями. Оказалось, что статистика сия полна загадок.

Судя по документам, в бессарабских еврейских семьях вот уже много лет подряд рождаются только мальчики. Однако небольшая экскурсия в еврейские кварталы удивляла большим количеством неизвестно откуда взявшихся еврейских девочек. Смущенный раввин разводил руками: «По закону предков...»

Или взять хотя бы Кишинев, который каждодневно был перед глазами начальства.

В отчетах утверждалось, что из 42 тыс. его жителей 27 тыс., т.е. больше половины, давно уже числятся временно отсутствующими, и за это время никто из них домой не вернулся. И почему ополовиненный город на деле выглядит таким шумным и многолюдным?

Хватало бестолковости и самовольства в сведениях о землевладениях, почтовых станциях, о владельческих и государственных лесах. К ответам на большинство вопросов хозяйственной статистики почему-то так и не приступили.

Перспективы деятельности БСК принимали ясные очертания. Похоже, ему была уготована судьба скромного комитета общественного контроля. По крайней мере, его действительных членов ждала именно такая участь.

Но все получилось по-другому: и сама жизнь комитета, и разговоры в нем, разгораясь все жарче и жарче, покатались в другом направлении.

На четвертом заседании комитета 11 августа 1862 г. Егунов попросил слова. Через минуту в зале воцарилось внимание, уже никто не прихоразывал и не отпускал острот, как это было на предыдущих заседаниях. Речь шла о смерти. Егунов рассказывал о детской смертности, особенно высокой среди новорожденных младенцев. О столь же высокой смертности среди молодых рожениц. Это тоже была статистика. Вдвое больше... Втрое выше... Уезд Оргеевский... Город Аккерман... Но не о ней уже думали члены комитета. Не о том, насколько она точна, подробна, обстоятельна. Не о том. Их оглушило ощущение беды. Бог с ней, со статистикой. Спасибо ей, что глаза открыла. А вот как с бедой-то управиться? Что делать дальше?

Дальше, по положению, им можно было ничего не делать. Царь их призвал фиксировать и уведомлять, перепроверять и снова уведомлять. Но вот в этом моменте члены комитета, не сговариваясь и не размышляя долго, с положением не согласились. Тема жизни и смерти из комитета не ушла, стала рабочей. В БСК решили провести акцию, неслыханную доселе в Бессарабии: они объявили конкурс на «лучшее разрешение задачи о мерах к сохранению жизни детей». Как понимаете, это действие отстояло уже далеко от формальной статистики.

Обсуждение вопроса о детской и материнской смертности стало своеобразным Рубиконом, через который перешел БСК. Именно с этого момента комитет, не меняя названия, делает решительный шаг из пространства, которое отвело ему правительство. Из пространства, принадлежащего исключительно статистике, ее бытованию, совершенствованию и развитию. Он становится поприщем для мозговых атак, широкого обсуждения проблем, решения которых с нетерпением ждала земля, на которой по воле судеб им выпало жить.

Думается, этот пассаж с Рубиконом не был случаен. К тому времени Егунов состоял уже членом Императорского Вольного экономического общества и сознавал себя убежденным его патриотом. Он будет состоять там до конца дней своих, к его мнению там будут прислушиваться, его изберут товарищем председателя отдела политической экономии и сельскохозяйственной статистики. Под его редакцией и при его участии составлялось ходатайство общества о необходимости изменения российских таможенных тарифов. Он сознательно разделял устремления общества и, где бы ни служил, везде чувствовал себя его полпредом.

Тогда, в 1862 г., он смотрел на своих сотоварищей как стратег, который полон намерений увести их от банальных услуг общественных контролеров к материям более значительным и высоким. Он полагал заложить здесь основы своего Вольного экономического общества. Пусть небольшого, пусть без звучных имен, но серьезного и наступательного. А звучные имена – дело наживное.

Ну что же, большому кораблю – большое плавание. Кстати, об этом Егунов никому не обмолвился ни словом.

Было ли это плавание большим - определенно сказать трудно. Попробуем составить список тем, о которых велись дискуссии на комитетских заседаниях:

- о преобразовании городского самоуправления;
- о возможности замены пешей пересылки арестантов конной;
- о развитии почтовой сети;
- о замене почтовой пересылки денег трансфертами на уездные казначейства;
- о понижении внешнеторговых таможенных тарифов;
- о борьбе с кражами крупного рогатого скота и лошадей;
- о создании в Бессарабии телеграфной сети;
- о мерах по улучшению сбыта зерна;
- о развитии меринососового овцеводства;
- о пересмотре акцизных сборов на табак.

Неплохо. Прямо парламент какой-то, а не кружок кишиневских активистов. Назвать случайными или надуманными представленные в этом списке проблемы не поворачивается язык. Все в нем без исключения было чрезвычайно злободневно. Это был список недомоганий не только бессарабской экономики, но и всего ее общественного устройства.

Особенно громким и раскатистым оказалось обсуждение проекта железной дороги. Это был звездный час и Егунова, и губернатора, и всего БСК. Виртуозную работу проделал Алексей Васильевич Новогородцев, отставной генерал, военный инженер, скрупулезно проработавший маршрут предполагаемой железнодорожной линии. Экономии

ческие расчеты делал сам Егунов. Он же защищал проект. Событие это было для Бессарабии неординарным. Оно вызвало бурные пересуды. БСК выпустил брошюру «О направлении Одесско-Лембергской железной дороги» (1863). Дорогу через некоторое время действительно построили, правда, пошла она в другом направлении. Но здесь уже вмешались военно-стратегические соображения.

Надо сказать, что гром победы для бессарабских цивилизаторов раздавался не часто. До победы нужно было шагать и шагать. У местной администрации не хватало власти, чтобы самостоятельно воплощать предложения комитета. Комитет выступал прежде всего как генератор идей для общественного мнения. Все, что рождалось в нем, было конструктивным, основанным на глубоких экономических знаниях, не погружалось в нигилизм.

Отношения с центральной властью были сложными. Егунов сетовал: «Не раз приходилось слышать вопрос: зачем наша статистика вмешивается во всевозможные дела, до нее по видимому не относящиеся?»

Зачем вмешивалась? Совесть так велела. Петербургское начальство их поругивало, но в то же время безбожно воровало их идеи. Хватало сложностей и у себя в губернии. Обсуждение вопросов нередко сопровождалось полемической остротой, задевавшей конкретных лиц и честь их мундира. Полиция обижалась за обвинения в нерадивости и некомпетентности. Таможенники и пограничники – за потворство контрабандистам. Городские самоуправления - за неразбериху в отчетах. Сорокские конокрады - за жестокие, прямо-таки средневековые меры, которые грозился применить к ним БСК.

Но вопреки всем обидам, о комитете шла добрая молва. А.Г. Тройницкий, по своему высокому положению хорошо знавший состояние дел в российской государственной статистике, даже утверждал, что Бессарабский статистический комитет вполне обоснованно можно назвать лучшим в империи. После того как Егунову удалось пробить проведение двух Одесских статистических съездов, с петербургским сановником стали соглашаться многие.

Снова о команде. В дошедший до наших дней оригинал списка членов комитета на 1866 г.⁸ внесено 119 фамилий. Народ разный: чиновники покрупней, чиновники поменьше, петербургские тяжеловесы, дворянские функционеры, много помещиков, военные, осевшие после отставки на здешнем черноземе, много учителей, священники самые разные всех здешних конфессий, врачи. Простого люда и женщин не было. Никто из комитета уйти не захотел, разве что была к этому большая причина: переезд в другие места или кончина.

Сохранился еще один список: «Список лиц, которые могут быть приглашены к статистическому описанию Бессарабии в хозяйственном отношении»⁹, и тоже длинный. Он в основном состоял из помещиков-

вотчинников коренного населения, которые хорошо знали свои места.

Из состава комитета сразу же стала складываться группа, которую генерал Новгородцев назвал гвардией. Они выделялись деловитостью и содержательностью, это были хозяйственные и отзывчивые люди.

С директором Кишиневской мужской гимназии Кириллом Петровичем Яновским Егунов затеял славное дело: соединить воедино четыре кишиневских библиотеки – городскую, гимназическую, семинарскую и комитетскую. Получался хороший книжный фонд в двадцать тысяч томов. Архиепией Антоний поначалу их поддерживал, но потом из-за ведомственных несогласий проект развалился. Но городскую и комитетскую они все-таки сумели соединить. Кирилл Петрович был авторитетным человеком, у него удачно сложилась карьера. После Кишинева он стал попечителем Кавказского учебного округа, к концу карьеры получил назначение в Государственный Совет. А еще Яновского можно считать основоположником исторических исследований в Бессарабии. БСК поручил ему собрать материалы о прошлом края, опубликованные в различных журналах. Он привлек к этому делу преподавателей, гимназистов и даже тайного советника А.Г. Тройницкого. В своих «Воспоминаниях и мыслях», опубликованных в «Русском вестнике» 1902-1903 гг., он рассказал и о бессарабском периоде своей жизни.

У Александра Давидовича Денгинка была редкая профессия: ученый садовник. Просто садовников в Бессарабии было много. Ученых – один, Александр Давидович. В 1842 г. он основал Бессарабское училище садоводства, первое в Новороссийском крае, подготовившее немало специалистов не только для хозяйств своей области, но и для всей Новороссии. Училище неоднократно участвовало в престижных выставках за границей. Александр Давидович тоже стал престижным человеком, членом российских и зарубежных научных обществ. В 1864 г. в комитет пришла весть, что Московское императорское общество сельского хозяйства ходатайствует перед государем о награждении Денгинка золотой медалью. В 1879 г. он становится членом-корреспондентом Российской академии наук. В общении он был простым и безотказным человеком. Поскольку он все знал о бессарабском климате и растительности, его постоянно использовали при составлении сельскохозяйственных прогнозов. В этом смысле он был в БСК незаменим.

Еще одним несомненно полезным для комитета человеком оказался военный инженер, генерал-майор в отставке Алексей Васильевич Новгородцев. Профессию топографа он начал осваивать в 17 лет в Константиновском межевом институте. В 1852 г. его командировали в Бессарабскую область «для наблюдений за преобразованием межевой части». Здесь он женился на богатой вдовой молдаванке, энергич-

но занимался большим хозяйством, в Кишиневе учредил благотворительное Александро-Невское братство. Без Алексея Васильевича не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное дворянское мероприятие. БСК трудно представить без серьезного и трудолюбивого генерала, он был надежным экспертом в землемерных и межевых вопросах. Его труд по описанию бессарабских вотчин в комитете посчитали гигантским, его частично опубликовали в «Записках» БСК.

Роман Симфорионович Кохманский так же, как и Егунов, принадлежал к юридическому сообществу, к его наиболее свободной части – к присяжным поверенным. В комитете он вошел в группу историков, которые взяли на себя труд разобрать архивы бессарабских судебных органов. В результате Кохманский принес в комитет толстую рукопись судебных решений по гражданским делам. Егунову пришлось вступить в спор с начальником Центрального статистического комитета, запретившего поначалу публикацию этого материала как не имеющего отношения к статистике. Материал в «Записки» все-таки вошел, на его основе Кохманский потом подготовил книги «Сборник окончательных судебных решений местного бессарабского гражданского права» (Кишинев, 1868) и «Вопросы гражданского права и процесса, разрешенные нашею апелляционною практикою» (Кишинев, 1875).

К группе комитетских историков принадлежал и Константин Васильевич Ханацкий. Он в то время занимал должность редактора неофициальной части «Бессарабских областных ведомостей». Константин Васильевич часто печатался, и не только в родной газете. К сожалению, никто пока не исследовал деятельность этого подвижника, поэтому библиография его печатных работ носит приблизительный характер. Но в комитете его считали самым подготовленным знатоком бессарабской истории. Он регулярно освещал комитетскую жизнь в «Ведомостях». С него, с изданной им в 1861 г. «Памятной книжки Бессарабской области на 1862 год», началось в Бессарабии издание объемных книг гражданского содержания. Такими книгами были «Записки» БСК. Для этого Ханацкому и Егунову пришлось значительно укрепить полиграфическую базу Бессарабского областного правления. Константин Васильевич то ли под влиянием Егунова, то ли по собственным соображениям вскоре покинул Кишинев, чтобы занять место секретаря Таврического статистического комитета.

Справедливости ради надо бы еще вспомнить инспектора врачебной управы Осипа Христофоровича Клепацкого, заместителя председателя БСК Николая Ивановича Лорана, братьев Ивана, Степана и Константина Кристи, не боявшихся высокого напряжения в спорах с губернаторами. Да и самих губернаторов тоже: они же возглавляли БСК. Начиная свою новую жизнь комитет под председательством генерал-лейтенанта Михаила Львовича Фонтон де Веррайона. В конце

1862 г. место председателя перешло к барону Ивану Осиповичу Велю, занимавшему это кресло до августа 1863 г. Его сменил генерал Платон Александрович Антонович, а его, в свою очередь, в декабре 1867 г. – Егор Егорович Гангардт. Это были люди с разным характером, но объединяло их одно: под их руководством комитет работал много и по-деловому, благополучно избегая склоки и праздного словесия.

Комитет оставил о себе память, издав три тома своих «Записок» в 1864, 1867 и 1868 г. Если бы «Записки» выходили и дальше, мы бы сегодня имели бесценный кладезь социально-экономической информации о тех временах. Но четвертый выпуск уже не появился. В 1869 г. БСК резко начал терять высоту. Причиной тому было земство, как раз в этом году начинавшее свою деятельность в Бессарабии. Оно как бы заслонило собой более скромный и по размерам, и по задачам, и по возможностям статистический комитет, втянуло в водовороты своего движения и тех людей, которыми так дорожила местная статистическая служба.

Егунов своему поприщу еще долго оставался верен. О том, когда он оставил его, сведения существуют разные. Одни говорят, что это случилось в 1876 г.¹⁰, другие – в 1878.¹¹ Перед нами № 38 «Бессарабских губернских ведомостей» за 1880 г. с официальным сообщением: «Вследствие просьбы управляющего делами Бессарабского статистического комитета кандидата прав Александра Егунова г. бессарабский губернатор, уволив его 6-го сего мая от этой обязанности, возложил заведывание делами статистического комитета на действительного члена комитета д.с.с. Зозулина, согласно изъявленному им на то согласию». В предыдущем № 31 сообщалось, что «кандидату прав Александру Егунову разрешено ходатайствовать по чужим делам», то есть что он снова возвращался к адвокатуре. Но через некоторое время мы видим его уже в Петербурге на должности чиновника особых поручений в Министерстве государственных имуществ и земледелия. Он по-прежнему неутомим и мобилен. «Им исследована кустарная промышленность Кавказского края, крестьянские хозяйства Пермской и Вятской губерний, маслоделательные артели Тобольской, Владимирской и Вологодской губерний»¹².

Скончался Александр Николаевич Егунов 15 марта 1897 г., на 73-м году жизни.

За полвека своей жизни в статистике Александр Николаевич увидел и услышал немало. Немало над этим размышлял и часто делился своими размышлениями с читателями. Список его научных и публицистических работ велик и недостаточно выстроен. Есть там и о Бессарабии: «Сборник местных в Бессарабии узаконений по предметам гражданского права» (Кишинев, 1869), вышедший вторым изданием

под названием «Местные гражданские законы Бессарабии» (СПб., 1881); «Бессарабская губерния в 1870-1875 гг.: перечень населенных мест» (Кишинев, 1878). С 1873 г. БСК начинает издавать статистический ежегодник «Обзор Бессарабской губернии». Автор там не указан, но за каждым выпуском по 1880 г. стоит Александр Николаевич. В трехтомнике «Записки Бессарабского статистического комитета», коллективном труде кишиневских интеллектуалов, он как автор явно превалирует. С особым интересом читаются написанные Егуновым протоколы заседаний статистического комитета, подробное и поучительное повествование о золотом веке БСК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Молдовы (НАРМ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1274. Лл. 2-2 об.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. X. СПб., 1835. № 8411.
3. *Герцен А.И.* Былое и думы, М., 1987. С. 183.
4. НАРМ. Ф.151. Оп.1. Д.1. Л.133 об.-134.
5. Там же. Л. 134 об.
6. Там же.
7. Там же.
8. НАРМ. Ф. 151. Оп.1. Д. 3. Л. 104-105.
9. Там же. Л.17-18 об.
10. Исторический вестник. 1897. № 5. С. 663.
11. *Чебан А.Т.* Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX- начало XX века. Кишинев, 1980. С. 21.
12. Исторический вестник. 1897. № 5. С. 663.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Егунов А.Н. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 22. С. 547.
Егунов А.Н. Некролог. Исторический вестник. 1897, № 5. С. 663.
Чебан А.Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX- начало XX в. Кишинев, 1980.
Записки Бессарабского статистического комитета. Т. 1. Кишинев, 1864; Т. 2, Кишинев, 1867; Т. 3. Кишинев, 1868.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- НАРМ. Фонд Бессарабского статистического комитета. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1, 3.
НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1274. Переписка с Московским главным архивом, бессарабским губернатором об освобождении стипендиата бессарабского дворянства А. Егунова от службы в Бессарабии.

Игорь ШОРНИКОВ

«ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» П.А. КРУШЕВАНА

Долголетнее табуирование изучения деятельности российских консерваторов начала XX в. оказалось в научном плане контрпродуктивным. В случае с П.А. Крушеваном оно привело к попыткам мифологизации его деятельности по двум направлениям. Если в советский период исследователи демонизировали его¹, то после распада СССР некоторые авторы выступают с его апологией². При этом историками еще не рассматривался важнейший для характеристики этого деятеля вопрос о сути и эволюции его социально-политических воззрений.

Имя Павла Крушевана стало нарицательным еще до революции 1905-1907 гг. Вождь большевиков В.И. Ленин³ и идеолог румынизма историк Н. Иорга⁴, будущий премьер-министр Румынии, считали его, молдаванина, виднейшим из русских националистов своего времени. «Крушеван» – именно так обобщенно величал весь правый лагерь Л.Д. Троцкий⁵, в то время – один из руководителей Петербургского Совета. Репутацию Крушевана накануне избрания в Государственную Думу русский философ В.В. Розанов определил весьма образно: «консервативный бомбист». И критики, и поклонники вскоре изменили свое мнение о бессарабском политике. Идеологическая эволюция П.А. Крушевана проявилась в его деятельности в российском парламенте.

В начале 1906 г., в период выборов в Государственную Думу первого созыва, П.А. Крушеван, руководитель Бессарабского губернского отделения Союза русского народа, стал объектом газетной травли и инициированных политическими противниками судебных исков⁶. По существу, он был лишен возможности заниматься повседневной политической работой. Но Крушеван – не без содействия своих критиков, превративших его имя в жупел, – уже обрел в российском обществе особенно в Бессарабии, широкую известность. В конце 1906 г. это по-

могло ему стать одним из двоих депутатов II Государственной Думы – членов Союза русского народа, избранных от Бессарабской губернии. Вторым был В.М. Пуришкевич, деятельный организатор и яркий оратор, но именно Крушевана и правые, и левые вначале прочили на пост лидера думских правых радикалов.

Правых во II Думе было мало, всего 25-30 депутатов, около 5% общего их числа. К концу существования II Думы число правых сократилось до 10 депутатов, при этом только двое – П.А. Крушеван и В.М. Пуришкевич являлись членами Союза русского народа⁷. Но вели они себя весьма активно. «Это было в самом начале «молдаванского периода русской истории» – говорил советский историк С.Б. Любош о так называемом феномене «молдаванского монархизма». – Совершенно изживший себя русский царизм вдруг нашел оплот в Бессарабии»⁸. «Бессарабия, – подчеркивал он, – послала в Думу целый букет, состоявший сплошь из девяти монархистов, в том числе Крушевана, Пуришкевича и Круппенского»⁹. Однако дело было не в монархизме бессарабцев.

Избрание этих деятелей в Государственную Думу представляло собой реакцию молдаван на предпринятую в эти годы правящими кругами Румынии попытку насаждать в Бессарабии идеологию румынизма. Идеологи румынизма отрицали молдавскую национальную идентичность, а сотрудники румынской спецслужбы распространяли румынскую литературу среди студентов-молдаван, обучавшихся в российских университетах. В 1905-1906 гг. ими был организован выпуск в Кишиневе печатного органа – газеты «Басарабия». П.А. Крушеван и другие общественные деятели-молдаване публично протестовали против попыток Румынии создать идеологические предпосылки аннексии Бессарабии Румынским государством¹⁰. Российской общественности государственно-охранительная деятельность бессарабского политика известна не была, но В.В. Розанов, наблюдая за Крушеваном в Думе, ощутил его убежденность в своей правоте: «Речь, лицо, угрюмое молчание, недвижность, глубокая недвижность в своем сиденье, отсутствие с кем-либо переговоров, болтовни, отсутствие всякой суеты и всего мелочного свидетельствуют о «правом» социал-революционере, о консервативном «бомбисте», фанатике упорном, неумолимом. Это – фигура. И я, который люблю все определенное, не мог ничего сказать против Крушевана»¹¹.

Левые ожидали от него погромных антисемитских речей, пригодных для эксплуатации их пропагандой, а правые – послушной поддержки правительственного курса и отстаивания интересов помещиков. Однако П.А. Крушеван учел, что после Кишиневского погрома вину за его возникновение общественность возложила главным образом на него, и политические единомышленники за него не вступились. По по-

воду антисемитских публикаций его преследовала царская юстиция; в то же время Николай II поспешно помиловал П. Дашевского, покушавшегося на его жизнь. Все это вынудило П.А. Крушевана к некоторой переоценке политических ценностей. В Думе он не намерен был выполнять политический заказ привилегированных классов и правительства. Уже в первом интервью, данном в столице, он шокировал публику, заявив, что не разделяет целиком взгляды Союза русского народа и поддерживает «парламентаризм, но не западноевропейский. Нам не нужно одного парламента, а [нужны] сотни местных парламентов. Полная децентрализация»¹². Соответствовала ли такая позиция идее святости царской власти? Касаясь своих взглядов, П.А. Крушеван также удивил общественность. «Собственно говоря, – заявил он, – мои убеждения я мог бы определить словами: христианский социалист. Я стою за равенство в христианском смысле этого слова, но я не называю себя так, ибо это имя слишком опошлено»¹³.

Это были не только слова. В Думе Крушеван голосовал в соответствии со своими убеждениями, независимо от коллег по фракции. Его позиция определялась также наказами избирателей. Нередко он, исходя из интересов крестьянства, голосовал за предложения кадетов и даже социалистов. По законопроекту об отмене военно-полевых судов кадеты заявляли, что для умиротворения страны необходимо вырвать у властей «отравленное оружие правительственного террора», которое несовместимо с принципами «правового государства». Правые выступили в защиту военно-полевой юстиции, за сутки решавшей на месте дело всякого революционера. Апелляции по поводу приговоров военных судов не имели смысла уже потому, что повесить приговоренного к смерти успевали уже наутро. П.А. Крушеван, противник революции, тем не менее, поддержал кадетов. Выступая в Думе, он лишь подчеркнул, что «прежде, чем говорить об отмене мер, предпринятых в силу необходимости, надо обратиться со словом примирения к тем безумцам, которые вызывают эти меры»¹⁴. Крушеван имел в виду террор революционеров. «Государственная Дума, – предложил он, – должна обратиться к ним, должна высказать свое порицание им, и только тогда она будет иметь нравственное право добиваться отмены тех мер, которые вызваны жизнью»¹⁵.

В то же время П.А. Крушеван, напомним, молдаванин, хорошо знавший свою родословную, представлял собой яркий тип русского националиста. Его идеология укладывалась в уваровскую триаду «Православие, Самодержавие, Народность», но «Народность» трактовалась им как «нация». Эпиграфом к своей книге «Что такое Россия» (Кишинев, 1897) Крушеван выбрал слова Эрнеста Ренана: «Нация есть дух, отвлеченный принцип. Два обстоятельства порождают этот дух, этот

отвлеченный принцип: одно - общее обладание наследственными воспоминаниями, второе - действительное согласие, желание жить вместе. Нация есть великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои будут принесены в будущем»¹⁶. Главной задачей, которой он подчинял всю свою деятельность, полагает современный историк А. Степанов, для него была консолидация государствообразующей русской нации. Он выступал против всего того, что, по его мнению, мешало такой консолидации¹⁷.

Консолидация русской нации, по мнению Крушевана, должна была стать главной целью внутренней политики России. Самодержец был для него прежде всего национальным вождем. «...В самодержавии, которое отстаивает русский народ, – утверждал бессарабский политик, – сказалась жажда его необыкновенно сильной национальной индивидуальности видеть на земле такое высшее воплощение могущества, силы и права в одной личности, чтобы оно олицетворяло собой идеал необычайной высоты, на которую когда-либо может подняться человек и которая позволяла бы верить всем в свою личную силу, видеть свою мощь в вожде всего народа. Все отдают свои судьбы, свою волю, свою жизнь в распоряжение одного для того, чтобы видеть в нем воплощение недостижимого для других могущества, права и совершенства, радующего всех, потому что человек все-таки может достичь их на земле»¹⁸. Таким образом, сохранение в России монархии было для него средством обеспечения национального единства, но не целью национального развития. Исходя из такого понимания главной задачи государства, он поддерживал в Думе монархию.

С такой государственно-служебной, по существу, прикладной трактовкой самодержавия связано и обращение Крушевана в революционные годы к мысли о диктатуре, хотя появление диктатора означало бы отказ от идеи абсолютной монархии. В думские дни, выступая в петербургском Русском Собрании – объединении интеллигенции, озабоченной будущим Российского государства, Крушеван призвал не возлагать надежд на действующие властные институты. По его мнению, сильная твердая власть только и была теперь способна остановить революцию - то есть, по его мнению, существовавшие носители государственной власти, в том числе император, были непригодны для выполнения этой миссии. Крушеван ожидал «воодушевленного человека, который сохранил бы не только порядок, но и раздвинул горизонт жизни»¹⁹. Однако в момент, когда царский двор сумел отыскать, оценить и выдвинуть на политическую авансцену действительно сильного политика, П.А. Столыпина, Крушеван не поддержал его.

Монархист, лишь условно поддерживающий монархию, правый радикал, защищающий крестьянские интересы, – таким предстал Кру-

шеван в Думе. Коллеги по фракции перестали его понимать. Былой политический единомышленник В.М. Пуришкевич написал на него ироничную эпиграмму:

*«Гляжу на облик Крушевана:
Не сыр, не масло, не сметана,
Не червь, не рыба и не глист,
Зане христианский социалист!»²⁰.*

Как «христианский социалист» проявил себя Крушеван и при обсуждении целей создаваемой комиссии о помощи голодающим. Расстановка сил в Думе не позволяла правым проводить свою позицию, все решало левоцентристское большинство. Однако по этому вопросу у левых и кадетов единства не было. Левые – депутаты Г.А. Алексинский и А.А. Булат - настаивали на том, что комиссия должна будет заниматься добыванием средств и проверкой деятельности правительства, но помимо этого депутатам неизбежно предстоит ехать на места, дабы «кормить голодающих». На возражения кадетов Ф.И. Родичева и С.Н. Булгакова о том, что Дума не имеет права поручать своей комиссии исполнительную власть, что необходимо держаться законного «пути отчета и контроля», им было заявлено: «нам тут нечего церемониться и [нужно] взять продовольственную часть в свои руки»²¹. Правые, не намеренные «мутить воду», солидаризировались с каде́тами. Все - за исключением Крушевана. Подтвердив свою лояльность фракции, депутат от Кишинева заявил: «Наш долг заключается в том, чтобы Дума немедленно избрала из своей среды комиссию [...], чтобы они обратились к министру с вопросом о положении дела, чтобы они немедленно ходатайствовали о материальной помощи, чтобы затем с этой помощью немедленно отправлялись на места и оказывали ее там всем, которые действительно ждут ее», - то есть присвоили себе функции исполнительной власти - «ради народа»²².

Как «христианский социалист» выступил П.А. Крушеван и по вопросу о поправках к государственной росписи (бюджету), формулируя ее в 15 пунктах²³. «Сурово раскритиковав министерство за тарифную войну с Германией, повлекшую закрытие для России хлебных рынков и разорение землевладельцев, за "фиктивные и эффектные предприятия" наподобие [строительства порта] Дальнего, за активное использование внешних займов, проценты по которым разоряют страну, - отметил октябрист В.Герье в своем труде «Вторая Государственная Дума», - Крушеван выдвинул свою бюджетную программу. Основными расходными статьями он предлагал сделать субсидирование аграрных реформ (крестьяне должны получать не землю, а деньги на ее покупку), народное просвещение». Исходя из интересов крестьян Бессарабии, Новороссии и Кавказа, «Крушеван ратовал за сокраще-

ние рамок винной монополии, развитие мелкого кредита на подъем сельского хозяйства. Отдельными его проектами было учреждение региональных "палат промышленности" для ее развития на местах, создание бесплатной "народной газеты" для всех слоев населения, которая решила бы проблемы как культурной, так и пропагандистской работы в массах»²⁴.

Важнейшей же задачей новой росписи Крушеван признавал дотирование. «Под этим он подразумевал такой долг государства перед каждым гражданином, по которому государство в день его совершеннолетия выдает работнику средства, необходимые для того, чтобы он мог не только просуществовать до того, как устроится, но и чтобы мог создавать то или другое собственное дело», – отмечает В. Герье²⁵. «Финансирование проекта должно было происходить по принципу государственного страхования. Несмотря на видимую оторванность его от реалий российской жизни, он интересен хотя бы как одна из редких рожденных в лагере реакции попыток выдвинуть программу социальной реформы, задевающей основы сложившихся взаимоотношений между государством и его жителем. Государство должно было стать опекуном для каждого из своих граждан»²⁶, – комментирует предложение П.А. Крушевана историк Р.Б. Ромов. Речь Крушевана, по мнению В. Герье, «заключала в себе и совершенно практическое предложение о передаче средств попечительства о народной трезвости городским попечительствам о бедных и вообще благотворительным обществам». Последнее требование поддержал и другой бессарабский депутат правого толка, А.Н. Крупенский²⁷.

В думских речах П.А. Крушевана уже в меньшей степени, чем в его публицистике предшествующего периода, проявлялась тенденция объяснять социальные и политические проблемы влиянием евреев. Своих соратников он поражал мирными прогулками в кулуарах с депутатами-евреями из фракции «трудовиков». Сердечные политические и личные отношения поддерживал Крушеван с руководителем Московской организации Союза русского народа евреем В.А. Грингмутом. «Как оказалось, – заключает историк Р.Б. Ромов, – революционная волна породила и идеалистов-консерваторов, своеобразных "правых народников"». Но действительно возмущало коллег по фракции то обстоятельство, что Крушеван то и дело голосовал вместе с левыми. Некоторые наблюдатели усматривали в этом даже стремление «сорвать Думу». 9 марта 1907 г. фракция официально сняла с себя ответственность за его речи, а к середине апреля он остался в Думе в одиночестве²⁸.

Идейную эволюцию Крушевана все же нельзя переоценивать. Социальные проблемы, включая причины революции, он продолжал рассматривать сквозь призму противоречий между христианами и иудея-

ми. Аргументируя свое мнение о желательности отмены военно-полевых судов, он затронул вопрос о роли евреев-арендаторов, ставших посредниками между помещиками и крестьянами: «Вы, защитники народа, – обратился он к депутатам, – частью не знаете, а частью, может быть, умалчиваете о том рабстве, которое угнетает прежде всего крестьян. ... эти посредники, ставшие между помещиками и крестьянами, арендуют у помещиков землю и сдают уже от себя крестьянам. У нас, например, эти посредники, снимая у помещика землю по 10 рублей за десятину, передают ее крестьянам по 20-30 рублей. И так как у нас в Бессарабии сдается до 400000-500000 десятин земли, то только в одной Бессарабии, благодаря этому посредничеству, крестьяне платят налога в пользу посредников до 5 миллионов рублей. А в десяти, двадцати губерниях это составит до 50 миллионов рублей. Ни одно хозяйство не выдержит этого гнета. Вот откуда идет это движение, так называемое аграрное, которое, в сущности, имеет другой смысл – закабаление народа его эксплуататорами, среди которых главную роль играют евреи ...»²⁹. В данном случае и терминология, и аргументация Крушевана были социал-революционными.

Поскольку в Думе он утратил поддержку правых, законодательные предложения Крушевана оставались практически незамеченными. Тем большее внимание уделял он внепарламентской деятельности. 23 марта 1907 г. Крушеван выступил в Русском Собрании с докладом «Слушай, Россия!». В нем он, повторив свой старый тезис о том, что «революция в России есть вызов еврейства, брошенный всей христианской культуре», высказался против отмены черты оседлости. Однако приведенная им аргументация этого требования оказалась социально-экономической: «Если евреи при черте оседлости в 30 губерниях все-таки расплозились по всей России, что будет, если эту черту оседлости снимут? Сплоченные в сильную непроницаемую касту, они отнимут у христиан все заработки, торговлю и ремесла». Выход из сложившейся ситуации Крушеван видел только один - «общий подъем национального сознания, когда вся интеллигенция, все русские люди проникнутся национальным духом». Текст доклада неоднократно перепечатывался в различных изданиях³⁰, обновляя репутацию автора как идеолога правого радикализма.

Эти выступления и особенно критика каждого его шага либеральной прессой превратили Крушевана в политическую фигуру общероссийского масштаба. 26 апреля – 1 мая 1907 г. на IV Всероссийском Съезде Объединенного русского народа в Москве он выступил с докладом «О нашей жизни», произнес заключительную речь на музыкально-литературном вечере, который проводился после закладки Храма русской скорби на Ходынке (речь имела большой успех у слушателей), участвовал в дебатах по финансовому вопросу, заявив, что для

успешной борьбы нужно собрать большие денежные средства. На съезде Крушеван был избран членом правления Всероссийского Национального Фонда для материального обеспечения интересов русского народа, куда кроме него вошли пять видных деятелей государственно-охранительного движения: прот. И.И. Восторгов, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич и кн. А. Г. Щербатов. На проходившем в рамках IV Съезда Съезде Союза правой русской печати Крушеван был избран также в правление этой организации³¹.

Выступления за сохранение черты еврейской оседлости компрометировали Крушевана в глазах либералов, для революционеров его имя было жупелом, но земляки продолжали считать Крушевана главным из бессарабских депутатов, при этом настроенным прокрестьянски. Он оставался также лидером правых, особенно на Юге России. Приведем несколько газетных сообщений весны 1907 г., раскрывающих общественные представления о роли П.А. Крушевана в текущей политической борьбе.

Одесса, 27 февраля. «Союзники» находят, что восьмидневная деятельность Думы выразилась только в избрании президиума и обошлась уже в сорок тысяч рублей, просят по телеграфу Крушевана отметить медленность работы Думы и потребовать, чтобы президиум отдал эту сумму голодающим³².

Кишинев, 21 марта. Группа крестьян-молдаван отправила телеграфный наказ Крушевану и другим бессарабским депутатам добиться земли и воли, уплатив за отправку телеграммы вкладчину 15 рублей³³.

Одесса, 26 марта. Черносотенцы ликуют по случаю победы на городских выборах. Им удалось провести в городскую думу три четверти гласных "союзников". Служат молебны, шлют ликующие телеграммы П.А. Столыпину, Крушевану, в «Вече». Случайно прошедшие в Думу прогрессисты спешат отказаться от совместной работы с «союзниками»³⁴.

Москва, 6 апреля (24 марта). Г.г. Пуришкевича и Крушевана на днях ждут в Москву. Они примут участие в заседании областного съезда «Союза русского народа»³⁵.

Москва, 10 мая (27 апреля). Вчера съехавшиеся со всей России представители различных отделов «Союза русского народа» и прочих монархистских организаций, не признающих манифеста 17-го октября, устроили на улицах Москвы политическую демонстрацию. Состоялся тот «всероссийский смотр» друзей старого порядка, о котором так давно мечтали господа Грингмуты, Пуришкевичи, Крушеваны и пр.[...] По приблизительным подсчетам число хоругвей было не более 180 – 200. У каждой хоругви было от 3-х до 10-ти человек. Простое умножение

показывает, что о сотнях тысяч участников в демонстрации не может быть никакой речи...³⁶

Петербург, 28 (15) мая. В «Союзе русского народа» раскол. Иеромонах Илиодор предаёт анафеме Пуришкевича и доктора Дубровина, которыми он недоволен, как слишком умеренными. Он собирается учредить собственную партию. Ввиду молчания и пассивного отношения ко всему происходящему в Думе Крушевана в «союзе» возбуждается вопрос об исключении его из членов «союза»³⁷.

Москва, 15 (02) мая. В предпоследнем заседании монархического съезда в мае 1907 г. П.А. Крушеван протестовал против запрещения офицерам и солдатам посещать собрания Союза русского народа в то время, когда армия развращается прокламациями и еврейской революционной печатью. Г[осподин] Крушеван настаивал на ходатайстве, чтобы это запрещение было отменено³⁸.

Идею допуска военнотружущих к участию в политической жизни следует признать демократической. Она никак не отвечала взглядам помещичье-монархических кругов. «Как Крушеван не оправдал общественных ожиданий, так и Дума не оправдала надежд Крушевана. Активность его в Думе постепенно угасла уже к концу марта, а 25 мая, за неделю до роспуска, он выехал из Петербурга в Бессарабию без намерения вернуться к политической деятельности в столице»,³⁹ – обоснованно констатирует Р.Б. Ромов. Праворадикальные коллеги имели все основания требовать исключения Крушевана из СРН. Однако парламентская деятельность бессарабского депутата подходила к концу.

Обвинения Крушевана в намерении «сорвать Думу», ликвидировать российский парламент нельзя признать обоснованными. Он не участвовал в совместной операции правых и правительства по роспуску II Государственной Думы 3 июня 1907 г. Возможно, именно эта интрига отвратила его от думской деятельности. Отношение П.А. Крушевана к установленному после ее роспуска режиму третьиюньской монархии было отрицательным. Позиция Кишиневского отдела Союза русского народа, опубликованная 10 июня, через неделю после переворота, в крушевановской газете «Друг», была аргументирована социально, причем исходя из интересов крестьянства и рабочих. «Тенденциозность закона, сквозящая в каждой строчке, желание выдвинуть и поставить в привилегированное положение имущие классы, вопиющее неравенство в распределении выборщиков, широкая возможность искусственного подбора и давления на выборы, все это вместе взятое роняет смысл народного представительства. Особенно недовольными имеют полное право быть крестьяне и рабочие». В этом, на первый взгляд, совершенно не характерном для крайне правых постанов-

лении, отмечает С.А. Степанов, сказался демократический состав черносотенных организаций⁴⁰.

Идеологическая эволюция П.А. Крушевана в годы первой российской революции осталась незавершенной. Однако его работа в Государственной Думе свидетельствует о том, что прокрестьянские выступления некоторых деятелей Союза русского народа представляли собой не социальную демагогию, а выражение их истинной позиции. Искреннее стремление части из них облегчить положение народа, а вовсе не антисемитские выступления, обеспечило им доверие широких кругов населения и позволило СРН привлечь под монархические знамена и помещиков, и массы крестьянства, и отчасти даже рабочих. П.А. Крушеван оказался выразителем интересов не привилегированных классов, а, прежде всего, крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Бабилунга Н.* Барометр показывает бурю. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1987.
2. См.: *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Chişinău, 2000.
3. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., Т.15. С. 213.
4. *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. P. 28.
5. *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Серия II. Перед историческим рубежом. Том IV. Политическая хроника.
6. Подробно см.: *Шорников И.* Павел Крушеван и царская юстиция // *Общественная жизнь Приднестровья.* 2006. №1(1). С.25-30.
7. См.: *Ромов Р.Б.* «Консервативный бомбист» в русском парламенте. // «День литературы». 2000. №7-8 (37-38). С.184. (<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/denlit/038/32.html>).
8. *Любош С.Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925. С. 7.
9. Там же. С. 6
10. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 202-209.
11. Цит. по: *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
12. *Степанов А.* Крушеван Павел (Паволакый) Александрович (15[27]. 01.1860-5[18].06.1909), писатель, публицист и общественный деятель // *Русская литература.* М., 2004. Серия «Большая энциклопедия русского народа». (<http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4545&abc=1>).
13. *Бабилунга Н.В.* Барометр показывает бурю. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1987. С. 134.
14. Стенограмма заседания Государственной Думы. Заседание восьмое. 12 марта. Обсуждение вопроса об отмене закона о военно-полевых судах. (<http://www.kodeks.ru/noframe/free-duma>).
15. Там же.
16. Цит. по *Степанов А.* Указ. соч.

17. Там же.
18. *Крушеван П.А.* Что такое Россия. М., 1995.
19. *Степанов А.* Указ. соч.
20. Цит. по *Степанов А.*
21. *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
22. Там же.
23. *Герье В.* Вторая Государственная Дума. М., 1907. С. 15.
24. *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
25. *Герье В.* Указ. соч. С. 25.
26. *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
27. *Герье В.* Указ. соч. С.216.
28. *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
29. Там же.
30. *Степанов А.* Указ. соч. С. 220.
31. Там же.
32. Русское слово. 1907. 13 марта (28 февраля).
33. Русское слово. 1907. 21 апреля.
34. Русское слово. 1907. 9 апреля (27 марта).
35. Русское слово» 1907. 6 апреля (24 марта).
36. Русское слово. 1907. 10 мая (27 апреля).
37. Русское слово. 1907. 28 (15) мая.
38. «Новое время. 1907. 15 (02) мая 1907 года.
39. *Ромов Р.Б.* Указ. соч.
40. *Степанов С.А.* Черная сотня. М., Эксмо, Яуза, 2005. С. 222.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПОЛЬШИ ВСПОМИНАЮТ 70-ЛЕТИЕ КАМПАНИИ ПО РАЗРУШЕНИЮ ХРАМОВ

Православная церковь Польши проводит мероприятия, связанные с 70-й годовщиной массового разрушения православных храмов на юго-востоке Польши. Целью этой акции было, прежде всего, устрашение православных. Последствия этого ощущаются до сих пор.

Протестующими против разрушения церковей занималась полиция. Польские власти не отвечали на протесты возмущенных православных иерархов, не было дано каких-либо разъяснений.

По словам историка Гжегожа Купряновича, разрушение православных храмов было частью более общих действий в рамках так называемой политики колонизации, которая проводилась в Польше в 1938-1939 годах. В течение двух летних месяцев 1938 года было разрушено 127 храмов, треть всех церковей, существовавших на этой территории. До сегодняшнего дня восстановлены только несколько из них.

Основные мероприятия прошли в октябре в городе Хельме (Люблинское воеводство, бывший русский Холм, столица Галицко-Волынского княжества). Создан специальный сайт, посвященный годовщине трагических для православных Польши событий: www.cerkiew1938.pl

Маргарита ВОЛОШИНА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ БЕЗ РЕКЛАМЫ

В Национальном архиве Республики Молдова нами обнаружена брошюра «Б.О.Б. Кишиневское благотворительное общество «Бессарабецъ». Очерк деятельности за восемь лет его существования съ 1901 по 1909 годъ», отпечатанная в Кишиневе в 1910 г. в типографии Бессарабского губернского правления. Данный отчет интересен не только приведенными в нем материалами об общественном движении, но и о духе того времени. Он содержит еще не известные исследователям данные о благотворительной деятельности некоторых видных политиков.

В 1901 г. в Кишиневе группа лиц из местной интеллигенции организовала благотворительное общество «Бессарабецъ», которое существовало не на пожертвования богатых людей, а на собственные заработанные средства. Создатели общества намеревались объединить людей, желающих помочь нуждающимся. В уставе БОБ, зарегистрированном 21 апреля 1901 г., говорится, что общество функционирует без выходных, регистрирует всех бедных и оказывает им помощь выдачей пищи, пособий, а также лечением и юридическим обслуживанием; была упомянута и помощь в погребении. Своей главной задачей общество считало оказание помощи детям, «ибо при разумном и теплом отношении из них могут вырасти вполне достойные граждане своей страны».

Дабы помочь самим неимущим заработать средства к существованию, обществом были учреждены «Дом помощи» для неимущих женщин, общественные хлебопекарни, молочные фермы, столовые, швейные мастерские, прачечные. Даже при малом доходе от организованных БОБ пекарен – до 3000 руб. в год, вся выручка составляла 15000 руб., – полезность функционирования такого рода предприятий бесспорна, так как в производстве было занято 70 человек, беднейшие жители города получали возможность покупать недорогой и качественный хлеб, а неимущие – получать его бесплатно. В Кишиневе

функционировало 14 хлебных лавок, и они пользовались успехом у населения.

За изготовлением хлеба наблюдал специально созданный комитет. Это было связано с тем, что в пекарнях частных предпринимателей хлеб нередко выпекали на соде с добавлением талька, красящих веществ, крахмала, в результате чего в продажу поступал суррогат, лишенный вкуса и полезных веществ. Заслуга БОБ в деле повышения качества хлеба, выпекаемого в Кишиневе, весьма велика. На сельскохозяйственной выставке в 1903 г. хлебопекарная продукция БОБ была удостоена серебряной медали. Показательно также то обстоятельство, что заказчиками пекарен БОБ являлись учебные заведения и медицинские учреждения: епархиальное училище, гимназии, пансионы, а также Костюженская психиатрическая больница.

Благотворительному обществу удалось наладить производство хлеба не только качественного, но и дешевого. Чтобы понять разницу между стоимостью хлеба, выпекаемого в пекарнях БОБ, и продажной ценой хлебной продукции других предприятий, отметим: при цене на муку до 2 рублей за пуд БОБ продавало уже готовые хлебные изделия по цене от 90 копеек до 1 рубля 60 копеек за пуд.

Реальной помощью бездомным детям стало открытие благотворительным обществом двух приютов-ясель для 90 сирот и брошенных детей, школы грамоты с дневными яслями для 80 сирот, школы рукоделия и школы кружевного искусства. Открытая благотворителями мастерская для заказов уже в 1903 г. получила на выставке большую серебряную медаль. В этих учреждениях вскоре начали работать и выпускники созданных БОБ учебных заведений. Для проведения досуга детей организовывались спектакли. В итоге воспитанники БОБ не пополняли число бездомных. Некоторые из обучавшихся устраивались подмастерьями в другие учреждения, некоторых забирали родственники как уже грамотных и полезных членов семьи. Конечно, общественной организации было не под силу обеспечить армию обездоленных и беспризорных, но вклад БОБ в решение этой социальной проблемы в Кишиневе неоспорим.

Особым подъемом отмечена работа БОБ в 1904-1905 гг., в период русско-японской войны. С целью оказания помощи солдатам и офицерам, а также их семьям в Кишиневе были организованы мастерские для изготовления белья, одежды, перевязочного материала. На призыв общества жертвовать деньги на нужды армии и флота, опубликованный 2 февраля 1904 г., откликнулись тысячи кишиневцев. В течение года сумма пожертвований, собранных БОБ, составила весьма значительную сумму – 26 000 рублей. Кроме того, в войска на Дальний Восток члены БОБ отослали 77 ящиков носильных вещей и около миллиона папирос, за что общество дважды удостоилось благодарно-

сти от склада императрицы Александры Федоровны и один раз от нее лично. Были также собраны средства на строительство миноносца «Бессарабец» (до 9000 рублей) и в пользу Красного Креста (1186 рублей). В числе собранных БОБ пожертвований было много ювелирных изделий, бочки вина, сахар и т.д., что тоже было переправлено на склад императрицы. Отправлявшиеся на войну войска Кишиневское благотворительное общество снабжало также провизией.

Авторы доклада справедливо гордятся тем, что, несмотря на войну и политические потрясения тех лет, обществу удалось не допускать перебоев в снабжении населения свежими хлебом, тогда как другие пекарни города были закрыты. За зиму 1905-1906 гг. в двух столовых БОБ было выдано свыше 40 000 обедов, а в двух приютах содержалось около 100 детей. Администрация БОБ заботилась и о духовной пище народа, организовывая спектакли, чтения, народные гуляния. А накануне самых значимых православных праздников благотворители организовывали сбор пожертвований, на которые заготавливали пасхи, крашеные яйца, чай, сахар. В 1905 г. на подобные нужды 200 рублей пожертвовал обществу губернатор Бессарабии А.Н. Харузин. Это была значительная сумма, но некоторые бессарабцы оставили и более впечатляющие свидетельства своего доверия к Кишиневскому благотворительному обществу. Крестьянка Софья Алексеевна Воробьева завещала БОБ тысячу рублей, вдова генерала Артамонова Любовь Александровна – 400 рублей, Мария Андреевна Куликовская – 300 рублей, дворянин Евгений Васильевич Пурчел – 3 тысячи рублей¹.

Деятели БОБ поддерживали движение за трезвость и просветительскую традицию русской интеллигенции. В 1908 г. их усилиями в Кишиневе была открыта общедоступная чайная, где посетителю всего за 1 копейку предлагали стакан чая и свежую газету. Несмотря на дешевизну и довольно скромное помещение, чайная пользовалась успехом, благодаря чему сама оплачивала свои расходы, кроме аренды помещения. Через год благодаря усилиям местного попечительства народной трезвости чайная заняла более просторное помещение, где происходили чтения, а по вечерам устраивались гуляния. В помощь сельскому населению Бессарабии благотворители выпустили ряд дешевых брошюр: «Верные урожаи», «Увеличение урожаев кукурузы» и др. Эту инициативу положительно оценила научная общественность. Профессор Лохтин отметил в газете «Россия» (1908. №1055): «Вообще, нужда в популярных сведениях по с/х у нас огромная, и почин общества «Бессарабец» нельзя не приветствовать...». Такой же успех имела и брошюра о пьянстве. Помимо распространения научных знаний эти издания принесли десятки рублей дохода в кассу общества².

В заключение раскроем суть вопроса, сформулированного в начале нашего сообщения. Кишиневское благотворительное общество «Бессарабец» было учреждено сотрудниками газет «Бессарабец» и «Друг», печатных органов, руководимых Павлом Александровичем Крушеваном, известным писателем, журналистом и праворадикальным политиком. Благотворительностью он занимался не ради саморекламы. Отчет о деятельности общества за 8 лет его существования был составлен только в 1910 г., после смерти П.А. Крушевана, а сам он, судя по сведениям, имеющимся в литературе и названных газетах, свою причастность к благотворительной деятельности не афишировал и не использовал даже в 1906 г., во время избирательной кампании во II Государственную Думу.

В Крушевине бессарабская общественность продолжала видеть не столько политика, сколько деятеля культуры. В августе 1909 г. действительный статский советник А.М. Пархамович, начальница женской гимназии М.А. Наговская, дворяне Ф.Г. Яновский и В.Н. Гафенко, купец Д.Ф. Кара-Стоянов и другие организаторы благотворительной работы учредили Комитет общества по увековечению памяти П.А. Крушевана, как отметили они в обращении к губернатору Бессарабии, «выдающегося русского писателя-патриота». Первоочередной своей задачей учредители поставили себе также благотворительную цель – открытие в Кишиневе гимназии имени П.А. Крушевана. Возглавил комитет молдаванин, судья В.Н. Гафенко. От редакции газеты «Друг» в комитет вошла родственница покойного Евгения Эпаминондовна Крушеван³.

Политический единомышленник П.А. Крушевана Витольд Витальевич Якубович постарался продолжить его общественную, в том числе благотворительную, деятельность. После смерти Крушевана он купил газету «Друг», чем спас ее от разорения. В газете он помещал рекламу пекарни Кишиневского благотворительного общества. В архивном фонде сохранилась вырезка из газеты «Друг» за 1914 г. с исчерпывающей рекламой молочной фермы «Милосердие» при пекарне БОБ по ул. Армянской, № 22, открытой в 1913 году⁴. Благотворительное общество продолжало действовать до 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кишиневское благотворительное общество «Бессарабец». Очерк о деятельности за восемь лет его существования. С 1901 по 1909 гг. Кишинев, 1910.
2. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 792. Оп. 1. Д. 21. Л. 1006.
3. Там же. Ф.401. Оп. 1. Д. 283. ЛЛ. 1, 11, 12.
4. Друг. 1912. 29 сентября.

Сергей ПОЖАР

МНОГОЛИКИЙ ПАСТЫРЬ**К 140-летию композитора, регента,
певца и художника Михаила Березовского**

«Отдадим дать уважения этой высокой душе, доброму человеку, самородку, художнику в самых разнообразных искусствах: талантливому изобразителю природы, композитору и несравненному регенту нашего архиерейского хора, которого мы, кишиневцы, все знаем и любим, которого знает и почитает вся Бессарабия», - писала в первой трети минувшего века местная пресса о Михаиле Березовском¹. Перед ним преклонялись не только за редкую многогранность дарования, считавшуюся нормой разве что в далекую эпоху Ренессанса, но и за мудрость и скромность, за открытый и покладистый характер, соче-

тавший в себе принципиальность и неустанный труд.

Он родился 20 февраля 1868 г. в селе Казань недалеко от города Аккермана (ныне село Байрамча Белгород-Днестровского района Одесской области) в семье священника. Все его трое сыновей впоследствии тоже посвятили себя Храму: Владимир Андреевич стал псаломщиком в Ильинской церкви в Кишиневе, Павел Андреевич служил в селе Мэнойлешть (ныне Унгенского района), Михаил Андреевич – в Кафедральном соборе. С раннего детства они пели в церкви, а Миша еще и обучался игре на фортепиано. Переехав по настоянию родителей в Кишинев, он и там остался верен двум главным своим страстям: любви к Богу и к искусству во всех его проявлениях.

Талантливый юноша поначалу усердно учится в семинарии (1878-1888), окончив ее со званием регента первого разряда и учителя пения. «Духовная семинария дала мне все: моральные принципы, жизненные устои, железную дисциплину, умение работать много и систематически, привила мне священную любовь к труду», – отмечал он позднее². 1893-1895 гг. отданы постижению основ музыки в первой в крае частной музыкальной школе Василия Гутора, весьма крепкой по

подбору кадров. Став одним из первенцев среди видных ее выпускников, он подрабатывает помощником регента в церкви св. Архангелов Михаила и Гавриила, в Кафедральном соборе, преподает музыку в мужской гимназии имени М. Эминеску.

Обучение продолжено в 1898-1901 гг. в знаменитой Петербургской Певческой капелле, которую на четверть века раньше закончил его великий предшественник и кумир Гавриил Музическу, чьи эстетические заветы он станет последовательно исповедовать в своем искусстве³. Именно от него, смелого реформатора хора, унаследована идея обновления всей национальной духовной музыки на твердой основе древних традиций.

Помимо дирижирования хором, разносторонне талантливый молодой человек занимается в вузе композицией с Анатолием Константиновичем Лядовым, общается с другими русскими классиками. Сам маэстро Эдуард Направник отмечает его на редкость красивый, глубокий бас, приглашая попробовать силы на главной оперной сцене Северной Пальмиры. Появилось даже искушение начать карьеру профессионального артиста, что вызвало недовольство духовенства. За попытку выступить в роли Мефистофеля из оперы «Фауст» Ш. Гуно его строго предупреждают и временно лишают сана священника. Тем не менее, впоследствии он не раз выходил к широкой аудитории в качестве солиста, покаяя ее мастерством и вдохновением.

Одержимый благородной целью развивать культуру в родном крае, подхваченной от Г. Музическу и В. Гутора⁴, делая музыку достоянием как можно более широкого круга слушателей, Михаил Андреевич возвращается в Кишинев. Здесь продолжает службу в Кафедральном соборе. Общий ее стаж к концу жизни составил почти полвека.

В его популярнейший хор приходили не только простые люди, но и купцы, чиновники, видные дамы и девицы. В нем числилось, как правило, около 300 (!) певчих, но в особо торжественных случаях желающих собиралось гораздо больше. Так, на празднествах по случаю 100-летия со дня рождения писателя Н.В. Гоголя он дирижировал капеллой сразу из 800 человек!

В такой вот общей массе голосов, звучавших под куполом собора, отец Михаил заметил неповторимый талант бедной девочки Марии Чиботари, которую начал обучать бесплатно по индивидуальной программе. Обладательница уникального колоратурного сопрано превратилась вскоре в одну из недосыгаемых звезд мировой оперы. Не обойдены вниманием и дружные сестры Таратанские – впоследствии это знаменитые Тамара Чебан и Валентина Савицкая, приходившие на службу, держась за руки. Младшенькую он уже тогда пророчески называл «соловушка»⁵.

Вовлечение в ряды своей капеллы сотни новых лиц являлось для него нормой. Как только успевал разучивать с ними, зачастую совершенно безграмотными, неизвестные им произведения – остается загадкой. Хотя основное время забирала служба, выступления на светских вечерах, особенно с русской музыкой, являлось для него нормой. С присоединением Бессарабии к Румынии, когда все российское запрещалось новой властью, приоритет отдается уже западноевропейской классике.

Не оставляет Березовский и преподавательскую деятельность: ведет вокал, хор, теорию музыки в Певческой школе при епархии, в Теологической семинарии, наконец, в престижной консерватории «Униря». Им выпестовано множество известных вокалистов, среди которых помимо уже упомянутых – Александр Фрунзе, Сергей Павленко, Зинаида Одобеску и Георгий Борщ, Ион Мадан и Александр Шуровский, Николая Щербаков, Ион Валуцэ.

Как истинный христианин, отец Михаил немало внимания уделял и воспитанию собственных троих детей, которыми тоже могут гордиться потомки. Чудный голос сына Дмитрия украшал первые доморощенные оперные спектакли, в том числе студии оперы, драмы и балета, организованной Николаем Нагачевским⁶. Елена Березовская-Бессараб доросла до статуса примадонны Бухарестской и Клужской трупп. А вот вторая дочь, Мария Березовская-Юдина, став ученицей знаменитого Константина Коровина, выбрала стезю театральной художницы.

Особое место в неустанной деятельности Михаила Андреевича занимало сочинение музыки. Член Ассоциации румынских композиторов, он известен своими духовными песнопениями, до сих пор широко исполняемыми не только в молдавских церквах. Прежде всего назовем его «Вечерние и утренние духовные гимны» в двух тетрадах, включающие соответственно 60 и 119 номеров из епархиального канона Кишинева и Хотина, охватившие весь годичный обиход. Не менее ценна «Литургия», где помимо собственных хоровых миниатюр щедро использованы транскрипции произведений Д. Бортнянского, А. Львова, А. Архангельского, С. Воротников, А. Кастальского, А. Веделя и прочих русских авторов, которые протоирей практиковал в своих службах⁷.

В его «Херувимской» (молдавского распева), «Ирмосах на празднике», «Тебя, Бога, хвалим», хоровых концертах и других оригинальных опусах, по описанию историка искусств Р. Арабаджиу, «уже нет господства гармонии и ее законов, нет и стереотипных имитационных форм наследия европейского контрапункта. Но есть такие особенности письма и изложения, которыми характеризуется молдавская народная песня

и также древнецерковные напевы. Эти особенности, взятые вместе, в общей сложности дают право говорить о зарождении того, что М.А. Березовский называл молдавской «контрапунктикой». «Контрапунктика» - это смешение элементов гармонии и собственно контрапункта, причем, как гармония, так и контрапункт являются в формах обновленных и пересозданных»⁸. Частая смена полной четырехголосной фактуры менее типичным двух- и трехголосием идет от традиционной народной манеры, когда унисон подхватывается хором.

Вот фрагменты откликов на его авторскую программу, приведенные в разных номерах газеты «Бессарабец» за февраль 1920 г.

Сначала анонс: «В лице отца Березовского мы наблюдаем счастливое сочетание природного дарования с широкой эрудицией. Неуклонно придерживаясь неизблемых основ своей сферы искусства – строго церковного творчества, отец Березовский умеет вносить в свои произведения столько свежести и новизны, что его композиции представляются во всякой степени интересными для оценки и интерпретации.

Душою преданный любимому делу отец Березовский старательно искал в различных уголках родной Бессарабии церковные напевы, представляющие интерес в смысле стиля нетронутой красоты первозданного примитива. Поиски увенчались блестящим успехом, многие национальные церковные мелодии были любовно аранжированы отцом Березовским, приспособлены к могущественным средствам большого хора и предстанут перед нами в концерте...»⁹.

Теперь рецензия: «Концерт протоиерея М. Березовского прошел с большим успехом. Были исполнены оригинальные сочинения композитора, гармонизации и аранжировки. Из числа первых отметим трогательную мелодию «Плотью уснувшие» – единственный минорный напев.

Среди радостных гимнов пасхальной службы и проникновенное «Отче наш». В обоих произведениях автор выказал большую композиторскую технику и красивый благородный стиль, из гармонизаций интересны в особенности «Блажен муж» и «Отче наш». Хор, исполнивший сочинения отца Березовского, стоит выше всяких похвал. Повинуясь малейшему движению руки своего талантливого дирижера, он с поразительной верностью и с большим пониманием передает все оттенки, требуемые характером произведения»¹⁰.

Михаил Андреевич является создателем первых кантат, написанных в Кишиневе: «К 100-летию основания Кишиневской семинарии», «Русь-Болгария», посвященной очередной годовщине окончания русско-турецких войн, «Юбилейной кантаты» – к 100-летию присоединения Бессарабии к Российской империи. Подлинный интернационалист, он вообще немалый интерес проявлял к истории и фольклору разных

стран. Им выполнены также обработки для смешанного хора русских, украинских, греческих, сербских, болгарских и конечно же молдавских народных песен. Особым успехом пользовались его романсы на стихи русских и румынских поэтов, которые сам автор представлял широкой публике выразительно и с глубоким чувством.

О его певческом даре сохранилось немало отзывов современников. Так, газета «Бессарабия» в рецензии на один из первых вечеров в консерватории «Униря» писала: «Из всех выступавших 27 мая в зале епархиального дома профессоров нашей консерватории наибольшего внимания, наживейшего интереса заслуживает протоиерей М.А. Березовский... В отчетном концерте М.А. Березовский выступал как певец и композитор. Бас М.А. Березовского исключителен по своей силе и огромности диапазона. От верхнего «соль» до нижнего «до». Тембр бархатистый и ровный во всех регистрах, что придает голосу неописуемую прелесть и благородство. Серьезная школа, упражнения и музыкальность позволяют обладателю этого редкого голоса делать с ним все, что угодно.

Необходимо прибавить сюда красивую, аристократическую манеру держаться на эстраде. Все это вместе взятое производит на очарованного слушателя неизгладимое впечатление.

Публика устроила артисту вполне заслуженную оvation. Артист вынужден был много раз бисировать.

М.А. Березовский выступил со своей композицией, музыкой на «Santec-poesis» поэмы Гога. Это вполне удавшийся интересный романс, построенный на хроматизмах и прекрасно гармонизированный. Фраза в нем законченная и форма соблюдена безукоризненно. Хроматизмы этой композиции представляют неимоверную трудность для вокального исполнения, что автор преодолел вполне.

О чувстве и выражении исполнения и не говорю: они были выше всякой похвалы. Счастливый композитор, могущий точно исполнять свои произведения! Большую силу драматизма и эстетического подъема дал М.А. Березовский в романсе «Якорь» Добровольского. Как хотелось бы почаще слушать такого высококультурного и бесподобного артиста и певца. Считаю своим долгом поздравить молодую консерваторию с приобретением такого драгоценного клада, каковым является протоиерей М.А. Березовский»¹¹.

Разговор о маэстро оказался бы совершенно неполным, кабы не была затронута еще одна важнейшая область его духовного наследия. Он участвовал в основании в Кишиневе на рубеже веков Кружка любителей изящных искусств, позже – Общества бессарабских художников, сразу заняв позицию лидера. Ведь на протяжении всей своей жизни Березовский много и с увлечением рисовал. Особенно ярко и

убедительно получались у него картины, запечатлевшие первозданное благолепие края. «Пейзажи родной нам Бессарабии полны очарования, грациозности и настроения, - отмечал его коллега по кисти В. Юлинов. – Все они привлекают наш взор, умиляют душу и говорят нам о красоте природы, которой мы часто не замечаем. И какое разнообразие в сюжетах: все времена года нашей живописной Бессарабии нашли отражение в произведениях маститого художника. В техническом отношении работы исполнены рукою большого мастера, манерой смелой и кистью сочной... В воспитательном отношении они должны иметь еще большее значение. Какой пример для молодого поколения! Какой призыв учиться труду, усидчивости в том высоком и благородном искусстве, которое может направить горячие сердца богатого силами молодежи края на путь правды и добра и предохранить от соблазна улицы и грубых наслаждений. Мне кажется, что отец прототипом М.А. Березовский, этот добрый пастырь, художник, изобразитель природы, устраивая свою выставку в дни светлого праздника, хотел доставить нам своими произведениями не только одно эстетическое удовольствие, но и сказать: «Зачем вы живете, враждая друг с другом, разве мало места на свете каждому из вас? Посмотрите, какая красота вас окружает, наслаждайтесь этой красотой, живите мирно, а если можете – любите искусство и занимайтесь им: оно дает вам возможность испытать высший эстетический восторг, который переживаю я»¹².

В свое время известностью пользовались картины «Осень. Дерево», «Весна», «Цветущие деревья», «Морской пейзаж в лунном свете», «Сельский пейзаж» - красочные, написанные сочным мазком и одновременно утонченные, импрессионистически зыбкие. Мастерство и щедрая фантазия Березовского были высоко оценены на многочисленных мировых выставках. Одна из них, открытая в мае 1935 г. в кишиневском Епархиальном доме, предлагала посетителям сразу 82 оригинальные работы, выполненные преимущественно акварелью и частично пастелью. Спустя два года новым триумфом сопровождался бухарестский вернисаж, принесший художнику золотую медаль¹³.

Он умер в зените славы 4 ноября 1940 г. в Кишиневе из-за случайной нелепости – новые туфли натерли кровавый мозоль, вызвавший сепсис. Похоронен с почестями на Центральном (Армянском) кладбище.

Почему же столь славное имя незаслуженно предано забвению? Лишь сравнительно недавно оно присвоено одному из столичных лицеев гуманитарного профиля в столичном секторе Чокана. Недавно, в день 140-летия маэстро, здесь состоялся праздник, в котором участвовало высшее духовенство страны во главе с митрополитом Владими-

ром, известные деятели культуры, учащиеся и коллективы музыкальной студии, действующие при этом учебном заведении¹⁴. Поразительный факт: руководит им тоже музыкант с фамилией Березовский, только по имени Валентин. Вместе с дружным педагогическим составом он пытается исправить вопиющую несправедливость в отношении личности, воспитавшей много талантов и оказавшей существенное влияние на развитие разных сфер искусства в Республике Молдова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юлинов В.* О выставке картин художника протоиерея М.А. Березовского // Бессарабская почта. 1936. 6 апреля.
2. См.: *Арабаджиу Р.* Музыка в храме // Колумна. 1999. № 12.
3. *Пожар С.* Все сущее он почерпнул в России. К 150-летию Гавриила Музическу // Кодры. Молдова литературная, 1997. №№ 11-12. Его же: Литургия Г.Музическу: связь времен и культур // Советская музыка. 1991. № 11.
4. *Котляр Б.* Из истории музыкальных связей Молдавии, Украины, России. К., 1982.
5. *Dănilă A.* Cociarova Kalentina Savițcaia. Chișinău, 2007.
6. *Dănilă A.* Opera din Chișinău. Chișinău, 2005.
7. Подробный анализ хоровых произведений М. Березовского см.: *Nagacevschi E.* Mihail Berezovschi – dirijor de cor și compozitor. Chișinău, 2002.
8. *Арабаджиу Р.* Указ. соч.
9. *Андантино.* Концерт из произведений протоиерея М. Березовского // Бессарабия. 1920. 2 февраля.
10. Бессарабия. 1920. 22 февраля.
11. Бессарабия. 1919. 31 мая.
12. *Юлинов В.* Указ. соч.
13. *Пожар С.* Многогранный талант М. Березовского (К 140-летию со дня рождения) // Молдова. 2008. № 1.
14. *Пожар С.* Аристократ в рясе // Кишиневские новости. 2008. 14 марта.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

Сергей СУЛЯК

БЕССАРАБИЯ - КРАЙ РОДНОЙ

(к 110-летию со дня рождения П.К. Лещенко)

*Бессарабия - край родной, к тебе стремлюсь я всей душой.
(из песни Петра Лещенко «Басарабянка»)*

Немногие из современных звезд шоу-бизнеса могут сравниться по популярности с известным бессарабским певцом 30-50-х гг. прошлого века Петром Лещенко. За свою творческую жизнь певец записал 48 граммофонных дисков на фирмах «Parlofon» (Германия), «Bellaccord Electro» (Латвия), «Electrecord» (Румыния) (дискографию певца см.: Бардадым 1993: 216-235), его называли русским «Bing Grosky», песни с удовольствием слушали во всем мире. И хотя прошло более полувека со дня его

смерти, до сих пор круг поклонников его таланта достаточно широк.

Петр Константинович Лещенко родился 1 (14) июня 1898 г. В большинстве биографических публикаций указывается, что Лещенко родился в с. Исаево Херсонской губернии (ныне Одесская обл. Украины). Однако до сих пор этому нет никаких документальных подтверждений. В 1998 г. мы пытались собрать сведения о Петре Лещенко в с. Исаево. Председатель сельсовета и заведующая библиотекой ответили, что мы не первые, кто к ним обращается по данному вопросу, и что никаких сведений о певце и его матери не сохранилось, не проживают в селе ни родственники, ни однофамильцы певца. Данные об отце Лещенко тоже отсутствуют. Об этом же пишет одесский краевед В. Гридин, побывавший в селе Исаево Николаевского района Одес-

ской области в 1988 г. и тоже не нашедший здесь никаких сведений о Петре Лещенко и его родне (Гридин 1998a: 37-38, Гридин 1998b: 43-44). Несмотря на это, в своих книгах В. Гридин ссылается на некие показания Петра Лещенко, которые приводятся в статье В. Виноградова «Я тоскую по Родине...», опубликованной в 1995 г. в «Независимой газете» (Виноградов 1995). В начале материала сам В. Виноградов оговаривает, что «предлагает читателям вместо официальных справок рассказ самого Петра Лещенко»(?). В статье приводятся выдержки из показаний П. Лещенко от 17 июля 1952 г., где записано, что он «уроженец с. Исаево, быв. Херсонской губернии, русский», и что мать родила его, не состоя в браке (Гридин 1998a: 118-119).

Мать Петра вместе с сыном переезжает в Кишинев. 27 сентября 1909 г. 28-летней «кишиневская мещанка Мария Константиновна Лещенко, православного вероисповедания» выходит замуж за 26-летнего крестьянина села Ивановка Одоевского уезда Тверской губернии Алексея Васильевича Алфимова. Причем оба сочетаются, как следует из записи в метрической книге, «первым браком» (НАРМ: 145). Петр учится в 7-м церковно-приходском училище г. Кишинева, живет в общежитии митрополии, благодаря звонкому голосу его зачисляют певчим в архиерейский хор. Регентом хора в то время был священник Михаил Березовский. С 1910 по 4 октября 1914 г. Петр занимается во 2-м городском трехклассном (с 1913 г. - высшее начальное) училище. В 1915 г. Петр Лещенко учится в школе прапорщиков, после окончания которой направляется в действующую армию.

1918-1919 гг. - «белые пятна» в биографии Лещенко, вероятно, он принимал участие в гражданской войне. В 1918 г. Румыния оккупировала Бессарабию, и ее жители стали подданными другого государства.

В 1920 г. Лещенко начинает концертную деятельность в Бессарабии, выступая как балетный танцор под псевдонимом Мартынович. В этом же году он становится членом румынского театрального общества «Сцена». Хотя в качестве танцора он пробовал выступать в 1917-1918 гг. (Бардадым 1993: 24).

В 1925 г. он уезжает в Париж, где поступает в балетную школу. Здесь встречает будущую жену - латышку Зинаиду Закит (род. 17 апреля 1904 г.), дочь богатого землевладельца и коммерсанта Карла Закита. Гастролирует вместе с женой по Египту, Палестине, Персии, Турции (Суляк 1998).

В 1929 г. артисты приезжают в Кишинев, где с 1 октября по 21 декабря с большим успехом выступают в ресторане гостиницы «Лондон». 31 октября состоялся их бенефис. Лещенко, наряду с танцевальными номерами, исполняет цыганские романсы и песни. Лещенко с

супругой приняли участие в постановке оперы «Запорожец за Дунаем», которая прошла 1 ноября и 4 декабря на сцене театра «Экспресс». 21 декабря в «Лондоне» состоялось их прощальное выступление.

С 24 декабря начинаются гастроли супругов Лещенко в Риге. Петр Лещенко выступает непрерывно в Риге и Даугавпилсе. Затем с середины января работает в кабаре «Альгамбра» в качестве певца. 1 марта 1929 г. Лещенко пел в клубе Русского артистического кружка в Риге, где его слушали не просто любители, а люди, выросшие на русско-цыганских романсах. Успех был впечатляющим. Этот концерт стал переломным в карьере Лещенко, с тех пор он в основном только пел. В марте-апреле 1930 г. он дал 46 сольных концертов в кафе «А.Т.», потом выступал в клубе «Р.В.И.В.К.», а затем до 29 июня - выступления в гостинице «Булдури» (Юрмала). 21 октября в клубе «А.Т.» он дал прощальный концерт.

Затем полтора месяца П. Лещенко гастролирует по Югославии, Польше, Румынии. В Белграде певец пел на семейном празднике короля Александра Карагеоргиевича и его супруги, больших ценителей русской культуры.

С середине декабря певец опять в Риге, где опять выступает в кафе «А.Т.». 3 января 1931 г. у четы Лещенко в Риге родился сын Игорь. В этом же году П. Лещенко заключает контракт с фирмой «Parlophon» (Германия), которая в этом же году выпускает 5 его дисков с 10 произведениями, в основном цыганскими романсами. На первом диске была записана и его «От Бессарабии до Риги. Молдавский мотив». 22 апреля 1931 г. его, а 26 августа его супругу принимают в члены «Русского театрального общества Латвии». 18 сентября он становится членом правления общества (Бардадым 1993: 36-79, Суляк 1998; Суляк 2006: 114).

16-17 января 1932 г. супруги дают концерты в Епархиальном зале в Кишиневе, затем - в саду-ресторане «Сюзанна». После первого выступления газета «Бессарабская почта» писала: «Концерт нашего земляка Петра Лещенко прошел вчера в Епархиальном зале с исключительным успехом. Задушевность исполнения и удачный подбор романсов привел публику в восторг. Гитара, инструмент, облюбованный парикмахерами, в руках большого мастера игры и песни Петра Лещенко превратился в волшебную арфу» (БП 1932). В начале 1933 г. Лещенко снова в Риге, затем Бухарест, а уже в мае выступает в Кишиневе (Бардадым 1993: 82-87). 7 мая в Польском зале состоялся единственный концерт. Газета «Бессарабское слово» писала на следующий день: «П. Лещенко удостоился высокой чести: Кишинев его признал, хотя он свой человек, а к своим талантам Кишинев вообще относится пренеб-

режительно». И далее: «Концерт Лещенко - это вечер неумирающей цыганской песни. Можно быть какого угодно мнения о цыганах, но их песни надо уметь петь. А Лещенко их поет так, что прямо досада берет, что нельзя запретить тройку борзых, покатить к «Яру» и покутить там до утра» (БС 1933).

Осенью он предпринимает большое турне: выступает в Кишиневе, Бельцах, Бендерах (Горянская 1998), затем опять уезжает в Ригу, а осенью он снова поет в Кишиневе. 23 и 24 сентября он, несмотря на занятость, выступает на бале студентов Ясского университета (вечер состоялся в зале кишиневской примэрии и предназначался для сбора средств неимущим студентам), на вечере у студентов г. Кишинева (Бардадым 1993: 92).

В 1933 г. певец начинает записываться на граммофонной фирме «Коламбия» («Columbia»), сначала в филиале в Вене, затем в Бухаресте. Впервые прозвучали произведения рижских композиторов О. Строка и М. Марьяновского, цыганские романсы в аранжировке П. Лещенко и его знаменитый «Чубчик» (русская народная песня в его обработке). Всего с 1933 по 1937 гг. он записал на фирме «Коламбия» 38 дисков (76 произведений). В мае 1934 г. начались гастроли Лещенко в Риге. Тогда же он заключил контракт с рижской фирмой «Bellaccord Electro» (г. Рига), которая выпустила 31 диск (61 произведение) (Суляк 2006: 114). Его пластинки пользуются огромной популярностью и расходятся огромными тиражами по всему миру.

В 1933 г. вместе с Геруцким он открывает в Бухаресте ресторан «Наш домик» («Căsuța noastră»). Здесь Петр пел, Зинаида и сестры Лещенко (в 1917 г. его мать родила дочь Валентину, в 1920 г. - Екатерину) танцевали.

Два года спустя Петр, разбогатев от продажи пластинок, открывает свой собственный фешенебельный ресторан «Бар Лещенко» («Barul Lescenco»). Алла Баянова, выступавшая там, вспоминает: «Оформление было потрясающее. Во всю сцену художник Виктор Малишевский нари-

совал летящую русскую тройку, на столиках стояли лампы с разноцветными абажурами. Руководил оркестром Жорж Ипсиланти - композитор и музыкант. Ресторан пользовался огромной популярностью».

Пел сам хозяин, другие певцы, как сольно, так и с цыганским хором, танцевали «Трио Лещенко» и прима - Зинаида Закит. Во время выступлений не разрешалось ходить по залу и разговаривать. Накануне Второй мировой войны П.К. Лещенко был на вершине творческого успеха (Горянская 1998).

В 1935 г. известный импресарио Гольт пригласил Лещенко дать два концерта в Лондоне (первый состоялся 22 января). В конце июня певец опять в Латвии, где с 23 по 31 июля дает концерты в Риге.

Репертуар П. Лещенко был весьма обширен: цыганские («Заря восход играет», «Пой, цыган», «За гитарный перебор») и русские («Девонька», «Карины очи», «Караван») романсы, русские народные песни («Бродяга», «Две гитары», «Вечерний звон»), фокстроты («Дуня», «Все, что было», «Кавказ»), танго («Любимая», «Барселона», «Когда зажгутся фонари»), советские песни («Капитан», «Широка страна моя родная», марш из фильма «Веселые ребята»), песни собственного сочинения («Басарабянка», «Друзья», «Чубчик») и т.д.. Он исполнял песни собственного сочинения и известных композиторов О.Д. Строка, М.Г. Марьяновского, Б.А. Прозоровского, Б.И. Фомина, С.Я. Покраса и Д.Я. Покраса, И.О. Дунаевского и многих других.

В октябре 1941 г. Лещенко как румынского подданного призывают на военную службу. Он пытается уклониться от призыва, его вызывают несколько раз, затем судят офицерским судом и на некоторое время оставляют в покое. Весной 1942 г. певца приглашают дать ряд концертов в Одессе. Там он знакомится с Верой Георгиевной Белоусовой, ставшей впоследствии его гражданской женой. В июле 1942 г. Лещенко призывают в 13-ю дивизию румынской армии в качестве переводчика. Однако он опять уклоняется от службы и не едет в свой полк. В октябре 1943 г. его направляют служить в Крым. Там он в звании майора румынской армии находится до марта 1944 г., занимаясь снабжением офицерских столовых (Лугом 1990).

24 августа Румыния объявила войну фашистской Германии. С весны 1944 г. до весны 1948 г. «Чубчик» Лещенко звучит в советских воинских частях, расквартированных в Румынии, где Лещенко с Верой Белоусовой выступает перед солдатами и офицерами. Изменилась и сама атмосфера концертов: «Помню, прибежит он с концерта такой оживленный, радостный! Все время повторяет: какие они симпатичные - наши военные. Мол, это родные, советские люди! И как он был счастлив, что пел для них...», - вспоминала Вера Георгиевна Белоусова-Лещенко.

Он ходатайствовал перед Советским правительством о возвращении на родину. Вопрос был решен положительно. Певец даже устроил прощальный ужин, на котором сказал: «Друзья! Я счастлив, что возвращаюсь в Россию, на Родину. Моя мечта сбылась. Я уезжаю. Но мое сердце останется с вами».

В марте 1951 г. во время концерта в г. Брашове, носившем тогда имя Сталина, Лещенко был арестован органами госбезопасности Румынии. До сих пор неизвестны причины его ареста и приговор суда.

*Мне приятно было получить
весточку из Кишинева.*

*Везде я очень много слышала
о вашем городе от
Андрея Консагантеевича
добрые слов.*

Спасибо за письмо

Ваша Вера Лещенко

Через 9 месяцев Вера Белоусовой-Лещенко разрешили встретиться с мужем: «Это было под Бухарестом, в лагере за колючей проволокой. Я увидела его, когда выкликнули его фамилию на проверке, и сердце упало. Он был худой, с запавшими глазами, в неглаженной, однако чисто выстиранной рубашке. Пока мы стояли друг против друга, я все время плакала, а он повторял: «Я ни в чем не виноват! Я ни в чем не виноват!» Потом успокаивал меня по-отечески: «Не плачь, девочка». А в конце выкрикнул, подняв руку к небу: «Бог, он все видит!...». В 1952 г. Веру Георгиевну тоже арестовали. Ее передали советской контрразведке. В СССР приговором военного трибунала она была осуждена на 25 лет лишения свободы.

По некоторым сведениям, Лещенко умер в бухарестской тюремной больнице 16 июля 1954 г. Сестру известили о смерти

брата только в 1956 г., когда должен был окончиться срок его заключения. Материалы по делу Лещенко до сих пор закрыты.

Во всех когда-либо заполнявшихся анкетах певец всегда писал: «Лещенко Петр Константинович, русский, православный, румынский подданный...» (Суляк 2006: 115-116).

В Советском Союзе имя П. Лещенко было под запретом, на нем висело клеймо белогвардейца. На Западе же его пластинки продолжали выходить. В 60-е гг. были выпущены его записи во Франции, Англии, Австралии, США. В 60-х гг. XX в. отдельные студии звукозаписи в СССР записывали музыкальные произведения П. Лещенко на рентгеновских плёнках. Такие «самодельные» грамзаписи в обиходе назывались «рѣбрами» или «записями на рѣбрах».

В 70-е гг. песни П. Лещенко исполнялись братьями Жемчужными, Михаилом Шуфутинским и другими представителями советской эстрады, голос Лещенко звучал в фильмах о Великой Отечественной войне. Первые пластинки с песнями П. Лещенко появились в СССР в 1988 г., в конце перестройки. Фирма «Мелодия» выпустила 6 грампластинок с записями певца (в 1988, 1989 (2 диска), 1990, 1991, 1992 гг. с 84 песнями певца). Позже записи Лещенко стали выходить на компакт-дисках: «Петр Лещенко. Полное собрание песен на пяти CD» («Коминформ-центр, 1994-1995 гг.), два дополнительных диска к «Полному собранию песен» («Проект «Z», 1996 г.), «Петр Лещенко. Все, что было» («Мелодия», 1994 г.), «Петр Лещенко. Черные глаза» («SoLyd Records», 1994 г.), «Петр Лещенко. У самовара» («SoLyd Records», 1994 г.), «Великие исполнители России XX века. Петр Лещенко» («РМГ Рекордз», 2001), «Piotr Leschenko. Петр Лещенко» («Пролог-Мьюзик», 2003) и т.д. Песни Лещенко часто звучат по радио, в современных фильмах о войне, немало их размещено в Интернете. Это свидетельствует о неослабевающем интересе к творчеству певца, как и Звезда Петра Лещенко, выложенная на Аллее звезд возле гостиницы «Россия» в Москве.

В 1998-1999 гг. Издательский дом «Татьяна» провел ряд вечеров памяти П. Лещенко в Кишиневе и Бельцах, был снят документальный фильм о певце, постоянно публиковались материалы о нем на страницах еженедельника Издательского дома «Татьяна» «Кишиневский обозреватель». В 1999 г. на основании публикаций газеты «Кишиневский обозреватель» и ходатайства генерального директора Издательского дома «Татьяна» С.Г. Суляка именем Петра Лещенко были названы улица и переулок в г. Кишиневе (решение примэрии г. Кишинева № 4/13 от 25 февраля 1999 г.). Согласно приложению № 1 к решению примэрии г. Кишинева «Об организации и проведении праздников и культурно-художественных манифестаций на период 1999 года» (№ 4/3 от

25 февраля 1999 г.) предусмотрено открытие мемориальной доски Петру Лещенко (Решение 1999). Но так как жилой массив Технического университета Молдовы, где находятся данные улица и переулок, в то время только начал застраиваться, то вопрос о мемориальной доске пришлось отложить.

К сожалению, до сих пор многие страницы жизни и творчества великого бессарабского певца недостаточно изучены. Как правильно заметил краснодарский краевед В. Бердадым, «многое в биографии Петра Лещенко еще предстоит выяснить, исследовать, доказать с документами в руках. Доказать убедительно, без претенциозности и бьющих на внешний эффект утверждений, порой граничащих с фантастикой» (Бердадым 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Бердадым В. 1990. В погоне за сенсацией // Литературная Россия. № 20. 18 мая.

Бердадым В. 1993. Тот самый Петр Лещенко. Страницы жизни и творчества. Краснодар, Соло.

БП 1932. - Бессарабская почта. № 3338. 17 января.

БС 1933. - Бессарабское слово. № 3007. 8 мая.

Виноградов В. 1995. «Я тоскую по Родине...» // Независимая газета. 21 декабря.

Горянская О. 1998. Петр Лещенко в Бессарабии // Кишиневский обозреватель. № 22 (174). 5 июня.

Гридин В. 1998а. Он пел, любил, страдал. Записки о Петре Лещенко. Одесса, Астропринт.

Гридин В. 1998б. Прощай, мой табор. Книга о Петре Лещенко. Издание 2-е, дополненное. Одесса, Альфа-Омега, ОКФА.

Лугам Л. 1990. Судьба Петра Лещенко // Литературная газета. № 5. 31 января.

НАРМ. - Национальный архив Республики Молдова. Ф. 211. О. 11. Д. 329.

Решение 1999. - Решение примэрии муниципия Кишинэу «Об организации и проведении праздников и культурно-художественных манифестаций на период 1999 года» // Capitala-Столица. № 12. 27 марта.

Суляк С.Г. 2006. Ими гордится Молдавия. Биографии некоторых известных общественно-политических, религиозных, военных и культурных деятелей Молдавии // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 3 (5).

Суляк С. 1998а. Тот самый Лещенко // Кишиневский обозреватель. № 20 (172). 22 мая.

Суляк С. 1998б. Не уходи. Краткая биография Петра Лещенко. Песни из репертуара певца. Супер-ассорти. № 5. Кишинев, Издательский дом «Татьяна».

Николай ЧЕРВЕНКОВ

РУСИН П.С. БОКАНЧО - АГРОНОМ ЧАДЫР-ЛУНГСКОЙ ВОЛОСТИ БЕССАРАБИИ

В 1911 г., после окончания сельскохозяйственного училища и жесткого конкурсного отбора, уроженец Хотинского уезда русин Пантелеймон Семенович Боканчо был назначен на должность земского агронома Чадыр-Лунгской волости Бендерского уезда Бессарабии. Здесь за два года молодой агроном оставил заметный след, создавая и укрепляя сельскохозяйственные общества, пропагандируя агрокультуру среди крестьян. Его деятельность в этой волости была более плодотворной по сравнению с работой других агрономических инструкторов. В течение только первого неполного года работы Боканчо совершил 80 поездок по селам волости.

Молодой агроном повсюду знакомил крестьян с новыми способами ведения хозяйства, разъяснял значение для них кредитных товариществ как учреждений, дающих возможность найти дешевый кредит. Ему удалось убедить крестьян протравливать семена формалином. Под его руководством были засеяны кукурузой американские пары и площади, предназначенные для культуры кормовых трав, также он занимался посадкою плодовых и декоративных деревьев при школах. При его содействии были открыты показательные участки в селах Твардица, Авдарма, Кирютня, Гайдары, Баурчи, Бешгиоз, Чадыр-Лунга. В селах он выявлял людей творческих способностей и организаторского таланта и привлекал их к своей работе по внедрению нового, прогрессивного в крестьянском хозяйстве.

Земскому агроному П.С. Боканчо, чья деятельность в Чадыр-Лунгской волости по подъему местного хозяйства ставилась в пример, приходилось немало потрудиться, чтобы убедить мелких собственников в убыточности крайнего многосортья в посадках, каковое широко было распространено раньше, и в важности и необходимости разведения немногих, но строго определенных сортов, твердо упрочившихся на рынке¹.

По приезде П. Боканчо установил тесный контакт с крестьянами села Кирютня (сейчас Кортен), в первую очередь, с человеком незаурядных способностей, редкого организаторского дарования В.И. Делибалтовым. Выходец из простой крестьянской семьи еще уче-

ником увлекся виноградарством и садоводством. Он занимался разведением новых сортов растений, применяя усовершенствованные орудия труда. Когда в селе в 1912 г. было учреждено Кирютнянское сельскохозяйственное общество, второе в Бессарабии, В.И. Делибалтов стал его председателем. Во всем с самого начала ему помогал П. Боканчо. Прежде всего его увидели как лектора на массовых курсах по прививке виноградной лозы и по виноградарству вообще. Благодаря этой работе многие крестьяне завели собственные «школки», более рационально обрабатывали виноградники, применяли усовершенствованный инвентарь, сажали лучшие, филлоксероустойчивые сорта винограда. Поэтому после массовой гибели виноградников в Бессарабии слава кирютнянских вин сохранилась. «Кирютнянские виноградные вина, популярные и до того, - отмечал С. Боканчо, - стали еще более высоко цениться и охотно закупались в Одессу, Кишинев и другие центры»².

О широких связях молодого агронома с жителями Кирютни свидетельствует и то, что он являлся составителем отчета Кирютнянского сельскохозяйственного общества за 1913 г.³

Важным делом Кирютнянского сельскохозяйственного общества и самого П. Боканчо явилась организация первой в Бессарабии районной сельскохозяйственной и кустарно-ремесленной выставки, состоявшейся в Кирютне 14-16 сентября 1913 г. В ее 13 разделах (полеводство, животноводство, виноградарство, земледельческие машины и орудия и др.) 350 земледельцами было представлено 1500 экспонатов из пяти волостей Бендерского уезда. Кирютнянская сельскохозяйственная выставка отражала все достижения местных отраслей хозяйства, давала представление о дальнейших возможностях их развития. Местная и южнороссийская пресса дала о ней высокие отзывы.

Спустя несколько месяцев после выставки П.С. Боканчо уехал в Сороки. После присоединения Бессарабии к Румынии он переехал в Советскую Россию. Он - активный участник колхозного движения в Одесской области, в республиках Средней Азии, работал в Колхозцентре СССР, Наркомсовхозов СССР. Умер П.С. Боканчо в 1956 г.⁴

Много страниц посвятил истории, быту и жителям Чадыр-Лунгской волости П.С. Боканчо в воспоминаниях, которые под заглавием «Записки бессарабца» хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки Российской Федерации⁵. Из них узнаем, что он родом из Буковины, что он по происхождению русин.

В этой богатой и интересной рукописи описывается убранство домов и быт жителей Чадыр-Лунгского уезда. Автор останавливается как на болгарских, так и на гагаузских традициях. Говоря о болгарях, он отмечал, что в Кортене и других болгарских селах дома строились

в основном чамурные. Внутри они были нарядно убраны, чистая половина украшена домашними полотенцами, холстами, коврами. Их занятия не изменились и в начале XX в. Одевались болгары в домотканую одежду из грубой ткани. Из поколения в поколение передавались песни, сказки, легенды, хранившиеся в памяти народной многие века. Население говорило на западнославянском диалекте болгарского языка.

В своей мемуарной рукописи агроном на основе воспоминаний старожиллов установил, что из Болгарии было привезено более 15 сортов винограда. Он описал два наиболее распространенных в селе: «държанка» и «кара-вълчевка». Эти сорта очень хорошо прижились в местных условиях. Так, «държанка» очень неприхотливая, не боящаяся мороза и засухи, в отдельные годы давала 1000–1200 ведер вина с десятины⁶. Из его же рукописи узнаем, что кирютянцы вывозили вино для продажи в соседние села, а также в города Килию, Рени, Измаил и Болград. Торговля вином, как правило, находилась в руках мелких скупщиков и торговцев. По селам в период реализации пшеницы и винограда, пишет он, «шныряли стаи перекупщиков»⁷.

Бывший земский агроном Чадыр-Лунгской волости поддерживал связь с кирютянскими крестьянами и в годы, когда не жил в Бессарабии. В его материалах сохранились их снимки румынского периода. В своих работах он обобщил деятельность сельскохозяйственного общества Кирютни, которая, по его мнению, являлась «образцом для всего Бендерского уезда».

Агронома интересовала неординарная история и судьба гагаузов. Он накапливает материал о них - об их традициях, образе жизни, их языке, материальной культуре. Он стремится выявить особенности этого малочисленного народа. Для себя создает краткий гагаузско-русский словарь.

К рукописи воспоминаний П.С. Боканчо приложено много фотографий, которые отражают жизнь и быт болгарского и гагаузского населения Чадыр-Лунгской волости. Он везде с заинтересованностью и уважением пишет о ее жителях - болгарях и гагаузах. Однако агроном с сожалением отмечал, что их культурный уровень оставался низким. «В громадном и густонаселенном регионе, - писал он о Чадыр-Лунгской волости, - не было ни библиотеки, ни читальни, ни клуба»⁸.

В воспоминаниях агронома П.С. Боканчо много интересного. Они написаны талантливым краеведом, публицистом, тонким наблюдателем, заслуживают специального внимания исследователей и должны, несомненно, быть опубликованными.

О Чадыр-Лунгской волости агроном пишет и в других работах. В одной из обобщающих работ, изданной после отъезда из Чадыр-Лунгской волости, Боканчо освещает развитие агрокультуры и кооперации

в этом регионе⁹. Описывая хозяйства Чадыр-Лунгской волости, П.С. Боканчо отмечал, что жители Кирютни (Кортена), Твардицы, Валя-Пержей «хорошие вообще земледельцы, скотоводы, виноградари, ремесленники. Они славятся как отличные огородники и первые ввели простые и удобные водоподъемные приспособления для огородов»¹⁰.

Многое сделал и многое написал буковинский русин Пантелеймон Боканчо о болгаргах и гагаузах юга Бессарабии, о которых не забывал до конца своей жизни. Эта его сильная привязанность к ним и до сегодняшнего дня отзывается в их делах и намерениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новаков С.З.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857-1918). Кишинев, 2004. С.499.

2. *Боканчо П.С.* Записки бессарабца. Т.1 // Отдел рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации. Ф. 218. Д. 563. Л. 487-490

3. *Боканчо П.С.* Отчет о деятельности Кирютнянского сельско-хозяйственного общества Бендерского уезда Бессарабской губернии на 1913 год (второй год существования). Болград, 1914.

4. См.: *Боканчо П. С.* Записки бессарабца...

5. Там же.

6. Там же. Л. 517-518.

7. Там же. Л. 518.

8. Там же. Т.1. Л.492.

9. *Боканчо П.С.* Агрикультура и кооперация. (Очерки, мысли и наблюдения). Одесса, 1915. С. 1-55.

10. См. *Боканчо П.С.* Записки бессарабца. Т.1. Л. 498.

Петр ШОРНИКОВ

ПАВЕЛ ТКАЧЕНКО ВО ГЛАВЕ БЕССАРАБСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Павел Дмитриевич Ткаченко – один из псевдонимов руководителя Бессарабского коммунистического подполья Якова Яковлевича Антипова. Кометой мелькнув на политическом небосводе межвоенной Европы, он погиб в возрасте 25 лет, оставив о себе добрую память. В воспоминаниях революционеров¹ Павел Ткаченко – светлая личность. Его заслуги организатора освободительной борьбы признаны в трудах советских историков Молдавии². Уже к 40-летию его смерти список посвященных ему публикаций составил целую книгу³. И все же документальная база этой литературы, обобщенная в брошюре И.И. Довгополого⁴, небогата. Одна-

ко она может быть пополнена. Павел Ткаченко, свидетельствуют мемуаристы⁵, является автором ряда листовок и других идеологических документов Бессарабского подполья⁶. Кем же был этот человек, шокирующе молодой для сыгранной им политической роли? Что двигало им – приверженность социальной идее или патриотизм? Чего удалось добиться под его руководством бессарабским большевикам? Рассмотрим основные события его недолгой политической биографии.

Родился Яков Антипов 7[20] апреля 1901 г. в семье железнодорожного служащего на станции Новосавицкая близ Тирасполя. Он был у родителей восьмым ребенком. Через год семья переехала в Бендеры, где отец стал помощником кассира товарной станции. Детство Яши прошло в нужде, в 14 лет он пошел работать в железнодорожные мастерские подручным мастера. Но подросток оказался необычайно одаренным. Он много читал, успел поучиться в реальном училище, а впоследствии изучил французский, немецкий, румынский и еврейский языки. В 15 лет Яков оказался в политическом кружке, организованном в Бендерах социал-демократом Г.И. Борисовым, вошедшим в историю

Молдавии под псевдонимом Старый. В 1917 г., с отличием окончив экстерном реальное училище, Яков уехал в Петроград, где жил его старший брат Дмитрий, меньшевик, только что возвратившийся из Вологды, где отбывал ссылку. Столица кипела митингами, и Яков слушал, думал. 3 июня брат привел его на I Всероссийский съезд Советов, и здесь они выслушали выступление В.И. Ленина⁷. В августе, в дни т.н. Корниловского мятежа, Яков Антипов возвратился в Бендеры.

В октябре большевики стали правящей партией, центральной властью России. А в Бессарабию в январе 1918 г. вторглись войска Румынии. Оборону Бендер возглавил Г.И. Борисов, ставший большевиком. Прямых данных об участии Я.Я. Антипова в боях нет, скорее всего, винтовку ему тогда не доверили. Но с первых дней оккупации он включается в работу большевистского подполья. В Тирасполь, куда, спасаясь от оккупантов, перебрались родители, он не уехал. Принятый в 17 лет в партию большевиков, Антипов включился в партийно-организационную работу. Он создал молодежные коммунистические ячейки в железнодорожном депо, в типографии, среди учащихся. В ноябре 1918 г., когда в Бендеры прибыли французские войска, Я.Антипов был включен в состав группы молодежи, которая вела пропаганду среди интервентов. Наиболее активными ее участниками были Ксения Лидина (Катович), Сергей Бернштейн (Янтаров), Николай Яновский, Евгений Погонкин, Федор Похило. Хотя в энциклопедии «Советская Молдавия» указано, что группу возглавлял Павел Ткаченко, в действительности ее работой руководили сам Г.И. Борисов и член Бендерского городского комитета РКП(б) А.И. Глядковская, старшая по возрасту и по положению в партии⁸. Подполью удалось установить политические связи с французскими солдатами и наладить выпуск листовок на русском, румынском и французском языках. Группа занималась также разведкой. В это время, в начале 1919 г., Якова настигло горе: в Тирасполе петлюровцы зверски убили его отца.

Но борьба продолжалась. Большевики готовили в Бессарабии восстание. Его следовало поднять в момент, когда Красная Армия приступит к освобождению области. 19 января 1919 г. преждевременно, еще до подхода красных войск к Днестру, вспыхнуло восстание в Сорокском и Хотинском уездах Бессарабии; в течение двух недель повстанцы вели бои против семи румынских дивизий. В те же дни, изгнав петлюровцев, красные партизаны заняли Рыбницу и Тирасполь. В Бендерах находились французские войска, но французский гарнизон, распропагандированный большевиками, отказался выступить против партизан. Это был бунт. 58-й французский полк был разоружен, многие солдаты арестованы. Группа подпольщиков во главе с Я. Антиповым помогла им бежать из тюрьмы и переправиться через Днестр. «Это была опасная работа, – вспоминал впоследствии Г.И. Старый, –

но Павел упорно вел ее»⁹. В феврале 1919 г. областная партийная конференция, состоявшаяся в Одессе с участием представителей Бессарабского подполья, приняла решение «вменить в обязанность всем партийным, революционным организациям немедленно начать военные действия, направленные к захвату власти на местах»¹⁰.

Обстановка в Бендерах, казалось, благоприятствовала восстанию. В разведывательной сводке красных войск, составленной в середине мая, говорилось: «Румын нет. Есть только пограничная стража и полиция. Там исключительно французы, которые настроены большевистски. 39 полк отказался идти против большевиков. Есть тайный французский Совет; среди французов арестовано 85 человек». Тем не менее, в мае в полку начался бунт. Французы изгоняли из административных зданий румынских чиновников и военных и устанавливали свои караулы. 17 мая французское командование разоружило полк и отправило его во Францию. Не желали участвовать в интервенции и румынские войска. На станции Бульбока близ Бендер солдаты 56-го полка румынской армии взбунтовались и учинили разгром. Работу Бендерской революционной организации советская разведка оценивала как прекрасную. Румынская контрразведка, видимо, была того же мнения. Она приняла свои меры: в начале мая в организации уже произошел провал¹¹.

Повстанческие отряды, образованные в Бендерах, на станции Бессарабская, в Кайнарах, Каушанах, Комрате, Телице, Тараклии объединяли до 2000 бойцов¹². Яков был поставлен во главе группы диверсантов. Они нарушали телефонную и телеграфную связь румынских войск, повреждали железнодорожные пути, подготовили подрыв нескольких мостов¹³. Но подполью следовало действовать быстро. 27 мая 1919 г., когда через Днестр без ведома командования красных войск переправился на западный берег отряд из 150 бывших партизан, в основном бессарабцев, в Бендерах началось восстание. Подпольщики раздавали оружие прямо на улицах. Антипов принял участие в восстании в составе вооруженной «ударной группы», видимо, тех же диверсантов. Румынские войска были из Бендер выбиты. Французы отказались стрелять в восставших, но на помощь румынам были брошены африканские части французской армии. Оккупанты перешли в контратаку. Бои на улицах города продолжались несколько часов, и регулярные войска взяли верх над восставшими. Пленных каратели убивали на месте либо расстреливали у стен Бендерской крепости. Затем провели массовые аресты. В первый же день после подавления восстания были схвачены 1500 жителей Бендер¹⁴, в том числе товарищи Якова Антипова по группе агитаторов. 14 июня Временный Бессарабский комитет РКП(б) констатировал провал Бендерской организации¹⁵. Антипов ареста избежал. Вероятно, ему удалось уйти за Днестр.

Большевики приняли меры по восстановлению подпольных организаций Бессарабии. Уже в августе 1919 г. советское командование выручило схваченных оккупантами товарищей Якова из группы агитаторов, выменяв их на пленных румынских летчиков. Но 5 сентября военно-полевой суд 5-й румынской дивизии заочно вынес Николаю Яновскому, Ксении Катович, Сергею Беренштейну и некоторым другим подпольщикам смертный приговор¹⁶. Появляться в Бендерах, где его знали, не мог и Яков Антипов. «Для восстановления большевистского подполья» он был направлен в Кишинев. Здесь он принял имя Павел Ткаченко.

Ответственность возвышает человека. Устроившись работать на завод некоего Кучука, Яков Антипов легализовался. Затем организовал коммунистические группы среди железнодорожников и строительных рабочих. Помог наладить работу Бендерского, Оргеевского, Каларашского, Измаильского комитетов партии большевиков и к июлю 1919 г. восстановил в Кишиневе подпольный большевистский центр. Этот центр направил представителей на конференцию Бессарабской областной организации РКП(б), состоявшуюся 7-11 июля 1919 г. в Одессе. Руководство организации было укреплено¹⁷. Однако 24 июня – 29 августа румынские власти провели в Кишиневе судебный «Процесс 108», на котором 19 подсудимых, том числе И.Н. Криворуков, Г.С. Понятовский, В.А. Воронцов, И.И. Бадеев, Н.Осипов, Ф.Цуркан и другие вошедшие в его состав организаторы подпольной работы в Бессарабии, были заочно приговорены к смертной казни¹⁸. Путь в Бессарабию им был закрыт.

Бессарабскому подполью требовался руководитель политически зрелый, смелый, знающий условия Бессарабии, обладающий организаторским талантом и при том сигуранце еще не известный. Антипов был не по годам развит, обладал опытом конспиратора и осмысленной храбростью обстрелянного солдата. Однако никакие полномочия не могли обеспечить ему доверия людей, его надлежало завоевать. Антипову это удалось. В октябре 1919 г. он был избран в состав Кишиневского комитета РКП(б) и возглавил его. Печатание листовок на гектографе он организовал у себя на квартире. Но главное, ему удалось вновь наладить работу уездных организаций партии. «Кроме того, – сообщал Я.Я. Антипов в информационном письме Кишиневского комитета РКП(б), – партия связывалась с Оргеевом, Хотинном, Болградом. Бендерской организации поручено связаться с Аккерманом и Измаилом. Работа, таким образом, налаживается по всей Бессарабии». Вместе с секретарем Кишиневского комитета Российского коммунистического союза молодежи С.М. Бубновским и подпольщиком А.Х. Похиным Павел Ткаченко создал в Бессарабии молодежную

социалистическую организацию. Уже в конце 1919 г. Соцмол был преобразован в комсомол¹⁹.

В феврале 1920 г. Павлу удалось оборудовать в доме №23 по Остаповской улице подпольную типографию и обеспечить выпуск нелегальной газеты «Бессарабский коммунист». В марте 1920 г. вышел первый номер²⁰. Уже в мае, после выхода второго номера, сигуранца обнаружила типографию, но подпольщики быстро оборудовали новую, и выпуск газеты был продолжен. Выпуск печатного органа помог Я.Я. Антипову сплотить большевиков Бессарабии. Активизировалась работа подполья в уездах. И, наконец, в мае 1920 г. под влиянием одесских коммунистов и Павла Ткаченко бессарабская организация еврейского коммунистического союза [«Комфербанд»] приняла решение о самороспуске и вхождении его членов в состав РКП(б)²¹.

Подполью было необходимо содействие профессиональных союзов. Согласно В.И. Ленину, именно профсоюзам надлежало стать «приводным ремнем» между партией и рабочими. «Профсоюзы, как наиболее массовая организация, – отмечал ветеран подполья и профсоюзного движения И.Я. Ракитов, – представляли для парторганизации и плацдарм борьбы, и резервуар, из которого она черпала наиболее боевые и непримиримые элементы». Но в первый год румынской оккупации бессарабские большевики совершили политическую ошибку, отказавшись работать в профсоюзах²². Часть рабочих оказалась под влиянием соглашательских «бивольских» «экономических союзов», названных так по имени их организатора, чиновника Кишиневской примэрии Бивола. В январе 1920 г. Центральное Бюро профсоюзов Бессарабии признало политическое руководство Бессарабского обкома РКП(б). Под руководством Павла Ткаченко оно взяло курс на разоблачение и изгнание «бивольцев» из руководства профсоюзов.

Румынское правительство установило в Бессарабии режим террора, произвола и грабежа, вошедший в историю под наименованием «бессарабская система»²³. Защита гражданских прав и социальных интересов населения была совершенно необходима. Но Я.Я. Антипов понимал, что бессарабцы не приемлют власть Румынии в принципе. На каждой демонстрации рабочие поднимали лозунг «Долой румынскую оккупацию!». Наблюдая за политикой оккупантов, даже аполитичные мешане говорили: «Скорее бы пришли большевики и навели порядок!». Глубина политического анализа, емкий, без пустословия, язык составленных Ткаченко писем Бессарабского обкома и Кишиневского горкома РКП(б), отчетных материалов и других документов, направляемых им за Днестр, свидетельствуют о его высоком интеллекте и политическом реализме. Из поражения Хотинского и Бендерского восстаний он сделал верный вывод о необходимости смены

тактики. Ткаченко нелегально выехал в Москву и добился пересмотра установки по вопросу о подготовке вооруженного восстания. В июне 1920 г. Закордонный отдел ЦК РКП(б) принял по его докладу решение о пересмотре курса на организацию в Бессарабии вооруженных выступлений.

Руководитель Бессарабского подполья работал чернорабочим в Кишиневском железнодорожном депо. Здесь он не только создал нелегальную большевистскую группу, но и открыто призывал рабочих к созданию профсоюза железнодорожников. Все это представляло собой отступление от требований конспирации, но среди рабочих провокатора не нашлось. В мае 1920 г. Павел был застигнут агентами сигуранцы на явочной квартире 74-летнего рабочего Шаевича. Отвлекая внимание ищек, партийный курьер Михаил Луценко оказал сопротивление и был ранен, но Ткаченко удалось уйти²⁴.

Он знал, чем грозит ему арест. Как рассказал впоследствии Г.И. Старый, однажды партийный курьер застал Павла за невероятным занятием: левую руку он держал над пламенем свечи, а правой что-то писал. Курьер еще в коридоре ощутил запах горелого мяса и решил, что Павел сошел с ума. Но Ткаченко разъяснил: «Поставил эксперимент... Знаешь, брат, возможно, что меня схватит сигуранца, а я слишком много знаю. Хотел посмотреть, смогу ли выдержать пытки сигуранцы, ведь пытки огнем самые страшные»²⁵. В июле сигуранца все же вышла на след секретаря подпольного обкома РКП(б), известного ей под 11 псевдонимами: Беспятый, Абрикосов, Гайда, Людмир, Урсу, Петреску, Яша, Басарабяну, Базаров, Петра и, конечно, Павел Ткаченко. Он был арестован и заключен в Кишиневскую тюрьму.

Показаний Ткаченко не дал. Все явки и адреса, утверждал он на допросе, известны «товарищу Скелетову». Это был мифический персонаж. Молодость подследственного давала основания верить, что он – всего лишь курьер. Но он заявил следователю: «Коммунистическая партия добивается установления в Бессарабии власти Советов рабочих и крестьянских депутатов», т.е. изгнания оккупантов. Павла подвергли не только обычным избиениям, но и пыткам. Побег со двора здания сигуранцы на улице Инзова (ныне ул. Сергея Лазо), осуществленный в начале августа (он перепрыгнул через забор), избавил Павла от новых мук и спас от казни. Родственников он постарался не волновать. Сестре Зинаиде Яковлевне Сороковой, разыскавшей его в сарае одного рабочего на Костюженском шоссе, о пережитых страданиях он рассказал едва ли не с юмором: «Били шомполами по пяткам. Потом в холодную воду окунали. Да зря время тратили. Работы у нас по горло, некогда в тюрьме отсиживаться»²⁶.

Вопреки правилам конспирации, Павел не ушел за Днестр, а возобновил руководство подпольем. Энергию социального протеста рабо-

чих он постарался направить на решение главной в тот момент патриотической задачи – срыва вступления Румынии в советско-польскую войну. 7 июня и 10–11 августа 1920 г. большевики организовали в Кишиневе политические стачки. 12 августа всеобщая забастовка переросла в баррикадные бои с румынскими войсками и полицией, в городе было введено чрезвычайное положение²⁷. Последовали аресты активистов, и некоторые подпольщики обвинили Павла Ткаченко в излишней революционности. Но, рассматривая вопрос о вторжении за Днестр, официальный Бухарест должен был учесть опыт Хотинского и Бендерского восстаний и возможность нового вооруженного выступления против румынской власти в Бессарабии, продемонстрированную в августовские дни. Румыния не оказала вооруженного содействия режиму Юзефа Пилсудского.

Кишиневский комитет нацелил подполье на формирование коммунистических и профсоюзных организаций на периферии, на борьбу за восстановление гражданских свобод. В октябре 1920 г. железнодорожники Кишинева, действуя совместно с профсоюзами Румынии, провели забастовку против попыток румынского правительства взять профсоюзы под контроль. Сигуранце был известен подпольный организатор этого и многих других выступлений. На «Процессе 48», проведенном в Кишиневе 24 января – 19 февраля 1921 г., военный трибунал 3-го армейского корпуса приговорил его к смертной казни – заочно, причем под его подлинным именем: Яков Антипов. Во имя безопасности следовало немедленной бежать за Днестр. Но Ткаченко, подобно матадору, играющему с разъяренным зверем, вновь взмахнул красным плащом и нанес удар стратегического значения. В дни, когда в Кишиневе в зале суда звучали его имя и псевдонимы, он с группой бессарабских и румынских коммунистов подготовил и провел в Яссах конференцию, на которой было положено начало Коммунистической партии Румынии. Он сформулировал позицию партии по бессарабскому вопросу. Ясская конференция выразила протест против жестоких преследований бессарабских коммунистов, одобрила их деятельность и выразила свое «восхищение революционностью, непримиримостью, дисциплинированностью и самопожертвованием [бессарабских] коммунистов»²⁸. Павел успел также создать подпольную типографию КПМ, организовать выпуск коммунистической газеты и издание революционной литературы.

Несомненно, он выполнял решение Москвы. Советская Россия не признала аннексию Бессарабии Румынией, но рисковать ради освобождения области войной с Францией и Англией было не время. В расчете на длительную борьбу следовало активизировать левые силы Румынии. В решении этой патриотической задачи и участвовал Яков

Антипов. Но для бессарабцев, отмечали ветераны подполья, слово «румын» было синонимом слова «захватчик», «оккупант». Бессарабские коммунисты не желали выходить из состава Российской Коммунистической партии. Среди них появились «коммунисты-сепаратисты». Решить задачу объединения мог только деятель, располагающий абсолютным доверием товарищей. Павлу Ткаченко это удалось. В марте 1921 г. также в Яссах была проведена объединительная конференция коммунистов Старого Королевства (*Румыния в границах 1912 г. – П.Ш.*), Бессарабии, Буковины, Добруджи и Баната. П. Ткаченко и С. Бубновский были избраны в состав Всерумынского Центра связи, призванного координировать работу коммунистических организаций Румынии. Павел согласился с местопребыванием Центрального Комитета партии в Бухаресте, но настоял на том, чтобы программа, вырабатываемая на Ясской конференции, ясно определила политику партии в отношении национальных меньшинств, и позаботился о достойном представительстве бессарабской организации в составе ЦК КПП²⁹.

В Румынии надзор политической полиции был слабее, чем в Бессарабии, но соблюсти конспирацию не удалось. 26 марта 1921 г. Павел Ткаченко был схвачен сигуранцей. Он пытался бежать, но неудачно. Его арест повлек реорганизацию руководства Бессарабского подполья, находившегося в Одессе и Тирасполе. В апреле 1921 г. А.Л. Гринштейн, в то время председатель Бессарабского коммунистического бюро, в которое входили Г.И. Борисов (Старый) и Л. Маков (Александров), направил Бессарабскому обкому РКП(б) письмо, в котором сообщил: «Из-за провала Яши назначаю Временный Бессарабский партком в составе товарищей Мили, Пузатого и Бочачера и одного кандидата Бонопарта». Это были псевдонимы С.М. Бубновского, бывшего члена Тираспольского уездного исполкома молдаванина Ф.Похило и А.Е. Доброчаева³⁰. Ткаченко в это время под пыткой допрашивали в сигуранце. Ему удалось сохранить ясность ума и присутствие духа; содержательных показаний он не дал.

Но в Румынии коммунисты действовали в условиях легальности. В мае в Бухаресте на I съезде Социалистической партии Румынии большинство делегатов проголосовало за присоединение СПР к Коммунистическому Интернационалу. Это обстоятельство послужило предлогом для ареста почти всех членов избранного в Яссах временного ЦК. Против них правительство инициировало т.н. «Процесс 270». В начале июля 1922 г. румынские коммунисты создали Временный исполнительный комитет социалистическо-коммунистической партии Румынии. Вероятно, по инициативе бессарабских товарищей его лидеры квалифицировали румынскую власть в Бессарабии как банду убийц и предложили «образовать единый фронт борьбы за свободную Бессара-

бию»³¹. Но будущее коммунистического движения в Румынии во многом зависело от того, как поведут себя подсудимые, особенно главный из них – Павел Ткаченко, наиболее авторитетный из коммунистов Румынии и территорий, аннексированных ею после мировой войны.

До суда Павел был заключен в камеру строгого режима бухарестской тюрьмы Вэкрешть. Протестуя против его содержания в кандалах, 45 политзаключенных объявили голодовку. Узнав об этом, перестал принимать пищу и Ткаченко. Голодать пришлось 16 дней, в общую камеру он был доставлен на носилках, но кандалы с него сняли. У заключенных имелись тайные связи с коммунистами на воле. Используя подпольную «почту», Павел инструктировал товарищей, находившихся в крепости Жилава, как вести себя во время следствия и какой тактики придерживаться на суде. На статус вождя коммунистов Румынии он не претендовал: таковым мог быть только румын. На «Процессе 270», проходившем в Бухаресте 23 января – 4 июня 1922 г., он выступил как бессарабский лидер, стремящийся огласить главное требование возглавляемого им движения. Измученный содержанием в карцере, именуемом «стоячий гроб», свою речь Ткаченко посвятил положению в Бессарабии, бесстрашно разоблачив оккупационный террор. Рабочие и крестьяне Бессарабии, заявил он, борются за освобождение от ига капитализма, против румынских помещиков и банкиров, которые бандитски захватили Бессарабию. Свою речь Павел завершил ирредентистским заявлением о том, что он борется против румынской оккупации, за воссоединение Бессарабии с Россией³².

Смертный приговор, вынесенный ему на «Процессе 48», отменен не был, если бы его судили в Бессарабии, Павла ожидал расстрел. Но и на «Процессе 270» его положение было отчаянным, поскольку на квартире в Яссах, где он был арестован, сигуранца обнаружила часть «хозяйства» террориста-анархиста Макса Гольдштейна, устроившего 8 декабря 1921 г. взрыв в сенате Румынии. Было ли это подтасовкой политической полиции, нелепой случайностью или чем-либо еще, неизвестно, но обвинение включило Павла в группу судимых в рамках «Процесса 270» террористов. Он решительно отвергал эту клевету. Несмотря на жестокие избиения, М. Гольдштейн также утверждал, что коммунисты к взрыву в сенате отношения не имеют. Но Павлу, радикальному противнику румынской оккупации, помог и идеолог бессарабского регионализма, видный деятель Национал-царанистской партии Румынии писатель Константин Стере. Приглашенный на процесс в качестве свидетеля бывший народник подтвердил, что террористические организации во все времена ничего общего с марксистскими партиями не имели. Вероятно, по рекомендации К. Стере такое же заявление сделал лидер НЦП Юлиу Маниу. Наиболее опасный пункт обвинения был подорван³³.

В отличие от Бессарабии, в Румынии чрезвычайного положения не было. Румынских коммунистов, судимых по «делу 270», более 200 чел., король Фердинанд, которому предстояла коронация, амнистировал. Ткаченко и еще 16 бессарабских революционеров были приговорены к тюремному заключению. Около года Павел отбывал его в военной тюрьме Констанцы, однако власти готовили его убийство. Его затребовали в Бессарабию по «Процессу 108», на котором он был заочно приговорен к смертной казни. 4 апреля 1923 г. Ткаченко и его товарищ по заключению С.М. Бубновский совершили побег. Они добрались до Бухареста и разыскали явочную квартиру. Однако конспиративные связи в румынской столице оказались ненадежными, 9 апреля беглецы были схвачены вновь. 25 мая суд оправдал их, но власти оставили их под стражей. 5 июня военный трибунал начал новое рассмотрение их «дела», уже в Кишиневе. Над Павлом нависла угроза убийства «при попытке к бегству». Во время прогулки по тюремному двору в него выстрелил стражник, но промахнулся. Затем Павел предотвратил попытку убить его при конвоировании за пределы тюрьмы³⁴. Спасая товарища, коммунисты организовали массовые выступления в защиту Павла Ткаченко в Бессарабии, Румынии, Франции, Германии, Дании, других странах. Бессарабский революционер обрел европейскую известность³⁵. Трибунал оправдал его. В августе 1923 г. Павел был освобожден и выслан из «Великой Румынии».

Выехав через Австрию и Германию в СССР, Ткаченко способствовал воссозданию молдавской государственности. 4 февраля 1924 г. он вместе с Г.И. Котовским, С.С. Тимовым и группой из семи румынских коммунистов направил Центральному Комитету РКП(б) секретную докладную записку с предложением образовать восточнее Днестра Молдавскую Советскую республику, причем не автономную, а союзную, т.е. не зависящую от Киева. В секретном документе нет места пропаганде, в записке не упомянуто о потребности местного молдавского населения в создании автономии – не было подобных стремлений. Предложение было обосновано стратегическими интересами СССР – подготовкой освобождения Бессарабии³⁶. Проект записки был составлен именно им, Яковом Антиповым. Свидетельство тому – не только ее соответствие языку составленных им документов Бессарабского подполья³⁷. Жителей Буковины и Галичины он именует не украинцами, как полагалось в СССР, а традиционно – русинами. «Распространение Советской власти на пределы Бессарабии, – указано в документе, – имеет тем большее значение, что этот край упирается на севере и востоке в Буковину и Галицию, русинское население которых всецело на стороне УССР и СССР...». 12 октября Молдавская автономия в составе Украинской ССР была учреждена. Ее руко-

водителями стали Г.И. Борисов [Старый], И.И. Бадеев, А.И. Строев и другие деятели Бессарабского подполья. Бессарабское освободительное движение обрело в СССР новую опору. В 1940 г., после воссоединения Бессарабии с СССР, Молдавия стала союзной республикой.

В Москве Я.Я. Антипов занимался важной политической работой. Он был молод, женат и счастлив. Но отмена летом 1919 г. Закордонным отделом ЦК РКП(б) – по его докладу – курса на подготовку восстания в Бессарабии противоречила троцкистской концепции «перманентной революции» и курсу Закордота, Отдела ЦК КП[б] Украины по заграничной работе. Деятель румынского коммунистического движения И.Дическу-Дик определил Закордот как экстремистское учреждение, «которое принесло столько бедствий болгарской и румынской братским компартиям, революционно-коммунистическому движению в Бессарабии [...]»³⁸. Троцкисты должны были отнести Павла к числу своих противников. Его товарища С.М. Бубновского, также прибывшего в СССР, функционеры Закордота называли «дезертиром» румынской компартии³⁹.

Между тем политическая обстановка в Бессарабии накалялась. В феврале-марте 1924 г. переговоры с Россией о будущем края, проведение которых намечалось в Вене, официальный Бухарест сорвал. Засуха нанесла удар по крестьянским хозяйствам на юге Бессарабии, а румынские власти продолжали грабить население. Рабочие и крестьяне не усматривали возможностей защиты своих интересов в румынской политической системе. Созданные в 1918-1919 гг. боевые крестьянские организации собирали оружие. В Бессарабии назревало новое восстание под лозунгом воссоединения области с Россией. В то же время некоторые деятели КПП, выступая с великорумынских позиций, требовали от бессарабских коммунистов согласия с политикой румынизации молдаван и отказа от воссоединения Бессарабии с СССР. Коммунисты Бессарабии понимали, что выполнение требований румынизаторов, неприемлемых самих по себе, лишит их поддержки в народе. Мог ли Павел Ткаченко, один из создателей КПП и руководитель Бессарабского подполья, игнорировать угрозу раскола?

Он выехал на Запад и вновь включился в работу коммунистов Румынии. На III съезде КПП, состоявшемся в августе 1924 г. в Вене, он вошел в состав ее Центрального Комитета, затем был избран секретарем ЦК и членом Политбюро. Несмотря на вынесенный ему смертный приговор, Павел нелегально возвратился в Румынию. В январе 1925 г. под его руководством была проведена в Яссах областная конференция бессарабских коммунистов. Он нелегально посещал Бессарабию, укрепляя коммунистические организации. В 1924-1925 гг. выступил одним из организаторов кампании солидарности с участниками

Татарбунарского восстания, судимыми на «Процессе 500». Она повлияла на решения трибунала: смертных приговоров татарбунарцам вынесено не было, только 85 повстанцев были приговорены к тюремному заключению⁴⁰.

Труднее оказалось предотвратить раскол между КПП и коммунистами Бессарабии. В январе 1925 г. ЦК Компартии Румынии принял абсурдное постановление о роспуске Бессарабской коммунистической организации. Несогласный с этим решением секретарь Бессарабского обкома А.Ю. Ганев был Центральным Комитетом КПП исключен из партии и при неясных обстоятельствах схвачен сигуранцей, но свою организацию коммунисты Бессарабии сохранили. Павел был на их стороне. В марте 1925 г. он вновь нелегально выехал в Москву. Здесь он принял участие в работе V пленума Исполкома Коминтерна. По его докладу ИККИ создал специальную Бессарабскую комиссию в составе столь авторитетных деятелей европейского коммунистического движения, как Георгий Димитров, Бела Кун, Васил Коларов, Михаил Мануильский и сам Павел Ткаченко. Изучив вопрос, комиссия признала очевидное: в Бессарабии существует национально-освободительное движение не только среди национальных меньшинств, но и среди молдаван. Она осудила проводимую румынской олигархией политику порабощения молдавского народа. В марте 1926 г. ИККИ подтвердил, что Бессарабская организация подчиняется ЦК КПП, но отменил решение ЦК о ее роспуске. Ткаченко выехал в Бухарест и добился выполнения решений Коминтерна компартией Румынии.

В руководстве КПП Павел Ткаченко возглавлял революционные силы, представленные такими борцами, как члены ЦК и Политбюро бессарабцы А.Н. Никольский, А.Ю. Ганев, К.С. Сырбу, В.Я. Холостенко, С.М. Бубновский, болгарин Борис Стефанов, впоследствии – генеральный секретарь ЦК КПП. Бессарабцы из ЦК КПП опирались на авторитет Коминтерна, поддержку правящей партии СССР и коммунистического подполья Бессарабии. Участники революции, они обладали лучшей теоретической и политической подготовкой, чем коллеги-румыны. В 1923 г. они добились включения в программу КПП пункта о праве Бессарабии, Добруджи и Трансильвании на самоопределение вплоть до полного отделения, на четыре десятилетия обеспечив интернационалистский характер партии. Накануне Венской конференции 1924 г. под их влиянием КПП открыто выступила на стороне СССР.

В отличие от России, в Румынии лозунг права наций на самоопределение представлял собой инструмент шантажа правительств соседних государств, но не принцип внутренней политики. Официальный Бухарест приступил к ликвидации Коммунистической партии Румынии. Военными ордонасами от 5 апреля и 23 июля 1924 г. и законом о по-

давлении нарушений общественного порядка («Закон Мырзеску») от 19 декабря 1924 г. КПП была загнана в подполье⁴¹. Однако именно Павел Ткаченко, стремясь расширить политические возможности партии, готовил ее легализацию. Он оставался лидером бессарабских коммунистов. Нелегально возвратившись в Румынию, он показал, что запугать его нельзя. В нем справедливо видели авторитетного и неустрашимого вождя освободительного движения. Для румынской олигархии он стал не просто ненавистен, но и как никогда опасен политически. В правящих кругах Бухареста созрело решение об убийстве наиболее радикального и перспективного лидера коммунистов.

15 августа 1926 г. на бухарестской улице близ кладбища Беллу Павел Ткаченко, Борис Стефанов и член ЦК КПП Тимофей Марин были окружены бригадой сигуранцы. Агент навел на безоружного Павла пистолет. Бросившись бежать, он уклонился от пули, но все же был ранен и схвачен. Марин в суматохе скрылся, Стефанов был на долгие годы брошен в тюрьму Дофтана. Ткаченко подвергли изуверским пыткам. «Все муки, все жестокие пытки и унижения, которым он был подвергнут зверями сигуранцы, – писал один из авторов газеты австрийских коммунистов «Роте Фане», – не могли вырвать у него показаний о поставленных вне закона коммунистических организациях Румынии». Сломить Ткаченко не удалось. Поэтому его решили ликвидировать, причем, – чтобы не давать повода для развертывания кампании разоблачений, – тайно. 4 сентября 1926 г. закованный в кандалы Павел Ткаченко был доставлен в Кишинев и помещен не в Центральную тюрьму для политических заключенных, а в военную. В ночь на 5 сентября палачи сигуранцы вывели его из застенка и расстреляли на станции Вистерничены. По другим данным, они провели еще один «допрос», после которого изувеченного пытками, не могущего передвигаться человека агенты вынесли из тюрьмы в корзине и еще живого забросали землей. Было объявлено, что Ткаченко бежал из-под стражи.

Однако скрыть его убийство палачи не смогли. В военной тюрьме один из узников опознал подпольщика, известного ему под именем Людмир, и тюремным кодом сообщил об этом группе политзаключенных. 5 сентября известие было передано на волю. В тот же день ЦК КПП по подпольным каналам известил Бессарабский обком об отправке П.Ткаченко в Кишинев. Но запрос группы адвокатов о целях его доставки в Кишинев, организованный обкомом, запоздал. 7 сентября близ Бендер нелегально перебрался через Днестр курьер Балканской Коммунистической Федерации; он доставил в СССР сообщение Бессарабского обкома о зверском убийстве Павла Ткаченко.

Гибель Павла Ткаченко явилась тяжелой потерей для Бессарабского освободительного движения и коммунистов Румынии. «В лице Павла Ткаченко, – говорилось в заявлении ЦК КП Румынии, – рабочий класс

потерял одного из лучших и решительных революционных борцов». Волна протестов, прокатившаяся по странам зарубежной Европы в связи с его убийством, упрочила репутацию Румынии как страны террора, варварства и произвола⁴². Характеризуя применяемые румынскими властями методы обращения с бессарабцами, 30 сентября 1926 г. редакция газеты бельгийских коммунистов «Драпо Руж» отметила, что Бессарабией управляет «банда дикарей». Кампания протестов против террора в Бессарабии, проведенная по поводу ареста и убийства Павла Ткаченко, сопоставима по масштабу с кампанией в защиту татарбунарцев. Она закрепила в европейском сознании идею о несправедливости аннексии Бессарабии Румынским государством⁴³. Возможно, вследствие убийства бессарабского революционера Румыния понесла не только политический ущерб⁴⁴.

В конце сентября 1926 г. Бессарабскому подполью был нанесен новый удар. Не выдержав пыток, схваченный сигуранцей член Бессарабского областного комитета КПП Б.Финкель назвал имена членов областного комитета партии и обкома Коммунистического союза молодежи. 20-29 сентября полиция обыскала в Кишиневе более 300 домов и провела массовые аресты коммунистов. Чтобы избавиться от агентуры сигуранцы, актив партийной организации Кишинева принял решение о ее самороспуске⁴⁵, чего и прежде добивались сторонники румынизации из ЦК КПП. Однако Бессарабское подполье вскоре преодолело кризис. Новое руководство продолжило намеченный Павлом Ткаченко курс на расширение использования легальных форм борьбы⁴⁶.

Руководимое Я.Я. Антиповым коммунистическое подполье было идеологически и организационно наиболее сплоченным и активным формированием Бессарабского освободительного движения. Да, Яков Антипов и его товарищи мыслили категориями классовой борьбы. Их приверженность социальной доктрине большевизма несомненна. В тюрьмах они пели «Интернационал», а на судебных процессах даже смертные приговоры встречали лозунгами «Да здравствует революция!». Но далее звучал лозунг «Да здравствует красная Бессарабия!», т.е. Бессарабия, воссоединенная с Россией. Организуемые коммунистами забастовки и демонстрации неизменно выливались в акции протеста против румынской оккупации. Истинное решение социально-экономических проблем рабочих и крестьян коммунисты видели в воссоединении Бессарабии с Россией/СССР, а их борьба была главным образом национально-освободительной и ирредентистской, направленной на воссоединение Бессарабии с Россией.

Павел Ткаченко – герой не только коммунистического подполья Бессарабии. В 1920-1926 гг. он был ключевой фигурой всего Бессарабского освободительного движения и виднейшим из коммунистов

Румынии. Сила его политической позиции заключалась в ее соответствии интересам полиэтничной бессарабской политической нации и национально-государственным интересам России/СССР. Приверженность бессарабских коммунистов социально-экономической программе большевиков удачно сочеталась с российским патриотизмом бессарабцев. Соединив в своей деятельности социальное и патриотическое, Яков Яковлевич Антипов добился поддержки Бессарабского освободительного движения коммунистами Румынии. Он остается одной из самых ярких и все еще недостаточно оцененных фигур истории Молдавии XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918-1920 гг.). Под ред. И.И. Довгополого и Н.Д. Ройтмана. Кишинев, 1964; Памяти С.С. Бантке (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1970.

2. История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1955; Изд. 2-е. Т. 2. Кишинев, 1968; История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982; *Копанский Я.М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной. 1918-1940. Кишинев, 1975; Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1964.

3. См.: *Кожухарь П.М.* Павел Ткаченко. Библиографический указатель. Кишинев, 1968.

4. См.: *Довгопольный И.* Революцией призванный. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1967. 82 с.

5. См.: *Копанский Я.* Неустрашимые борцы. Кишинев, Картя Молдовеняскэ. С. 12.

6. См.: *Documente din istoria Partidului Comunist din România. Vol. I.* București, 1953; Листовки коммунистического подполья Бессарабии. 1918-1940. Сб. документов. Кишинев, 1960; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917-1920 гг. Сб. документов и материалов. Кишинев, 1967; Комсомол Молдавии в документах и материалах. 1918-1941 гг. Кишинев, 1971; Коммунистическое подполье Бессарабии. 1918-1940. Сб. документов и материалов в четырех томах. Т.1. Кишинев, 1987; Т. 2. Кишинев, 1987.

7. *Волкова О.Г.* Революцией призванные // Памяти С.С. Бантке. (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1970. С. 130.

8. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 305.

9. *Довгопольный И.* Указ. соч. С. 21.

10. *Глядковская А.И.* В Бендерском подполье [1918-1919 гг.] // Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918-1920 гг.). Под ред. И.И. Довгополого и Н.Д. Ройтмана. Кишинев, 1964. С. 118.

11. Борьба трудящихся Молдавии... С.305, 308; См. также: *Глядковская А.И.* Указ. соч. С. 117.

12. *Афтенюк С.Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев. С. 213.

13. Там же. С. 116, 121.

14. *Фьодоров Г.С.* Режим де репрессий сынжероасе (Ку привире ла политика репресивэ, дусэ де Ромыния регалэ ку Басарабия ку аний 1918-1940). Кишинэу, 1973. П. 44.

15. Борьба трудящихся Молдавии... С. 351.

16. Там же. С. 406.

17. Там же. С. 375-382.

18. *Бобейко И.М.* «Процесс» 108-ми // Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982. С. 507; Список приговоренных см.: За власть Советскую. Кишинев, 1970. С. 188.

19. Памяти С.С. Бантке. С. 19, 250, 251

20. *Клобуцкий В.С.* Газете че кемау ла луптэ. Кишинэу, 1971.

21. Коммунистическое подполье Бессарабии. 1918-1940. Т.1. Кишинев, 1987. С. 218.

22. *Ракитов И.Я.* Отдельные эпизоды из Бессарабского подполья 1918-1920 гг. // Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918-1920 гг.). С. 127, 128.

23. См.: *Лунгу В.Н.* Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918-1920. – Кишинев, 1978; *Фьодоров Г.С.* Оп. чит.

24. Памяти С.С. Бантке. С. 248.

25. Страницы истории комсомола Молдавии. Кишинев. С. 127.

26. *Копанский Я.* Неустрашимые борцы. С. 4,15.

27. *Довгопольный И.* Указ. соч. С. 40-42.

28. *Копанский Я.М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной. С. 148.

29. *Волкова О.Г.* Революцией призванные // Памяти С. С. Бантке. С. 132, 133.

30. *Галущенко О.С.* Как создавалась республика на Днестре (к 80-летию МАССР) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 46, 53.

31. *Копанский Я.М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной. С. 147.

32. *Эльберт Р.И.* «Процесс 270» 1922 года // Памяти С.С. Бантке. С. 148.

33. Там же. С. 147, 224.

34. *Фьодоров Г.С.* Оп. чит. П. 53.

35. См.: *Копанский Я.М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной. С. 148.

36. См. Приложение.

37. См.: Листовки коммунистического подполья Бессарабии. 1918-1940. Сб. документов. Кишинев, 1960; Коммунистическое подполье Бессарабии. 1918-

Приложение

Сов[ершенно] секретно - Срочно. В ЦК РКП(б), копия в ЦК КП[б]У

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ МОЛДАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После февральской революции в 1917 году, когда старое буржуазное государство переживало свои предсмертные судороги, в Заднепровской провинции, в Бессарабии, присоединенной к России в 1812 году, возникла мелкобуржуазная краевая организация, которая создала потом свое собственное правительство, так н. "Сфатул Цэрий". Это правительство под влиянием политической конъюнктуры того времени старалось добыть автономию этой молдавской области. В состав правительства вошли мелкобуржуазные, а также явно буржуазно-националистические и шовинистически настроенные элементы: Чугуряну, Ерхан, Инкулец и др. (правые эсеры).

Румынское правительство не играло последней роли в этих событиях, и потом, когда русская армия в Румынии окончательно разложилась и русские солдаты начали стихийно возвращаться домой, правительство "Сфатул Цэрий" обратилось за помощью к Украинской Раде и Румынии. Правительство последней откликнулось, и 5/1-18 года при одобрении Антантовских и особенно французских дипломатов две румынские дивизии вторглись в пределы Бессарабии и, под предлогом обеспечения источников снабжения для армии, заняли ее. Советская Россия, тогда занятая Брест-Литовском, мало могла уделить внимания и сил этим событиям. Все же Советское правительство делало все, что могло, и в результате своих усилий 9/3-18 г. в Одессе был подписан бывшим премьером Румынии генералом Авереску и тов. Раковским договор, по которому Румыния обязывалась очистить в 2-месячный срок Бессарабию от своих войск. Однако, быстрое развитие событий и особенно вторжение немцев на Украину помешало Советскому правительству настаивать на своевременном исполнении этого договора, и последний остался только на бумаге. Подлинник этого договора ныне увезен в Румынию бывшим членом автономной верховной Русско-Румынской коллегии по русско-румынским делам Брашчеван.

Румынии удалось вырвать от "Сфатул Цэрий" так наз[ываемое] "Торжественное постановление о присоединении Бессарабской республики к Румынскому королевству". Обстоятельства, при которых Румынии удалось добиться своей цели, хорошо известны Советскому правительству и нашим партийным органам. Нужно только напомнить, что "союзники", признавшие потом официально это присоединение, без ведома и участия в этом решении Советского правительства и вопреки позиции в этом вопросе Соединенных Штатов Северной Америки, в свое время также гарантировали своевременный уход румынских войск из Бессарабии.

С тех пор прошло почти 6 лет. Румынское правительство создало в Бессарабии режим насильственной румынизации края и национального угнетения;

режим белого террора, сопровождающегося пытками средневековья, произвола и грабежа. Сотни, тысячи рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции были расстреляны в Бессарабии под предлогом борьбы с большевизмом. Даже буржуазные элементы этой провинции, смотревшие когда-то на румын как на избавителей от "большевистских ужасов", возмущены румынской администрацией. В прошлом году бессарабские депутаты и сенаторы (между ними тот же Инкулец) в румынском парламенте указывали на ужасы, которые происходят в Заднестровской провинции. С их слов видно, что даже местная буржуазия предпочла бы советский режим румынскому. И действительно, больше чем с уверенностью, на основании личных наблюдений и впечатлений от разговоров с беженцами, можно утверждать, что, исключая крупнопомещичью верхушку, нет ни одного элемента в сельском и городском населении, который бы не добивался освобождения от румынской оккупации и присоединения к СССР.

В целях борьбы с рабочим и коммунистическим движением, а также проявлениями недовольства края румынское правительство усилило полицию, жандармерию и ввело осадное положение. Край был выделен на особое положение, и с 15 октября 1922 года был введен институт бессарабского генерал-губернаторства. На должность генерал-губернатора, непосредственно подчиненного совету министров, был назначен палач-генерал Попович, пользующийся неограниченной властью. Таким образом, Бессарабия докатилась от республики и социальной революции до провинции, подчиняющейся произволу неограниченного владыки.

Само собой разумеется, что подобное управление Бессарабией только углубляет враждебность населения к старому королевству Румынии, и мы полагаем, что в интересах СССР и социальной революции сделать все возможное для использования этого настроения. На левом берегу Днестра, в бывш[их]. Херсонской и Каменец-Подольской губ[ерниях], живут компактной массой не менее 500.000-800.000 (а по утверждениям румын, до 2.000.000) молдаван, обладающих своим особым национальным бытом и говорящих на румынском диалекте, молдавском языке. Это население занимает не менее 16.000 кв. верст. В силу того, что оно расположено в пограничной полосе, оно, по соображениям чисто военного свойства, пользуется особенными заботами о своем экономическом благоустройстве. Если к этому добавить специфические культурные интересы молдавского населения, то, исходя из этнографического момента, на основе советской национальной политики, можно было создать автономную социально-политическую Молдавскую единицу в пределах УССР или в системе СССР. На наш взгляд, подобной единицей могла бы быть Молдавская Советская Социалистическая Республика.

Создание подобной республики повлечет целый ряд последствий внутреннего [с точки зрения непосредственных интересов СССР] и международного свойства.

1. Организация молдавского населения в политическо-административную единицу способствовала бы поднятию экономического и культурного уровня населения. Консолидация этого последнего, с точки зрения СССР, тем более необходима, чем вероятнее возможность, рано или поздно, военных конфлик-

тов, во время которых необходим обеспеченный, лишенный недовольств, пограничный тыл.

2. Молдавская республика может сыграть ту же роль политически-пропагандистского фактора, что и Белорусская республика по отношению к Польше, и Карельская - по отношению к Финляндии. Она служила бы объектом привлечения внимания и симпатий бессарабского населения и дала бы еще больший повод претендовать на воссоединение с ней Заднестровья.

С этой точки зрения напрашивается необходимость создания именно социалистической республики, а не автономной области в пределах УССР. Объединенные Приднестровье и Заднестровье служили бы стратегическим клином СССР по отношению и к Балканам (через Добруджу), и к Центральной Европе (через Буковину и Галицию), который СССР мог бы использовать в качестве плацдарма в военных и политических целях.

Теперь, когда международное положение СССР кардинально изменилось и еще больше изменится к лучшему, более, чем когда бы то ни было, допустима вероятность обратного получения Бессарабии. Часть румынской буржуазии уже склоняется в этом направлении, надеясь получить взамен Бессарабии золотой румынский фонд, находящийся в Москве, с целью избежать при его помощи окончательного экономического и финансового краха. Подобный исход предстоящих румыно-русских переговоров тем более возможен, если принять во внимание ослабление единства в среде Малой Антанты, с одной стороны, и значения румыно-польского союза вследствие франко-чешского соглашения, - с другой. Откол Бессарабии от Румынии в свою очередь повлечет ряд последствий международного характера.

1. Прежде всего этот факт потрясет единство национально консолидированной "Великой Румынии" и нанесет удар моральному авторитету буржуазии, бравирующей до сих пор реализацией национального румынского идеала.

2. Этот же факт послужит лишним импульсом в стремлении новоприосоединенных [к Румынии] провинций к своему национальному самоопределению. Устранение же национальных меньшинств (болгар, гагаузов, живущих в пределах будущей Молдавской республики) послужит примером для национальных меньшинств, населяющих старое королевство Румынии.

3. Будущая аграрная реформа [в] Бессарабии должна оказать неизмеримо великое значение на крестьянское движение в самой Румынии, не говоря уже о значении приближения границ Советского Союза, которое [приближение] окажет то же влияние на коммунистическое рабочее движение самой Румынии.

4. Распространение Советской власти на пределы Бессарабии имеет тем большее значение, что этот край упирается на севере и востоке в Буковину и Галицию, румынское население которых всецело на стороне УССР и СССР, а на юге - в Добруджу с болгарским населением.

Все эти факты, вместе взятые, несомненно окажут сильное идейное влияние на окружающие области и, при соответственной международной обстановке, могут революционизировать все положение на Балканском полуострове. Исходя из вышеуказанных соображений, мы предлагаем создание **Молдавской Социалистической Советской Республики**. Срочность разрешения этого вопроса вызывается необходимостью возможности, по нашему мнению, возоб-

новления румыно-русских переговоров, с одной стороны, и необходимостью, в случае положительного разрешения затронутой нами проблемы, проведения агитационных кампаний на местах до начала полевых работ, когда общественная жизнь неизбежно временно замрет, с другой. Эта срочность вызывается привходящими обстоятельствами: необходимостью устройства и колонизации бессарабских беженцев и демобилизованных красноармейцев-молдаван, легко попадающих в сети антисоветской пропаганды.

Поэтому мы и просим разрешить затронутый вопрос в срочном порядке, поставив его на разрешение ближайшего заседания Политбюро ЦК РКП(б).

Г. Котовский, командир II кав[алерийского] корпуса (бессарабец).

Ал. Бадулеску, референт по балканским вопросам ИККИ, представитель КП Рум[ынии в ИККИ].

Павел Ткаченко, бывший секретарь Областкома ком[мунистической] организации Бессарабии и член Контактного центра Рум[ынских] ком[мунистических] организац[ий].

Сол. Тинкельман (С. Тимов), быв[ший] член ЦК КСМ Бессарабии, быв[ший] член редколлегии парторгана, быв[ший] член Рум[ынской] КП и представитель Рум[ынской] КП при Балк[анской] Ком[мунистической] Федерации.

А. Николау, б[ывший] член Автономной Верх[овной] Коллегии по русско-румынским делам, партбилет № 427310, партстаж с 1917 года [с 1907 года - член Румынской СДРП].

А. Залик, б[ывший] член Рум[ынского] Ревкома и Президиума Одесск[ого] отд[ела] междунар[одной] пропаганды, п[артийный] билет 280271 с 1918 года [в Рум[ынской] СД с 1914].

И.О. Дик, б[ывший] секретарь Рум[ынского] Воен[ного] Ревкома (преподаватель ВУЗа), партбилет 123864, стаж в РКП с 1917 г. [в Рум[ынской] СДРП с 1909 г.].

Т. Диамандеску, бывш[ий] организ[атор] Рум[ынской] рев[олюционной] пол[ево]й б[атарей].

Киоран Т.А., зав[едующий] Рум[ынским] сектором Ком[мунистического] у[ниверсите]та Нац[иональных] Мен[шинств] Запада, парт[ийный] билет № 128250.

В. Попович, [партийный билет] № 12825313.

Москва, 4 февраля [1]924 г.

Секретарь инициативной группы И.О. Дик

Публикуется по: Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 2004. № 8. С.55-57.

Виктория ФЕДОРЕНКО

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ИОНА ДРУЦЭ**

**(«ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ»,
«БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ»,
«ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»)**

Вступая на литературное поприще, молдавский писатель Ион Друцэ вряд ли мог предположить, что будет не только писать на русском языке, но и углубляться в историю России, досконально изучая отдельные ее эпизоды, которые оживут на страницах его произведений и тем более на сценических подмостках прославленных московских театров. Но оторванный от своих корней, вынужденный в результате конфликта с молдавскими властями уехать из республики в 1969 году, уже через год он открывает новую страницу в своем творчестве, обращаясь к миру русской истории и культуры.

Пьеса «Возвращение на круги своя» (1970), которой суждена была трудная сценическая судьба (подробности ее постановки режиссером Борисом Равенских в Малом театре с Игорем Ильинским в главной роли изложены автором в эссе «Реплика Толстого»), и написанная на ее основе одноименная повесть (1971) – первое такое обращение, пока не столь отдаленное во времени (всего лишь начало XX века), но сразу же оправдавшее себя созданием масштабного, объемного образа Льва Николаевича Толстого, на глазах читателя/зрителя проживающего финальную драму своей жизни. При этом и само произведение, и образ главного героя естественно вписались в общий контекст проблематики и стилистики творчества писателя, зримо обозначив новый этап мировосприятия.

Художественный мир Иона Друцэ отличается своей особенностью в литературе и характеризуется прежде всего цельностью и единством проблематики, в которой мы выделяем черты миропонимания, идейно-символически восходящие к народной балладе «Миорица», где, вместо традиционной трактовки, акцентирующей покорность и поэтическую мечтательность ее героя, предлагаем увидеть внутренний конфликт человека с собой и с миром (как в бытовом, так и в философском плане), который выражается соотношением категорий **духовного** и **материального** на уровне Человека как микрокосма и Мира как макрокосма, объединяя национальные и общечеловеческие проблемы бытия¹. Также и герои Друцэ (вне зависимости от национальной принадлежности), противопоставляя агрессивности материализма всю силу своей духовности, восстанавливают гармонию не только собственного существования, но также и существования мира.

Образ великого русского писателя выступает в пьесе как многозначный символ и не случайно представлен в трех ипостасях: Толстой созидающий, Толстой размышляющий и только в третью очередь – человек, живущий своей обычной жизнью. Тем самым особо выделяется его способность осмысливать мир, историю и культуру всего человечества во времени и пространстве разных эпох (размышления о смерти Сенеки, о музыке Шопена, о философии Ганди), но и не меньшая способность воспринимать всей душой события, случившиеся рядом и совсем недавно (сопереживание крестьянину из соседней деревни, у которого пала лошадь; радость по поводу известия о революции в Португалии). Но особая забота и боль писателя связаны с будущим родины: **«России нужна религия. Я тянул эту песенку и буду ее тянуть, сколько мне еще осталось жить, потому что без религии в России наступит на сотни лет царство денег, водки и разврата»**. В этой пьесе, где подлинные реплики Толстого перемежаются с авторскими, особенно сказалось свойственное драматургу умение передать их магическую силу, создав, помимо прямого диалога персонажей, еще и подспудный диалог идей из расположенных особо реплик.

В этой же пьесе проявилось и умение расширять пространство до масштабов всея Руси, откуда в имение Льва Толстого мешками прибывают письма, приезжают многочисленные посетители – от толстовцев, пытающихся строить жизнь в соответствии с его идеями, до какой-то барышни, попросившей **«волосок на память»**, тем самым создавая масштабный образ писателя, который оказывает влияние на людей и своими этико-философскими учениями, и своими литературными произведениями.

Академик Д.С. Лихачев, отмечавший, что сохранившиеся в древ-

нерусской литературе описания смерти многих князей и других выдающихся личностей отличает одна и та же характерная черта: «смерти эти совершаются в пути, в отказе от прошлого, от быта, уклада... Смерть начинается с ухода от всего привычного», в статье «Слово о Толстом», опубликованной в 1978 году, приходит к выводу: «В свете всего этого смерть самого Толстого – это грандиозная, глубоко нацио-нальная эпопея. Толстой уходит из быта, из всего того внешнего, чем окружила его жизнь в Ясной Поляне. Он умирает в пути буквально, на железнодорожной станции. Он не допускает к себе жену – символ этого устоявшегося не только яснополянского, но и в целом русского быта. Это смерть льва, покидающего перед смертью свое логово, уходящего из жизни буквально»². Примечательно, что Ион Друцэ, написавший пьесу об уходе Толстого ранее данной статьи, мыслил в том же ключе, передав этот уход через двойное действие главного героя: сначала как движение мысли, когда его Толстой на протяжении пьесы создает «Балладу о волке», метафорически осмысляя в ней свой последний путь; а потом как физическое действие, когда он ночью покидает яснополянское логово. При этом образ матерого свободолюбивого волка оказался гораздо ближе и русскому писателю, и российским реалиям. Охота на волка соотносится с попытками властей заставить замолчать графа-писателя, своими этико-философскими идеями и критическими выступлениями («Не могу молчать») подрывающего устои их существования, и без того уже подгнившие.

С другой стороны, создаваемая на глазах читателя/зрителя баллада словно визуализируется в нашем воображении, подобно тому, как это происходит в народной балладе «Миорица», где также легко можно представить себе «космическую свадьбу», которую рисует в своем воображении молодой пастух. И не случайно Друцэ определил жанр своей пьесы о Толстом как драматическая баллада – стилистика «Миорицы» здесь очевидна: в обоих случаях речь идет о завещании, связанном с профессиональным занятием героя и понимаемом как акт самопожертвования, в результате которого устанавливается равновесие прожитой жизни с Вечностью; в обоих случаях в художественной форме осмысляется описание смерти. «Баллада о волке» – это постижение конца живого существа, будь то животное или человек, отражение общих законов природы, это наука ощущать свободу бытия до последнего вздоха и уходить достойно из этого мира – все то, что являются нам и герой дружеского произведения, и герой «Миорицы». Так в творчестве писателя выражается философская и поэтическая суть народной баллады, передающая своеобразное мировосприятие и способствующая созданию в его произведениях оригинальной художественной картины мира.

Столь же значительным событием оказалось обращение писателя к эпохе конца XVIII века, отразившей общие эпизоды истории России и Молдавии, связанные с русско-турецкой войной. Работая над романом «Белая церковь», Друцэ сначала представил материал в виде пьесы, первоначально называвшейся «Обретение Бога», которую также ожидала трудная сценическая судьба: принятие к постановке в театре Советской Армии в Москве в конце 1979 года, потом ее запрещение; в 1984 году постановку удалось пробить, но разрешили сыграть всего несколько премьер под названием «Обретение», и спектакль, поставленный режиссером Ионом Унгуряну, закрыли, лишь в 1988 году он вышел уже под другим названием – «Имя странного Потемкина». Эта пьеса объединяет множество персонажей разных национальностей, много мест действия – от маленького молдавского села Околина до Санкт-Петербурга, зачастую представляя события в фантастическом ключе. Проблемы войны переплетаются с проблемами мирной жизни, смешиваясь настолько, что трудно отделить одно от другого: канонада, знаменующая боевые действия, и тут же оружейный салют в честь прекрасной дамы; трагедия стертого с лица земли села Сэлкуца и разгар подготовки грандиозного бала в Ясском дворце, где в центре залы выстроена солдатская землянка; вместе с янычарами против своей родины сражаются сыны молдаван, младенцами взятые от родителей и воспитанные в магометанской вере...

Даже через сопоставление двух Екатериин – стареющей русской императрицы, более государственных дел занятой потребностями тела, меняющей фаворитов, и молодой молдавской сельчанки, приютившей чужих осиротевших детей и живущей заботами о душе своей и своего народа, – автор представляет дуализм бытия человека между полюсами материального и духовного (в категориальном смысле), где соотношение противоположностей придает действию жизненную пульсацию, способствуя созданию полнокровных образов персонажей и отражая величие, динамизм и драматизм эпохи.

В центре произведения два исторических образа выдающихся личностей данной эпохи: старец Нямецкого монастыря Паисий Величковский, религиозный деятель, впоследствии канонизированный православной церковью, и светлейший князь, фельдмаршал Григорий Потемкин, сановник императрицы Екатерины. В сложной конструкции дружеского произведения они также образуют два полюса, вокруг которых закручиваются вроде бы самостоятельные действия, но которые связаны между собой незримыми нитями судеб – людских, исторических. Постигающий Бога в себе старец и кающийся и вновь грешащий, но ищущий того же Бога князь, мечтающий то взойти на трон, то уйти в монастырь. Смерть также настигает его в пути, на бессарабской земле: разочарованно покидая север, Петербург, Потемкин отправля-

ется на юг умирать, обретая, наконец, равновесие своего бытия в мире и с миром.

Не случайно в спектакле театра Советской Армии, завершившемся фразой Пушкина из его «Заметок по русской истории XVIII века»: **«В длинном списке любимцев Екатерины, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории»**, этот многозначный образ (в исполнении актера Владимира Сошальского) стал центральным и достигал чуть ли не библейских масштабов, выстроенный режиссерски как сложный путь поиска и обретения Бога человеком, как балансирование между **«грехопадениями и постоянной готовностью к покаянию»** (эта формула отношения к миру, которую автор в следующей своей исторической пьесе вкладывает в уста Марии Кантемир применительно к характеристике странной страны России, как нельзя более подходит для определения житейских и мировоззренческих колебаний светлейшего князя), устанавливая все то же, названное нами «миоритическим», равновесие между мигом и вечностью бытия.

Для проникновения в художественный мир Друцэ чрезвычайно важно понимание пространственно-временной структуры его произведений, исследование которой обнаруживает сложную систему разных измерений и планов и связанных с ними внутренних состояний персонажей³. Так, в пьесе «Последняя любовь Петра Великого», написанной в 2003 году, где автор обращается к русской истории первой половины XVIII века, действие начинается во дворце Дмитрия Кантемира, только что отстроенном в Санкт-Петербурге, новой столице России. Сразу же можем предположить (ибо у Друцэ ничто не возникает просто так), что значение этого сценического пространства выходит за рамки собственно места действия – княжеского дома, где хозяин (к тому времени давно овдовевший) празднует в кругу многочисленных гостей свою свадьбу с молодой невестой из рода Трубецких. И действительно, принимая во внимание, что сам царь Петр распоряжается на этой свадьбе, место действия приобретает некое символическое значение: в разгар свадебного торжества перед нами возникает образ более глобальный – сама Россия, руководимая властным царем, одержимым идеей покорять страны и государства. И какое бы ни было место действия в дальнейшем (а их много в этой пьесе: от зала заседаний Сената, где в изощренной философской дискуссии решается судьба персидского похода Петра Первого, до соловецкого каземата, куда после смерти царя упрятан начальник его тайной канцелярии Толстой), в подсознании читателя или зрителя этой пьесы продолжает жить идея-образ, возникшая с подачи автора еще в первой картине: все эти места действия создают обобщенный символический образ России с ее на-

сущными проблемами (от престолонаследия до воровства и несоблюдения законов), о которых постоянно говорится, которые пытается решать царь Петр, беспощадно борясь за ее переустройство, и которые по-своему, зачастую преступно, решают его приближенные.

Отнюдь не случайно у Друцэ Россия – «**страна обиженных**», говоря словами его персонажа, уже упомянутого Толстого. И тут требуется весьма существенное для понимания идеи автора уточнение: и тех, кого обидели в других местах, а потом приютила Россия (в том числе и отражение собственной судьбы писателя), но и обиженных в самой России, во имя России и ее интересов, как случилось с тем же Толстым, заключенным под конец жизни в каземат, или с семьей Кантемира, нашедшей приют у русского царя и пережившей и крайности его натуры, и крайности российской политики. И истинное значение этой дружеской пьесы не столько в том, что здесь воссоздан образ Дмитрия Кантемира и эпизоды его биографии, но в том, что на протяжении всего действия создается некий метаобраз, который не входит в состав действующих лиц. Этот метаобраз – Россия как многозначный символический персонаж, подспудное существование которого постоянно ощущается в пьесе: именем России, используя ситуации в свою пользу и вынуждая людей приспособляться (тех, кто принимает такие правила игры), вершатся и судьбы людей во времени и пространстве, и сама история.

Но в произведениях Друцэ всегда есть герой, который не приспосабливается к внешним обстоятельствам, а противопоставляет им свой внутренний мир, богатство души. В этом, по нашему мнению, прежде всего и сказывается то, что мы называем понятием «миоритическое мировосприятие», идущее от философской трактовки баллады «Миорица», обнаруживающей созвучие национальных и общечеловеческих проблем. Таким героем в этой пьесе является Мария, бесстрашная и мудрая дочь Дмитрия Кантемира. Именно созданный автором образ России как многозначный символический метаперсонаж помог ему посредством всего нескольких эпизодов создать сильный женский характер. Именно Мария Кантемир вступает в конфликт с упомянутым метаперсонажем:

Мария: *Они хотели от меня наследника. А я хотела сына. Просто сына. На этом разошлись.*

Бецкой: *Разошлись с кем? С Петром Алексеевичем?*

Мария: *С Россией.*

Но и здесь проявляется особенность драматических произведений Иона Друцэ – этот конфликт не антагонистичен. Автор не обвиняет историю, находясь вонне событий, но старается постичь и передать их, максимально приблизившись к сути, где бы и когда бы ни происхо-

дило все то, о чем говорится. Здесь Ион Друцэ, можно сказать, выступает продолжателем известной пушкинской традиции, подчеркивающей важность для писателя свободного, непредвзятого историко-философского осмысления событий в сочетании с живым воображением. С одной стороны, серьезная кропотливая подготовительная работа, доскональное изучение материалов и документов, а с другой стороны, способность автора схватывать и выражать глубинную сущность эпохи, человеческой личности, что, например, в пьесе о Толстом помогло не только создать образ великого русского писателя, но и передать его творческий процесс через «Балладу о волке», написанную Ионом Друцэ в толстовской стилистике.

И художественный мир пьесы «Последняя любовь Петра Великого», также как и всех остальных, создается им по принципу «миоритической» модели, где духовность главного героя как микрокосм своим проявлением призвана уравновесить макрокосм бытия. Мария Кантемир, демонстрируя силу духа, восстанавливает равновесие мира именно в таком глобальном смысле. Самопожертвование как духовный подвиг – сознательный путь дружеских героев, по сути своей близких герою «Миорицы», осознающих необходимость и потребность силой собственной духовности устанавливать утраченное равновесие мира.

Образ России в другом преломлении мысли автора соотносится с образом Петра Великого, являясь первой и последней его любовью. Любовь трагической и священной, требовавшей жертвоприношений и самопожертвования. Той единственной любовью, которой он приносил в жертву все самое дорогое – и сыновей, и народ, и жизнь свою...

В заключение хочется отметить, что обращение Иона Друцэ к русской истории и культуре, глубинное осмысление исторических событий и создание масштабных художественных образов выдающихся личностей разных эпох обогатило литературу обоих народов – и России, и Молдавии, принеся автору заслуженное признание как в этих странах, так и далеко за их пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. предлагаемую автором данной статьи трактовку баллады «Миорица» как модели мира: Fedorencu V. Balada «Miorița» ca model al lumii // Destin românesc. Chișinău, 2007. № 3-4. С. 154-168.

2. Лихачев Д.С. Слово о Толстом // Литературное обозрение. М., 1978. № 9. С. 6.

3. См. подробный анализ пространственно-временной структуры шести дружеских пьес на рум. яз. в кн.: Druța I. Păsările tinereții noastre. Chișinău, 2007.

Кит ХИТЧИНС

ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОМАНАХ ИОНА ДРУЦЭ

Предисловие переводчика

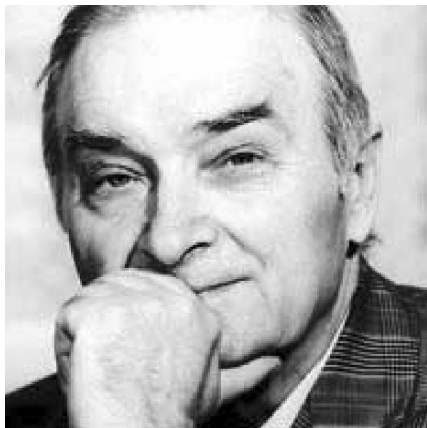
3 сентября у Иона Друцэ, человека, волею судеб ставшему живым мостом, связующим молдавскую и русскую культуры, юбилей - 80 лет. Не найдя понимания и поддержки в родной Молдавии, писатель обрел новый дом в Москве, где его печатали, ставили его пьесы, им изумлялись и восхищались. Мне было вдвойне приятно переводить статью замечательного американского ученого и человека Кита Хитчинса о его творчестве, потому что во время учебы в московской аспирантуре и командировок в Москву я, с трудом доставая билеты, конечно же, принимала участие во всеобщем паломничестве на спектакли по его пьесам в театр Советской Армии или на «Хория» («Запах спелой айвы», «Колокольня») – в Ленком. И когда я говорила москвичам и людям из разных уголков нашей бывшей страны и других стран, что я из Молдавии, мне отвечали: «Я ходил/а на Друцэ», «Я читал/а, смотрел/а "Каса маре", "Святая святых", "Птицы нашей молодости" и другие». Эти слова звучали как пароль, как знак принадлежности к сообществу интеллигентных людей.

В турбулентный период конца 80-х – начала 90-х, когда многие меняли веру и обличья, Ион Друцэ не предал ни родной молдавский, ни свой второй русский дом, не забывая Родину, но в основном продолжая жить и творить в Москве. Устояв перед искушением национализмом, маэстро еще раз подтвердил заслуженность своей репутации универсального художника, понятного и любимого во всем мире.

Я посвящаю этот перевод всем гражданам Республики Молдова, независимо от их этнического происхождения, с надеждой на то, что совместным творческим трудом мы сумеем возродить традиции коллективизма, исконно присущие восточноевропейскому сообществу, – и молдавскому, и русскому, – о которых напоминают нам Ион Друцэ и Кит Хитчинс.

Русский перевод статьи одобрен автором и публикуется с его согласия.

Татьяна Земба, доктор истории

Моя главная цель в этой статье – изучить определение молдаванина, предложенное современным молдавским писателем Ионом Друцэ, то есть постараться понять, какие ответы он дает на ряд вопросов, которые неизбежно приходят на ум при исследовании и обсуждении этнической или национальной идентичности. Какие отличительные качества и черты характеризуют молдаванина? Были ли они неизменными или менялись со временем? Какие ценности, духовные и материальные, объединяли молдавское сообщество? Пребывали ли они в состоянии постоянного изменения, моральной адаптации к быстротекущему времени, или определенные ценности являлись постоянными, можно сказать, заложенными от природы? Чтобы предложить ответы на эти вопросы, я использую четыре романа Друцэ: «Листья грусти» – «Frunze de dor» (1957) – трагическая история любви с постоянным, хотя и отдаленным присутствием Второй мировой войны; «Бремя нашей доброты» – «Povara bunătății noastre» (1970) – повествование о влиянии войны и мира, о волнении, брожении умов и бурном развитии в молдавском селе в первой половине двадцатого века; «Колокольня» – «Clopotnița» (1972) – анализ использования истории и защиты духовных ценностей с позиций школьного учителя; и «Белая церковь» – «Biserica albă» (1982) – размышление об идентичности и вере в Молдавии в контексте русско-турецкой войны 1787-1792 гг.

Я подхожу к теме моего исследования как историк и поэтому задаю те вопросы, которые обычно задают историки, и использую методы, которые они обычно используют. Я читал романы Друцэ как, в известном смысле, документы или оригинальные первоисточники с целью их анализа и сравнения, и затем на базе этого исследования я делал обобщения и выводы. Я также преследовал мои собственные научные интересы, так как происхождение современных наций и формирование национальных идентичностей давно увлекают меня. В этих и других вопросах меня захватывает и даже пленяет континуитет исторического развития народов на протяжении длительных периодов. И я постоянно спрашиваю себя и других: в какой мере прошлое сохраняется в настоящем, и, тем самым, в какой степени мы обязаны прошлому за наш сегодняшний образ жизни и за те ценности, которые

направляют нас? В таком расположении духа и с такими замыслами я обратился к романам Иона Друзэ.

Я знаю, что он не историк, по крайней мере, в строгом смысле этого слова. Он художник, преследующий свои собственные творческие цели и использующий собственные средства их достижения. Как беллетрист он озабочен такими предметами, как тема, сюжет, структура, характер и язык. Я также понимаю, что при написании своих романов он не намеревался создать документы для профессиональных историков, которые исследовали бы их и извлекали из них данные для научных монографий и докладов на конференциях. Но я уверен, что он хотел, чтобы все его читатели задумались над важными для него вопросами, которые он мучительно пытается поставить перед ними в захватывающей форме яркой, живой прозы.

Хотя Ион Друзэ, быть может, и не подходит к истории таким же образом как профессиональный историк, тем не менее, он демонстрирует глубокое понимание того, как история влияет на общество в целом и на отдельных людей в частности. Его страстный интерес к истории заразителен; он - Хория Холбан, сельский учитель в «Колокольне», который чтит историю как хранительницу памяти, морального наставника и проводника. Но метод Друзэ отличается от метода профессионального историка. Он не описывает баталии и другие события непосредственно и детально, но показывает, как войны и высокая политика отражаются на повседневной жизни, внутреннем мире и чувствах его героев. Таков его метод определения общего социального прогресса и личной моральной стойкости каждого отдельного человека.

Ион Друзэ обладает широким знанием молдавской истории, и его размышления о ее значении для молдавского народа глубоки. Поэтому он сумел поместить героев своих романов, крестьян и их сельские общины, в соответствующий исторический контекст. Он придает особый колорит поворотам истории в «Бремени нашей доброты», а в «Белой церкви» его владение материалом и реализм в понимании событий и изображении центральных образов просто превосходны. В обоих романах, и в «Листьях грусти», и в «Колокольне» история выступает как активная сила; на протяжении многих столетий она формирует характеры и усиливает, если не создает, ценности. В конце концов, Друзэ говорит нам, что каждый народ должен знать свою историю; иначе он не будет знать себя и окажется неспособным прокладывать свой путь сквозь изменчивое и нестабильное настоящее к неопределенному и труднодостижимому будущему.

В своих романах Ион Друзэ, возможно, неосознанно участвует в важной и продолжительной научной дискуссии о происхождении и при-

роде современной этнической нации (modern ethnic nation), которая интенсифицировалась с середины прошлого века. Участники этих дебатов, теоретики нации, делятся на три основные категории. Это: примордиалисты, которые утверждают, что нации являются естественными социальными явлениями, живыми организмами, которые существуют с древних времен; модернисты, которые настаивают, что нации являются продуктами капиталистического индустриального общества и, в сущности, создаются элитами; и, наконец, исторические этно-символисты, подчеркивающие континуитет формирования наций между прошлым и настоящим, но также признающие мощное влияние социальных и экономических изменений в возникновении наций. Я склонен относить Иона Друцэ к историческим этно-символистам в силу его уважения к истории и традиции и его веры в глубинные корни национального характера, с одной стороны, а с другой стороны, признания им социальных и экономических сил как мощных «формовщиков» общественной солидарности и индивидуальной психологии.

Среди жителей сельской Молдавии Ион Друцэ явно чувствует себя дома. Он родился в селе Городиште в 1928 г., так что он не только наблюдал молдавское село изнутри, но и участвовал в его жизни, впитывая его атмосферу, традиции и речь, его чувство судьбы и чувство юмора. Многие действующие лица его романов «списаны» с членов его семьи или других односельчан. Их повседневная жизнь и их внутренняя борьба для него особенно привлекательны, и он описывает их в меткой и пронизательной прозе. Первоначально он осваивал и оттачивал свое мастерство в многочисленных новеллах, первый сборник его рассказов «У нас в селе» - «La noi în sat» был опубликован в 1953 году, прежде, чем он приступил к первому роману «Листья грусти». Неудивительно, что среди писателей он больше всего восхищается Буниным, Чеховым, Толстым, Ионом Крянгэ - этим тонким знатоком молдавского села изнутри, занимающим главное место в его творчестве. Что касается вопросов идентичности, то для Друцэ наиболее типичным молдаванином был крестьянин. Он показывает это снова и снова и даже не старается скрыть свое восхищение молдавскими крестьянами. Для него они подлинные творцы истории, поскольку они несут основное бремя общества и объединяют общество из века в век, сохраняя свою веру и ценности и передавая их будущим поколениям. Самым замечательным выражением его веры в эту миссию крестьянина является контраст, проведенный им в «Белой церкви» между российской императрицей Екатериной Великой, ее двором и придворными и крестьянкой «Екатериной малой», ее селом и соседями. Дела и предразсудки российского двора в Санкт-Петербурге, их сплетни и мелочное соперничество так далеки от каждодневной борьбы за выживание

ние, от реальной жизни крестьян в селе Околина. В изображении Друцэ императорский двор и его обитатели – это продукты цивилизации, космополитический мир, утративший свои корни, тогда как крестьяне формируют культуру, сохраняют близость с природой и тем самым остаются верными себе. Итак, центральными персонажами всех четырех романов являются крестьяне. Они и коллективные общности, деревни, в которых они живут, воплощают дух Молдавии в любой момент ее истории.

Друцэ избегает идеализации своих крестьян или трактовки села как не изменяющейся модели сообщества, как это обычно делали многие популистские писатели в Румынии и других странах в конце девятнадцатого - начале двадцатого века. Он не утверждает, что крестьянское общество должно оставаться неизменным. Он также не рассматривает изменения, приходящие извне, как угрозу этому сообществу и поэтому как что-то, чему следует сопротивляться любой ценой. Например, в «Листьях грусти» и «Белой церкви» он показывает, что крестьяне отнюдь не живут изолированной жизнью в патриархальных селах, и с необычайным артистизмом изображает, как отдаленные события влияют на отдельные умы и коллективное сознание.

Несмотря на непрерывные изменения, Друцэ показывает нам как новое встречает в селе смешанное отношение. Один из героев романа «Бремя нашей доброты» Мирча Морариу в конце Второй мировой войны сравнительно легко интегрировался в новый социалистический порядок. Приобретенный на войне опыт научил его по-иному думать о земле, о которой он всегда мечтал, и, возвратившись в родное село, он стал председателем колхоза. Но Друцэ наводит на мысль о том, что трансформация Морариу произошла слишком быстро, поскольку он еще не полностью воспринял моральные ценности новой эры. Другие односельчане сопротивлялись современным нововведениям. Его тесть в межвоенный период был видной фигурой в селе, и для Друцэ он является более типичным крестьянином. Он был глубоко предан земле, сельским традициям и ритуалам, но его жизненный опыт, опыт войны и тяготы межвоенных лет привели его к кризису, который он, в конце концов, разрешил поисками баланса между старым и новым. Нечто подобное происходило и с одним из героев романа «Листья грусти» Георге Дойнару, который хотел следовать по стопам отца и деда, но сама природа жизни и истории непрерывно расстраивала его и его планы. В конечном счете, он доверился своему нравственному чувству, что спасло его от мук морального выбора и направило к новой жизни. Тем самым Друцэ говорит нам, что изменения отнюдь не являются чем-то экстраординарным в крестьянском сообществе. Крестьяне могли освобождаться от вековых обычаев, даже от своей любви к

земле. Они могли приобретать новые профессии и становиться интеллектуалами, как сделал это Хория Холбан, учитель истории в «Колокольне». «Бремя нашей доброты» может быть прочтено как рассказ о всесторонней трансформации села, политической, экономической и моральной, в первой половине двадцатого века, когда семьи героев романа и их соседей переживали войны, коллективизацию и неопределенности будущего. Друцэ добросовестно и скрупулезно помещает события и людей в историческую перспективу. Он не рассматривает изменения в молдавском селе как представляющие резкий разрыв между прошлым и настоящим. Он охотно признает, что с коллективизацией сельского хозяйства экономическая и социальная жизнь изменилась, но в «Бремени нашей доброты» предлагает мысль о том, что корни коллективизации могут быть обнаружены в традиционном сельском образе жизни, или, другими словами, что коллективизация сельского хозяйства сочеталась с вековым коллективным духом села. В результате возможность существования такого смешения старого и нового представляется ему естественной. Но он идет далее в исследовании процесса и задается вопросом о том, каков именно механизм, обеспечивающий непрерывность, постоянство и стабильность жизни в селе, невзирая на искусственно созданные человеком и естественные бедствия, и даже бремя истории. Ответ, как он обнаруживает, заключается в духовных ценностях сообщества, в ценностях, которые определяют характер, дающий крестьянам способность сохранять свою идентичность и в то же время адаптироваться к новым обстоятельствам и, в конце концов, вновь достигать социального мира и согласия. Эти духовные основы крестьянского сообщества, убеждает Друцэ, исподволь проходят через опыт многих поколений, даже веков. Существует искушение видеть перемены как происходящие лишь во внешних, материальных формах жизни, в экономических структурах и социальной организации. Но Друцэ вновь и вновь показывает, как внутренняя жизнь крестьян и то, что и как они думают о действительности, прошлой и настоящей, медленно видоизменяется в ответ на перемены в их окружении – процесс, отразившийся в личных кризисах его героев.

В первых трех романах Друцэ анализирует различные черты молдавского характера, определяющие крестьянина, а для него, следовательно, и молдаванина - любовь к земле, творческий труд, верность традициям, непокорность перед лицом перемен и поиск баланса между конкурирующими силами. Вместе с ними он борется с природой и воздействием изменений, которые являются постоянными спутниками его крестьян. И он упорно старается устоять во всех этих усилиях, делая это с превосходным артистизмом и тонким пониманием крестьян-

янской психологии. Да, я не могу избавиться от ощущения, что он не полностью удовлетворен результатами своего исследования, что он все еще должен прояснить для себя, что же именно сохранило молдавское крестьянское сообщество как совместный коллектив.

Я думаю, что длительный поиск Ионом Друзэ определяющей особенности молдавского крестьянина находит осуществление в его четвертом романе «Белая церковь», опубликованном в 1982 г. Он находит ее в религиозной вере крестьян, в их христианстве. В целом роман читается как эссе о крестьянской духовности и месте религии в жизни сельских молдаван. Можно сказать, что теологом Друзэ, человеком, который представляет их идеи и верования, является Паисий Величковский, монах, известный в христианском мире своим благочестием и богоугодными делами, который, будучи духовным лидером монастыря Нямц с 1779 до самой своей смерти в 1794 году, оказывал огромное моральное влияние в Молдавии. Он толковал доктрины восточного христианства как глубоко противоречащие материализму земного мира и вместо этого обращенные к вечным духовным ценностям мира иного. Екатерина из Окоliny показывает, как его учение может применяться в повседневной жизни. Твердость ее веры является комбинацией простых христианских представлений, смешанных с попытками крестьянки объяснить тайны бытия доступными ей средствами, включая мифы. Ее решимость восстановить сельскую церковь, разрушенную во время войны, и ее настойчивое желание, чтобы церковь была белой, как прежде, воплощает непоколебимую веру этой молдавской женщины.

Сама белая церковь символизирует святые ценности, которые направляют эту молдавскую деревню и молдаван в их опасном путешествии во времени. В конечном счете, Друзэ говорит нам, что основа сообщества лежит в народе, который сохраняет свою духовность цельной и чистой, пронся ее через века. Именно это глубокое чувство идентичности, это знание себя, настаивает он, формирует сущность нации и дает силы крестьянину, а значит, и молдаванину, выдерживать испытание временем и продолжать жить.

Татьяна ЦАРАН

СУДЬБЫ СВЯЩЕННИКОВ И ЦЕРКОВНЫХ АКТИВИСТОВ В МОЛДАВСКОЙ АССР

18 января 1919 г. Временным Рабоче-крестьянским правительством Украины был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Это означало переход к политике маргинализации церкви как общественного института. Но шла гражданская война, и к началу 20-х гг. на территории современных Каменского, Рыбницкого, Дубоссарского, Григориопольского, Слободзейского районов и г. Тирасполя действовало не менее 124 православных церквей. Ситуация начинает меняться после установления Советской власти. В 1921 г. в структуре Народного комиссариата юстиции УССР были учреждены специальные отделы, которым вменялось в обязанности заняться на местах реализацией декрета. В сентябре 1922 г. постановлением Всеукраинского Центрального исполнительного комитета «О передаче Отдела по отделению церкви от государства и его местных органов из Наркомюста в Наркомвнудел» все полномочия «по осуществлению Декрета по отделению церкви от государства» передавались в Народному комиссариату внутренних дел¹. После образования в октябре 1924 г. Молдавской автономии исполнение Декрета было возложено на НКВД МАССР.

Задачей церковной политики Советской власти являлось преодоление религиозности населения. Среди советских и партийных функционеров, проводивших борьбу на «религиозном фронте», господствовало убеждение, что для уничтожения церкви и веры в Бога достаточно будет закрыть все храмы, церкви, молитвенные дома и запретить духовенству служение. Антирелигиозной пропагандой власти не ограничивались. Борьба с религиозностью изначально вылилась в гонения против священнослужителей и верующих, закрытие церквей и упразднение священно- и церковнослужителей как социального слоя. В левобережном Поднестровье положение верующих и духовенства ухудшается после 1922 г. В ходе обязательной регистрации религиозных общин не все они регистрировались властями. Были случаи, когда общины, в которых выявлялись политически неблагонадежные лица, не получали регистрацию и, соответственно, право функционировать на законных основаниях².

Церковных активистов, особенно членов руководства православных общин и приходских советов, местные власти ограничивали в гражданских правах. Вопреки закону их лишали избирательных прав, увольняли с работы, исключали из профсоюзных организаций, т.н. «комитетов незаможных селян» (КНС), облагали повышенным земельным налогом. Перед выборами в местные Советы избирательные комиссии отслеживали кандидатов – членов «пятидесяток» и правлений церковных общин и включали их в «черные списки»; вышедшие из состава правления могли быть «восстановлены в правах» при условии, что они докажут «лояльное отношение к Советской власти». Если представители церковного актива все же оказывались избранными в местные Советы, предписывалось им «не доверять видных заданий и осторожно проводить принцип их постепенной замены»³.

Несмотря на административный нажим и атеистическую пропаганду, к моменту создания Молдавской АССР (октябрь 1924 г.) массового «отхода» населения от церкви и православной веры не произошло. Значительная часть верующих, особенно в селах, по-прежнему посещала богослужения, участвовала в совершении обрядов и таинств. Среди них, признавали в своих отчетах представители местных органов власти, были не только кулаки, как принято было утверждать в антирелигиозной пропаганде тех лет, но и середняки и бедняки. На заседании центральной антирелигиозной комиссии при Молдавском областном комитете РКП(б) 26 февраля 1925 г. было признано, что «наблюдается сильная тяга крестьян в религиозные общины» и «массовые вступления членов КНС в религиозные общины». Была проведена кампания исключений представителей церковного актива и вообще верующих из КНС. Но чистка приняла такой масштаб, что ослабила эти структуры. 9 марта 1925 г. Бюро Молдавского обкома партии постановило «считать ненормальным наличие большого числа исключений их КНС ... и не допускать массовые чистки (за религиозные убеждения...)»⁴. Незаможников или комсомольцев, состоящих в религиозных общинах, «прорабатывали» на собраниях КНС и в комсомольских организациях, с ними «беседовали» представители органов власти, «убеждая» отказаться от «религиозных предрассудков»⁵.

Дабы ограничить влияние священнослужителей на население, духовенству было запрещено осуществлять «бракоразводные и иные функции» (церковные обряды) без предварительной регистрации в ЗАГСе актов гражданского состояния. Местные власти брали со священников «подписки о прекращении» исполнения этих функций. Нарушивших постановление привлекали к судебной ответственности (ст. 123 УК УССР)⁶. Запрещено было и преподавание религиозных вероучений в учебных заведениях. Обучать религии допускалось «в част-

ном порядке». Впоследствии священникам и вовсе было запрещено организовывать группы для изучения религии. 5 июня 1925 г. Центральный исполнительный комитет МАССР утвердил Постановление «О порядке ведения частных занятий с детьми» с такой формулировкой⁷.

Формой устрашения священно- и церковнослужителей стала их обязательная регистрация в органах НКВД. Целью властей было «получение полной характеристики каждого служителя культа, его прошлого, политической и церковной ориентировки», осуществление «постоянного, непрерывного надзора в области переездов служителей культа, препятствуя их скоплению и агитационной деятельности» - регистрация⁸. В апреле 1925 г. НКВД МАССР издал постановление об учете служителей культов. К июню на учет были взяты 35 протоиереев, 213 священников и пятеро священнослужителей, прибывших из разных местностей, 44 дьякона, а также двое ксендзов, 15 раввинов и пять чтецов Торы, 11 сектантских проповедников. Двое священнослужителей были осуждены «за нарушение правил взятия на учет» и «присвоение функций общины»⁹. В 1924 г. в Балтском, Рыбницком и Крутянском районах имели место случаи выселения священников из занимаемых помещений в административном порядке, без решения суда. В Рыбнице в доме, отобранном у священника, разместили пограничный пост¹⁰. Уже в 20-х гг. начинаются аресты священнослужителей за нарушения предписаний органов власти, касающихся запретов проводить религиозные обряды без предварительной регистрации ЗАГСом, правил разъездов, регистрации и учета духовенства. Были случаи ареста священников за фальсификацию «чудес».

Работа по изучению судеб священников, диаконов, псаломщиков, служивших в приходах сел и городов МАССР, организованная Тираспольско-Дубоссарской епархией Молдавской митрополии, уже дала некоторые результаты. Имена ряда священников, церковнослужителей и прихожан возвращены из небытия. Назовем некоторые из них.

Тихонов Дмитрий Яковлевич. С августа 1913 по май 1914 г. служил псаломщиком Архангело-Михайловской церкви с. Парканы, с мая по ноябрь 1914 г. – диаконом в той же церкви, с ноября 1914 г. до ареста 18 мая 1929 г. – священником. Был арестован по политическим мотивам (за «контрреволюционную» деятельность); 3 ноября 1929 г. Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ осужден к 3 годам лишения свободы. 9 августа 1932 г. из мест заключения был освобожден и переведен на спецпоселение в Северный край на 3 года.

Гончаров Леонид Федорович. В 1917-1926 гг. – священник в местечке Дубоссары, с 1926 г. – в селе Делакеу. 18 марта 1931 г. был арестован «за контрреволюционную агитацию, направленную к срыву мероприятий Советской власти на селе». Особым Совещанием при

Коллегии ГПУ УССР 17 июля 1931 г. приговорен к 3 годам лишения свободы. Освобожден досрочно 1 сентября 1933 г., после чего направлен на спецпоселение в г. Архангельск сроком на 3 года.

28 марта 1932 г. Одесским областным отделом Государственного политического управления УССР был арестован **Мельников Владимир Исидорович**, в 1914-1930 гг. служивший псаломщиком Покровской церкви села Коротное. Ему предъявили обвинение в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 54-10 УК УССР). 22 мая 1932 г. Особым Совещением при коллегии ГПУ УССР приговорен к высылке из пограничной полосы сроком на 3 года.

Лавров Дмитрий Алексеевич. В 1932 - 1934 гг. – священник Никольского собора в Тирасполе. Арестован 21 декабря 1934 г. Долго находился под следствием. 21 сентября 1935 г. Особым Совещанием НКВД СССР осужден на 5 лет лишения свободы.

Колесниченко Сергей Федорович. Уроженец и житель Григориополя. Служил регентом, псаломщиком. Одновременно работал счетоводом на ферме, а затем бухгалтером местного колхоза. В феврале 1935 г. арестован за то, что силой вывел из помещения бухгалтерии не в меру расшумевшуюся комсомолку – заведующую фермой. Явно желая запугать верующих, власти устроили над бывшим дячком публичное судилище, создав весь колхоз. Осудили на 5 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Тирасполе. В тюрьме стеклил окна и выполнял другие работы. После 3-х месяцев заключения досрочно освобожден. Устроился бухгалтером на нефтебазе. В колхозе же был допущен только руководить самодеятельностью. Организовал и возглавил колхозный хор и духовой оркестр¹¹.

С конца 20-х гг. административное давление на церковь, духовенство и верующих усиливается. 8 апреля 1929 г. было принято новое постановление «О религиозных объединениях», подтверждавшее порядок организации и регистрации религиозных общин, получения ими в бесплатное пользование зданий церквей или молитвенных домов и культового имущества. Новая редакция законодательства о религиозных объединениях ужесточала условия функционирования религиозных общин. Общие собрания прихожан могли проводиться только с разрешения органов власти, которым было предоставлено право контролировать состав руководящих органов религиозных общин. Запрещалась благотворительная, просветительная, миссионерско-проповедническая деятельность церкви. Религиозным общинам было запрещено создавать кассы взаимопомощи и оказывать материальную поддержку своим членам. Церкви, как не имеющей прав юридического лица, запрещено было покупать или арендовать культовое имущество, заключать любые договоры и сделки. Приобретать какое-либо имущество как юри-

дические лица могли прихожане, но в таком случае их действия расценивались как частные коммерческие сделки и соответственно облагались налогом как частные предприятия. Фактически деятельность духовенства и верующих ограничивалась пределами здания церкви и молитвенного дома. По оценке российского историка М.И. Одинцова, «религиозные общества превращались в «резервации» для исповедующих те или иные религиозные убеждения граждан»¹².

Начался новый этап гонений на церковь. Уже в 1929 г. власти МАССР активизируют «работу» по закрытию церквей. До 1931 г. в автономии были закрыты 26 храмов и молитвенных домов, в 1932 г. – 6, в 1933 г. – 10, в 1934 г. – 20, в 1935 г. – 134, в 1936 г. – 70. Пик закрытий приходится, таким образом, на 1935 г.¹³. Из 293 молитвенных зданий, имевшихся на территории МАССР до революции, с 1920 г. по апрель 1936 г. было закрыто 223. Всего в 14 районах МАССР к этому времени использовались по назначению только 40 молитвенных зданий¹⁴. По данным НКВД МАССР, из 248 священников, имевшихся в автономии летом 1925 г., к апрелю 1936 г. в этих районах осталось всего 18¹⁵. Общее число «служителей культа» составляло 73 чел.

В конце 30-х гг. в МАССР, как и в СССР в целом, были проведены массовые аресты по политическим обвинениям. В отличие от арестов 20-х – первой половины 30-х гг., которые, как правило, заканчивались приговорами к заключению в исправительно-трудовые лагеря, теперь суды часто выносили смертные приговоры. Выносили такие приговоры и священникам.

15 марта 1938 г. Рыбницким районным отделом НКВД как член антисоветской организации церковников был арестован священник Иоанно-Богословской церкви села Попенки Балтского уезда **Алексей Филиппович Давидович**. Был допрошен один раз. 23 апреля 1938 г. Особой тройкой НКВД МАССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Тирасполе 25 апреля 1938 г.

Уроженец села Слободзея священник **Дмитрий Илларионович Игнатъев** к концу 30-х гг. не имел определенного места жительства. 10 сентября 1937 г. был арестован Управлением НКВД по Одесской области по обвинению в контрреволюционной деятельности. 29 декабря 1937 г. тройкой при УНКВД по Одесской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 января 1938 г.

Семен Терентьевич Иванов, уроженец села Дороцкое, являлся председателем церковной общины. В 1930 г., во время коллективизации, был арестован по обвинению в антиколхозной агитации и осужден на ссылку в Нарымский край, в поселок Знаменка Кривошеинского района Томской области. Находясь в ссылке, работал плотником-кустарем. В 1930 по 1937 гг. был также председателем церковной общи-

ны. В 1937 г. арестован вторично как «активный церковник». Осужден к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 8 декабря 1937 г. в Томске. В 1959 г. С.Т. Иванов посмертно реабилитирован; при пересмотре дела в связи с реабилитацией многие «свидетели обвинения», якобы дававшие показания в 1937 г., заявили, что на допросы их вообще не вызывали, или что они «ничего подобного не говорили и обо всех осужденных говорили только хорошее».

Костогрыз Стефан Григорьевич. Служил священником в селе Слободзея. 28 августа 1935 г. арестован по обвинению в том, что «...проживая около румынской границы, пытался перейти последнюю и одновременно проводил к/р (контрреволюционную -Т.Ц.) агитацию». 7 декабря 1935 г. специальной коллегией Одесского областного суда приговорен к семилетнему заключению в исправительно-трудовых лагерях. Однако вначале наказание отбывал в Одесской тюрьме, откуда 10 февраля 1936 г. был переведен в Карлаг НКВД (Карагандинская область, Казахстан). 5 сентября 1937 г., находясь в лагере, был вновь арестован и 20 сентября 1937 г. судим «тройкой» при УНКВД по Карагандинской области по обвинению в «систематической агитации среди заключенных, восхвалении царского строя». По статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) приговорен к расстрелу. 26 сентября 1937 г. приговор был приведен в исполнение¹⁶.

Обвинения священников в проведении «контрреволюционной» работы, вероятно, не всегда были безосновательными. Многие действия Советской власти осуждали самые широкие круги населения, и священнослужители не были исключением. И все же репрессии против священнослужителей носили целенаправленный характер. Они вынудили подавляющее большинство священников покинуть свои приходы и спасаться бегством в другие области, чаще на Украину, переходить к иным занятиям, скрывая свою былую принадлежность к духовенству. К концу 30-х гг. антицерковная политика практически привела в Молдавской АССР к исчезновению священнослужителей как социальной группы. Но, как показало время, гонения на церковь не обеспечили уменьшения религиозности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный Государственный архив высших органов власти Украины (Далее – ЦГАВОВУ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1218. Л. 198; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1085. Л. 2.
2. ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1085. Л. 108.
3. Государственный архив Одесской области (Далее – ГАОО). Ф. Р-1915. Оп. 1. Д. 38. Л. 85.
4. ГАОО. Оп. 2. Д. 196. Л. 135.

5. Там же. Ф. Р-966. Оп. 6. Д. 20. Л. 97 об.
6. Центральный Государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2144. Л. 79; ЦГАВОВУ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1217. Л. 203-204.
7. ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 197. Л. 23-32.
8. ГАОО. Ф. Р-1915. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
9. ЦГАВОВУ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.
10. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2050. Л. 172.
11. Текущий архив Тираспольско-Дубоссарской епархии.
12. Государство и церковь. История взаимоотношений. 1917-1938 гг. М., Знание, 1991. С. 37.
13. Архив общественно-политических организаций РМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 3759. Л. 40.
14. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 2 1. Л. 3.
15. Текущий архив Тираспольско-Дубоссарской епархии.
16. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 21. Л. 3.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и "мазепинцы"»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>

e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

ПРОБА ПЕРА

От редакции: Мы открываем в журнале новую рубрику «Проба пера», в которой будем размещать первые публикации молодых исследователей. В этом номере мы помещаем сообщения студентов Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь), прозвучавшие на международной научно-практической конференции «Молдавия - Россия - славянский мир: выдающиеся деятели».

Екатерина ТИТОВА

«... А УЛИЧИ И ТИВЕРЦЫ СЕДЯХУ ПО ДНЕСТРУ...»

Этнический состав населения Карпато-Днестровских земель в VI-XIII вв.

Наверное, нельзя прожить жизнь и не задуматься о том, кто жил на этой земле раньше – сто, триста, тысячу лет назад. О том, что в первом тысячелетии до нашей эры в Карпато-Днестровских землях жили скифы, напоминают могилы их царей и других знатных людей – курганы. В Белгороде-Днестровском идут раскопки древней Тиры. В 375 г. нашей эры близ Днестра состоялась битва готов и гуннов. Но какие народы и племена обитали здесь после готов и гуннов – до возникновения в 1359 г. Молдавского государства? Прежде в учебниках по истории Молдавии признавалось, что в VI-XIII вв. Карпато-Днестровские земли населяли славяне. Но с 90-х г. XX в., отметил в 2005 г. кишиневский публицист Евгений Ткачук, «тема поднестровского славянства стала своеобразной «персоной нон грата» в истории страны. Монопольное право на торжество получила так называемая концепция восточнороманского континуитета. Суть ее проста, как выведенное яйцо: нынешний титульный этнос обитал в Пруто-Днестровском междуречье всегда...»¹. Так ли это?

Анты, тиверцы, уличи

На картах археологов от современной Чехии через юг Польши и запад Украины тянется до Молдавии широкая дуга. Это территория

Пражско-Корчакской культуры II–V в., зона первичного славянского этногенеза. О славянах на Нижнем Дунае сообщают и письменные источники. Один из первых документов такого рода – римская дорожная карта III–IV в. – Певтингерovy таблицы. О предках славян, венедах, упоминал в VI в. историк готы Иордан. А автор книги «Война с готами» византиец Прокопий Кесарийский сообщал о живших в нашем регионе славянских племенах – склавиных и антах. Они говорили на одном языке, у них были одинаковые виды поселений, характер ведения хозяйства, религиозные верования, типы одежды, образ жизни, нравы, формы управления, способы ведения войны. Склавины и анты, отмечал Прокопий, издревле живут в народовластии, и поэтому счастье и несчастье в жизни считается у них делом общим. Вся жизнь и законы у обоих племен одинаковы. Они вместе вторгались за Дунай. «Анты и склавины, – отметил далее писатель, – творили ромеям ужасное дело», но в 540 г. византийцы спровоцировали столкновение между ними².

К IX в. племенной союз антов распался. В этот период по Днестру до Дуная проживало племя тиверцев. Оно было многочисленно, а города тиверцев стояли и в XII в., когда монах Нестор составлял первую русскую летопись – «Повесть временных лет». В ней сказано: «... а уличи и тиверцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеву. Бе множество их: седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне...». О размещении на этой же территории тиверцев говорит и анонимный баварский географ. В летописи они названы «толковины». Исследователи долго трактовали это слово как «переводчики». Но в 2005 г. историк Сергей Суляк обосновал другой перевод: «пастухи». Толока – пастбище, выгон для скота³.

Проходили через Карпато-Днестровские земли кочевники. В 678–680 гг. близ Дуная стояли тюрки-болгары хана Аспаруха. Затем более сотни лет эти земли находились в составе Первого Болгарского царства. Но в 882 г. новгородский воевода Олег взял Киев и основал объединенное Русское государство. По землям тиверцев и по Русскому морю пролегал торговый и военный путь «из варяг в греки», поэтому киевские князья попытались подчинить тиверцев. В «Повести временных лет» рассказывается, что князь Олег в 885 г. «... с уличи и тиверцы имяше рать». Но тиверцам и уличам удалось отстоять независимость. Возможно, в этом им помогли венгры. В 896 г. венгерские племена под предводительством Арпада прошли по Карпато-Днестровским землям на запад. В походе Олега на Константинополь в 907 г. тиверцы участвовали как его союзники, а не данники.

Уличи, в то время проживавшие в Поднепровье, летописцем не упомянуты, видимо, потому, что в походе не участвовали. То есть оставались независимыми от Киева. В отличие от большинства русских пле-

мен, они так и не подчинились Олегу. Его преемник, киевский князь Игорь, сообщил Нестор, около 940 г. «... с уличи и древляне имяше рать». Воевода Игоря Свенельд после двухлетней осады взял их главный город Пересечен, но уличи, чтобы не платить Киеву дань, переселились на территорию между Бугом и Днестром. Далее Нестор сообщил: «И бяше седяше уличи по Днестру вниз, и по семь перейдоша межью Буг и Днестр, и седоша тамо»⁴. Но вскоре уличи все же вошли в состав Древнерусского государства. Во время похода Игоря на Царьград в 944 г. летопись упоминает их уже в составе войска киевского князя. Видимо, после уличей вошли в состав Древнерусского государства и тиверцы⁵. В дальнейшем имена тиверцев и уличей из летописей исчезают. Как и прочих жителей Руси, русские летописцы стали называть их русинами, с ударением на первом слоге, «руськими людьми».

В IX-XI вв. в Придунавье кочевали печенеги. В 1054 г. в эти земли вторглись половцы. Отношения с русскими у них бывали разными, но в низовьях Дуная и на севере региона русское население сохранилось. Более того, ссылаясь на сведения древних арабских авторов, утверждает кишиневский историк Роман Рабинович, в конце XI-XII в. на южной кромке Карпато-Днестровских земель и в причерноморской береговой полосе между устьями Днестра и Дуная также проживало оседлое русское население⁶. В 1116 г. великий князь Руси Владимир Мономах, читаем в летописи, направил сюда своего воеводу Ивана Войтишича, который «...посажа посадники по Дунаю»⁷. Однако в 1132 г., после смерти князя Мстислава Великого, Русь распалась на княжества, и контроль Киева над Карпато-Днестровскими землями был потерян. Здесь возникла региональная государственность.

Берладь и берладники

Большинство русских ученых видят в берладниках русских людей и предшественников казачества. Румынские исследователи подозревают берладников в принадлежности к восточнороманскому этносу и возражают против отождествления Берлады русских летописей с молдавским городом Бырладом⁸. Кто прав? Ответ можно отыскать в письменных источниках и данных археологии.

Берладь, «пиратская республика», действительно напоминает Запорожскую Сечь. В русских летописях берладники упомянуты два раза. Один раз упоминается Берладь. Но много раз упомянут Иван Ростиславович Берладник, бывший князь Звенигородский, претендент на Галицкое княжение. Согласно грамоте 1134 г., он – уже князь Берладский. В грамоте упомянуты города Берладь, Малый Галич, Текуч. Через десять лет, предприняв вторжение в Галицкую землю, Иван Берладник терпит поражение под стенами Галича и бежит на Дунай. У князя имелся выбор. Его верным союзником был великий князь киевский Изяслав Давыдович. Но в Берлади князь Иван мог найти не только

укрытие, но и военные силы для продолжения борьбы за галицкий «стол». Значит, на Дунае имелся военный контингент, который смог бы выступить в его защиту. И берладники его поддержали. Но такой «центр силы» не мог существовать без наличия достаточно многочисленного населения. В помощь князю Ивану берладники выставили 6-тысячное войско⁹. Даже если исходить из того, что воевать пошли все мужчины, способные носить оружие, то численность населения Берлады была, по крайней мере, в десять раз больше и составляла 60 тыс. чел.

В действительности, как можно предположить, население княжества было более многочисленным. Берладская земля включала не только будущую Добруджу и левобережное Подунавье, где находились города Берладь, Дичин, Текуч и Новый Галич, но и всю территорию между Карпатами и Днестром. Город Берладь, полагают ученые, находился не в районе нынешнего Бырлада, а на правом берегу Дуная, в местности Ески-Бырлат. Названы летописцами и другие города княжества – Белгород, Дерстр. Формально княжество подчинялось византийским императорам¹⁰, поэтому великий князь киевский не считал Берладь частью Руси. Но княжество располагало достаточным населением и военной силой для того, чтобы предпринять в 1159 г. вторжение в пределы Галицкой земли и захватить пограничный город Ушицу.

О военной силе Берлады можно судить также по тому факту, что она не зависела от половцев. При осаде пограничного галицкого города Кучелмина, жители которого ему сочувствовали и перебежали через городские стены в его лагерь, Иван Берладник не побоялся отказать кочевникам в их желании «взять город», то есть разграбить его. Конечно, разгром русского города лишил бы князя союзников в Галицкой земле. Но можно ли отказать Ивану и, главное, берладскому войску также в благородных родовых мотивах? Князь не мог не понимать, что в одиночку Берладь противостоять Галичу не могла. И действительно, уход половцев ослабил силы берладников перед лицом наступающего галицкого войска, и им пришлось прекратить поход¹¹. Но берладники были «люди русские», и Иван – конечно, с учетом мнения своего войска, а может быть, и под его давлением – принял трудное решение.

Несмотря на конфликт под Кучелмином, Иван Берладник сохранил добрые отношения с половцами и находил у них укрытие. Он служил у Юрия Долгорукого и других русских князей. Но его соперником оказался могучий галицкий князь Ярослав Осмомысл (1153-1187 гг.). Это о его железных полках, подпирающих горы Угорские, сказано в «Слове о полку Игореве». Требуя выдачи Ивана Берладника, он даже объявил войну киевскому князю Изяславу и нанес поражение его войску.

Иван был вынужден уехать в Византию и в 1162 г. умер в одном из Афонских монастырей. Согласно одной из версий историков, он был отравлен. Ярослав оказался не только хорошим полководцем, но и «долгоруким» правителем.

Берладь была необычным княжеством, она напоминает Запорожскую Сечь или Донское, Терское или Яицкое казачьи войска в первые десятилетия их существования. Берладники оказались способны организовать военный набег и в отсутствие в князя. Вскоре после отъезда Ивана Ростиславича в Киев они захватили и разграбили Олешье, киевский таможенный пункт в устье Днепра. Войско киевского князя настигло берладников уже на Дунае, у города Дичин, и отобрало добычу. Но решающий удар по Берладской государственности нанес Ярослав Осмомысл. Именно галицкий князь, узнаем из «Слова о полку Игореве», «затворил врата Дуная», то есть включил Берладь в состав своего княжества. В конце XII в. земли между Карпатами и Днестром стали называться Галицким Понизьем.

Бродники и галицкие выгонцы

В начале XIII в. в Галиче обострился конфликт между боярами и княжеской властью. Пользуясь внутренним раздором, Галицко-Волыньское княжество фактически поделили между собой короли Польши и Венгрии¹². Население Понизья – бродники и галицкие выгонцы – им не подчинилось. О дунайских бродниках в исторической науке бытует представление как о вольнице, полукочевом воинственном населении, еще одном прообразе казачества.

Бродники жили и в других областях на границах Дикого поля. Донские бродники селились на русском пограничье со степью, так же, как и так называемые дикие половцы. По мнению московского историка С.А.Плетневой, дикие половцы были изгоями половецких кочевий, а бродники - изгоями русских земель¹³. Впервые русские летописи сообщают о бродниках в 1146 или 1147 г. как о союзниках черниговского князя Святослава Олеговича в его борьбе с киевским князем Изяславом Мстиславичем. В 1216 г. бродники участвуют в междоусобной битве русских князей при Липице, а в 1223 г. – в сражении русских с татарами на Калке. Воевали бродники и на стороне половецких ханов. Известие об участии донских бродников в битве на Калке указывает на их христианство. По крайней мере, перед сражением их воевода Плоскыня, клянясь в верности, целовал крест князю Мстиславу Романовичу¹⁴. Бродники пережили даже монголо-татарское нашествие. Другой известный ученый, Г.В. Вернадский, указывает, что в районах Нижнего Днестра и Нижнего Дуная и в конце XIII в. было много русских, в том числе бродников¹⁵.

Галицкие выгонцы – единственная из всех названных этническая группа, которая не вызвала у исследователей особых споров ни по по-

воду ее археологической и этнической идентификации, ни по поводу локализации. Вот что сообщает о них Ипатьевская летопись в рассказе о сборе русских войск перед битвой на Калке в 1223 г.: «...А выгонцы Галичкыя приидоша по Днестроу и воидоша в море. Бе бо людей тысяща. И воидоша во Днепръ. И возведоша пороги и сташа оу реки Хорьгице. На бродоу оу Протолчи. Бе бо с ними Домамеричь Юрьгии и Держикрай. Володиславичъ пришедши же вести во станы»¹⁶. Об этом эпизоде сообщают также Воскресенская и Тверская летописи, Московский летописный свод конца XV в. и другие источники. Все исследователи полагают, что выгонцы жили в Галицком Понизье, на землях по Днестру на юг от Галицкого княжества, с долинами рек Прут и Сирет.

В числе выгонцев были знатные боярские роды Домажиричей и Кормиличей, а также другие боярские роды, видимо, изгнанные из Галицкой земли при осуществлении мер княжеской власти, направленных на ограничение боярского влияния. В 1227 г. в Понизье, в город Торческ, по политическим причинам перебрался и сам галицкий князь Мстислав Удалой¹⁷. Вместе с тем основную массу выгонцев составляли простолюдины. Вначале это, видимо, были люди, которые поддерживали Ивана Берладника в его походах на Галич. Можно предположить, что они вступали в политические союзы, дабы вернуть свое положение на родине¹⁸ – отсюда и их готовность участвовать в войне. На тысяче лодий, способных ходить по морю, можно было, наверное, вывезти и 20-тысячное войско, но из всех известных историкам данных о соотношении сил в битве при Калке можно заключить, что галицких выгонцев было гораздо меньше. В конце XII – первой половине XIII в. население Карпато-Днестровских земель было более редким, чем во времена Ивана Ростиславича.

А галицкие выгонцы, возможно, были не политическими изгнанниками, а пастухами. Ведь выгон, как уже отмечено в случае с тиверцами, – это место для выпаса скота близ деревни. Выгонцы галицкие, отметил на научной конференции в 2005 г. журналист Евгений Ткачук, были жители Галицкого княжества, выпасавшие скот на выгоне¹⁹.

Упоминание о понизовском городе Торческе, точное расположение которого остается неизвестным, дает основания полагать, что часть населения Галицкого Понизья в это время составляли кочевники-торки. Если город находился восточнее Днестра, следует пересмотреть имеющиеся представления о пределах Понизовской земли.

Карпато-Днестровские земли с первых веков новой эры входили в зону первичного славянского этногенеза. Славянское присутствие в регионе в VI-XIII вв. было непрерывным. Тиверцы и уличи были русскими племенами, с X в. вошедшие в состав древнерусской народности. С этого времени их потомков называли «русские люди», русины. Берладники, бродники, галицкие выгонцы – это территориальные наи-

менования древнерусского населения региона, связанные с родом их занятий. В Карпато-Днестровских землях периодически кочевали также турки-болгары, венгры, печенег, половцы, торки. Древнерусские страницы истории нашего края заслуживают дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткачук Е.* Что ищем мы во дне вчерашнем? // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 2 (2). С. 107.
2. *Тельнов Н., Степанов В., Русев Н., Рабинович Р.* «И... разошлись славяне по земле». Кишинев, 2002. С. 72.
3. *Суляк С.* Сын самодержца вся Руси // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 2 (2). С. 41.
4. Цит. по: «И... разошлись славяне по земле». С. 56.
5. История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965. С. 68.
6. *Рабинович Р.* Проблема присутствия Галицкой Руси в Карпато-Днестровских землях в 1140-1240 гг. // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 2 (2). С. 74.
7. Слово о полку Игореве. М., 1978. С. 83.
8. См.: *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 81-82.
9. ПСРЛ. 1962. С. 496-497. Цит. по: «И... разошлись славяне по земле». С. 137.
10. «И... разошлись славяне по земле». С. 139, 192.
11. Там же. С. 138.
12. *Суляк С.* Указ. соч. С. 14, 15.
13. *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., Наука, 1975. С. 281.
14. «И... разошлись славяне по земле». С. 196.
15. *Суляк С.* Указ. соч. С. 36.
16. Цит. по: «И... разошлись славяне по земле». С. 203.
17. *Суляк С.* Указ. соч. С. 18.
18. «...И разошлись славяне по земле». С. 209.
19. *Суляк С.* Указ. соч. С. 35.

Людмила КИШКА

СВЯЗИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ И ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ В XIV-XV вв.

Молдавское государство возникло в период поглощения южнорусских земель Литовским княжеством и Польшей. Поскольку Русь была

ослаблена монголо-татарским нашествием, особого сопротивления русских князей эта политика не встречала. Маленькая Литва присоединила почти половину территории Руси. В 40-50-е гг. XIV в. Польское королевство и Литва после многолетней войны поделили территорию Галицко-Волынского княжества. Литва получила Волынь, а Польша захватила Галицкую Русь. Как сказались эти события на этнокультурных процессах в Молдавском княжестве, возникшем в 1359 г.?

В Литве русские люди составили около 90 процентов населения, и Литовское государство даже официально стало называться Великим княжеством Литовским и Русским. Литовской письменности еще не существовало, и русский язык стал также официальным языком государства. Именно на русском языке велись дебаты в виленском сейме и официальное делопроизводство¹. Будучи до начала XV в. язычниками, литовские князья не навязывали свою веру православным подданным. Несколько иную политику уже в этот период проводили в Галицкой Руси короли Польши. В 1385 г. Литва и Польша оказались под одним скипетром. И все же политические перемены не изменили этнического облика бывшей территории Древней Руси.

Создание Молдавского государства также не повлекло смены этнического состава населения Карпато-Днестровских земель. В XIV-XVII вв. территорию, ограниченную с севера и востока Днестром, а с юго-востока – в основном линией Тягина-Яссы-Сучава – населяли русины, потомки древнерусского населения этих земель. В 1500 г. они составляли почти 40 процентов населения Молдавии². За следующие полтора века часть русинов была ассимилирована молдаванами, и все же, отмечал во второй половине XVII столетия летописец Григоре Уреке, треть жителей говорила на русском языке³.

Что это был за язык? Как известно, Павел Берында – составитель «Словаря славянорусского» (1637 г.), возможно, уроженец Молдавии, – положил начало общерусскому литературному языку. Его родной язык, видимо, стал основой создаваемого им общерусского языка. «В основу [книжного русского] языка Молдавии XIV-XVII вв., – утверждал знаток славянской письменности А.И. Яцимирский, – был положен русский: с одной стороны официальный западнорусский, а с другой – устный галицко-волынский говор»⁴. Языковая общность свидетельствует о том, что до середины XIV в. на территории между Днестром и Карпатами проживала часть населения Галицкой Руси.

На русском книжном языке того времени – молдавские летописцы называли его славянским или сербским – в Молдавии проводилось богослужение. На нем же велось государственное делопроизводство, молдаване пользовались им в частной переписке. Это дает основания полагать, что русским языком владела очень большая часть молдаван. И, конечно, знание русского языка упрощало молдаванам связи с

Галицкой Русью. Другим фактором, облегчавшим населению Молдавии связи с Галицкой Русью, являлась общность православной веры. В XIV в. Молдавская церковь подчинялась митрополиту Галича. В 1387 г. молдавский господарь Петр Мушат сам поставил главу молдавской церкви – епископа (до этого священники назначались из соседних стран). Это вызвало резкое противодействие константинопольского патриарха. Дело дошло до того, что патриарх предал Молдавию проклятию⁵. Для урегулирования конфликта в 1401 г. из Константинополя в Молдавию был направлен специальный патриарший посол, ученый-богослов, болгарин по происхождению Григорий Цамблак. От имени константинопольского патриарха Григорий Цамблак утвердил ставленника молдавского господаря⁶.

С деятельностью Григория Цамблака связана яркая страница истории культурных связей Молдавии и Галицкой Руси. Это был человек разносторонних талантов и большой образованности. Григорий Цамблак родился в 1364 г. в Болгарии. В историю он вошел как болгарский писатель, церковный деятель, иерарх Византии, Болгарии, Сербии, Молдавии, Белоруссии и Украины, автор многочисленных проповедей, имевших широкий отклик. После урегулирования конфликта между церковной и светской властью он по просьбе господаря Александра Доброго взялся за написание жития молдавского святого Иоанна Нового. До 1406 г. служил в соборной церкви Сучавы, руководил перепиской богослужебных книг. Церковные связи между Молдавией и русскими землями были достаточно интенсивными. В 1409 г. Григорий Цамблак переехал в Киев и вскоре стал участником борьбы между Москвой и Литвой, распространившейся и на дела церкви. В 1415 г. Цамблак был избран митрополитом Киевским⁷.

В силу политических причин Григорий Цамблак выступил за достижение унии с католической церковью. Во главе большой группы православного духовенства он прибыл на собор и вел с Римским папой переговоры, но в Киеве эта инициатива не нашла поддержки. Несмотря на церковно-политические разногласия с митрополитом Киевским, в Москве сохранилось уважительное к нему отношение. О его смерти в 1419 г. в Никоновской летописи сказано: «Той же зимой умер Григорий митрополит Цамблак в Киеве, родом болгарин, книжный очень, обучен был книжной мудрости всякой с детства и много писаний, сотворив, оставил». За всю свою жизнь он составил и переписал около 30 книг и проповедей⁸. Характерно, что в вопросе об унии с католиками молдаване заняли ту же позицию неприятия, как и православное духовенство Киевской митрополии. Митрополит Молдавии, под давлением патриарха Константинопольского поддерживавший унию на Флорентийском соборе, не посмел возвратиться в княжество⁹.

Самому существованию Молдавского государства угрожали турки и татары. Много раз вторгались в княжество также войска соседней Валахии. Галицкая Русь в этих условиях была прибежищем молдаван, где они находили спасение. Господари Молдавии были вынуждены искать поддержки у королей Польши. В Галицкой Руси разыгрывались немаловажные события молдавской истории. В 1415 г. господарь Александр Добрый прибыл в город Снятин, где королю, «сидящему на возвышении и с короной на голове, принес вместе со всеми боярами валашской земли торжественную присягу подданства и клятву верности, бросая под ноги короля свои знамена»¹⁰. 29 сентября 1436 г. ленную присягу на верность польскому королю Владиславу принес во Львове господарь Илияш. Владислав, отмечено в летописи, «во всем величии восседал на городской площади на специально сооруженном возвышении, прекрасно убранном». Илияш и 35 бояр, «упав на колени в знак верности и послушания, ломали древки хоругвей и бросали их под ноги королю»¹¹.

Однако вассалитет Молдавии во многом был формальным. В XV – XVI вв. земли Западной Руси, особенно Буковина, Щепеницкая земля и Покутье, были объектом борьбы между Молдавией и Польшей. Покутье господарь Петр Мушат получил в 1388 г. от польского короля под залог одолженных ему 3000 рублей серебром. Деньги возвращены не были, тем не менее, польские короли требовали возврата этой области. Но ее население, православные русские люди, предпочитало власть православных молдавских воевод, а не королей-католиков. В конце 1456 г. на севере Молдавии произошло крестьянское восстание под предводительством Льва. Начавшись в Молдавии, оно перекинулось в польские владения, и «дружина» Льва дошла до Снятина. Петр Арон договорился с польскими панами о совместных действиях против повстанцев. Но вскоре, в апреле 1457 г., он был свергнут новым претендентом на молдавский престол – Стефаном III¹². О Льве никаких упоминаний в документах больше нет¹³. Можно предположить, что он был сторонником Стефана, а целью его действий в Галицкой Руси было лишить Петра Арона поддержки польского короля.

О том, что Стефан III мог применить такой метод борьбы, можно судить и по другому эпизоду польско-молдавских отношений. При встрече с польским королем в Коломые в 1485 г. Стефан был обманут в своих ожиданиях и унижен. Отношения между монархами ухудшались год от года. Молдавский господарь принял участие в формировании антигеллонской коалиции¹⁴, а в «Молдавско-немецкой летописи» времен Стефана Великого под 1488 г. находим невероятный рассказ. В этом году «послал воевода Стефан одного боярина в землю русинов и [он] занял ей вплоть до Галича, а на четвертый год пришел пан Ни-

колай Галицкий и разбил его войско у Рогатина...». Далее сказано, что тот самый боярин бежал в Белгород. Стефан, узнавши об этом, тайно послал за ним погоню, и его схватили под Белгородом с его 36 конными слугами. Боярина доставили в Сучаву, там он просидел год в заключении. Затем Стефан выпустил его и послал опять в Галицкие земли. Боярин вновь занял эти земли вплоть до Галича. Но у Коломыи поляки напали на него, схватили вместе с пятью соратниками и сбросили со стены замка Коц¹⁵.

Очевидно, речь идет о восстании Мухи, которое принято датировать 1490-1492 гг. Руководитель выступления предстает в сообщении как исполнитель воли молдавского господаря. Именно так, как «вторжение молдавского господаря», трактовал это восстание польский король. И основания подозревать диверсию у него имелись. Вождя восстания, якобы плененного, Стефан III не казнил, а укрыл от наказания. Через год господарь предоставил мятежнику возможность вновь поднять восстание и вторгнуться в польские владения. Но можно ли считать, что Муха просто выполнял приказ Стефана Великого? В польской летописи епископа Перемышля Яна из Торговиска отмечен социальный характер восстания: «Некий Муха из Молдавии в короткое время собрал толпу войска из сельских людей в 9000 человек. Он вторгся в ту часть русской земли, где лежит Снятин. Город был взят и разрушен. Потом он захватил многие города и села вплоть до Галича и подчинил себе»¹⁶. Можно ли допустить, что молдавский господарь организовал крестьянское восстание? Молдавский историк Н.А. Мохов, рассматривая эти события, не высказывает такого предположения, но оно, на наш взгляд, вытекает из приведенных фактов.

Восстание было крестьянским, и восстали русины Буковины. Но если его инициировал Стефан Великий, то он нанес немалый ущерб и местным феодалам. Секретарь гроссмейстера Тевтонского ордена Л.Наккер, побывавший в Буковине и Покутье через семь лет после восстания под руководством Мухи, отметил: «Страна была так опустошена, что большие господа, те, которые остались живы и не были убиты, потеряли все имущество и, ничего не имея, вынуждены были идти просить милостыню». Итак, восстали крестьяне-русины, а распространилось восстание среди крестьян-русинов Галицкой земли. Схватили Муху (или Андрея Борулю) тоже местные шляхтичи. Польский летописец XVI в. Михал Стрыйковский, рассказывая о восстании, не упоминает об участии в нем молдаван. А потомки видели в Мухе своего, русина. Желая отметить чье-либо мужество, они говорили «Як козак Муха»¹⁷.

Позднее, в 1509 г., во время похода молдавского воеводы Богдана в польские владения к нему присоединилось много галицких дворян, которых молдавские летописцы именовали русской шляхтой. Когда по-

ход не удался, предвидя репрессии и конфискацию имений, они ушли вместе с молдавским войском в Молдавию. Таким образом, в Галицкой Руси тогда также имелись люди, в том числе из знатных родов, которые стремились избавиться от католической власти с помощью православной Молдавии. Но эти надежды не осуществились, так как Молдавия была слишком слаба, чтобы поддерживать население Галичины. Миграции эти оказались столь массовыми, что уже в XV в. привели к исчезновению в Галицкой Руси сословия великих бояр. Они бежали либо утратили свои владения в польских конфискациях¹⁸. Но взаимодействие населения Молдавии и Галицкой Руси не прекратилось. В новом веке молдавско-русинские связи приобрели иные формы.

Участие крестьян земли Молдавской и Галицкой Руси в общих восстаниях, симпатии к православной Молдавии, проявляемые также русской шляхтой Галицкой земли, общая позиция православного духовенства Молдавии и русских земель Польско-Литовского государства дают основания утверждать, что в XIV-XV вв. раздел Западной Руси между различными государствами еще не привел древнерусскую народность к этнокультурному расколу.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Статуты Великого княжества Литовского и Русского. Т.1-2. Одесса, 2002.
2. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С.90.
3. *Уреке Григоре.* Летописецул Цэрий Молдовеи. Кишинэу, 1971. П.110. Цит. по: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 33.
4. Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. Киев, 1980. С. 48.
5. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 165.
6. *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 60.
7. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982. С. 667.
8. *Руссев Н.* Житие Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2007. № 2 (8). С. 12.
9. *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С.179.
10. Цит. по: *Шорников П.М.* Указ. соч., С.116.
11. Цит. по: *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2002. С. 213.
12. *Stati V.* Istoria Moldovei in date. Chisinau, 2007. P.85.
13. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 146.
14. См.: *Шорников П.М.* Указ. соч. С. 117,118.
15. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.,1976. С.53.
16. Цит. по: *Мохов Н.А.* Указ. соч. С. 149.

17. Там же. С. 148-150. Показательно, что крестьянское восстание 1563-1566 гг. также началось в окрестностях Хотина, и подняли его также местные русины. В 1671 г. севернее линии Тягина-Яссы-Сучава, в Оргееве, вспыхнуло еще одно восстание, возглавляемое молдаванином Михалчей Хынку и русином Апостолом Дураком. Восставшие заняли столицу княжества Яссы и изгнали господаря Георгия Дуку.

18. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. Донецк, 2003. С. 160, 163.

Юлия БОРОДИНА,
Татьяна КУРОПАТКИНА

ДОБРОВЕЦ, КАШИН, КНЕЖА... Миграции населения Южной и Западной Руси в XI-XIII вв. (по данным топонимики)

На территории современных России, Украины, Белоруссии, Польши, Молдавии и Румынии есть немало городов и сел с одинаковыми или похожими названиями. Наиболее правдоподобное объяснение этого явления заключается в том, что города Северо-Восточной (Московской) Руси, возникшие позднее городов Руси Западной и Южной, были основаны переселенцами с юга и запада. Как известно, при древнерусских князьях Святославе Храбром, Владимире Святом, Ярославе Мудром, Владимире Мономахе граница Руси проходила по Дунаю. В конце XII столетия на земли до Дуная распространил свою власть галицкий князь Ярослав Осмомысл. В XII-XIII вв. насельников Карпато-Днестровских земель называли берладниками, бродниками, галицкими выгонцами. Это не были названия племен, скорее, они отражают род их занятий. Имелись у них и города. Это позволяет нам ответить на вопрос об участии в миграциях также населения этих земель. Но начнем с городов с одинаковыми названиями, возникновение которых с миграциями явно не связано.

Самыми известными из них являются *Владимир-Волынский*, основанный в 988 г., впоследствии столица Волынского княжества, и *Владимир-Залесский* – на северо-востоке Руси, известный с 990 г. Оба они основаны Владимиром Красное Солнышко, находятся на берегах рек и имеют круговое строение. Первый, Владимир-Волынский,

находится у реки Луги, Владимир-Залесский – у Клязьмы. Таким же образом, в честь князя-основателя, названы город **Ярослав** на западе Руси, впоследствии один из центров Галицко-Волынского княжества, и **Ярославль**, оказавшийся в княжестве Владимиро-Суздальском. Оба они основаны в X веке Ярославом Мудрым.

XI в. был на Руси временем распространения христианства, и это обстоятельство также получило отражение в топонимике. Первый по времени основания город **Юрьев** возник в 1032 г. в Киевском княжестве. В настоящее время он называется **Белая Церковь**. Другой город **Юрьев**, ныне Тарту, расположен к западу от Чудского озера; сегодня это территория Эстонии. Оба они также основаны Ярославом Мудрым. Юрий – его христианское имя. Еще один **Юрьев**, Юрьев-Польский, основан на северо-востоке Руси в том же 1152 г. Юрием Долгоруким. Иного происхождения названия городов **Плоцк** (ныне в пределах Польши) и **Полоцк** (ныне в Белоруссии), также возникших в X в. Их имя связано с русским племенем полочан, которое обитало в тех местах.

А вот город **Изяславль**, носящий имя князя, все же намекает на переселения. Этот город был построен около 986 г. князем Владимиром Красное Солнышко для своей жены Рогнеды и сына Изяслава. Менее древний русский город с тем же именем возник на восточной границе Волынской земли во второй половине XII в. Возможно, имели место миграции населения с северо-запада на юго-запад Руси. Первое упоминание о **Стародубе**, городе Черниговского княжества, относится к XI в. Другой **Стародуб**, на северо-востоке Руси, был основан примерно тогда же, в 1080 г. Но князя с таким именем не существовало, а главное, именно в это время наносят по Черниговскому княжеству свои первые удары половцы. Поэтому основание второго Стародуба в местах безопасных можно связать с миграцией населения Южной Руси на северо-восток.

Еще более очевидно связано с перемещением населения на северо-восток возникновение там других городов, одноименных городам Западной Руси. Знаменитейший из них – **Галич**, столица Галицко-Волынского княжества, основанный около 1140 г. Другой город с таким же названием на территории, вскоре вошедшей в состав Владимиро-Суздальского княжества, был построен в XIII в. и известен как **Галич-Мерский**. **Перемышль**, наверное, самый западный город Руси, основан в 981 г. Город с таким же названием на северо-востоке Руси был заложен позднее, в 1318 г., когда между Польшей и Великим княжеством Литовским и Русским начались войны за Галицкое наследство. **Холм**, одно время столица Галицко-Волынского княжества, ныне Хелм, расположенный на востоке Польши, основан в XIII в. Даниилом Галицким. Город **Холм** в пределах Московской Руси (полное название

– Спас-на-Холму) впервые упомянут в 1518 г. Вряд ли название второго города связано с рельефом местности. Это было время, когда в Галицкой Руси, находившейся в то время под властью Польши, усиливались гонения на православных. Именно в эти годы «отъехало» в Москву семейство князей Глинских. На девушке из этой семьи, Елене Глинской, женился в 1525 г. великий князь Московский Василий III. Поэтому связь возникновения города с миграцией населения из Западной Руси исключать нельзя. Есть парный топоним и у другого города Западной Руси – *Люблина*. Ныне это также польский город. Можно предположить связь имени этого города с названием основанного позднее подмосковного села *Люблино*, ныне района Москвы.

Переяславль, расположенный восточнее Киева, ныне Переяслав-Хмельницкий, впервые упомянут в «Повести временных лет» в связи с походом князя Олега в 907 г. на Царьград. *Переславль-Залесский* основан на северо-востоке Руси Юрием Долгоруким, правителем Владимиро-Суздальского княжества, в 1152 г. Под 1330 г. упомянут в летописях также *Переяславль-Рязанский*, однако есть версия, что он возник около 1208 г. *Звенигород* на юге Руси также основан Юрием Долгоруким в 1152 г. Город с таким же названием во Владимиро-Суздальском княжестве основан примерно в то же время, в XII-XIII вв. В обоих случаях связь возникновения городов с миграцией населения из Южной Руси вполне возможна. *Дорогобуж* на юго-западе Руси впервые упомянут в грамоте князя Ростислава в 1150 г. Другой город с таким же названием основан в Смоленском княжестве в XIII в. Существует версия о том, что данное название связано со словосочетанием «дороги бужить», то есть строить. Исходя из этой теории, можно сказать, что данные города были предназначены для строителей дорог. Но не исключено, что наименование второго города связано с миграцией населения на северо-восток после татаро-монгольского нашествия 1237-1242 гг.

Среди насельников земель восточнее Днестра в XI-XIII вв. упоминаются в летописях болоховцы. Первое упоминание о болоховцах в Галицкой земле относится к 1235 г. Румынские историки, ссылаясь на созвучие их имени с этнонимом «волохи», считают болоховцев волохами, предками молдаван. Но, скорее всего, имя болоховлян – это прозвище. Уже под 1196 г. историк XVIII в. В.Татищев упоминает город *Болхов*, входивший в состав Черниговского княжества, где в рассматриваемый период жили только русские люди. Ныне это районный центр Орловской области. Возникновение Болхова можно связать с миграцией болоховлян, проживавших восточнее Галича. Означает ли это, что имели место и обратные миграции – с северо-востока на юго-запад Руси? Не исключено, хотя болоховцы могли жить в Галицкой земле и до первого упоминания о них в летописи. А против версии о их

волошском происхождении свидетельствует то обстоятельство, что болховцев Черниговской земли даже в XII в. прозывали также «дулебами». Это говорит о проживании в тех местах части русского племени, переселившегося с Западного Буга. Так что миграция шла все-таки с запада на восток.

Население окраин Южной Руси было полиэтничным. В Галицком Понизье, между коренными землями Галицко-Волынского княжества и Русским (ныне – Черным) морем, находился **Торческ**, город торков, тюркского племени. Из летописей неясно, где он был – восточнее или западнее Днестра. С русскими торки поддерживали мирные отношения. Среди них, в Торческе, поселился в 1227 г. галицкий князь Мстислав Удалой. Но ни одного топонима такого рода или сходного в северо-восточной Руси нам обнаружить не удалось. Торки туда не мигрировали. Но ничем, кроме миграции населения с юго-запада на северо-запад Руси, нельзя, на наш взгляд, объяснить идентичность наименований русинского села **Гдов** под Краковом, где в 1846 г. были разбиты польские повстанцы, и города, расположенного к востоку от Чудского озера, а также двух рек **Луга** - на Волыни и севернее Пскова.

В Карпато-Днестровских землях русское население сохранилось и после монголо-татарского нашествия. Даже в легенде о возникновении Молдавского государства охотники-молдаване во главе с воеводой Драгом встречают на восточных склонах Карпат пасечника-русина Яцко. От Древней Руси, отмечают историки, Молдавия унаследовала более 20 городов. В Воскресенской и Новгородской летописях перечислены русские города конца XIV – начала XV в., в том числе расположенные в Карпато-Дунайских землях и на черноморском берегу: "А се имена всем градом рускым, далним и ближним: На Дунаи: Видычев град, о семи стенах каменных; Мдин. И об ону страну Дунаа: Тернов, ту лежит святая Пятница. А по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килиа. А на усть Дунаа: Новое село, Аколякра. На море: Карна, Каварна. А на сеи стороне Дунаа, на усть Днестра над морем: Белгород, Черн, Яськый торг на Пруте реце, Романов торг, Романов торг на Молдове, Немечен в горах, Корочюнов камень, Сочява, Серет, Баня, Чечюн, Коломыя, Городок на Черемоше. На Днестре Хотен». Поэтому существование в этих землях русских топонимов в первые века существования Молдавского княжества закономерно.

Судя по данным топонимики, даже к началу XV в. русины составляли большинство населения Пруто-Днестровского междуречья. Из 60 топонимов, известных с XIV в., 40 – русского происхождения. Это наследие Древней Руси и даже более ранних времен. Так, **Белгород**, ныне Белгород-Днестровский, – бывшая греческая колония Тира, основанная во второй половине VI в. до нашей эры. Название Белгород, скорее всего, связано с тем обстоятельством, что крепость на Днест-

ровском лимане была построена из белого камня. Белгород на Днестре упомянут в Воскресенской летописи XIV столетия. В Центральной России город с таким названием был основан позднее, в конце XVI в., по указу сына Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича. Правда, В. Тащицев утверждал, что в московских землях Белгород был основан ранее, как укрепление. Н. Карамзин в начале XIX столетия приписывает основание Белгорода близ Орла Ивану IV Грозному. Но в любом случае Белгород на Днестре древнее одноименного города Московской Руси. Наименование Городок-на-Черемоше и села Городка близ Кишинева определенно свидетельствуют о миграции русинов с севера в центральную часть Молдавского княжества.

В ряде случаев идентичность или созвучие топонимов никак не связаны с миграциями. Видычев град, Тернов, Акоюкра, Карна, Каварна – это старинные названия современных болгарских городов Видин, Тырново, Калиакра, Каварна; Дичин – румынский город Мэчин. Топонимы исторической Молдавии представляют собой молдавизированные варианты названий древних русских городов. Корочунов камень, скорее всего, было первым наименованием молдавской крепости Крэчуна, основанной при Стефане Великом в конце XV в. на границе Молдавии и Валахии. Расположенный в Карпатских горах Немечен – несомненно, современный румынский город Пятра-Нямц, Чечюн – первое наименование Цецины, крепости на севере Молдавии, Ясский торг и Романов торг – современные Яссы и Роман.

Но число названий, с миграциями населения, возможно, связанных, не менее значительно. Явный случай бытования топонима и гидронима, идущего от тиверцев и уличей, – *Бистрица*. Это имя не только горной карпатской реки и села на северо-западе исторической Молдавии, но и реки в равнинной Центральной России, где течение рек не бывает быстрым. Более древним, безусловно, является карпатский гидроним. Однако в Молдавии населенные пункты с русскими названиями возникали и после образования Молдавского княжества, в XV-XVII вв. В этих случаях появление в Молдавии топонимов, аналогичных существующим на северо-востоке Руси, можно объяснить миграциями населения Галицкой Руси в Молдавию. Загадочно то обстоятельство, что названия некоторых сел Молдавии аналогичны именам населенных мест Московской Руси. Вот некоторые из них, основанные в XIV-XV вв.:

Добровец - село в Молдавии и город близ Липецка, основанный в 1615 г.;

Кашин - село в Молдавии и город в Тверской земле, основанный в 1237 г.;

Кнежа - село в Молдавии и город в Московской области;

Черновец - село в Молдавии и город, ныне в Курской области. Им

созвучно название буковинского города Черновицы (Черновцы). Правда, первоначальное название города Черновцы – Чернь.

Димка, Купка, Строицы – села на территории современной Молдавии и в Черновицкой области Украины, *Миток* – молдавское село и деревня в Винницкой области, *Носково* – село в Молдавии и деревня в Костромской области.

Сокола – село близ города Яссы, в Западной Руси есть город Сокаль, в Московской и Вологодской областях есть два города Сокол, а около Хотина – село с таким названием. Первым по времени был основан Сокаль, что позволяет судить о направленности миграций. Отметим также созвучие названий *Родна*, крепости в Трансильвании (Семиградь), подаренной венгерским королем Стефану Великому, и древнерусского укрепления на Днепре – Родня. Днепровское укрепление старше возрастом, но трансильванская крепость расположена на одноименной реке, поэтому вопрос о направленности миграций населения двух регионов остается открытым.

Итак, 24 из 27 выявленных нами парных топонимов, скорее всего, связаны с миграциями населения. В 18 из 24 случаев более древние города расположены в Западной и Южной Руси, а основанные позднее – в Северо-Восточной Руси. Вопрос о приоритете возникновения 6 топонимов остается нерешенным. Таким образом, большинство выявленных нами парных топонимов Западной, Южной и Северо-Восточной Руси, а также Карпато-Днестровского региона подтверждают факт миграции населения с юго-запада на северо-восток и север Руси в XII-XV вв. В некоторых случаях можно предположить, что перемещения населения были вызваны военно-политической нестабильностью южных и западных земель Руси. Но не исключена и связь переселений с отмеченным историком Л.Н. Гумилевым изменением климата, «усыханием» южных степей в XII в. и улучшением условий для земледелия в лесной зоне. Эта тема заслуживает дальнейшего изучения, а примененный нами метод исследования миграционных процессов представляется результативным.

ЛИТЕРАТУРА

- Повесть временных лет // Повести Древней Руси XI-XII века. Л., 1983.
Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965.
Бырия П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979.

Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979.

История Приднестровской Молдавской Республики. Т.1. Ч.1. Тирасполь, 2001.

История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002.

Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И... разошлись славяне по земле». Кишинев, 2002.

Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.

Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005-2008. №№ 1-10.

Для поиска парных топонимов на территории Российской Федерации использованы ресурсы Интернета.

Дмитрий КАМБУР

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВИИ В БОЯРСКОМ СОВЕТЕ ПРИ ПЕТРЕ РАРЕШЕ (1527-1538, 1541-1546 гг.)

Как известно, на рубеже XV и XVI вв. потомки древнерусского населения Карпато-Днестровских земель¹ составляли 40% населения Молдавии². Однако изучение истории этого населения до недавнего времени осуществлялось только попутно, в контексте изучения истории Молдавии³. Плодотворным методом изучения участия русских людей в управлении Молдавским княжеством является выяснение вопроса о том, насколько многочисленным было их представительство в господарской администрации. Согласно исследованию, проведенному А. Булгаковым, в конце XV в. русинами являлись 25% членов Боярского Совета Стефана Великого⁴. Нами предпринята попытка, используя ту же методику – путем подсчета славянских имен, выяснить число бояр-русинов в Совете другого правителя – Петра Рареша, правившего Молдавией дважды – в 1527-1538 и 1541-1546 гг.

В конце правления Стефана Великого русское население Молдавии пережило трагедию. В 1497 г. заселенный ими север и северо-восток княжества стал театром молдавско-польской войны. Эти земли были сильно разорены⁵, а часть их жителей, видимо, бежала в Карпаты. Но на следующий год молдавский господарь Стефан III совершил набег

на Галицкую Русь, находившуюся тогда под властью польского короля и, как утверждает летописец Григорий Уреке, угнал оттуда 100 тысяч жителей и поселил их на границе, т.е. на севере княжества. Подобным образом поступали также господарь Богдан (в 1509 г.) и Петр Рареш⁶. В первой половине XVI в. в населенных русинами Буковине и Щепеницкой земле не происходило военных действий, высокой смертности из-за голода тоже не отмечено, поэтому население этих областей, можно полагать, не сократилось. Как же были представлены русские люди в Боярском Совете Молдавии во второй четверти XVI в.?

Изданные в 60-90-е гг. XX в. документы канцелярии молдавских господарей⁷ предоставляют возможность получить определенные представления об этническом составе боярства. К сожалению, сделать это достаточно сложно как из-за малого числа дошедших до нас документов, так и из-за сложности и спорности определения этнической принадлежности по данным одной лишь ономастики. В документах, относящихся к 1528 г., т.е. к периоду второго года правления господаря Петра Рареша, приведены имена девятнадцати бояр, из которых лишь пятерых (пан Гринкович, пан Скрипка, пан Грозав, пан Барбовский и Григорий Боскович) можно с большей или меньшей уверенностью отнести к славянам, причем часть из них может быть польского происхождения. Таким образом, в начале правления Петра Рареша этническая структура Боярского Совета оставалась такой же, как во времена Стефана Великого.

В документах 1537 г., накануне завершения первого правления Петра Рареша, в документах господарской канцелярии фигурируют имена только четырнадцати бояр. Многие из них сохранили свои места с 1528 г. (или были вновь назначены господарем в награду за свою лояльность). И вновь лишь трое бояр – пан Скрипка, пан Матеаш и пан Колун – могут быть идентифицированы как русины. Таким образом, представительство русского населения в правящих кругах княжества сократилось до 20%.

Наконец, в документах 1546 г., последнего года второго правления господаря Петра Рареша, дающих нам имена еще шестнадцати бояр, лишь трое – Петря Кряков, Могилэ, спэтарь Юрие – можно предполагать, являлись русинами. Уже при Стефане Великом, когда бывало, что треть Боярского Совета составляли русины⁸, представительство русских людей в окружении господаря уступало их доле среди подданных. Но картину, сложившуюся к концу второго правления Петра Рареша, можно было бы определить как политическую маргинализацию русских людей.

Чем это можно объяснить? И Стефан Великий, и Петр Рареш придерживались московской внешнеполитической ориентации. Никаких данных о том, что молдавские господа относились враждебно к своим

подданным-русинам, в исторической литературе нет⁹.

Сокращение представительства русского населения в правящих кругах Молдавии в середине XVI в. нельзя объяснить и языковыми предпочтениями правителей. И при Стефане III, и при Петре Рареше, и много позднее славянский язык, очень близкий к разговорному языку русинов, оставался официальным языком Молдавского княжества: языком государственного делопроизводства, богослужения и, возможно, официального общения¹⁰.

В 40-е гг. XVI в. изменился к худшему государственный статус Молдавии: княжество утратило независимость. В 1541 г. Петр Рареш был возведен на господарский престол уже не молдавскими боярами, как в первый раз, а османами. Кроме того, он получил страну с урезанной территорией: населенный русинами Хотин и, наверное, вся Шепеницкая земля были заняты поляками, а Тигина, Белгород, Килия, где значительную часть (возможно, и большинство) жителей составляли русские люди¹¹, захватили турки¹². Численность русинов среди подданных молдавского господаря резко сократилась. Во время своего второго правления Петр Рареш был вынужден опираться преимущественно на бояр-уроженцев центральной части Молдавии, а там население было почти исключительно молдавским.

Но можно также предположить, что более важная причина недостаточной представленности русского населения в правящих кругах Молдавского княжества заключалась в том, что господа династии Мушатинов ощущали себя волохами.

ЛИТЕРАТУРА

1. О формировании и составе этого населения см.: *Тельнов Н., Степанов В., Русев Н., Рабинович Р.* «И... разошлись славяне по земле». Кишинев, 2002.

2. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 113.

3. См.: *Шорников П.* Русские люди Молдавского княжества // *Международный исторический журнал «Русин»* [Кишинев]. 2005. № 1 (1). С. 9-40.

4. *Булгаков А.* Русские люди в Боярском Совете Стефана Великого (1457-1504 гг.) // *Международный исторический журнал «Русин»* [Кишинев]. 2006. № 4(6). С. 102.

5. См.: *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 189, 190.

6. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, Изд-во ПГУ, 2007. С. 32.

7. См.: Молдова ын эпока феудализмулуй. Документе славо-молдовенешть. Суб ред. луй П.В. Советов. Вол. I. Кишинэу, 1961; Вол. II. Кишинэу, 1978; Вол. III. Кишинэу, 1982; Вол. V. Кишинэу, 1987; Вол. VI. Кишинэу, 1992; Вол. VII. (Бн 2 пэръц). Кишинэу, 1975.

8. Булгаков А. Указ. соч. С. 104.

9. См.: Мохов Н.А. Указ. соч.; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004; Шорников П.М. Указ. соч.

10. Шорников П.М. Указ. соч. С.59; его же. Славяно-молдавский этнокультурный синтез. XIV-XVII вв. // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 107,108.

11. Шорников П.М. Русские люди Молдавского княжества // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 1 (1). С.27.

12. См.: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 137.

Наталия ДРАГАН

ЗАПОРОЖЦЫ И МОЛДАВАНЕ: боевое содружество XVI-XVII вв.

С момента возникновения Запорожской Сечи днепровское казачество было надежным союзником молдавского народа в борьбе против османов и их данников – крымских татар. Во второй половине XVI-XVII в. земли в нижнем течении Днестра и Дуная являлись театром военных действий казачества в борьбе против Османской империи. Стремясь освободить православный молдавский народ от турецкого гнета, казаки наносили удары по опорным пунктам мусульман – крепостям Хотин, Тягина (Бендеры), Белгород (Аккерман), Смил (Измаил) и другим. Тема нашего сообщения – отношения запорожцев и молдаван в конце XVI-XVII в.

Главными источниками сведений о казацких походах на Молдавию являются труды молдавских летописцев XVII-XVIII вв. Григоре Уреке, Мирона и Николая Костиных, Иоанна Некулче. Как идеологи боярства и сторонники польской ориентации, они относились к казакам неприязненно, поэтому их оценки действий запорожцев требуют критического подхода. Но они приводят ценные факты. Румынские авторы, используя данные летописей, изображали казаков как разбойников или наемников. Наиболее объективно освещены казацкие походы в трудах молдавских историков. Специальные исследования посвятили этому вопросу Н. А. Мохов («Дружба ковалась веками»), Е. М. Руссев («Борьба молдавского народа против оттоманского ига»), И.А. Анцупов («Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов»).

Молдаван и казаков сближала общность веры. И молдаване, и запорожцы были православными людьми, причем ревностными в вере,

потому что им приходилось воевать с мусульманами. Как сообщество, русское по происхождению и языку, казаки не были для молдаван чужды этнически и культурно. От 40% жителей Молдавии в 1500 г. до одной трети в конце XVII столетия составляли потомки древнерусского населения этих земель, «русские люди», поэтому молдаване понимали русский язык. Тысячи молдаван служили в Запорожском войске; в XVII в. в его составе имелись даже молдавские полки. И, наконец, у молдаван и запорожцев имелся общий враг – турки и татары, а, следовательно, и почва для солидарных действий.

Запорожская Сечь была не только укрепленным лагерем на днепровском острове Хортица. Прежде всего, это было войско запорожских казаков и контролируемая им территория в нижнем течении Днепра. Сечь представляла собой республику с выборной властью, независимую от польских королей. От Речи Посполитой запорожцев отчуждал не только католицизм, но и неспособность королевской власти организовать защиту южных русских земель от набегов турок и татар. В низовья Днепра крестьяне уходили из-за усиления социального гнета польских магнатов и шляхты. Запорожская Сечь пополнялась также беглецами из Московской Руси, Белой Руси и Молдавии. Война была их главным назначением, поэтому казаки хорошо владели луком, пикой, саблей и огнестрельным оружием. В борьбе против турок они выработали собственную тактику и успешно воевали даже с противником, превосходящим их по численности.

В Молдавии вторая половина XVI в. также была временем социальной напряженности. Крестьяне не только несли повинности местным феодалам, но и платили дань туркам. Это вело к обострению классово-борьбы. Чтобы избавиться от турецкого гнета, молдаване искали помощи у соседних государств, прежде всего, у Речи Посполитой. Однако польские магнаты стремились не освободить, а захватить Молдавию. Истинным же ее союзником в борьбе с татарскими набегами и османской агрессией стали запорожские казаки.

Первые упоминания в источниках о совместных боевых действиях молдаван и казаков против турок относятся к 1541 г., когда отряд молдаван, соединившись с казаками, разгромил турецкие и татарские войска и прошел с ними от Тягины до Белгорода. Там молдаване и казаки потерпели поражение от объединенных сил турецкого султана и молдавского господаря. Уцелевшие восставшие укрылись на левом берегу Днестра, в польских владениях.

В 1561 г., когда грек Яков Гераклид, прозванный Деспотом, сверг с молдавского престола Александра Лэпушняну, сторонники низложенного господаря также обратились за помощью к запорожцам. Князю Дмитрию Вишневецкому по прозвищу Байда, построившему в 1558 г. на Хортице церковь, молдавские бояре предложили господарский трон.

Он согласился и вступил в пределы Молдавии с отрядом казаков, который насчитывал по различным источникам от 500 до 4000 человек. Когда казаки переправились через Днестр, молдаване поддержали их. Это вызывало тревогу среди бояр. Часть их избрала после убийства в 1563 г. Гераклида Деспота господарем Молдавии не Вишневецкого, а правителя из своей среды – боярина Стефана Томшу. Представившись сторонником Байды, Томша вероломно захватил Вишневецкого и его помощника шляхтича Песецкого и выдал их туркам.

Пленников содержали в заключении в цитадели Белгородской крепости, затем переправили в Царьград. Султан потребовал от них перейти в мусульманство, но Вишневецкий и Пясецкий отказались. Они были сброшены с крепостной стены. Пясецкий разбился сразу, а Вишневецкий повис на торчащем из стены крюке. Он еще двое суток оставался жив и проклинал султана. Турки убили его, расстреляв из луков. Молдавские летописцы Мирон Костин и Иоанн Некулче, выражая отношение молдавского народа к казакам вообще, восславили Вишневецкого как героя антиосманской борьбы.

Наиболее ожесточенная борьба между Молдавией и Турцией развернулась во время правления Иоанна-воеводы (1572-1574), прозванного Лютым. Заняв престол с помощью султана, он обязан был ему платить дань в 40 000 золотых в год. Но когда турки решили удвоить дань, он поднял Молдавию на восстание. Никто из христианских правителей не помог молдаванам. На помощь Иоанну-воеводе пришли только 1200 казаков во главе с гетманом Иваном Сверчевским.

Сначала военные действия шли успешно для молдаван и казаков. Но Османская империя не желала терять контроль над Молдавией. Создав перевес сил и подкупив несколько молдавских бояр, 10 июня 1574 г. турки одержали победу над войском Иоанна-воеводы у озера Кагул и при Рошканах. В ходе сражения молдавский господарь был схвачен и казнен. Отряд Сверчевского погиб почти весь. Сам гетман был тяжело ранен, взят в плен и через два года выкуплен запорожцами. В памяти молдавского народа казаки остались доблестными защитниками христианства.

Новым господарем Молдавии турки назначили валаха Петра Хромого. Иностраннный правитель особенно жестоко угнетал и разорял население. К казакам прибыли два молдавских боярина и уговорили гетмана Ивана Подкову занять молдавский престол и возглавить объединенные силы молдаван и казаков в борьбе против турок. В конце лета 1577 г. Подкова с отрядом в 330 казаков (позднее он увеличился до 1000 чел.) переправился через Днестр. Его встретило многократно превосходящее казаков войско Петра Хромого, причем снабженное пушками. Подкова отступил и обосновался в городе Немирове. В но-

ябре 1577 г. он с отрядом уже около 1200 казаков вновь вступил в Молдавию. 23 ноября у села Доколина под Яссами произошло решающее сражение, в котором казаки показали высокий уровень военного искусства. Но главное, на их сторону перешла часть молдавского войска. В тот же день запорожцы и молдаване с триумфом вступили в Яссы. Иван Подкова стал господарем. Он пользовался поддержкой народа. Однако на стороне Петра Хромого выступили не только турки, но и валахи. В течение месяца Иван Подкова дважды громил вторгавшиеся в Молдавию отряды Петра Хромого, но в январе 1578 г. был вынужден отступить за Днестр.

По требованию турок польские власти схватили гетмана запорожцев и через полгода казнили его во Львове. Но молдавский народ сохранил о Иване Подкове память как о своем национальном герое. Пользуясь его популярностью, несколько запорожских предводителей выдавали себя за братьев Подковы и вторгались в Молдавию. С 1576 по 1592 гг. казаки предприняли 14 походов, основной целью которых было изгнание турок и татар из Молдавии и завоевание молдавского престола, то есть создание казацко-молдавского государства. Двое запорожцев, Александр и Петр Казак, на короткое время даже захватывали господарский престол.

Вновь вступили запорожцы в Молдавию в 1594-1596 гг. под предводительством Григория Лободы и Северина Наливайко. В это время (летом 1595 г.) повстанцы Наливайко контролировали всю Малую Русь, за исключением Минска. В Молдавии казаки вместе с молдаванами и примкнувшими к ним венгерскими, трансильванскими и австрийскими крестьянами воевали против турок и буджакских татар. В мае 1595 г. объединенные войска восставших взяли Тягину (Бендеры) и Белгород (Аккерман). Закрепившись там, отряд Лободы и Наливайко практически не покидал районы Килии, Тягины и Белгорода. Это стало возможно благодаря поддержке молдаван. В отрядах Лободы и Наливайко, отмечает историк В. Стати, воевало много молдаван.

Наливайко преследовал свои далеко идущие цели. В декабре 1595 г. он написал письмо польскому королю Сигизмунду III, в котором в общих чертах изложил свои планы по созданию в Молдавии казацкого государства под покровительством польского короля. Предполагаемое государство должно было располагаться на землях, отобранных у Крымского ханства и переданных формально польскому королю, но подвластных запорожскому гетману. Польские власти ненавидели казаков и открыто выступили на стороне Османской империи. Отрядам Наливайко и Лободы пришлось бороться также против поляков. Они потерпели в Молдавии поражение и были вытеснены за Днестр.

Также казаки помогали «Священной лиге», которая образовалась в начале XVII в., в борьбе против турок и татар, отвлекая на себя значи-

тельные силы. Летом и осенью 1651 г. казаки приняли участие в знаменитой Хотинской битве. В польский лагерь прибыло около 40 000 казаков во главе с авторитетным и талантливым полководцем Петром Сагайдачным, и они составили главную силу войск Речи Посполитой. Позже к Хотину подошли и донские казаки. Однако добиться победы в Хотинской битве не удалось никому. В результате бесчисленных вылазок и штурмов силы обеих сторон иссякли, и продолжать войну стало бессмысленно.

Молдавский летописец Мирон Костин отмечал, что казаки были наиболее страшным противником для турок, и, чтобы воодушевить своих воинов, султан назначил награду в 50 золотых за голову каждого убитого казака.

Затронули Молдавию и события освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого. Победы Запорожского войска над польской шляхтой господарь Молдавии Василий Лупу, албанец по происхождению, по социальным причинам встретил враждебно. Но Богдану Хмельницкому был необходим союз с Молдавией. В 1650 г., когда в Молдавию вторглись крымские татары, запорожцы также вступили в княжество и заняли его столицу Яссы. В таком критическом положении Василий Лупу должен был заключить мир и союз с Богданом Хмельницким. Союз решено было скрепить браком Тимофея Хмельницкого с дочерью Александра Лупу Роксандрой.

Союз с казаками вовлекал молдавского господаря в конфликт с Речью Посполитой и турками, но он был вынужден согласиться на этот брак. Молдавский народ опозтизировал его как союз доблестного рыцаря и прекрасной молдаванки. Для казаков было очень важно сохранить союз с Молдавией, и поэтому они снарядили войско во главе с Тимофеем Хмельницким и двинулись в Молдавию. Всего казачье войско составляло около 12000 человек. В июне 1653 г. молдаване вместе с запорожцами совершили поход в Валахию. Войско валахского господаря было разбито, но в войну вмешались венгры, и в сражении при Финте (под Бухарестом) союзники потерпели поражение. Вскоре при обороне Сучавы погиб Тимофей Хмельницкий. По повелению султана господарь был вынужден послать на помощь полякам 4-тысячный вспомогательный отряд. В неудачном для запорожцев сражении под Берестечком этот отряд воевал в составе польских войск.

Это обстоятельство скомпрометировало Василия Лупу. Вследствие заговора бояр он был свергнут. Новый правитель Молдавии Георгий Стефан взял курс на урегулирование отношений с запорожцами. В 1654 г., получив известие о решениях Переяславской Рады о воссоединении Малой и Великой Руси, он направил в Москву посольство с просьбой о переходе Молдавии в подданство царя Московского на тех же условиях, как и Войско Запорожское.

Некоторые казахи предводители воевали с турками и татарами на свой страх и риск. В 1664-1673 гг. атаман Иван Серко неоднократно устраивал военные походы на Днестр, под Бендеры. Во время Чигиринских походов турок и татар он отличился тем, что сжег необходимые турецкой армии мосты через Днестр.

Следующий и последний поход казаков на территорию Молдавии произошел в 1683-1684 гг. под предводительством гетмана Ивана Куницкого. Это войско было основной силой молдавского господаря Стефана Петричейку. Став во главе молдаван и казаков, Куницкий разгромил татар в Буджаке и подверг разорению их поселения, а также штурмовал, но неудачно, крепости Тягина и Аккерман (Белгород) на Днестре.

Упомянем еще один эпизод молдавско-казацкого взаимодействия. В 1734 г. , во время войны за польскую корону, сотник Верлан поднял восстание против поляков, повсюду распуская слухи о том, будто бы сама русская императрица оказывает ему покровительство. Верлан собрал тысячную гайдамакско-крестьянскую армию и, устроив свои ватаги по образцу казацких полков, терроризировал Брацлавщину, Вольнь и Галичину до тех пор, пока польские войска не заставили его бежать в молдавские степи. То обстоятельство, что молдаванин возглавил крестьянское восстание в западнорусских землях, свидетельствует о сплоченности православных людей.

Сотрудничество и совместные боевые действия молдаван и казаков продолжались целый век и оставили отпечаток в истории Молдавии. В исторической памяти молдавского народа запорожцы остались храбрыми и верными союзниками молдаван в борьбе против турок и татар, истинными защитниками христианской веры.

ЛИТЕРАТУРА

- Кантемир Дмитрий.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965.
История Приднестровской Молдавской Республики. Т. I. Ч. 1. Тирасполь, 2001.
Сперальский Зд. Молдавские авантюры. Бэлць, 2001.
Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.
Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. Донецк, 2003.
Суляк С. Ими гордится Молдавия // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006. № 3 (5). С. 133-134.
Широкопад А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. Москва, Хранитель, 2007.
Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

Наталья ПШЕНИШНЮК

КАЗАКИ НА ДУНАЕ И ДНЕСТРЕ В XVIII-XIX вв.

**(По материалам книги И.А. Анцупова «Казачество
русское между Бугом и Дунаем» (Кишинев, 1999))**

История дунайского казачества раскрыта в труде кишиневского историка И.А. Анцупова, но книга эта вышла небольшим тиражом и массовому читателю труднодоступна. Между тем история казачества заслуживает внимания всех интересующихся историей нашего региона.

Кзаки – военно-служилое сословие. Они веками служили России как пограничная стража, а во время войн зарекомендовали себя как лучшая конница мира, авангард наступающих войск и арьергард на случай отхода. В России XVIII – начала XX в. существовали 14 казачьих войск, но только первые из них, возникшие еще в XVI в., – Донское, Запорожское (Днепровское), Терское и Яицкое – образовались стихийно, независимо от царской воли или даже вопреки ей. Изначально казачество сложилось как вольное вооруженное, - а значит свободное, - сообщество. У казаков существовала особая форма самоуправления – выборы атаманов и вообще начальствующих лиц, станичные и хуторские круги, т.е. сходы, на которых обсуждались местные проблемы. Поэтому между казаками существовали традиционные доверительные отношения. Кзаки никогда не были крепостными и оставались лично свободными людьми. Своей принадлежностью к казачеству они гордились. Современная историография обоснованно трактует казачье самоуправление как особую форму народовластия. Сфера казачьего народовластия постепенно ограничивалась царской администрацией, но общинное самоуправление у казаков сохранилось до 1919 г.

Имеются некоторые основания связать с Поднестровьем и Нижним Дунаем само возникновение казачества. В XII столетии здесь жили и действовали берладники, которых исследователи считают прототипом казачества. Они создали Берладское княжество, контролировали устье Дуная и совершали набеги на окраины Галицкой земли. В XIII в. между Карпатами и Днестром проживали галицкие выгонцы и другие предшественники казаков – бродники. В 1223 г. они приняли участие в битве с татаро-монголами на Калке¹. В 1490-1492 гг. на Днестре – в Щепеницкой земле и Покутье – произошло крестьянское

восстание под предводительством Мухи. По некоторым сведениям, настоящее его имя было Андрей Боруля. Хотя Запорожская Сечь, а значит, и днепровское казачество, была основана примерно через 70 лет, в Западной Руси, когда хотели кого-либо похвалить, говорили, что он молодец, «як козак Муха». В XVII в. под предводительством гетманов Богдана Хмельницкого, Северина Наливайко, Григория Лободы, Сагайдачного, Куницкого и других совершали в Молдавию походы запорожские казаки. Запорожцы Иван Подкова, Александр, Петр Казак занимали господарский престол Молдавии². Но казачье население появилось в Придунавье только в начале XVII столетия. Миграция запорожцев на Днестр и Дунай связана с событиями Северной войны.

К началу XVIII в. запорожское казачество насчитывало до 60 тысяч казаков и представляло собой мощную военную силу. Но в 1709 г., когда в пределы России вторглась шведская армия короля Карла XII, малороссийский гетман Иван Мазепа изменил России и перешел на сторону шведов. Запорожские казаки за ним не пошли и от участия в Полтавской битве на стороне шведов уклонились. Но после разгрома шведов примерно 700 казаков ушли с Мазепой в Молдавию и поселились в Варнице, под Бендерами, а также у Каушан и на Дунае. Петр I, встревоженный «шаткостью» запорожцев, упразднил Запорожскую Сечь. Возможно, поэтому в 1711 г., во время Прутского похода русской армии в Молдавию, на Нижнем Днепре не нашлось воинской силы, которая бы помешала крымским татарам прийти на помощь туркам. Татары приняли участие в сражении при Станилештах, которое едва не закончилось для русско-молдавского войска разгромом. Через четверть века, при императрице Анне Ивановне, для защиты от набегов крымских татар была учреждена Новая Сечь. Она, в общем, оправдала ожидания Петербурга, но кое-кто из запорожцев по-прежнему «отъезжал» в турецкие владения. Случалось это и во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. По окончании войны Запорожская Сечь была упразднена.

Становиться обычными государственными крестьянами, людьми бесправными, запорожцы не захотели. Часть их перебралась из низовьев Днепра на Днестр и Дунай – в Буджак и Добруджу, отдалась под власть султана и основала Задунайскую Сечь. Центром коша (военного лагеря) запорожцев стало селение Вилков. В 1804 г. турки разрешили казакам селиться также в Аккерманской и Килийской районах, и кошевой атаман перенес свою резиденцию в Татарбунары. Это было еще одно казачье войско, основанное вопреки воле центральных властей России. Запорожцы и на Дунае сберегли прежний строй: собирались на раду (практически – только казачья старшина), во главе войска находился выборный кошевой атаман, выборными были также его

помощники – судьи, есаулы, писари. Казачьи полки отвечали высоким стандартам профессионального войска.

Самовольный уход казаков за границу царские власти сочли изменой, и опасаться их перехода на сторону России у османских властей оснований вроде бы не имелось. Но казаки оставались православными, поэтому турки притесняли их и не доверяли им. Служить мусульманам бывшим запорожцам было в тягость, казаки ждали избавления от власти турок. В таком же положении оказались также поселенные в Добрудже потомки участников Булавинского восстания 1706-1707 гг., так называемые некрасовцы. В первые годы XIX в. началась эмиграция казаков из Буджака в Россию. Их отправляли на Кубань и включали в состав кубанского казачества. В русско-турецкой войне 1806-1812 гг. они участвовали уже в составе русской армии.

Часть запорожских казаков, оставшихся на Днестре, влилась в состав Бугского казачьего войска, учрежденного в 1768 г. по инициативе знаменитого полководца П.А. Румянцева. Право вступления в войско имели только переселенцы из Балканских стран, и великорусские и малорусские крестьяне, Бугское войско расселилось в пределах Херсонского и Бобринецкого уездов. Их столицей стал город Вознесенск. Другая часть запорожцев при поддержке управителя Новороссии фельдмаршала Г.А. Потемкина в 1787 г. добилась разрешения императрицы на формирование нового войска – «верных казаков». Они получили земли на Днестре. Позднее это войско было названо Черноморским.

Буджак был занят русскими войсками уже в конце 1806 г. Командующий русской Дунайской армией генерал И.М. Михельсон обратился к задунайским казакам с призывом о возвращении в Россию. Откликнулись более тысячи воинов. К Михельсону прибыла делегация во главе с есаулом Романом Стогучевским. Одним из центров сбора казаков стала Килия. В феврале 1807 г. Александр I подписал рескрипт о создании в Буджаке Усть-Дунайского войска. Основу его составили более 2000 казаков. Было сформировано два полка – Буджакский и Усть-Дунайский. Задунайцы сохраняли порядки Запорожской Сечи. Усть-Дунайское войско они называли Новой Сечью. Оно делилось на 39 куреней, 37 из которых носили старые запорожские названия. Имелись также Сербский и Болгарский курени. Общественные дела решались на раде.

Казачьи вольности и служба привлекали не только крестьян, но и дворян, и выходцев из духовенства. Кроме русских людей – малорусов и великорусов, в Усть-Дунайском войске служили также молдаване, валахи, сербы, болгары, греки, крещеные евреи и даже венгры. Позднее войско пополнялось также албанцами. Создание Усть-Дунайского войска усилило миграцию в Буджак казаков из-за Дуная. В ко-

роткое время из Добруджи «самотеком» прибыла еще тысяча воинов. Но на Дунай прибывали и тысячи беглых крепостных из Центральной России и добивались зачисления в казаки. Помещики требовали положить этому конец. Поэтому уже в июне 1807 г. формирование казачьего войска было приостановлено. Казаков перевели в состав Черноморского казачьего войска, поселенного на Днестре, либо отправили на Кубань. Но часть казаков продолжала воевать на Дунае до конца той долгой войны.

После войны казаки основали в Аккерманском уезде селение Акмангит, а большинство их расселилось по всей Бессарабии. Казаки поддерживали ветеранские связи и добивались восстановления казачьего войска, направляя ходочков в Петербург – к временщику А.А. Аракчееву и в Одессу – к генерал-губернатору Новороссии М.С. Воронцову. О том же просили казаки задунайские. В 1825 г. на приеме у Воронцова побывал прибывший из Болгарии «значковый товарищ» Ксаверий Чернявский. О его ходатайстве Воронцов доложил Николаю I и поддержал его просьбу. Император дал согласие на переселение казаков в Россию. К. Чернявский вернулся за Дунай и привел оттуда более 100 казаков.

России была необходима на Дунае мобильная вооруженная сила. В 1828 г., когда началась очередная русско-турецкая война, Николай I направил М.С. Воронцову «повеление» о формировании двух казачьих полков под названием «Дунайских». Начало образованию Дунайского казачьего войска было положено. Центрами его формирования стали села Волонтировка, Староказачье и Акмангит. Более 600 семей бывших казаков Усть-Дунайского войска обнаружили в Кишиневе, Оргееве, Бендерах, Аккермане и в других селениях Бессарабии. Все они были включены в списки Дунайского казачьего войска. В то же время из Задунайской Сечи прибыла большая группа казаков во главе с атаманом Гладким. Позднее в Буджак переселилась из Болгарии еще тысяча казаков. Русское командование направило их служить в Дунайскую флотилию.

Задачей Дунайского казачьего войска было иметь в готовности два полка для удержания кордонной линии в дельте Дуная, на островах Летя и Четал. К концу 1828 г. оба полка были в основном укомплектованы, войско насчитывало 2266 казаков. Но войсковому начальству было разрешено зачислять в казаки всех, кто имел прежде какое-либо отношение к Усть-Дунайскому войску, поэтому в центры формирования Дунайского войска стекались сотни добровольцев. В 1836 г. к войску были присоединены пять сел государственных крестьян: Николаевка, Новотроицкое, Михайловка, Константиновка и Петровка. Их жители получили права казаков. К 1838 г. в войске уже было 8 станиц. Казаки проживали также в селах государственных крестьян – Татар-

бунарах, Дивизии, Кебабче. К 1868 г. численность дунайских казаков достигла 13 тыс. чел.

Хотя казаки Дунайского войска в большинстве своем являлись потомками запорожцев, оно строилось на принципах и боевых традициях уже не Запорожского, а Донского казачьего войска – «по донскому положению». Несмотря на полиэтничный состав, казачество отличалось духовной сплоченностью, никакой национальной и даже религиозной розни между казаками не отмечалось, хотя некрасовцы были старообрядцами. Казаки обеспечивали пограничную охрану, таможенную и карантинную службу. Дунайские казаки несли службу также на Кавказе. Дети казаков росли в среде ветеранов различных войн, слушали их рассказы о подвигах, проникались патриотизмом, учились обращению с оружием и верховой езде, привыкали ухаживать за лошадьми. На протяжении сорока лет казаки не только обеспечивали безопасность дунайского рубежа, но и участвовали в хозяйственном освоении Буджака.

В годы Крымской войны на военной службе находились 2923 дунайских казака. Казачьи полки охраняли побережье Черного моря, более 500 казаков сражались с горцами на Кавказе, 64 казака составили конно-ракетный отряд, который действовал за Дунаем. По окончании войны, в 1860-1861 гг., дунайские казаки обеспечивали порядок при эвакуации из Подунавья, отторгнутого от России по Парижскому миру, более 20 тыс. беженцев. Эти эмигранты направлялись в Новороссию. Позднее дунайские казаки также несли пограничную службу.

Непопулярной нагрузкой являлось для казаков исполнение полицейских функций. В годы Крымской войны и после нее в Бессарабской области скапливалась масса беглых из губерний Центральной России, оседавших в Бессарабии или направлявшихся на юг. Из турецких владений шел встречный поток беженцев. Только в 1853 г. зафиксировано 1800 таких мигрантов с Балкан. В 1857 г. в приграничной полосе три сотни казаков задержали 1753-х «бродяг»; их возвращали по местам постоянного проживания. Разумеется, привлечение первоклассного войска к поддержанию «внутреннего порядка» свидетельствовало о неспособности царской администрации решать эти задачи иными средствами.

Что еще хуже, при формировании Дунайского казачьего войска царское правительство допустило явные ошибки. Дунайские казаки изначально не были обеспечены достаточным количеством пахотной земли. В целом казаки были среднеобеспеченной частью крестьянства. Можно назвать их и частью русской армии, находившейся на самообеспечении. Но нехватка земли, нараставшая в во второй половине XIX в., а также уравнительное общинное землепользование, периодические переделы земли не способствовали повышению культуры зем-

леделия, вели к снижению благосостояния казаков. Казаки постепенно превращались в обычных крестьян. Обеспечивать идущих на военную службу конями, оружием, снаряжением им становилось все труднее. Экономика станиц оказалась подорвана в годы Крымской войны. Дунайское казачье войско было упразднено в 1868 г.

Царскому правительству вряд ли следовало причислять к казачеству бессарабских цыган. Более 300 цыганских семей были принудительно поселены в селах Каир и Фараоновка. Однако цыгане оказались еще не готовы к занятиям земледелием, они трудно переносили оседлую жизнь и, тем более, воинскую службу. В конце 60-х гг., после упразднения Дунайского казачьего войска, большинство их, распродав полученную землю, разъехались.

Хотя создание Дунайского казачьего войска было вызвано государственной необходимостью, можно отметить, что оно было также результатом инициативы самих казаков. Сила казачьего войска заключалась, в частности, в том, что казачество было сообществом добровольным. Но крестьяне готовы были нести военную службу только при условии предоставления им традиционных казачьих вольностей. Попытка перевести на самообеспечение другую часть армии путем создания военных поселений встретила сопротивление крестьянства и оставила мрачный след в истории России первой половины XIX в. Казаки, военно-служилое сословие, готовы были служить, но не терпели военной регламентации своего быта. В 1817 г., когда на положение военных поселенцев была переведена часть казаков Бугского войска, охранявших границу по Пруту и Дунаю, это вызвало их возмущение.

Царское правительство не использовало должным образом всех возможностей хозяйственного освоения Буджака и развития его экономики и культуры, предоставленных ему существованием Дунайского казачьего войска. Как социально-культурному сообществу дунайским казакам не удалось закрепиться. Но бывшие их станицы существуют и сегодня, и память о казаках заслуживает сохранения.

И.А. Анцупов внес большой вклад в изучение истории казачества на юго-западе России.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р.* «И ... разошлись славяне по земле...»: Из истории Карпато-Днестровских земель VI – XIII вв. Кишинев, 2002. С.132-209.

2. См.: *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С.146-150, 292-296.

Евгений ШЕХАНИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.М. ПУРИШКЕВИЧА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Имя В.М. Пуришкевича, лидера «черносотенцев» и главы правых в российском парламенте, стало нарицательным в годы первой российской революции. О депутате из Бессарабии весьма негативно отзывались и вождь революции В.И. Ленин, и виднейший его противник, по словам Ленина, «умный вождь русской буржуазии», П.Н. Милуков. Наряду с П.А. Крушеваном, А.Н. Крупенским, Л.К. Кассо, П.В. Синадино он входил в когорту деятелей, заставивших общественность заговорить о «молдавском периоде» российской истории. Уже поэтому роль В.М. Пуришкевича в российском монархическом движении требует научного исследования.

Владимир Митрофанович Пуришкевич родился в 1870 г. в семье помещика Аккерманского уезда. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. Работая в канцелярии уездного предводителя дворянства в Аккермане, добился общественного доверия и был избран почетным мировым судьей, почетным попечителем гимназии. В 1897-1900 гг. В.М. Пуришкевич занимал пост председателя уездной земской управы. В 1900 г. он переехал в Петербург и в 1904 г. стал чиновником для особых поручений при министре внутренних дел В.К. Плеве. Это был знак высокого доверия. Но министр был в том же году убит террористами-эсерами, и Пуришкевич в МВД не прижился. В 1906 г. он ушел со службы, возвратился в Бессарабию и был избран во II Государственную Думу¹.

В Думе Пуришкевич отвергал любые попытки ограничения самодержавия, выступал не только в поддержку православной церкви, но и за ограничение деятельности священнослужителей других конфессий. В социальном плане он выдвигал туманные требования единения царя с народом и избавления народа от «кровопийц», под которыми подразумевались евреи, поляки, японцы, международный капитал и даже царские министры. Обсуждение социально-экономических проблем он пытался направить в русло межэтнических разборок².

Пуришкевич часто демонстрировал презрение к парламентской «говорильне». Утверждавшиеся в России принципы демократии, которые он ненавидел, позволили ему систематически дискредитировать идею

«народного представительства». Это подметил и антагонист Пуришкевича из крайне левого лагеря Л.Д. Троцкий: «Что же таит в себе В.М. Пуришкевич? Или, может быть, сам вопрос надо поставить иначе: каковы те недостатки механизма демократии, которые позволяют ему, Пуришкевичу, быть вождем, политической фигурой... Мы говорим о демократии, ибо несомненно, что без вторжения демоса на священную территорию политики В.М. Пуришкевичу пришлось бы безвестно влачить дни свои в степях Бессарабии»³.

Революцию В.М. Пуришкевич трактовал как антигосударственное, антинациональное, антирусское явление и принял участие в формировании главной организации российского государственно-охранительного («черносотенного») движения – Союза русского народа. Он не чуждался повседневной политико-организационной работы, обладал даром оратора, доступом к думской трибуне и занял пост заместителя председателя Союза. Однако ненадолго. Уж в 1907 г. В.М. Пуришкевич вошел в конфликт с лидером СРН профессором А.И. Дубровиным, был смещен с поста товарища председателя Союза и вынужден покинуть организацию. Но не смирился. В феврале 1908 г. Пуришкевич и его сторонники создали новую «черносотенную» организацию – Союз русского народа имени архангела Михаила. Пуришкевич был известен в стране, а в родной Бессарабии даже популярен, и это помогло ему добиться избрания также в III и IV Думы.

В годы мировой войны лидер правых словом и делом поддерживал правительство. На собственные средства снарядил он санитарный поезд и вывозил на нем раненых с фронта в тыл. Но осенью 1916 г. нарастающая в стране разруха вынудила Пуришкевича занять более критическую, чем прежде, позицию по отношению к монархии. 19 ноября 1916 г. он произнес в Государственной Думе «историческую» речь, полную критики в адрес правительства. Правые круги в большинстве своем от него отвернулись, признав изменником монархическому принципу; другие отнеслись с пониманием, но также не поддерживали. Но Пуришкевич был намерен спасти монархию. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. он принял участие в убийстве Г.Е. Распутина, «злого гения» царской семьи, ненавидимого едва ли не всей Россией. Наказан он не был, более того, на недолгое время В.М. Пуришкевич стал едва ли не «национальным героем».

Но убийство Распутина не спасло Россию от революции. Напротив оно послужило ее первым выстрелом, и глубоко символично, что произвел его человек, истово защищавший старый порядок. Февральская революция 1917 г. положила конец существованию монархии и, естественно, монархического Союза архангела Михаила. И все же после революции Пуришкевич оказался чуть ли не единственным правым деятелем, удержавшимся на политической арене. Своей непримире-

мой позицией по отношению к большевизму и критикой Временного правительства, либерализма вообще он начал возвращать к себе расположение консервативных сил русского общества⁴.

После Октября 1917 г. В.М. Пуришкевич решительно выступил против советской власти. Он был арестован большевиками как член контрреволюционной монархической организации. В марте 1918 г. ему был вынесен мягкий приговор - общественно полезные работы, а к 1 мая лидер правых был вообще амнистирован. Явно рассчитывая продолжить политическую борьбу, он заявил: «Я остался тем же, кем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту». В сентябре, после покушения на В.И. Ленина, большевики развернули красный террор, и уже эта фраза могла стоить Пуришкевичу жизни, но он своевременно выехал на юг России, где формировалась Добровольческая армия, и принял участие в Белом движении.

Сведения о последнем периоде его политической жизни скудны, а ряд моментов его биографии времен гражданской войны и вовсе неизвестен. По сути, единственной на сегодняшний день работой, специально посвященной политической деятельности Пуришкевича в 1918-1920 гг., является небольшой очерк В. Бардадыма⁵. Из приведенных им и другими историками данных следует, что бывший лидер Союза архангела Михаила сохранил волю к борьбе, авторитет среди правых и способность к политическому действию. Он попытался противопоставить большевикам то, чего не имелось у белых генералов, – положительную политическую программу и государственно-политический стержень – Всероссийскую национально-государственную партию.

ВНГП была создана по инициативе Пуришкевича в 1919 г. в контролируемых белой армией А.И. Деникина областях на юге России. Главный совет партии находился в Ялте, ее «отделы» (региональные организации) имелись также в Ростове-на-Дону, Одессе, Кисловодске, Новороссийске, Екатеринодаре, Харькове⁶. Председателем партии, естественно, стал сам В.М. Пуришкевич. Ему удалось собрать под ее знамена «цвет» дореволюционной фракции правых и русских националистов в думских и правительственных кругах. В Главный Совет партии вошли Н.Н. Фермор (товарищ (заместитель) председателя), В.В. Касаткин (секретарь), Л.М. Савелов (управляющий делами), А.И. Асеев. В руководство партии входили также известный поэт-монархист С.С. Бехтеев (сын члена правой группы Государственного Совета, видного деятеля Объединенного дворянства С.С. Бехтеева), граф Д.М. Граббе, бывший член фракции националистов и умеренно-правых в III и IV Государственных Думах, член Всероссийского национального клуба (ВНК) и Совета Всероссийского национального Союза Н.Н. Ладомирский, А.И. Мосолов (в прошлом деятель правой группы Государственного Совета и член Совета монархических съездов),

Я.Н. Офросимов (бывший член Государственного Совета, ранее сотрудничавший с Пуришкевичем во Всероссийском Филаретовском обществе народного образования), брат Владимира Митрофановича М.М.Пуришкевич, в прошлом участник Русского Собрания, а также известные в то время деятели правого лагеря В.С. Мясоедов, М.М. Раевский, Н.И. Юрлов⁷.

Николай II скомпрометировал династию Романовых даже во мнении монархистов. В ВНГП обсуждался вопрос о выборе царя из другой ветви Рюриковичей, например, из рода графов Шереметевых. Кстати, представитель этого рода входил в руководство партии⁸. Впрочем, вокруг вопроса о будущем кандидате в монархи в ВНГП, похоже, единой позиции не было. Сам Пуришкевич на роль диктатора, призванного навести порядок в стране до провозглашения законного монарха, предлагал все-таки представителя дома Романовых – великого князя Николая Николаевича, на коем, как писал лидер ВНГП, «почиют чистые надежды лучшей части русского общества». «Большевицкая власть в России, если мы желаем спасения России, – отмечал в 1919 г. Пуришкевич, – должна быть заменена властью беспощадного русского диктатора, обязанностью коего явится найти и жестоко покарать главных виновников, обративших народ в зверя, после чего преемником этой власти должен быть только русский Царь-Самодержец»⁹.

В разгар гражданской войны, в условиях распада Российского государства В.М. Пуришкевич выступал за восстановление «единой и неделимой» России. Этот лозунг стал главным программным требованием белых, обеспечившим им поддержку части патриотических сил. Но даже бывший «черносотенец» не считал целесообразным насильственно удерживать в составе православной России католическую Польшу. Восстановленное русское государство, провозглашала ВНГП, должно включать всю территорию Российской империи, за исключением Польши.

Менее реалистичной была приверженность В.М. Пуришкевича православной самодержавной монархии. «Только как Монархия и Монархия Самодержавная может и будет существовать единая, неделимая, независимая Православная Россия», – такие слова были начертаны на стилизованном под свиток листе, который держал в руке на одной из фотографий 1919 г. лидер ВНГП. Что касается программы партии, то она была изложена в брошюре М.М. Пуришкевича «Республика или Монархия?», изданной в Ростове-на-Дону в 1919 г. Главным Советом ВНГП. Вступительная статья, написанная В.М. Пуришкевичем, носила программный характер, определяя позицию партии по такому основополагающему вопросу, как характер и форма государственности России по окончании гражданской войны. Декларируя приверженность монархии, В.М. Пуришкевич уже не был сторонником самодер-

жавия. При возрожденной в России монархии, полагал он, будет создано двухпалатное представительное собрание, причем одна треть верхней палаты будет назначаться верховной властью. ВНГП декларировала также расширение местного самоуправления, низшей единицей которого мыслился церковный приход, объединяющий «для хозяйственных целей всех граждан без различия вероисповедания, а по вопросам церковным – только православных», разрешение аграрного вопроса в духе уничтожения общины и создания мелкой собственности за счет всех земель, кроме частновладельческих, запрет на пропаганду социализма. Также провозглашалось, что «народное образование должно носить характер церковно-государственный, лишь в исключительных случаях допускается инициатива частных лиц при контроле со стороны церкви и государства»¹⁰.

Выступая против политики полумер, провозглашая непримиримую борьбу с большевизмом, признавая «твердость этой власти и волевой импульс ее проводников», В.М. Пуришкевич определял главной целью советской власти «растление христианских народов мира в интересах иудаизма»¹¹. Антисемитизм был свойствен всем антисоветским националистическим движениям, особенно в Польше, на Украине и на Дону, поэтому Пуришкевича можно заподозрить в стремлении поэксплуатировать политическую конъюнктуру. Но в России, – а именно на ее общественность следовало ориентироваться в борьбе за власть в государстве, – антисемитские взгляды разделяли, скорее, политические экстремисты, а не большинство населения. После выступлений Пуришкевича в Кисловодске и Харькове с публичными лекциями на тему еврейского участия в революции отдел пропаганды Добровольческой армии отметил в своих донесениях, что эти выступления прошли «при огромном стечении народа» и имели «шумный успех». Но, продолжали деникинские пропагандисты, «принимая во внимание то обстоятельство, что [...] Пуришкевич имел успех, главным образом, среди интеллигенции, можно [...] утверждать, что партия его успехом среди народа пользоваться не будет, так как последний слишком чутко реагирует на все, напоминающее правый монархизм»¹². Таким образом, использование лозунгов антисемитизма даже белым представлялось политической ошибкой.

Вряд ли способствовали сплочению антибольшевистских сил и призывы Пуришкевича к политической непримиримости. Во времена, когда белые наступали на Москву и деникинцы особенно нуждались в поддержке всех антибольшевистских сил, он заявлял, что «всякие заигрывания с социалистами и кадетами всех мастей обречены на полный провал: они увеличат только то колоссальное море святой крови русского воинства, которое пало в гражданской войне за идею Единой России», делая из этого вывод, что «только Монархия может спасти

Россию; [...] только при наличии Царской власти обеспечены для России как ее Государственное единство [...] так и политическая мощь и влияние на ход исторических событий среди держав мира в грядущие годы»¹³.

В этом Пуришкевич был прав. Четкая постановка большевиками вопроса о будущей власти («Власть – Советам!») находила больший отклик в народе, чем данное белыми обещание созвать после свержения Советской власти Учредительное собрание. Партия Пуришкевича выступила также с резкой критикой действий руководства Добровольческой армии, считая, что руководители Белого движения борются лишь с последствиями (т.е. большевизмом), а не с причинами – ослаблением православной веры и монархического чувства в народе, либерализмом, подготовившим почву для прихода к власти большевиков. Выход из сложившейся ситуации виделся лидеру ВНГП в «устранении от власти всех политических фетюков – разрушителей России» (т.е. либералов – в особенности «блудоязычных кадетов», а также социалистов, примкнувших к Белому движению) и содействии психологическому сдвигу народных масс вправо путем установления «волевой диктатуры», с последующим восстановлением самодержавной монархии¹⁴.

Открыто провозгласив монархические и национал-патриотические принципы, критикуя белые правительства, ВНГП, естественно, оказалась в оппозиции к «непредрешенческой» политике, которую проводили А.В. Колчак, А.И. Деникин и другие вожди Белого движения. Оппозиция справа тоже была оппозицией. Поэтому администрация генерала А.И. Деникина препятствовала работе монархистов, и возможностей тиражировать свои взгляды у Пуришкевича было немного. ВНГП, неспособная развернуться в мощную политическую структуру, получила от своих противников уничижительное прозвище «партии курортников». Рупором ВНГП призван был стать журнал русской монархической народно-государственной мысли «Благовест». Первый его номер вышел в Ростове-на-Дону только в декабре 1919 г. Журнал открывался символическим стихотворением Пуришкевича «Молитва», в котором рефреном повторялись следующие слова: «Боже, помилуй нас в смутные дни, / Боже, царя нам верни!». В ряде статей, преимущественно написанных лидером ВНГП (в том числе и под псевдонимом «В. Чарский»), журнал также декларировал позицию новой партии по основным политическим вопросам. Кроме того, Пуришкевич безжалостно обрушивался на Осведомительное агентство и Бюро пропаганды Добровольческой армии («Осваг») из-за «недостатка русских фамилий» и непропорционально большой доли евреев¹⁵. Однако статья влиятельным национально-монархическим изданием «Благовесту» так и не довелось – первый номер журнала оказался и последним.

Осенью 1919 г. деникинские войска были разбиты, началось их отступление к портам Черного моря. В.М. Пуришкевичу и его единомышленникам следовало эвакуироваться. Но жизнь политика оборвалась внезапно. В январе 1920 г. он заболел сыпным тифом и скончался. С его смертью прекратила свое существование и ВНГП.

В отличие от большинства дореволюционных лидеров правых сил, в годы революции и гражданской войны В.М. Пуришкевич не прекратил политической борьбы. Однако его попытка сформулировать идеологию, призванную сплотить государственно-охранительные силы, оказалась несостоятельной, потому что не предлагала приемлемого решения главных социальных вопросов России того времени – рабочего и крестьянского. По существу проигнорировал он и национальный вопрос. Но следует признать, что на политической арене В.М. Пуришкевич неизменно выступал с российских государственно-патриотических позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суляк С. Ими гордится Молдавия // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006. № 3 (5). С. 134.
2. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 1 / Под ред. Бабилунга Н.В., Боменко, Б.Г. Тирасполь, 2000. С. 462.
3. Там же. С. 462-463.
4. Иванов А.А. Русская монархия. М., 2003. С. 34.
5. Суляк С. Указ. соч. С.138. См. также: Бардадым В. В.М.Пуришкевич на Кубани. Штрихи к политическому портрету // Бардадым В. Кубанские портреты. Краснодар, 1999.
6. Бутаков Я.А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. N2 (7). С. 18; [Степанов С.А.] В.М.Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 340.
7. Пуришкевич М. Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов-на-Дону, 1919. С. 19.
8. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18.
9. Благовест. Журнал Русской Монархической Народно-Государственной мысли. Ростов-на-Дону. 1919. N 1. С. 2, 23.
10. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18.
11. Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич М. Республика или Монархия... стр. без номера.
12. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18. Автор ссылается на: ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 69.
13. Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич М. Указ. соч.. Стр. без номера; Благовест. С.1.
14. Благовест. С. 1-2, 24.
15. Там же. С. 3-5.

Анжела ЖАКОТА

ЗАГАДКИ ГЕНЕРАЛА А.В. ТУРКУЛА

Широко известны имена уроженцев Бессарабии – видных участников революции и гражданской войны Г.И. Котовского, С.Г. Лазо, молдаванина М.В. Фрунзе, но деятели того же масштаба имелись и среди их противников – участников Белого движения. Один из них – уроженец Тирасполя Антон Васильевич Туркул. О его пути в годы гражданской войны можно судить по его книге «Дроздовцы в огне», а также по труду бывшего командующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина «Очерки русской смуты», по воспоминаниям эмигрантов. Тем не менее, А.В. Туркул оставил историкам немало загадок.

Да, в годы гражданской войны он командовал одним из самых боеспособных соединений белой армии, лично водил дроздовцев в атаки на пулеметы красных. Историк эмиграции Нина Берберова определяет его как «крайне правого» деятеля, причем прогерманской ориентации. Та же Н.Н. Берберова отмечает, что в 20-е гг. А.В. Туркул был связан с антисоветской подпольной организацией «Трест», «насквозь пронизанной тайными агентами ГПУ». А западные исследователи Марк Аронс и Джон Лофтус, имевшие доступ к архивам западных спецслужб и Ватикана, утверждают, что белогвардейский генерал, убежденный монархист Антон Туркул с 20-х гг. и до самой своей смерти в 1957 г. выполнял задания Главного разведывательного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГРУ). За свою долгую работу разведчика, утверждают историки, он установил тесные контакты с разведками Франции, Германии, Италии, Японии, США и Ватикана, которые получали от него «огромный поток дезинформации», рассматривавшейся спецслужбами как «ценнейшие сведения о реальном положении дел в советской России». В то же время действительно правдивая и исключительно важная информация шла от него в Москву. По мнению исследователей, «Антон Васильевич Туркул, возможно, величайший профессиональный шпион двадцатого столетия». Вопрос о том, был ли Туркул советским агентом, ставит и Н.В. Вишневский, внук генерала-дроздовца К.А. Кельнера. Кем же он был – патриотом России или врагом Отечества, в годы второй мировой войны докатившемся до службы Гитлеру?

Отметим одну странность: связи Туркула с разведками Франции, Германии, Италии, Японии, США и Ватикана, которые еще нужно до-

казать, его критики почему-то не считают предосудительными, такими они признают только предполагаемые связи генерала с секретной службой его Родины. Однако приведенные М. Аронсом и Дж. Лофтусом биографические данные о А.В. Туркуле не дают оснований подозревать его в симпатиях ни к большевикам, ни к немцам. Он родился в 1892 г. в Тирасполе в семье служащего. По окончании реального училища начал работать по гражданскому ведомству. В 1910 г. был призван рядовым в 56-й Житомирский пехотный полк. В начале Первой мировой войны поступил в юнкерское училище. По прохождении ускоренного курса был произведен в прапорщики и зачислен в 75-й Севастопольский пехотный полк. Воевал храбро, командовал умело. К концу войны Туркул был трижды ранен, произведен в штабс-капитаны, награжден боевыми орденами. Ни фабрик, ни земельной собственности у него не имелось, поэтому возникает вопрос: почему в гражданской войне он принял участие на стороне белых, защищавших, как принято считать, интересы помещиков и капиталистов?

А.В. Туркул воевал на Румынском фронте. В начале 1918 г., когда армия распалась, он записался в Яссах в добровольческий отряд подполковника генерального штаба Михаила Гордеевича Дроздовского, намеренный отступить в Россию не поодиночке, а организованно. Во время похода отряда через Кишинев, Дубоссары и далее, по тылам занявших Новороссию австро-германских войск, на Дон капитан Туркул служил фельдфебелем офицерской роты. Весной 1918 г., во время Второго Кубанского похода Добровольческой армии Туркул уже командовал ротой офицерского стрелкового полка. 16 июня 1918 г. в бою с красными казаками под станицей Корневской он был тяжело ранен и вернулся в строй только в начале 1919 г. Командир дивизии М.Г. Дроздовский к этому времени погиб. Погибли и три брата А.В. Туркула. В октябре, когда красные перешли в наступление, А.В. Туркул – уже в чине полковника – принял командование 1-м офицерским стрелковым полком дивизии, получившей имя Дроздовского.

Даже в условиях развала фронта деникинской армии дроздовцам удалось сохранить боеспособность и отступить в Крым. 7 апреля 1920 г. за успешную десантную операцию – захват порта Хорлы – приказом нового главнокомандующего белых войск на юге России генерала П.Н. Врангеля 28-летний полковник Туркул произведен в чин генерал-майора. 6 августа 1920 г., в разгар в боев в Северной Таврии, он принял командование Дроздовской стрелковой дивизией. Под его началом дивизия дралась до октября 1920 г. Участвовать в последних боях белой армии А.В. Туркулу не довелось. В конце октября он заболел тифом и был эвакуирован в Константинополь. Выздоровев, вновь принял на себя командование остатками Дроздовской дивизии – находившимся в Галлиполийском лагере Дроздовским стрелковым полком.

В эмиграции А.В. Туркул не оставлял попыток продолжить борьбу с большевизмом. С осени 1921 г. жил в Болгарии. В 1923 г. он, командуя белыми частями, принял участие в подавлении Сентябрьского коммунистического восстания. Вскоре, перебравшись в Париж, он стал деятельным членом главной военной организации белых эмигрантов – Русского Общевоинского Союза (РОВС). Организация «Трест» действительно была создана по инициативе председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, но это обстоятельство, на наш взгляд, еще не доказывает, что Туркул был агентом ОГПУ: чекисты могли его, как и всех прочих, ввести в заблуждение.

РОВС пытался вести подрывную работу на территории СССР, но главное, готовил антибольшевистские кадры, обещая иностранным правительствам в случае войны против России «выставить целую армию кадровых офицеров». 16 июля 1936 г. А.В. Туркул нанес по РОВС удар, учредив другую организацию, якобы ветеранскую, – Русский Национальный Союз участников войны (РНСУВ). За это он был исключен из РОВС. Если он был агентом, его возможности следить за главной военной организацией белых эмигрантов резко уменьшились. Вместе с тем монополии РОВС на представительство военной эмиграции был положен конец. Через несколько месяцев ОГПУ нанесло новый удар: руководитель РОВС генерал Н.К. Миллер был похищен, причем при участии бывшего начальника «именной», как и Дроздовская, дивизии армии А.И. Деникина – Корниловской, генерала Н.В. Скоблина. Когда последнее стало известно, это обстоятельство скомпрометировало антисоветских «активистов».

Как расценивать политическую инициативу Туркула – как свидетельство его мнения о том, что РОВС выдохся, и желания отмежеваться от обреченной организации или как выполнение задания ОГПУ по развалу этой антисоветской организации? Возможно и то, и другое. Опираясь на РНСУВ, А.В. Туркул сотрудничал с другими эмигрантскими организациями и поддерживал связи с японской разведкой, от которой получал финансовые средства. На что расходовались эти средства, по имеющимся материалам установить невозможно. Но активность Туркула была замечена французской контрразведкой. В апреле 1938 г. он был без объяснения причин выслан из Франции. В 1938-1939 гг. он жил в Берлине, затем в Риме и Софии. Следует ли это понимать так, что постоянного пристанища, а значит, и связей с разведками других европейских стран, у Туркула не имелось? Или генерал выполнял уже задание немецкой разведки?

В конце 1942 г. он совершает поездку в захваченный немецкими войсками Севастополь. С какой целью? Версия о том, что Туркул пытался отыскать могилу своего бывшего начальника генерала М.Г. Дроздовского, доверия не внушает. А главное, мог ли он предпринять эту

поездку без согласия германских спецслужб? Другие эмигранты, побывав на оккупированной территории, возвращались на Запад врагами нацистов и разясняли: «Немцы всех нас хотят обратить в рабов», – и присоединялись к движению Сопротивления. Туркул в декабре 1944 г., когда победа Антигитлеровской коалиции была очевидна, совершает странный поступок: он принимает участие в создании власовского т.н. Комитета освобождения народов России (КОНР). В марте 1945 г. он уже формирует в Словении Отдельный корпус Вооруженных Сил КОНР. На комплектование корпуса немцы направили более 5 тыс. мобилизованных русских эмигрантов, преимущественно бывших участников белого движения. Воевать они умели, сдаваться «красным» не собирались и крови могли пролить немало. Но о каких-либо столкновениях частей корпуса с югославскими партизанами данных нет, а в последние дни войны Отдельный корпус вместе с Русским корпусом полковника Рогожина, также сформированным из эмигрантов, был отведен из Словении в Италию, где и сложил оружие.

Конечно, служба Гитлеру предосудительна. Но ведь против Красной Армии Отдельный корпус так и не повоевал! Существенную, возможно, решающую роль сыграл в этом А.В. Туркул. Однако он мог отвести корпус в Италию не потому, что был советским агентом, а потому, что понимал бессмысленность кровопролития. Белоэмигранты не являлись советскими гражданами и, поступив на немецкую службу, государственной измены не совершили. Поэтому солдаты и офицеры Отдельного корпуса, в отличие от личного состава власовских частей, не были выданы американцами и англичанами Советскому Союзу. Сам генерал был в мае 1945 г. арестован союзниками и до 1947 г. находился в заключении. Бывшего донского атамана П.Н. Краснова и некоторых других высокопоставленных эмигрантов советские власти все же сумели вытребовать у англичан и американцев. Но не Туркула. Уже в 1950 г. он возвратился к политической деятельности. В августе того же года организовал съезд ветеранов РОА, где был избран председателем Комитета объединенных власовцев (КОВ), который и возглавлял до конца жизни. Он же стоял во главе организации невозвращенцев.

Возможно, возникновению подозрений о тайных связях Туркула с Москвой способствовали его разъезды по миру и, главное, выход в свет его книги воспоминаний о гражданской войне «Дроздовцы в огне». Она написана горячим патриотом России. Бросается в глаза невнимание автора к социальным целям белого движения. Белогвардейский генерал с молдавской фамилией сражался не за власть помещиков и капиталистов, а за восстановление единой и неделимой России, как он полагал, разрушенной революционерами. Кстати, никаких аргументов, кроме российского патриотизма Туркула, не выдвигает в подтвержде-

ние своих предположений о его разведывательной миссии и Н.В. Вишневецкий, упоминающий о пребывании генерала в Венесуэле.

Назовем еще одну загадку А.В. Туркула – его национальную принадлежность. Туркул – фамилия молдавская, но себя Антон Васильевич называл русским. Фамилия Туркул встречается и в Закарпатье, у русинов. А русины считали себя русскими, одним из их самоназваний было «русские люди». Возможно, А.В. Туркул по происхождению русин. Во всяком случае, судя по его воспоминаниям, молдавского языка он не знал, хотя о молдаванах-офицерах белой армии упоминает. В 20-е гг. он бывал в Кишиневе, но попыток поселиться в Бессарабии не предпринял.

Обзор деятельности А.В. Туркула в 20-50-е гг. не дает оснований для вывода о его связи с советской разведкой. Нет и данных о том, что он действительно наносил ущерб интересам СССР/России после окончания гражданской войны. Думается, что обвинения, выдвинутые против Туркула, основаны также на том факте, что генерал Н.В. Скоблин и некоторые другие бывшие офицеры белых армий в 20-30-е гг. действительно выполняли задания ОГПУ. Версия о попытке – якобы, неудачной – вербовки Туркула советской разведкой упомянута в основанной на документах книге Леонида Млечина «Сеть: Москва-ОГПУ-Париж». Установление бывшими белогвардейцами секретных связей с ОГПУ нельзя трактовать как их измену «белому делу». Дело это было проиграно с окончанием гражданской войны, а Россия жила и строилась. Эмигранты желали верить в прогресс Родины, и многие из них, руководствуясь патриотическими мотивами, хотели ей служить.

Умер А.В. Туркул 19 августа 1957 г. в Мюнхене в возрасте 66 лет. Будь он советским разведчиком, он бы, наверное, успел возвратиться на Родину. Похоронен он в предместье Парижа на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа. Его могила находится рядом с памятником «Генералу Дроздовскому и дроздовцам». Связи А.В. Туркула с советской разведкой остаются недоказанными. И все же личность и деятельность этого незаурядного человека обоснованно привлекают интерес историков и писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. М., 1996.
2. За Святую Русь! Генерал А. Туркул. В литературной обработке И. Лукаша. М., 1997.
3. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.

4. *Цурканов Ю.* Белая эмиграция во Второй мировой войне. Неудавшийся реванш. М., 2001.
5. *Офицерский корпус армии генерала А.А. Власова. 1944-1945 гг.* СПб., 2001.
6. *Окоров А. В.* Фашизм и русская эмиграция. М., 2002.
7. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.
8. *Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков-Москва, 1997.
9. *Любимов Л.* На чужбине. Ташкент, Узбекистан, 1990.
10. *Млечин Л.* Сеть: Москва-ОГПУ-Париж. Книжное приложение к альманаху «Конец века». 1991.
11. *Суляк С.* Ими гордится Молдавия // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006. № 3 (5). С. 143-145.

Сергей ТОКАРЕВ

МИНИСТР СИБИРИ

Политический портрет А.А. Червен-Водали

Упоминания об Александре Александровиче Червен-Водали – деятеле партии кадетов, а в годы гражданской войны – министре в правительстве адмирала А.В. Колчака, появились в трудах историков только в 70-е гг. XX в. Его характеристика противоречива. Для одних исследователей он бессарабский помещик, появившийся в Сибири у Колчака летом 1919 г. «для ловли счастья и чинов»¹, для других – видный представитель российской контрреволюции, по психологическому складу и по идейной позиции во многом привлекательная фигура. «Червен-Водали, – еще в 1982 г. признала советский историк Н.Г. Думова, – был человеком идеи, готовым ради нее на жертвы, неукоснительно следовавший партийной дисциплине»². Поэтому, а также потому, что происхождением А.А. Червен-Водали связан с Бессарабией, политический и нравственный облик этого человека представляет интерес и в наши дни.

А.А. Червен-Водали действительно происходил из семьи бессарабских дворян. Его отец Александр Христофорович упомянут в официальном Списке дворянских родов Бессарабской губернии³. Но помещиком он не был, служил по гражданскому ведомству и имел невысокий классный чин коллежского асессора⁴. По национальности отец был молдаванин, мать – англичанка. Это была замечательная женщина: «красавица, нежная, принципиальная, стойкая». В семье было восемь детей – сын Александр и семь дочерей. Жили в Кишиневе. Дочери

учились блестяще, получили среднее образование в Кишиневской гимназии. Александр родился 25 ноября 1871 г. Начал обучение он также в Кишиневе. Но отец разорился, и семья распалась. Мать и сестры переехали в Одессу, где открыли частное семиклассное училище. Александр окончил гимназию, затем поступил сразу на два факультета Санкт-Петербургского университета – физико-математический и юридический. Он оказался человеком одаренным и был оставлен при университете на кафедре физики для приготовления к профессорскому званию. Однако в его судьбу вмешалась любовь. В 1899 г. Червен-Водали женился и перешел на работу в морское ведомство, потом уехал в Тверь, где стал нотариусом⁵.

В Твери он попал в поле зрения почти земляка – губернатора князя С.Д. Урусова, бывшего губернатора Бессарабии, известного либерала. У них нашлись общие знакомые, политические симпатии также оказались схожими. Расположение губернатора помогло А.А. Червен-Водали сделать карьеру в общественных организациях⁶. Он избирался гласным городской Думы. Возглавлял тверской комитет помощи безработным. Комитет организовал общественные работы, открыл столовые и учреждения для оказания помощи детям и семьям рабочих. В 1905 г., когда в России началась революция, Червен-Водали вступил в Партию конституционных демократов и возглавил ее комитет в Твери. Занимал довольно радикальную позицию. В жандармской записке о революционном движении в Тверской губернии с 1 апреля по 1 октября 1907 г. Червен-Водали именуется «социал-демократом-большевиком, примыкающим к кадетской партии». За ним был установлен негласный надзор. На продвижение по государственной службе рассчитывать не приходилось. А.А. Червен-Водали отходит от политической деятельности и занимается делами открытого в Твери народного университета, а затем, в июне 1910 г., на 5 месяцев уезжает за границу⁷.

В 1912 г., когда в России начался новый общественный подъем, А.А. Червен-Водали возобновляет политическую деятельность. Его избирают членом ЦК кадетской партии. Затем он побеждает на выборах в IV Государственную Думу и становится членом кадетской фракции. В годы Первой мировой войны он участвует в мобилизации сил страны, возглавив Тверской городской военно-промышленный комитет – общественную организацию, входившую в состав Московского областного ВПК⁸. А.А. Червен-Водали добился получения тверскими промышленниками заказов на изготовление бомбометов и снарядов к ним, на пошив брюк для армии, на изготовление повозок и подков для армии. Он способствовал укреплению крестьянских хозяйств, улучшению валютного рынка и стабилизации курса рубля. Руководил Тверским комитетом Союза городов по организации помощи

воинам, городским продовольственным комитетом⁹. Тверской городской ВПК провел мобилизацию местной промышленности для нужд обороны.

Участвуя в работе Думы, в съездах представителей ВПК, А.А. Червен-Водали стал деятелем всероссийского масштаба. Февральскую революцию он встретил политиком и умелым организатором. 1 марта 1917 г., еще до отречения Николая II, на заседании Тверской городской Думы, общественных организаций и рабочих А.А. Червен-Водали был избран председателем Тверского временного городского комитета общественных организаций. На этом посту он проявил себя человеком гуманным и смелым. «Этот комитет, – вспоминал современник, – взял власть в свои руки и предложил губернатору Н.Г. фон Бюнтингу сдать им дела, а самому куда-нибудь с семьей заблаговременно скрыться от смертной опасности. [...] Губернатор действительно отправил своих детей и жену [...] куда-то за город, а сам остался...». И напрасно. На следующий день толпа ворвалась в губернаторский дворец, учинила разгром, а губернатора выволокла на улицу. «Масса, – продолжил мемуарист, – требовала убить тут же. Напрасны были уговоры. Вышел на угол [...] Червен-Водали, влез на какой-то столбик и начал говорить речь, очевидно против насилия. Но один солдат прикладом ружья разбил ему в кровь лицо, и того повели в комитет. На его место встал полковник Полковников, уже революционно избранный начальник, и тоже говорил. Но прикладом ружья и он был сбит на землю. [...] И тут кто-то, будто бы желая даже прекратить эти мучения, выстрелил из револьвера губернатору в голову»¹⁰.

Анархия нарастала, требовалось обеспечить общественную безопасность и какой-то порядок, и городской комитет превратился в губернский. Его председатель А.А. Червен-Водали стал губернским комиссаром Временного правительства, главой губернской администрации. Он создал городскую милицию, отдал приказ уничтожить запасы казенного спирта, установил вооруженную охрану важнейших объектов в Твери, взял на учет имевшиеся продукты, проверил их распределение, принял меры к сохранению культурных ценностей¹¹. Определенный порядок в Твери был наведен. Оценив энергию и таланты Червен-Водали, руководство партии кадетов уже в мае 1917 г. переводит его на работу в Москву. Там он становится членом городской управы, комиссаром по благотворительным делам.

После Октябрьской революции А.А. Червен-Водали включается в борьбу против большевистской власти. Он выезжает в Киев и становится там одним из организаторов антибольшевистского подполья. Весной 1918 г. он – один из руководителей контрреволюционного объединения «Правый центр», в июне участвует в формировании неле-

гальной организации «Национальный центр»¹². В Центральной России уже действовала ВЧК, подпольная политическая деятельность становилась смертельно опасной, и часть вождей «Национального центра» вскоре перебралась на юг, в зону действий Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Белым вождям, полагал А.А. Червен-Водали, необходимо было помочь разработать отвечающую интересам масс экономическую программу. Он также пробрался в Екатеринодар.

А.И. Деникин включил некоторых кадетов из «Национального центра» в состав Особого совещания, выполнявшего правительственные функции. А.А. Червен-Водали взялся за создание законодательных проектов по аграрному, продовольственному и рабочему вопросам. Он выступал против безоглядной защиты интересов помещиков, предлагая принять меры для привлечения на сторону Добровольческой армии крестьянства. На заседании «Национального центра» в Екатеринодаре Червен-Водали призывал своих коллег отказаться от борьбы с большевиками при помощи одних штыков и принять меры, «способные убедить рабочее население в том, что возрождаемый порядок лучше большевистского»¹³. По его настоянию в политическую платформу Национального центра был включен пункт об обеспечении права защиты своих профессиональных интересов с сохранением 8-часового рабочего дня для квалифицированных работников. На предприятиях А.А. Червен-Водали предлагал начать подготовительные работы по законодательному урегулированию рабочего вопроса с привлечением как предпринимателей, так и пролетариев. Если бы белое движение смогло скорректировать свою политику в рабочем и крестьянском вопросах, исход гражданской войны мог оказаться иным.

В марте 1919 г. екатеринодарские деятели «Национального центра» получили письмо сибирских кадетов с просьбой прислать в ставку временного Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака опытных организаторов, способных реализовать идею объединения фронта и тыла. Решено было направить А.А. Червен-Водали. До Сибири он добирался вокруг Азии, через Индийский океан. Во Владивосток прибыл только в июле 1919 г. По прибытии в Омск был принят адмиралом Колчаком и 1 августа вошел в состав Государственного экономического совещания. А. А. Червен-Водали установил служебные и личные связи с одним из лидеров либералов Сибири, главой колчаковского правительства В.Н. Пепеляевым. Но на фронте красные войска под руководством М.В. Фрунзе добились перелома, а в тылу Колчака действовали десятки тысяч партизан, возникали крестьянские «республики». Стремясь спасти режим путем его либерализации, В.Н. Пепеляев предложил А. А. Червен-Водали войти в состав правительства¹⁴. 25 ноября 1919 г. Александр Александрович ступил на капитанский мостик тонущего корабля — принял должность това-

рища (заместителя) министра внутренних дел с возложением на него временного управления министерством.

А.А. Червен-Водали не поступился убеждениями. Этот пост он согласился занять при условии созыва Земского собора, активного сотрудничества правительства с земскими и городскими организациями, подчинения военных властей гражданским, передачи продовольственного дела земствам и городам, повышения роли Совета министров и смещения реакционных военных и гражданских деятелей. А.В. Колчак вроде бы согласился с этой программой. Временно приняв на себя обязанности заместителя председателя правительства, А.А. Червен-Водали пытался привлечь общественность к сотрудничеству с властью, выступил инициатором освобождения ряда политических заключенных. Но наступление Красной Армии и развал белой власти в Сибири не позволили наладить работу правительства.

Транссибирская магистраль была забита эшелонами с отступающими войсками. Адмирал утратил связь с их командирами и оказался на положении пленника командования Чехословацкого корпуса. В этот момент, 28 декабря 1919 г., А.А. Червен-Водали вместе с военным министром М. В. Ханжиным и временно управляющим министерством путей сообщения А. М. Ларионовым образовал в Иркутске оперативный орган государственного управления, названный противниками «троекторией». Именно он оказался ее главным деятелем. В январе 1920 г., когда в Иркутске началось антиколчаковское восстание, А.А. Червен-Водали сохранил присутствие духа. Стремясь решить вопрос о власти без пролития крови, он начал переговоры с руководством восстания, т.н. Политцентром. Призывая спасти жизнь десятков тысяч русских людей – белых и красных, – он соглашался на отставку Колчака и обещал созвать Земский собор¹⁵.

Но сила была на стороне восставших. Они перерезали белым войскам путь к отступлению на Дальний Восток, на их сторону переходили части колчаковской армии. Покупая себе спасение, чехословаки выдали красным Верховного правителя и находившийся под их охраной золотой запас России – 30 тысяч пудов золота¹⁶. Были арестованы и находившиеся в Иркутске колчаковские деятели. В мае 1920 г. они предстали перед Чрезвычайным революционным трибуналом при Сибирском революционном комитете. Свою и многих других участников белого движения деятельность в годы гражданской войны А.А. Червен-Водали объяснил патриотическими, а не социальными мотивами. «Под словом родина, – заявил бывший министр, – я понимаю и думаю, что и понимают другие: страну, в которой мы выросли, среди народа русского, среди людей, которые нам так же дороги, как и всем остальным русским людям, и если мы в период борьбы совершали, может быть, действия, которые нанесли, может быть, ущерб

родине, то не следует, что эти действия были целью нашей работы. Мы считали, что этим путем мы достигнем пользы родине. Потому что под отечеством мы подразумевали русский народ полностью, а не какой-нибудь отдельный класс...»¹⁷.

Обвинение не смогло вменить ему в вину организацию каких-либо преступлений. В европейской части России смертная казнь была к этому времени отменена. Но в Москве и Петрограде были раскрыты организации «Национального центра», и суду стала известна роль Червен-Водали в формировании антибольшевистского подполья в 1918 г.¹⁸ За это полагался расстрел. Гражданская война еще продолжалась, а на скамье подсудимых находился умный, мужественный и авторитетный политик, ни в чем не кающийся и все еще способный к борьбе против власти Советов. В политических кругах большевиков возобладали соображения революционной целесообразности. 30 мая 1920 г. А.А. Червен-Водали был приговорен к расстрелу. Продолжая бороться за жизнь, он подал прошение о помиловании. 10 июня ВЦИК отклонил прошение, и в ночь на 23 июня приговор был приведен в исполнение. Перед расстрелом Александр Александрович попросил передать жене золотые часы, обручальное кольцо и крест, а также прощальное письмо, в котором он, в частности, писал: «Через несколько мгновений нас расстреляют, умираю за родину, которую горячо любил, и к этому призываю тебя»¹⁹. Мотивы борьбы Червен-Водали поняли и признали благородными даже враги. Его последнюю волю они выполнили.

Бессарабский дворянин Александр Александрович Червен-Водали был горячим патриотом России и совершенно нетипичным либералом – деятельным и мужественным. Его позиция в годы гражданской войны определялась патриотическими, а не социально-классовыми интересами.

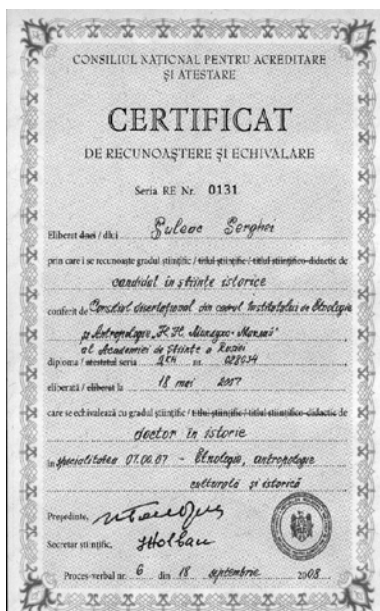
ЛИТЕРАТУРА

1. *Лифшиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. Барнаул, 1979. С. 85.
2. См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 327.
3. Алфавитный список дворянских родов Бессарабской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу (1821-1916).
4. *Тихомиров П.К.* «Историческая записка 100-летия гимназии». 1905.
5. Адрес-календарь Тверской губернии на 1903 год. Тверь, 1903. С.37.
6. Там же. С.52, 55, 57.
7. Государственный архив Тверской области (далее - ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 1184. Л. 34; Д. 1519. Л. 25.
8. Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 22. Л. 153.

9. Там же. Д. 62. Л. 59. *Червякова М.М.* Судьба семьи Червен-Водали. // Женщины. История. Общество. / Тв.ГУ. Тверь, 1999. С. 118.
10. *Червякова М.М.* Указ. соч. С. 118.
11. ГАТО. Ф. Р-292. Оп. 1. Д. 33. Л. 46; Д. 1. ЛЛ. 6,7, 49, 63, 248.
12. Красная книга ВЧК. Том 2. Изд. второе. М., 1990. С. 30, 39.
13. *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 283.
14. *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., Мысль, 1983. С. 251.
15. Там же. Указ. соч.. С. 254.
16. Там же. С. 253.
17. *Шинкарев Л.* Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Иркутск, 1974. С. 24.
18. Красная книга ВЧК. Т.2. С. 29-31, 134, 141-145, 305, 309, 312.
19. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 98.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

18 сентября 2008 г. на заседании Комиссии по аттестации научных и научно-педагогических кадров Национального Совета по аккредитации и аттестации Республики Молдова (протокол № 6) было принято решение нострифицировать диплом кандидата исторических наук Суляка Сергея (№ 028034, серия ДКН, выдан Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации 18 мая 2007 г. по специальности 07.00.07. Этнология, антропология, культура и история). Научная степень защищена в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по теме: «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории». Это первая диссертация в мире, защищенная по истории русинов.

Петр ГОЛОЧКО

Отзыв на рукопись Александра Каревина «Украинский язык. История становления и развития»

Знакомство с рукописью книги убеждает, что перед нами не банальная апологетика русского языка, оказавшегося гонимым в независимой Украине, а серьезное научное исследование истории языкового развития в Украине XIX-XX вв. Работа наполнена историографическими сюжетами, из которых очевидно, что для подавляющего большинства украинских интеллектуалов, даже и тех, которых волновала украинская идея, русский язык был не только языком великороссов, но и малороссов тоже. Многие выдающиеся украинцы - от Дмитрия Ростовского, Мелетия Смотрицкого, Феофана Прокоповича и до Евгения Гребинки, Николая Гоголя, Владимира Короленко - являлись полноправными творцами русского языка. Он был для них родным.

Таким его считали и простые украинцы, что засвидетельствовали в своих трудах Н.И. Костомаров, М.А. Максимович, М.П. Драгоманов, П.А. Кулиш, Н.П. Дашкевич и другие деятели украинского возрождения. Профессор кафедры малорусской литературы Львовского университета Я.Ф. Головацкий отмечал, что среди русинов Галичины бытует убеждение о южнорусском происхождении русского литературного языка, который был только усовершенствован великорусами. Русский философ Н. Трубецкой говорил, что та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, что русская культура в XVIII-XIX вв. - это русская культура в ее малороссийской редакции. Петр I особенное внимание уделил Киево-Могилянской коллегии, которую в 1701 г. возвел в степень академии, а многих ее преподавателей и выпускников назначил на высокие посты в государстве.

Грамматика, орфография, первые словари созданы в Малой Руси. Русская грамматика была систематизирована в Киево-Могилянской академии, первый учебник церковнославянского языка написал киевлянин Феофан Прокопович. В 1619 г. вышла грамматика, написанная малороссом Мелетием Смотрицким, по которой свыше полутора столетий учились малороссийские и великороссийские школьники, в том числе Г. Сковорода и М. Ломоносов.

Наряду с развитием общерусского литературного языка с конца XVIII - начала XIX в., как показывает А. Каревин, статус литературного постепенно обретает и украинский. В большей степени этому содействовали австро-венгерские и польские власти, опасавшиеся потерять эти восточнославянские территории, если их население и дальше будет сознавать свое нераздельное единство с русскими.

Чтобы выяснить, насколько безосновательными являются попытки предоставить русский язык на Украине иностранным, а украинский язык - одним из древнейших, если не самым древним языком в мире, надо обратиться к истории, в особенности к тем ее страницам, которые были скрыты в советский период, и о которых предпочитают не вспоминать современные украинские идеологи, выполняющие задачу нагнетания антирусских настроений в украинском обществе с целью максимально обособить Украину от России и не допустить их возможного сближения в будущем. В прошлом феодальная раздробленность, нашествие монголо-татар, захват западных и юго-западных русских земель Польшей и Литвой привело к разобщению Руси, что и способствовало развитию и углублению диалектных различий в русском языке. Если на воссоединенных русских землях усилиями всех ветвей русского народа началось формирование общерусского литературного языка, то на русских землях, оставшихся в составе Польши, западнорусский язык в официальном употреблении и делопроизводстве вытеснялся польским языком.

В XIX в. на территории Малороссии происходит конфликт украинского проекта национального строительства (сформированного поляками, австрийцами, Ватиканом и горсткой местной полонофильской интеллигенции) с проектом формирования большой русской нации, который преследовал цель объединения велико-, мало- и белорусов аналогично проводимой объединительной политике французских, итальянских, немецких, британских и испанских властей, направленной на политическую и культурную консолидацию своих государств. Процессы, происходившие во Франции, Британии, Германии, Испании, Италии, Австро-Венгрии, прямо или косвенно оказывали влияние и на процессы в самой России, особенно на взаимоотношения западных окраин с центром. Непростые складывались отношения и между самими государствами, которые старались не допустить укрепления соседей и таким образом избежать политической и военной конкуренции. Не входило в планы этих государств и становление сильной России.

Ведущие государства Европы в культурном, этническом и особенно языковом вопросе оставались очень неоднородными на протяжении всего XIX в. В случае Германии и Италии проблема предельно ясна – мелкие разрозненные владения были объединены в централизованные

государства. И процесс этот был вовсе небезальтернативным. При их объединении были преодолены существенные культурные, исторические и языковые различия.

В работе «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)» А. Миллер приводит следующий факт: Франция (которую нам часто ставят в пример) в языковом отношении в течение XIX в. была очень неоднородной. В статистическом обзоре французского Министерства просвещения (1863) отмечалось, что примерно четверть населения континентальной Франции не владела французским языком и примерно для половины французских школьников родным он не был. Французское правительство активно использовало административную систему, школу, армию и церковь в качестве культурной и языковой ассимиляции. Широко применялись и административные запреты, и практика жесткого психологического давления. Закон, разрешивший факультативное преподавание в школах местных языков, был принят лишь в 1951 г.

Также и английская политика в отношении Ирландии и Шотландии была репрессивной, что подтверждается специальными правительственными актами. В Российской же империи подобных гонений на украинский язык и литературу не было. Даже известные указы - Валуевский и Эмский - были направлены не против украинской литературы, а только против политической публицистики. И после их выхода произведения украинских писателей - Т. Шевченко, Марко Волчка, П. Мирного, И. Нечуя-Левицкого, И. Франко, Ю. Федьковича и многих других - печатались и распространялись не только в Украине, но и во всей России.

Была борьба, причем преимущественно в среде украинских интеллектуалов, против стремления части украинофилов создавать искусственный украинский язык, наполненный (с целью как можно большего отдаления его от русского языка) большим числом полонизмов и германизмов. Автор приводит высказывание поэта Я.М. Щеголева, который хвастался тем, что «двинул язык (*украинский - П.Т.*) вперед и русским он уже непонятен».

К сожалению, подобные процессы происходят и сегодня. Вслушайтесь в язык нашего телевидения, вчитайтесь в язык периодической прессы - и вы увидите, что от киево-полтавского диалекта, на котором собственно и вырос украинский литературный язык, уже почти ничего не осталось. Исконно украинские, идущие еще с древнерусских времен и общие с русскими слова заменяются галицкими диалектными, пришедшими из польского и немецкого языков. На максимальное удаление украинского языка от русского направлена и кампания по изменению украинского правописания. Де-юре оно еще не признано, но де-

факто полным ходом внедряется в издательской и разговорной практике.

По существу, как в прошлом, так и теперь, русский и украинский языки в Украине оказались заложниками политических амбиций национал-радикальной части украинской элиты. Эти тенденции сегодня имеют питательную среду за пределами Украины. Разумеется, за западными, где обитает многомиллионная украинская диаспора, пытающаяся адаптировать украинский литературный язык к галицкому наречию конца XIX - начала XX в.

Особое место А. Каревин уделяет в книге проблеме так называемой украинизации в Украинской Народной Республике, а также в Украинской ССР. В обоих случаях она была результатом административных мер, а не естественным откликом на волеизъявление народа Украины, который оставался индифферентным к языковым страстям правящей элиты. За это он (народ) удостоился от национал-патриотов эпитетов «несознательного» и «аморфной этнографической массы». Не правда ли, нечто схожее мы слышим и от нынешних национал - радикалов, навесивших ярлык национально несознательных на население всего юго-востока Украины?

Коммунистический режим, который не поносится сегодня только ленивым, превратил украинизацию в неотъемлемую часть социалистического строительства. Ее успехи признавались даже такими противниками Советов, как И.И. Огиенко, писавшем в 1939 г., что в последнее десятилетие украинский язык чрезвычайно вырос в своем словаре и что много современных писателей, в основном в Великой Украине, пишут богатым языком.

Интересной представляется глава, посвященная языковым отношениям в Галичине. Автор убедительно развенчивает легенду, поддерживаемую в наше время национал-патриотической интеллигенцией, о либеральности австро-венгерского режима, который, в отличие от российского, не посягал на национально - культурную автономию. В действительности, ситуация не выглядела такой благостной. Преподавание на русском языке в школах было запрещено. Самостоятельное изучение русского языка и литературы не только не поощрялось, но и преследовалось. Так называемые москвофилы обвинялись в государственной неблагонадежности.

В отличие от «русофилов», статус наибольшего благопритствования австро-венгерские власти предоставляли «украинофилам». Всеобъемлющих успехов такая политика однако не имела, поскольку не встречала массовой поддержки в народе. А. Каревин приводит документальные свидетельства того, как гонения на русский язык вызвали ответные консолидационные процессы в защиту Руси. Они про-

должались и позже, когда Австро-Венгерская монархия прекратила свое существование, а Галичина оказалась над властью Польши.

Фактически аналогичными были языковые проблемы на Буковине и в Закарпатье. Спускавшаяся сверху украинизация там встречала сопротивление не только мыслящих интеллектуалов, но и населения, которое считало себя одним народом с русскими.

В целом книга А. Каревина производит впечатление фундаментального исследования. Ее особенностью является то, что она наполнена огромным количеством документальных свидетельств, указывающих (даже без авторских примечаний) на сложность и неоднозначность культурно-исторических процессов в сфере языковых отношений в Украине XIX-XX вв. В этом ее главное достоинство. Можно не соглашаться с автором, но нельзя не задуматься над тем, сколь многими выдающимися украинцами такие взгляды разделялись в прошлом и разделяются сегодня. Для меня это является свидетельством жизненности исторической памяти, не позволяющей предать забвению наше общерусское родовое прошлое. Или, еще хуже, отречься от этого наследия.

Рекомендуя книгу к печати, хотелось бы пожелать автору уйти от героического и печального образа донкихотствующего одиночки. До него схожие идеи и мысли высказывались и другими его современниками, и было бы желательно, чтобы они нашли отражение в книге.

Источник: <http://www.edrus.org/content/view/9537/47>

Петр ТОЛОЧКО родился в 1938 г. в селе Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Закончил историко-философский факультет КГУ им. Т. Г. Шевченко, аспирантуру Института археологии АН УССР.

Директор Института археологии НАН Украины, главный редактор научного журнала «Археология», автор более 400 научных и около 100 научно-популярных работ, председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры,

член Академии Европы, член-корреспондент Немецкого археологического института, почетный профессор Российской Академии наук, член Международной унии славянской археологии, награжден орденами «Знак почета» (1982), Князя Ярослава Мудрого V (1998) и IV степеней (2003), дважды лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники (1983 и 2002), лауреат премий Грушевского и Костомарова.

6 октября исполнилось 125 лет со дня рождения Алексея Юлиановича Геровского (1883, Львов -1972, Нью-Йорк), видного общественного деятеля Галицкой и Буковинской Руси. Он окончил Черновицкий университет. Активно участвовал в общественной жизни Буковины. Издавал в Черновцах газету "Русская правда". Ниже дается перевод с французского обращения д-ра Геровского ко всем членам Лиги Наций, которое было напечатано в количестве 1500 экземпляров и разослано всем членам делегации и всем журналистам, съехавшимся в Женеву по случаю годовичного общего собрания Лиги.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЛИГИ НАЦИЙ

Мы уже десять лет стараемся, чтобы Лига Наций помогла нам в том, чтобы договор, гарантирующий Карпатской Руси "самую широкую автономию", был исполнен.

Наши старания не привели ни к чему потому, что Совет Лиги Наций довольствуется ответами г. Бенеша, которые являются издевательством над правдой, но против которых мы ничего сделать не можем, потому что они считаются секретными, как и вся процедура в меньшинственных вопросах. А пока "автономная" Карпатская Русь отдана на милость и немилость чехам, которые обращаются с нею, как с заморской колонией, чехизируют и грабят ее.

Несколько членов общего собрания Лиги Наций, с которыми я разговаривал на днях, подтвердили мне то, что я уже знал, а именно, что положение Карпатской Руси, требующей в Женеве своей автономии, чрезвычайно неблагоприятно в виду того, что представителю Чехословакии, г. Бенешу, удалось создать себе в Женеве совершенно исключительную репутацию, во много раз превосходящую значение маленького государства, которое он представляет. Г. Бенеша считают большим либералом, справедливым, демократом и – честным человеком. Правительство, которое он представляет, пользуется такой же репутацией. Итак, господин Бенеш, когда его спрашивают о Карпатской Руси, всегда ссылается на общеизвестный либерализм и демократизм чехословацкого правительства. Он объясняет, он обещает, и ему верят.

Мы знаем, откуда взялась эта знаменитая репутация Бенеша. Чешские газеты не раз указывали на то, что пропагандный отдел Министерства иностранных дел расходует слишком много денег на личную рекламу своего шефа. Об этом говорили также и в пражском парламенте. Вследствие этой рекламы, хорошо организованной и хорошо оплачиваемой, продолжающейся уже 10 лет, одни хвалят г. Бенеша на всех языках земного шара, потому что им за это платят, а другие, публицисты и государственные деятели, всему этому верят потому, что они это слышат ежедневно со всех сторон.

Вдобавок Бенешу помогают несколько государств, членов Лиги Наций, считающих, что автономия Карпатской Руси не в их интересах. Эти интересы для них более важны, чем все прекрасные фразы о "святости договоров".

Вот почему официальный орган Министерства иностранных дел одной великой державы, протектора Чехословакии, постоянно называет г. Бенеша "великим чехословацким министром", и вот почему недавно вышедшая книга о

Лиге Наций, имеющая большой успех, осмеивает всех "примадонн" Лиги Наций и хвалит только Бенеша как "единственного человека с европейской душой" и называет его "самым видным, самым чистым и самым блестящим солнцем".

Я нашел только одного единственного делегата, знающего, что г. Бенеш не пользуется уважением в своем собственном государстве, но даже и этот единственный делегат не знал точно причин, по которым Бенеш потерял уважение своих сограждан, почему он должен был отказаться от своей мечты сделаться президентом Чехословацкой Республики и почему он теперь готов принять пост Генерального секретаря Лиги Наций.

Поэтому, дабы помочь делу Карпатской Руси, абсолютно необходимо разоблачить Бенеша и правительство, которое он представляет, и доказать, что мораль пражского правительства такова, что его патентованному либерализму и справедливости нельзя верить, и что необходимо проверять со всей строгостью все, что оно говорит и обещает.

Мы начинаем с Бенеша, главного врага нашей автономии. Вот несколько фактов.

Некоторые пражские газеты обвинили г. Бенеша, приводя факты о том, что его весьма значительное богатство нечестного происхождения, что оно является результатом жульнических проделок и растрат, совершенных в ущерб чехословацкому государству. Бенеш никого не привлек к судебной ответственности, он предпочел уладить все за кулисами и остался министром и продолжает представлять чехословацкое государство в Лиге Наций.

Детали этой аферы сводятся вкратце к следующему:

В начале месяца сентября 1926 года в Праге началась в местной печати кампания против Бенеша. Эта кампания велась главным образом газетой "Лех". Несколько ежедневных газет, как в Праге, так и в провинции, ее поддерживали, и вся чехословацкая печать писала о ней, так как это был самый большой скандал со времен войны.

Обвинения, направленные против Бенеша, были следующие: Бенеш не имел ни гроша перед тем, как он сделался министром. Его министерское жалование не было велико, около 1800 франков в месяц. Невзирая на это, он успел купить в Праге дворец за шесть миллионов чешских крон и израсходовать несколько миллионов на его мебелировку. Однажды он купил в одном пражском магазине на полмиллиона ковров. Для того, чтобы дорожки в парке его дворца были чисто белые, Бенеш заказал себе из Италии несколько вагонов толченого каррарского мрамора. Он устраивал очень часто банкеты, стоящие от сорока до шестидесяти тысяч крон каждый, что превышало в несколько раз его месячное жалование. Лично для себя он выписал из Вены личного лакея покойного императора Франца Иосифа...

Сообщая эти факты, газеты требовали от Бенеша объяснения о происхождении его богатства. Но Бенеш удрал во Францию и молчал. Проходили недели, и в Праге все считали, что он больше не вернется в Чехословакию. Газеты требовали, чтобы он дал ответ или же привлек их к суду за клевету. Наконец, после долгих недель, он ответил письмом из Ниццы, которое было опубликовано в его органе "Ческе Слово": "Мне противно, – писал он – отвечать людям, кото-

рые заглядывают мне в карман, но мои друзья настаивают на том, чтобы я ответил. Вы хотите знать, откуда у меня деньги? Президент Масарик подарил мне два миллиона"...

Этот ответ произвел большую сенсацию, так как все знали, что судьба президента Масарика тесно связана с судьбой Бенеша.

Газеты ответили Бенешу: "Плательщики налогов имеют право знать, куда идут деньги, которые они дают государству. Очень странно, что Масарик подарил вам два миллиона. Он вам не отец и не родственник. Даже если бы это и была правда, это не объяснило бы ничего. Вы имеете в одном только пражском Живностенском банке почти два миллиона крон на вашем текущем счету, и у вас есть деньги еще и в других банках. Количество этих денег значительно превышает мнимый подарок Масарика. Но откуда у вас взялись миллионы на покупку дворца, мебели, ковров, каррарского мрамора, для банкетов и т. д.?"

Бенеш больше не отвечал. Он оставался в Ницце и молчал. В Праге все ожидали, что он откажется от своего министерского поста. Проходили месяцы, газеты и, в особенности, редактор "Леха", д-р Карлик, не переставали требовать, чтобы эта афера была расследована судом. Они требовали, чтобы Бенеш дал им возможность предъявить все доказательства на суде. Но Бенеш молчал, также как и государственный прокурор.

Газеты продолжали кампанию. Они говорили Бенешу: "Так как вы не хотите объяснить нам происхождение ваших миллионов, нам приходится сделать это самим. Вы распоряжаетесь без контроля секретными фондами Министерства иностранных дел в несколько десятков миллионов ежегодно. Это заставляет нас предполагать, что эти фонды – один из источников вашего богатства. Другой источник – это афера с сахаром, причинившая государству убыток в двести миллионов". Газеты сообщили детали этой аферы.

Кампания продолжалась несколько месяцев, и в течение всего этого времени Бенеш оставался за границей. В конце концов его друзья уладили все по-приятельски за кулисами, и Бенеш остается министром до сих пор.

Эта афера бросает странный свет не только на личность г. Бенеша, но также и на все чехословацкое правительство.

Ни в одной другой стране министр, обвиняемый публично в печати таким образом, не мог бы оставаться министром без того, чтобы не очиститься от таких обвинений на суде. Но в Чехословакии г. Бенеш остается министром и представляет это государство в Лиге Наций. Он постарался только о том, чтобы о его аферах ничего не проникло в иностранную печать. И это ему удалось потому, что его отдел пропаганды работает хорошо.

Господин Бенеш, может быть, не доверяет чехословацким судам. Я даю ему возможность очиститься перед швейцарским судом. Я обязываюсь предстать перед компетентным судом в городе Берне.

Если господин Бенеш не воспользуется этим предложением, каждый вправе вывести из этого свои заключения.

Берн, 20 сентября 1929.

Д-р Алексей Геровский,

председатель Центрального исполнительного комитета
русских православных общин Карпатской Руси

Источник: <http://www.edrus.org/content/view/223/57/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА Наталья (Молдавия). Родилась в 1955 г. Закончила исторический факультет Кишиневского государственного университета (1978), аспирантуру Института истории Академии наук МССР. Доктор истории. Старший научный сотрудник сектора этнологии русских Института культурного наследия АНМ. Автор монографии «Русское население городов Бессарабии XIX в.», научных публикаций по истории и культуре русского населения Молдавии.

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромчевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинско-украинсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

АНДОН Виктор (Молдавия). Родился в 1929 г. Киновед, сценарист. Окончил с отличием ВГИК (1964). В кинематографии с мая 1953 г. Работал директором кинотеатров, редактором, старшим научным сотрудником Академии наук Молдовы, преподавателем. Член Союза кинематографистов СССР (1970), доктор искусствоведения (1985), профессор (1999). Награжден орденом «Gloria Muncii» (2004). Автор сценариев кино- и телефильмов, книг и многочисленных статей о молдавском кино.

АНИКИН Владимир (Молдавия). Родился в 1939 г. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1969). В 1973 г. стал кандидатом, в 2003 г. - доктором habilitation политологии. В настоящее время - ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы, доцент. Автор четырех монографий, в том числе «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние и перспектива (политологический аспект)» (Кишинев, 2002), более 100 научных статей, свыше 200 публицистических материалов. Специалист в вопросах истории Бессарабии (XIX в.), международных отношений, развития гражданского общества в Республике Молдова.

БОРОДИНА Юлия (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

ВОЛОШИНА Рита (Молдавия). Родилась в 1965 г. Сотрудник Национального Архива РМ, член Общества генеалогии, геральдики и архивоведения «Пауль Горе», имеет более 20 научных и научно-публицистических статей в области генеалогии и архивистики.

ГАРУСОВА Ольга (Молдавия). Родилась в 1954 г. Закончила Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, театроведческое отделение. Научный сотрудник сектора этнологии русских Института культурного наследия АНМ. Специализируется в области истории культуры Бессарабии XIX – начала XX в. Опубликовала более 100 научных и научно-популярных статей в научных изданиях и периодической печати.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипло-

матом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ГУБОГЛО Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003), руководитель Центра по изучению межэтнических отношений. Автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ДАНИЛЕЦ Юрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1981 г. В 2003 г. закончил исторический факультет Ужгородского национального университета (УжНУ). С 2003 по 2005 г. работал преподавателем истории в с. Кошелево-Руна Хустского района. В 2003 г. – ассистент кафедры гуманитарных дисциплин университета «Украина» (Хустский филиал). С 2005 г. – преподаватель кафедры истории Украины УжНУ. Автор более 90 научных, научно-публицистических и краеведческих публикаций, в том числе 3 монографий: «Православні монастирі Хустського району (XX століття)» (Ужгород, 2004, 2005), «Православний монастир Різдва Богородиці у селі Липча» (Ужгород, 2005), «Православний монастир Успіння Божої Матері в селі Домбоки» (Ужгород, 2006). Участник региональных и международных научных конференций. Заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин».

ДРАГАН Наталия (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русинист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII, VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ЖАКОТА Анжела (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

ИЖБОЛДИНА Ирина (Молдавия). Родилась в 1968 г. Закончила филологический факультет Кишиневского государственного университета. Научный сотрудник сектора этнологии русских Института культурного наследия АН РМ. Специализируется в области русской литературы Бессарабии.

КАМБУР Дмитрий (Молдавия). Родился в 1990 г. Студент II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

КИШКА Людмила (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

КУРОПАТКИНА Татьяна (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

МАРИАН Борис (Молдавия). Родился в 1936 г. Известный молдавский публицист, поэт и переводчик, автор нескольких стихотворных сборников, книг, в т.ч. и для детей, более тысячи статей на молдавском и русском языках. В 1953 г. поступил в Киевский госуниверситет на факультет журналистики. В 1957 г. был арестован и приговорен к пяти годам лагерей за так называемую "антисоветскую агитацию и пропаганду". Реабилитирован четверть века спустя. Закончил заочно Литературный институт им. Горького в Москве (1968). Работал в еженедельнике "Культура", восемь лет возглавлял правительственную газету "Независимая Молдова" (с 1993), два года был директором Государственного агентства "Moldpres". В настоящее время возглавляет журнал "Молдова". Член Президентского Совета по культуре. Награжден орденами "Республики", "Gloria Muncii", медалью "Революция 1956-го года" (Венгрия). Лауреат премии СЖ Молдовы (1977, 1991).

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т.ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПОЖАР Сергей (Молдавия). Родился в 1961 г. Выпускник музыкального училища им. Шт. Няги, Молдавской государственной консерватории им. Г. Музическу, Университета марксизма-ленинизма (факультет этики и эстетики). Музыковед, журналист, композитор, лектор. Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин и фортепиано Школы искусств им. В.Полякова. Автор монографической серии «Гордость музыкальной Молдовы», нотных альбомов, книги «История музыкального Кишинева» (2006). Опубликовал свыше 1500 газетных и 150 журнальных материалов, научных и энциклопедических статей. Член Союза композиторов и музыковедов, Союза музыкальных деятелей, Союза журналистов Молдовы.

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности «Чешский язык и литература». Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачєво», монографии «Замки Подкарпатської Руси» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Руси» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПШЕНИШНЮК Наталия (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Граматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

РУМЯНЦЕВ Евгений (Молдавия). Родился в 1937 г. Выпускник Горьковского государственного университета. Филолог. Состоял членом Союза журналистов СССР и МССР. Координатор Независимой службы гуманитарных исследований. Занимается историей Бессарабии, специализируется на теме «Бессарабские персоналии XIX – нач. XX в.».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор хабилитат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета «Высшая антропологическая школа» (Молдавия). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского Кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнська родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель ассоциации «Соїм Подкарпатських русинів». Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Руской фондациј», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СТАТИ Василий (Молдавия). Родился в 1939 г. Выпускник молдавского отделения историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета (1961), кандидат филологических наук (1972), доктор хабилитат исторических наук (1992). Автор более 15 сборников и монографий, более 200 статей по языковым, этноязыковым, историческим и этнологическим вопросам.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. Доктор истории. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент Общественной организации «Русь» (с 2007 г. - ассоциация). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая РАН (февраль 2007 г.). Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных работ по истории и культуре русинов. Главный редактор международного исторического журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 г. и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ТИТОВА Екатерина (Молдавия). Родилась в 1990 г. Студентка II курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

ТОКАРЕВ Сергей (Молдавия). Родился в 1989 г. Студент III курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ), специальность «История».

ФЕДОРЕНКО Виктория (Молдавия). Родилась в 1955 г. Закончила театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора театроведения Института культурного наследия АНМ. Автор монографии «Национальная историческая драматургия XIX века» (на рум. яз.) и ряда научных статей по истории и теории театра, по драматургии И. Друцэ.

Прот. Николай ФЛОРИНСКИЙ (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию, в 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ХИТЧИНС Кит (США). Родился в 1931 г. Закончил Гарвардский университет (1964). Профессор истории Иллинойского университета с 1969 г. Автор большого числа книг и статей по проблемам истории Румынии и Восточной Европы в целом. Почетный член Румынской Академии (1991 г.). Doctor Honoris Causa пяти румынских университетов (Клуж, Сибиу, Алба-Юлия, Тыргу-Муреш, Тимишоара). Лауреат премии имени Николае Йорги Румынской Академии наук за книгу «The Idea of Nation» (1985 г.).

ЦАРАН Татьяна (Молдавия). Родилась в 1973 г. По окончании исторического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко (1995 г.) работала учителем истории в средней школе села Мокра Рыбницкого района. С 1997 г. – преподаватель Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ПГУ). Автор ряда научных публикаций по истории православной церкви.

ЦАРАНОВ Владимир (Молдавия). Родился в 1932 г. Член-корреспондент АН Молдовы, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 работ, более 200 монографий, в т.ч. «По пути индустриализации», «Операция Юг (о судьбе зажиточного крестьянства Молдавии)», «Очерки социально-экономического развития Молдовы (1940-1960 гг.) и др. Участвовал в организации, написании и редактировании обобщающих трудов: «История Молдавии с древнейших времен до наших дней», «История народного хозяйства МССР. 1917-1959», многотомной истории СССР и др. В 1977-1991 г. возглавлял Институт истории АНМ, в настоящее время руководит Ассоциацией ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару.

ЧЕРВЕНКОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Выпускник Одесского университета. В 1972-2004 гг. – сотрудник Академии наук Молдавии. Доктор-хабилитат исторических наук (2003), ректор Тараклийского государственного университета (2004), председатель Научного общества болгаристов РМ. Автор более 100 научных работ, в том числе 8 монографий: «Политические организации болгарского национально-освободительного движения. Вторая половина 50-х гг. XIX в.» (Кишинев, 1982), «Болгары Молдовы: прошлое и настоящее» (София, 1994), «Васил Левский» (Кишинев, 1999).

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в конце XIX - начале XX в. После окончания университета 30 лет работает учителем, из них 18 лет - в психиатрическом отделении больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собирает материалы по русинистике. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, завотделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШЕХАНИН Евгений. Родился в 1988 г. Студент IV курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета (ИПУ), специальность «История». Автор 3 научных публикаций.

ШИШКАН Константин (Молдавия). Родился в 1933 г. Старший научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы, доктор искусствоведения, литературовед, культуролог, поэт, прозаик, кинодраматург; автор тридцати книг – монографий, сборников стихов, новелл, повестей, романов; сценариев первых молдавских фильмов для детей («Спасенное имя», «Никушор из племени ТВ»), музыкальной киноленты для молодежи («Как стать знаменитым»). Общий тираж книг превысил миллион экземпляров. Член Союза писателей и Союза журналистов Молдовы.

ШОРНИКОВ Игорь (Молдавия). Родился в 1978 г. Окончил исторический факультет Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко (2002). Преподаватель Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета. Автор ряда научных публикаций по истории Бессарабии начала XX в.

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 160 научных работ, посвященных истории Молдавии периода Второй мировой войны, а также молдавской этнокультурной идентичности, в том числе четырех монографий. Заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2008, № 1-2 (11-12)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2008. - 272 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 10.10.2008. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 400 экз.
Заказ 306.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

ЖУРАВЛИ

Петр Лещенко

Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей, улетающих вдаль,
Сердце бьется в груди, вижу птиц караваны,
В дорогие края провожаю их я.

Вот все ближе они, и все громче рыданье,
Будто скорбную весть они мне принесли.
Так откуда же вы, из какого вы края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?

Солнце ярко сияет над моей головою,
Но не радует глаз вид цветущей земли.
Ох, как горек бывает сладкий хлеб всех изгоев,
Перестаньте рыдать надо мной, журавли.

Пронесутся они мимо старых селений,
Мимо древних церквей и больших городов.
Вот домой прилетят с первым ветром весенним,
В дорогу страну - это край моих снов.

Я ведь помню его, и там солнце сияет,
Колосятся хлеба, зеленеют поля.
Хоть не весело там, там меня понимают,
То любимый мой край, то Россия моя.

Ну а если вернусь, поднимусь на рассвете
И пройдуся, наконец, по земле по своей.
Пожалей же несчастных заблудившихся где-то
На богатой чужбине своих сыновей.

По преданию, Петр Лещенко сочинил эту песню, сидя в румынской тюрьме. Текст песни был предоставлен редакции газеты “Кишиневский обозреватель” читателем А. Филяевым (г. Криуляны, Молдавия) в 1999 г. Он его получил от своего отца, который встретил в 1954 г. человека, утверждавшего, что он был в заключении вместе с Лещенко и вез с собой около 20 последних песен певца.

Ðóñü